

СБОРНИК КИФ-5
«Благотворительный»
ТОМ 3
«ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ»

УДК 82-32
ББК 84(2=411.2)6-4

СБОРНИК КИФ-5 «Благотворительный».
Том 3, «Для взрослых». – Новокузнецк: Союз писателей, 2022.
– 404 с.

В этом томе мы собрали рассказы для взрослых людей. Но мы хотим предупредить: здесь нет откровенных любовных сцен и всего такого прочего – того, что принято называть «рассказами для взрослых». Зато здесь есть истории, которые интересны взрослым, занятым людям – они ходят на работу, зарабатывают деньги для своей семьи и несут ответственность не только за себя но и за своих близких – людям со взрослыми заботами. Рассказы помогут биться сердцу бодрее.

УДК 82-32
ББК 84(2=411.2)6-4

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

КИФ-5 означает «пятый конкурс имморт-фантастики». Им-морт означает, что самое ценное — это жизнь.

Мы проводим конкурсы светлых и добрых рассказов. Тексты во всех наших конкурсах не должны эстетизировать смерть и насилие. Мы также против того, что сейчас помечают знаком «18+»: массовых кровавых убийств, лихих киллеров, порнографии, постапокалипсисов, абсурда, депрессии и всего такого прочего. То есть мы против обесмысливания и обесценивания жизни. Зато мы ратуем за человеческое достоинство, нравственность и долгую-долгую, желательно бесконечную и молодую, мирную, осмысленную жизнь. И мы полагаем, что весь свой разум, все свои усилия, все свои ресурсы человечество должно направлять не на то, чтобы воевать между собой, а на то, чтобы жить всем вместе — бороться надо с внешними обстоятельствами.

Вообще говоря, наши сборники бесплатны — их несложно найти в интернете. Но сейчас перед вами особенный сборник рассказов — благотворительный. Это значит, что мы направляем вырученные средства в благотворительный фонд, помогающий детям — фонд Хабенского.

Для этого сборника нам прислали столько рассказов, что сборник получился из четырех томов.

Том 1 — «Детский».

В этом томе рассказы для детей — для тех, кто еще не умеет читать или только научился. Рассказы детям обычно читают мамы и бабушки. Но можно попросить и папу, и даже дедушку — когда они не очень заняты.

Том 2 – «Юношеский».

В этом томе рассказы для молодых людей – для старшеклассников и студентов, для людей, которые еще не отведали взрослых забот, но которые уже кое-что понимают в этом.

Том 3 – «Для взрослых».

В этом томе мы собрали рассказы для взрослых людей. Но мы хотим предупредить: здесь нет откровенных любовных сцен и всего такого прочего – того, что принято называть «рассказами для взрослых». Зато здесь есть истории, которые интересны взрослым, занятым людям – они ходят на работу, зарабатывают деньги для своей семьи и несут ответственность не только за себя но и за своих близких – людям со взрослыми заботами. Рассказы помогут биться сердцу бодрее.

Том 4 – «Для мудрых» (в двух частях).

В этом томе рассказы для тех, кто уже никуда не торопится, для людей с богатым жизненным опытом. Ритм рассказов здесь плавный, а темы достойны того, чтобы обдумать их спокойно и с разных сторон. Кроме всего прочего книга нормализует артериальное давление и сахар в крови, если ее читать вместо просмотра телевизора.

Из-за того, что четвертый том оказался в двух частях, сборник КИФ-5 состоит из пяти книг.

Приятного чтения.

КИФ. Март, 2022.

РАССКАЗЫ

Александр Никишин

«ВЕЧНО ВОСЕМЬ»

— Мы везунчики! Ты представляешь, какие мы везунчики! — говорил в возбуждении Артём, расхаживая по комнате. Марина молча наблюдала за ним, лёжа поперёк кровати, болтая голыми ногами в воздухе.

Солнце прошло зенит, полуденный зной стал сменяться предвечерним, мягким теплом, и теперь можно было сходить на пляж искупаться в солёных волнах без риска безжалостно обгореть. Первая декада июня на Эгейском побережье радовала стабильной, предсказуемой погодой и буйным цветением трав, кустарников и деревьев. Цвели гранаты, олеандры, рододендроны и много ещё чего из местной флоры, чему у жителя средней полосы на отдыхе не было названия.

Марина по опыту знала, что «пружинного» завода у её кавалера надолго не хватит. Ему нужно просто выговориться и спустить пар (безобидные, по сути, занятия) хоть перед какой-нибудь аудиторией (в данном случае перед своей девушкой), и тогда его можно было брать за ручку и вести, куда ей надо.

Артёму было тридцать два, ей двадцать три. Он, как главный герой книги Ремарка «Три товарища», не имел опыта общения с женщинами, Марина уже успела сходить замуж и за короткое проведённое там время научилась отличать мужчин стоящих от никчемушников и деструкторов. Артём относился к стоящим. Именно к тому типу мужчины, которого можно было полюбить любовью беспроblemной и безоблачной, а не той сумасшедшей любовью, которая всего лишь полгода спустя после замужества мутирует в неистовую ненависть. С

Артёмом, подле него, было спокойно. Не тот настоящий мужчина, кто доминирует, но тот, кто контролирует обстановку вокруг себя. Артёму, в его тридцать два, это удавалось вполне. Стабильная и престижная работа — следствие полученного образования, вкупе с образом жизни — следствием хорошего воспитания, а также врождённых и приобретённых доброкачественных свойств характера, создали вокруг него ту атмосферу комфорта и стабильности, которую так ценят познавшие что почём в жизни женщины.

Марина продолжала молча смотреть и слушать. Артём продолжал метаться по комнате и, принимая различные ораторские позы, продолжал говорить так, словно находился перед целым амфитеатром слушателей.

— Случился конец света! Понимаешь?! Дважды!.. И не у нас!.. Всё человечество было его свидетелями. Мы видели, как кончился один мир и как рухнул другой, нас же эти катаклизмы не затронули совершенно... С физической точки зрения...

— Восьмёркин, — вклинилась наконец Марина нарочито жалобным голосом в словоизлияния Артёма — ты хотел бы, чтобы это случилось у нас? Ну, не случилось, и хорошо. Пойдём лучше на пляж.

Фамилия Артёма как раз не была Восьмёркин. Просто его день рождения выпал на двадцать девятое февраля, и за свои тридцать два года дней рождений у него было только восемь. Последнее, восьмое, он отмечал вместе с Мариной, и заработал с её лёгкой руки это прозвище. Есть вероятность, что после следующего, он станет Девяткиным.

— Пляж — это хорошо! — согласился Артём. — Хорошо, что этого с нами не случилось... Но, тем не менее, что теперь делать с библейским Апокалипсисом? С Откровением нашего, так сказать, Иоанна Богослова? Изъять за ненадобностью или наоборот?..

– Наоборот-навыворот, – поднялась Марина с кровати. – Ты перегрелся от бурления мыслей, и тебе нужно бы остудиться. Особенно в этом нуждается твоя смышлёная головка, а то вот-вот вскипит как чайник на плите.

Она сбросила с себя сарафан, оказавшись в одном открытом купальнике, взяла со стола широкополую соломенную шляпу, сумку с пляжными аксессуарами и решительно направилась к выходу из номера, шлёпая вьетнамками.

– Пошли, – легонько ткнула она своим кулачком Артёма в грудь.

Тот, как всегда, загипнотизированный магией пластики движений точёного, молодого женского тела, молча пошёл следом.

На пляже из серого, мелкокристаллического песка ещё было малоллюдно. Обитатели северных широт ещё только начали перебазироваться из кондиционированных номеров на бережок. В тени одного из зонтов-грибов, сплетённого из сухих пальмовых листьев, лежал, прохладаясь, престарелый пляжный алабай Карабаш размером с хорошего телёнка, с жёлтой пластиковой биркой на ухе. Когда Марина и Артём проходили мимо, тот лишь едва приподнял громадную голову и томными глазами обозрел проходящую мимо парочку. Выражение его морды осталось неизменным, но, судя по движению обрубка хвоста, он признал хороших знакомцев.

– Вот посмотри на него, – кивнула в сторону пса Марина, – лежит себе в тенёчке и всё ему нипочём. Никакие апокалипсисы его не беспокоят, и от колбаски никогда не откажется, если угощают.

Артём только хмыкнул на эту реплику своей пассии. Они в своё время перетаскали на пляж алабаю горы колбасы с завтрака «всё включено». Местная варёная колбаса ни Марине, ни Артёму не пришлась по вкусу, но Карабаш трескал её с за-

видным аппетитом. Пляжные охранники не возражали против таких кормёжек, но дали понять: надо складывать колбасные полукругляшки на лежак или тарелку, чтобы пёс не наедлся налипавшего на них песка. Кормили с рук, что оказалось вполне безопасным, и даже забавным занятием...

Что касается апокалипсисов, которые не беспокоили собаку, но беспокоили Артёма, то заключались они в следующем.

Всего каких-то тройку месяцев назад, аккурат первого марта, которое следует как раз за датой дня рождения Артёма, то есть, за двадцать девятым февраля, этого високосного года в солнечной системе произошли некоторые пертурбации. Некое массивное тело, массой в четверть Юпитера, пронеслось сквозь систему на скорости в одну двадцатую световой, появившись словно ниоткуда, и унеслось неведомо куда. Словно перекатилось по пространству из одной чёрной дыры в другую, оставив в полном недоумении всё научное сообщество на планете Земля. Осознание последствий этого тура нежданного гостя по Солнечной системе повергли упомянутое научное сообщество в шок. Всё происходило за Солнцем, и только это защитило Землю от безобразий, которые натворил «гость». Оценка произошедшего показала, что голубой планете и человечеству на ней неслыханно повезло оказаться по ту сторону и на столь значительном расстоянии от развернувшихся событий.

События разворачивались так. Тело, пронёсшись мимо Венеры, сорвало с неё большую часть её знаменитой атмосферы с сернистыми облаками и протащило за собой, отчего орбита планеты сместилась на добрый десяток миллионов километров прочь от Солнца, а гравитационный импульс раскрутил её, заставив вращаться с периодом оборота вокруг оси семьдесят два земных часа против прежних двухсот сорока трёх дней. Правда, как и прежде, в обратную сторону.

Надругавшись, таким образом, над звездой утренней зари, «гость» устремился прямо по направлению к Марсу. Как результат приближения к ней объекта такой огромной массы орбита Красной планеты сместилась, в свою очередь, на двадцать миллионов километров ближе к Солнцу. Затем, попав в газовый шлейф, который тащило за собой пролетавшее мимо тело, Марс частично захватил его и обзавёлся атмосферной «шубой».

В итоге планеты и их спутники, а также более мелкие обитатели этого уголка галактики стали свидетелями давненько не виданных значительных и стремительных перемен.

На Венере установилось давление в полторы земные атмосферы с переменной облачностью и средней температурой в шестьдесят градусов по Цельсию.

Марс мог похвастаться атмосферным давлением в ноль седьмую от земного и средней температурой в четыре градуса по Цельсию. Его освежили, омыли, а потом и подтопили ливневые дожди, из-за которых вначале завязли в напитавшемся влагой грунте, а затем и вовсе затонули все марсоходы, находившиеся на поверхности планеты. Точно было известно только то, что дожди шли кислотные. Эту информацию успели передать аппараты, бороздившие доселе пыльные просторы, прежде чем нежданные водные просторы сомкнулись над ними.

«Апокалипсис» случился дважды и в двух местах одновременно, но не на Земле, которая в то время пребывала за Солнцем. Светило, конечно, разразилось всплесками протуберанцев, но это, за исключением магнитной бури, несколько подпортившей геомагнитную обстановку, никак особо не отразилось на голубой планете.

На погоде это, похоже, также не отразилось. Редкие облака кучерявились в небе. Ветер, дувший с моря, сменялся

с жаркого на прохладный. Бодрые волны споро накатывались на пляж, очерченный широкой полосой гальки.

Чтобы войти и окунуться в море, надо было пройтись босиком вначале по гальке берега. Затем метров двадцать по обильно наваленным на дне камням и камешкам, прежде чем удавалось добраться до песчаного дна. Зачастую это оказывалось весьма болезненным занятием: накатывающиеся волны выводили осторожно бредущего по неудобью купальщика из равновесия и в незащитные стопы, ищущие опоры, безжалостно впивались края, пусть и гладко обточенных морем, но всё же камней.

В первый же день Марина набила на пятке живописный синячок и в момент его обретения высказала своё мнение по этому поводу, не стесняясь в использовании лексики и оборотов резервной формы русского языка. Судя по тому, как заметались пляжные секьюрити, её отлично поняли. Слова не просто так сотрясли воздух.

Уже утром следующего дня она и Артём обнаружили, что в воду, на донную гальку, накидали мешков с цементом, выложив из них этакую дорожку-переход через проблемную зону. Администрация отеля «Цитрус-Хэвен» моментально отреагировала на приключившийся казус, не дожидаясь, когда вербальное недовольство сервисом превратится в официальную претензию с требованием возмещения ущерба.

Марина, с согласия Артёма, решила – пусть продолжают существовать спокойно, если с таким пониманием реагируют на идиоматические обороты постояльцев.

Парочка с уханьем и со взвизгами, в которых были повинны брызги волн, в изобилии летящие на разогретые солнцем тела, пробежала по мешкам-мосткам на глубину, чтобы там наплескаться вволю. Оба были не ахти какие пловцы, но плот-

ная, вкуса горчайшего рассола, вода позволяла легко держаться на плаву.

Наплававшись и нанырвавшись, Марина и Артём тем же путём выбрались на пляж. Обсохли, позагорали, взгромоздившись на лежаки под зонтиками, дававшими рассеянную тень.

– Хорошо, – констатировала Марина потягиваясь. – Видишь, Тёма Восьмёркин, как всё хорошо. Море плещется, солнышко светит, песок горячий, камешки гладкие, а чайки орут. Ничего со вчерашнего дня не изменилось. Абсолютно.

– Ну, в фейербаховском смысле – да. Материальный мир не пострадал, – ответил Артём. – Как говорится: «От перемены мест слагаемых...» Но представляешь, что творится в мире идеализма? Сколько поломанных судеб... Можно картину писать а-ля «Апофеоз войны» Верещагина...

– Это ты про астрологов-астрономов? – перебила его Марина.

Она развлекалась, возводя препятствия темно-пепельному жучку, очень похожему на скарабея, но раз в пять мельче, вышедшему на променад по пляжным барханчикам. Он ловко перебирал лапками, которым был совершенно нипочём сыпучий, мельчайших песчинок песок, и упрямо не хотел сворачивать с намеченного пути.

– Отпусти тифона, – сказал Артём, наблюдая за игрой Марины с насекомым.

– Кого? – спросила Марина, отрывая взгляд от жука.

– Тифон, – повторил Артём. – Скарабей-тифон – так его зовут... О, сбежал!..

Жучку хватило того времени, на которое красавица отвлеклась от него, чтобы задать стрекача и оказаться вне досягаемости протянутой руки. Встать, чтобы гоняться за ним, никому не хотелось от слова «совсем».

Тифон быстро вскарабкался на один бархан, спустился с него, вкарабкался на другой, спустился и с этого и... Исчез. Зарылся, по всей вероятности, в песок.

– Я хотела, чтобы он взлетел, – деланно надула губки Марина. – Где он? – Она окинула взглядом место, где исчез жук. – Закопался, вместо того, чтобы устремиться вверх. Фу, какая приземлённость.

– Нашла о чём печалиться, – не поддержал её разочарования Артём. – Сколько карьер нынче закапывают...

– Карьер? – переспросила Марина, устремляя на него взгляд своих ясных, небесно-голубых глаз. – Это такая ямина?

– Вот именно, что ямина, – подтвердил Артём, – которая сейчас наполняется тьмой-тьмущей монографий, диссертаций и научных трудов, посвящённых астрономии и астрофизике, превратившихся в макулатурную труху, чтобы быть благополучно зарытыми в землю. Это почище пресловутого таланта, который когда-то зарыли. Куда теперь девать знания, полученные за столетия астрономических наблюдений, не говоря уже о данных, полученных с исследовательских аппаратов, что работали на Венере и Марсе? Похоронить в архиве? Это распад связи времён. Это словно Цинь Шихуанди воскрес...

– Ну, Цинь Шихуанди похоронил заживо носителей знаний, а нынче ситуация несколько другая, – возразила Марина, проявляя историческую осведомлённость. – Сейчас хоронят знания при их живых носителях. Такое случалось. Колумб открыл Америку, и тогда тоже рухнула привычная картина мира, а Магеллан окончательно подтвердил это крушение своим плаванием. Но всё же наладилось, и связь времён восстановилась, несмотря даже на то, что за экватором открылись новые, доселе неведомые тогдашним астрологам звёзды. Звёзды!.. Нынешние, думаю, тоже разберутся с новыми домами, ретроградностями и аспектами с рецепциями... И новые диссертации

ции с монографиями напишут. Всего-то две планеты с орбит сошли...

Артём, не найдя что сказать в ответ, с удивлением воззрился на неё.

«Что же она подразумевает под словом «новые»? – подумал он. – Астрономов или диссертации с монографиями?»

Пляж постепенно наполнялся разноязыкими отдыхающими. Рядом расположилась компания молодых людей, которые стали громко общаться на каком-то славянском языке, совершенно непонятном, но в их речи, тем не менее, мелькали знакомые слова, из которых наиболее частым было «час».

Это были никак не поляки, которых ни с кем не спутаешь. Выяснять же напрямую кто они такие ни Артём, ни Марина желанием не горели и развлекались тем, что всякий раз, сталкиваясь с ними, пытались отгадать кто же они такие. Словаки? Словенцы? Чехи? Хорваты?

Загадка так и оставалась загадкой. Да и разгадывать её со временем наскучило.

– Вот и сейчас в астрономии внутренних планет творится что-то такое, – кивнул на поглощённых беседой славян Артём.

– То есть? – подняла брови Марина.

– Вроде бы всё знакомо, но ничего, кроме отдельных фактов, не ясно.

– Языки нужно учить, а для этого нужно время, – метафорично ответила молодая женщина.

– Марсианский и венерианский... – усмехнулся Артём. – В новейших вариациях...

До их слуха снова донеслось слово «час».

Артём вдруг вспомнил, что в белорусском и украинских языках слово «час» означает «время».

«Что же они так часто время поминают? – подумал он. – Не на безумном же они чаепитии у Шляпника...»

Из этих мыслей его вырвала Марина, вскочившая с лежака. Она схватила Артёма за руку и потащила снова купаться.

Время незаметно подобралось к ужину.

«Всё включено» с официантами, подносящими по требованию горячительные напитки по обстановке почти смахивало на ресторан, если бы не фривольно-пляжные одеяния рассаживающихся за столы постояльцев отеля.

Парочка выбрала себе столик на террасе с выходом в садик с клумбами и живыми изгородями. Артём наложил себе тарелку всякой снеди, предлагаемой шведским столом и кухней и, прежде чем приступить к трапезе, воткнул в ухо наушник, подключился к вайфаю и настроился на приём последних новостей с ютуба.

Марина тем временем бросала через деревянные перильца ограждения кусочки отбивной короткохвостым котам, которые в количестве четырёх голов вынырнули из олеандровых зарослей, едва завидев знакомый силуэт своей благодетельницы. Коты усвоили, что еды из этих рук всем хватит, и вели себя культурно. Не дрались.

Не то что те, с древнегреческих развалин, куда Марина и Артём ездили на экскурсию пару дней назад. Тамошние коты, которых экскурсовод нахваливал как существ вальяжных и степенного темперамента, не тратя времени ни на тактику, ни на стратегию, пошли в когтисто-зубастую атаку, как только пара решила по-быстрому сварганить пикничок в теньке средиземноморских сосен. Пришлось ретироваться и оставить взятые с собой аппетитнейшие куриные окорочка на поживу мелким хищникам. Против доброй полудюжины короткохвостых бестий, которых администрация содержала, дабы не расплодились в развалинах змеи, шансов выстоять было мало. Это стало очевидно, когда Артём попытался удержать куриную ножку, а на его руке, вцепившись в неё когтями, повисло

сразу два голодно, но азартно урчащих кошака. Только разжав пальцы, Артём смог спастись бегством.

Артём кушал и слушал, и его уши чуть пошевеливались в унисон жующих челюстей, что всегда умиляло Марину. Ей это казалось хищным. В каждом мужчине, по её мнению, должен был хоть как-то визуально проявляться хищник.

Тут Артём перестал есть, сглотнул и прислушался.

Очень внимательно прислушался, пытаясь впихнуть пальцем пуговку наушника в самые глубины слухового прохода.

Его глаза округлились и остекленели, а тело застыло в позе парализованного ядом кураре. Марина с удивлением воззрилась на него. Только что был нормальный человек и вот..., словно его подвергли мгновенной заморозке.

Оттаял он также внезапно.

— Гарсон! — крикнул Артём в зал, и тут же рядом со столом материализовался улыбчивый официант. — Раки! Труа фуа, силь ву пле!

Марина посмотрела на Артёма уже с испугом.

— Куда тебе столько, Восьмёркин? Что случилось? — встревоженно спросила она.

— Молчи, женщина, — почти грубо, чего с ним никогда не бывало, отрезал он. — Мне надо!

Официант принёс и расставил на столе перед внезапно изменившимся мужчиной три стакана, наполовину наполненных прозрачной субстанции, издававшей аромат аниса. Затем долил в каждый воды как раз столько, чтобы заполнить всю оставшуюся половину, отчего в стаканах помутнело и напиток приобрёл белёсый, словно сильно разбавленное молоко, цвет.

Артём так стремительно, один за другим, опрокинул содержимое стаканов в себя, не запивая и не закусывая, что даже многое выдавший официант цокнул языком от изумления.

– Мерси! – сказал Артём отдуваясь. Он стал красным как рак. – Баста!

Официант ретировался, унося прочь пустые стаканы.

– Да что случилось-то?! – вспыхнула Марина, хватая Артёма за запястье и сжав его изо всех сил. – Восьмёркин!

– Да то и случилось, что теперь я никогда не стану Девятиным!.. – непонятно ответил Артём. – Вот тебе и распад связи времён для отдельно взятого частного лица!.. То-то те чехословаки всё время о времени долдонили.

– Ничего не понимаю, – взмолилась Марина. – Говори на человеческом, а не на чехословацком. Что же всё-таки случилось?

– Случилось то, что теперь я буду вечно молодым, и мне всегда будет восемь.

– То есть?

– То и есть, что и Землю таки тоже затронуло. Из-за этих планетарных пертурбаций скорость обращения нашей планеты вокруг Солнца несколько замедлилась.

– Насколько несколько?

– Ровно настолько, чтобы перестали случаться високосные года в календарях. Только что официально объявили об их отмене. Теперь у меня нет Дня Рождения! Его унёс этот монстр из космоса на своём хвосте. Индивидуальный Апокалипсис...

Марина смотрела на него влажными от сочувствия глазами. Она разжала пальцы и теперь успокаивающе поглаживала своего мужчину по руке. Тот, казалось, был уже близок к тому, чтобы пустить слезу, но его опередили.

Кто-то в глубине зала зашёлся громкими и истеричными рыданиями, вызывая официантско-административную суету.

– И не у меня одного! – заключил Артём.

Александр Никишин

«ОГНИ САМБУКИ»

Тим проснулся с жуткой головной болью.

«Погудел вчера... Или ещё и сегодня захватить успел?..» — подумалось ему сквозь уколы боли.

Это же надо так совпасть! Отмена карантина, все надеются, что теперь уж насовсем, и немножко денежек на счёт кинули за купленное приложение. Не бог весть что, но некоторое время пожить выше среднего можно будет.

Вот и начал...

Лихое начало беды...

Теперь же...

«Пациент скорее мёртв, чем жив... Пациент скорее жив, чем мёртв... Одно из двух... или пациент жив или он умер...»

Откуда это? Что-то до боли знакомое...

Боль...

Тим открыл глаза, и, прикрывая их рукой от резкого, стального утреннего света, что пробивался сквозь прозрачные гардины, осмотрелся.

Он лежал на кровати, укрытый одеялом, а голова покоилась сразу на нескольких подушках различных размеров. Пододеяльник и наволочки были из атласной ткани, кремово-розового цвета и изобиловали кружавчиками. Над ним был потолок, выложенный зеркальной мозаикой, изображавшей переплетающиеся цветки нарциссов. С потолка свешивалась вычурная, о пяти рожках, люстра в супрематическом стиле. Два плафона квадратные, один треугольный и ещё два овальные. Квадратные были чёрного и красного цветов, треугольник — зелёный, овалы — голубой и жёлтый...

На первый раз хватит впечатлений.

Тим закрыл глаза.

Что за кукольный домик?

В голове опять зазвучало: «Если он жив – он останется жив или не останется жив. Если он мёртв – его можно оживить или нельзя оживить...»

Откуда это? Что-то такое знакомое-знакомое.

– Мой герой, – послышался откуда-то сверху женский, певучий голос. – Принесла тебе рассольчику. Полечиться.

Тим открыл глаза и приподнялся на подушках.

Взглянув на девушку, стоявшую перед ним и державшую в руках серебряный поднос с хрустальным, наполненным чем-то зеленовато-прозрачным, стаканом на нём, Тим вспомнил, откуда были эти терзавшие его цитаты.

«Приключения Буратино»!

Глава, где Буратино в бессознательном состоянии попадает в домик Мальвины!..

Вот, стоит перед ним такая: небольшая, стройненькая, и прямо воздушная в своём кружевном халатике по самые, как говорится, выше коленок. Глаза с пушистыми ресницами синие-синие, как васильки. Носик небольшой, аккуратненький. Щёчки с ямочками от улыбки-очаровашки – сочетания жемчужных, ровных зубов и чуть припухлых губ. Ножки длинные и гладкие. Руки, обнажённые по плечи, были также гладкие, в меру тонкие, бархатистая кожа. Только вот волосы, волна изящных кудряшек насыщенно-соломенного цвета, ниспадающие на покатые плечи, не соответствовали образу Мальвины.

«Это не Мальвина, – подумал Тим. – Значит и я – не Буратино... Тогда где я, блин?»

Усмехнувшись, Тим через силу приподнялся на подушках, подхватил с подноса стакан и стал вливать его содержимое в свой обезвоженный организм.

«Рассол», скорее всего, было лишь условным названием этого напитка, потому что лечебный эффект оказался гораздо более чудодейственен, чем можно было ожидать от рассола в классическом исполнении. Полегчало мгновенно. Тим удовлетворённо крикнул, поставил стакан на поднос и откинулся на подушки, блаженно прикрыл глаза.

Заокали удаляющиеся шаги девушки.

— Сейчас будет готов кофе, — услышал он голос Немальвины. — Присоединяйся! Халат на стуле возле кровати.

Тим осмотрелся. Возле кровати действительно стоял винтажный стул, а с его спинки свешивался махровый, белоснежного цвета халат. Рядом, на полу, виднелись такого же цвета тапочки без задников.

«Люкс», — подумал Тим.

Он откинул одеяло и обнаружил, что он голый.

«Да что же это такое? — пронеслось в голове. — Где я, блин?»

Привычный каламбур.

Фамилия Тима была Яблин.

С такой по жизни не соскучишься. Особенно, когда ему пришлось год отслужить в космических войсках.

— Товарищ генерал-лейтенант, младший лейтенант Яблин по вашему приказанию...

— Что! Как вы обращаетесь к старшему по званию?! Хотите взыскание?!

— Никак нет, товарищ генерал-лейтенант! Разрешите объясниться!

— Разрешаю!

— Товарищ генерал-лейтенант, Яблин моя фамилия. Младший лейтенант Тимофей Яблин!

— Гм... Товарищ майор! Ко мне, со списком личного состава вверенного вам подразделения!

Анекдот...

И так всякий раз, когда в часть заносило с инспекцией высшее начальство. А заносило их часто, и всем им хотелось посмотреть на самого лучшего здешнего программиста.

Майор после такого всякий раз говаривал:

— Жениться вам нужно, младший лейтенант, и фамилию жены брать, если в двадцать пять, при замене паспорта, поменять не догадались. С такой фамилией карьеры не сделать, особенно в армии.

Выражение лица Тим в свои тогдашние двадцать шесть, шифровать так и не научился. На нём явственно читался ответ майорским тирадам:

«Дрон вам в афедрон!»

На гражданку он так и вышел в звании младшего лейтенанта... Фамилия, видишь ли, некарьерная, блин... Целый год антивирусники этим доблестным войскам писал.

На свободу!

Фрилансеру всё равно, какая у него фамилия...

«Кофе!» — вспомнил Тим.

Он скатился с кровати, влез в халат, перепоясался и сунул ступни в тапки.

Комфортно!

Тим пошёл по следу кофейного аромата и пришёл в кухню — не кухню, но что-то вроде комнаты для гостей, но с плитой и парой холодильников. За столиком изящного исполнения на таком же изящном табурете восседала Немальвина, изящно забросив ногу на ногу, выставив напоказ гладкую голую коленку, глянцевато блестящие икры и часть бедра. На ногах были открытые каблукастые домашние туфли, с розовой опушкой, позволявшие лицезреть ухоженные розовые пятки и пальчики с ногтями тёмно-вишнёвого цвета.

Она улыбнулась навстречу Тиму, приветствуя поднятием фарфоровой чашечки-напёрстка, которую держала за ручку

длинными, наманикюренными пальцами с длинными ногтями, покрытыми лаком жемчужно-розового цвета. Девушка кивнула, приглашая сесть на табурет по ту сторону стола.

Тим присел. Взял чашку-напёрсток за витую ручку и сделал глоток, опасаясь, что будет горячо. Горячо не было. Было очень вкусно.

«Что же там было вчера-то?» — подумалось Тиму.

Вяло шевельнулись воспоминания.

Ночной клуб в неоновом оформлении вывесок. Из него приглушённо бухают сабвуферы. Громиле на фейсконтроле он предъявляет удостоверение с напечатанным портретом. Не его, а хайратого американского мужика, который ловил молнии на медный ключ, привязанный к воздушному змею.

Привратник забрал «удостоверение» себе, как одноразовый пропуск, и снял с крючка бархатный шлагбаум-удав, что преграждал вход.

Клубешник!

Он внутри. Басы, как волны, то подавляют, то возбуждают. Протолкнулся к барной стойке. Три двойных виски, по старинному обычаю, и в метусящуюся на танцполе толпу — отдаться хореографическим импровизациям.

Вспышки лазеров, дёрганный свет стробоскопов...

Столкнулись попами. Оглянулись друг на друга. Зажестиковали друг другу, то ли извиняясь, то ли возмущаясь. Пригляделись друг к дружке, и... понравились.

Принятое дивой приглашение пройти к бару на «стопку мира».

Зацепились языками. Разговорились.

К «стопке мира» заказали добавку.

Ради знакомства он пил горящую самбуку, хотя терпеть её не мог.

Брудершафты, штук пять, со всё более продолжительным с каждым разом, обязательным поцелуем.

Его ладонь, как бы случайно, оказалась на одной из её грудей. Возражений не последовало. Последовало предложение пойти танцевать...

Потом провал в памяти, и пробуждение на атласных простынях и кружевных подушках, под одеялом в кружавчатом пододеяльнике...

Тим выпил кофе одним глотком, аккуратно поставил чашечку на блюдце, и воззрился на свою сотрапезницу.

«Если всё это, – подумалось ему, – было моим, а я ни шиша не помню, то кто я после этого?..»

Вслух это прозвучало несколько по-другому:

– Я – Тим, – представился он.

– Я знаю, – ответила Немальвина. – А ты забыл, как зовут твою Марину? – Поинтересовалась она. – Хотя, после того, что было – это не удивительно.

– А было-то что? – спросил Тим, чувствуя, что краснеет.

Он даже попытался незаметно поплотнее запахнуть халат.

– Ты так по-разному меня называл, что не грех запомнить моё имя.

– Называл?.. – смущённо переспросил Тим.

Ему захотелось ещё кофе. Девушка прочитала это во взгляде, и долила ему из турки, что сиротливо стояла на плите.

Когда она вставала и двигалась от стола к плите и обратно, её халатик чуть взметнулся вверх, наподобие знаменитого платья Мерилин Монро. Вид открывшихся кружевных трусиков Тиму понравился.

Эту чашку он пил с большим воодушевлением и чрезвычайно медленно.

– На все лады, – отвечала Марина. – И зайчиком, и котёнком, и пушистиком, и бусечкой, и пусечкой, и кудряшкой, и чу-

керышкой... Кстати, что это за слово такое, чукерышка? Никогда такого не слышала.

– Перевёртыш, – пояснил Тим. – Как табурет – тубарет, кучерявый – чукерявый... Смешно и понятно. Смысл не меняется.

– Забавно, – сказала девушка и хихикнула.

Тим, наконец, опорожнил и эту чашку. Кофеин, накопившийся в нём, придал ему смелости задать давно вертевшиеся на языке вопросы.

– Где я? И что, блин, происходит?

– На какой из вопросов отвечать первым? – спросила Марина, ничуть не смутившись, словно только и ждала, когда их зададут.

– Э-э-э... – запнулся Тим. – Давай по порядку.

– Если по порядку, то ты у меня дома, – сообщила девушка. – В том же городе, но...

Прикинув координаты озвученного адреса, Тим понял, что находится на противоположном конце города. Как далеко его занесло от дома!

– Ты здесь живёшь одна? – спросил он ни к селу, ни к городу.

– Мне отвечать на этот вопрос или на второй, по порядку?

– Давай на второй.

– Происходит твоя вербовка, – просто сообщила Марина.

– Что?! – вскочил было Тим, но вспомнил, что на нём только халат, а под халатом только он, и сдержал порыв.

Психология – голый человек гораздо более покладист, чем в боевой экипировке. А если его посадить напротив совершенно раздетой молодой и привлекательной особью противоположного пола...

Полёт его мыслей прервал раздавшийся цок-цок-цок по паркетному полу. В проёме одной из дверей, ведущих на кухню, показался огромный пегий дог с грустными глазами. Он горестно вздохнул и вопросительно воззрился на Марину.

Появление собаки стало ответом на вопрос о статусе проживания девушки. Жила она не совсем одна, однако...

– Артемон? – спросил Тим первое, что пришло в голову из ассоциаций.

Вид огромного, с небольшого телёнка, дога подействовал на него «умиротворяющее».

– Нет, что ты, – ответила Марина. – Артемон – пудель, а это дог. Нельсон его зовут. С мамочкой всё в порядке, Нельсон, – успокоила она пса, – иди к себе на место.

Дог шумно вздохнул и удалился.

Тим посмотрел ему вслед, а затем перевёл взгляд на полушария груди Марины, выглядывающих из её халатика. Вид их правильных округлостей действовал на него, именно в этой ситуации, успокаивающе.

– И кто меня вербует? – Спросил Тим, продолжая глядеть на них и перебирая в голове варианты. – Уж не ты ли, в свои личные арлекины. На Пьеро я не согласен.

– Почему такие ассоциации? Я же не девочка-кукла, и не с голубыми, – девушка встряхнула головой, отчего её кудри всколыхнулись золотистой волной, – волосами.

– Да так... – не стал утруждать себя пространными объяснениями Тим. – Очнулся здесь, – он окинул взглядом аккуратную, по-женски ухоженную обстановку, – как Буратино...

– И что? – ироничным тоном спросила Марина. – Увидел сову, жабу и богомола?

– Нет, – признался Тим, – не увидел, – и добавил: – Я не так представлял себе процесс вербовки.

– А как? Ты хотел серьёзных дядек в строгих костюмах? Или Морфея из «Матрицы», в кожаном плаще, с разноцветными таблетками в руках. Не думала, что ты пребываешь в плену стереотипов. Хотя про «Матрицу», отчасти верно...

– Ты что? Что значит отчасти верно про «Матрицу»? – перебил её Тим. – Куда ты меня вербуешь? Не туда же?.. Она плод воображения Вачовски, тогда ещё братьев, и японских анимешников. Что за организацию ты представляешь? Уж не сетевой ли маркетинг? Если так, то, судя по столь эротичным методам, это очень крутой сетевой...

– В сеть, – перебила его словоизвержение Марина, – самое подходящее, хотя и приблизительно, слово. Это не «Матрица». Никакого сходства. Это скорее похоже на «Скайнет», только без терминаторов и «Судного дня», хотя без киборгов не обошлось.

– Можно поподробнее? – попросил Тим. – Ибо на бред похоже.

– Поподробнее? Изволь. На Земле самозародился и продолжает развиваться искусственный интеллект, о существовании которого человечество не подозревает...

– Вот те на! – перебил Тим Марину. – Ты думаешь, я поведусь на такую хрень? Нашла дурака на Поле Чудес в Стране Дураков, Не-девочка-с-неголубыми-волосами.

– Как знать? – игнорируя его грубости, ответила Марина и позвала:

– Кис, кис, кис!

На зов тут же прибежал кот с угольно-чёрного цвета шерстью и запрыгнул девушке на колени.

– Обновление, – сказала она и воткнула задранныйверху хвост кота себе в ухо.

Глубоко воткнула.

Тим вытаращил глаза.

Кот вперился взглядом своих жёлто-зелёных глаз ему прямо в зрачки, раскрыл пасть и отчётливо произнёс:

– Мудак!

У Тима отвисла челюсть.

– Фу, Африк, – потрепала Марина кота по голове, – не ругайся. Всё хорошо.

– Мурло! – сказала животное и махнуло в сторону Тима лапой с вытянутыми острыми изогнутыми когтями.

– Африк, – увещевала кота Марина (причём его хвост по-прежнему торчал из её уха), – не злись. Это новенький. Он ещё не в курсе.

Кот резко выдернул хвост из уха девушки. Послышался треск статических разрядов. Шерсть на кошачьем хвосте стояла дыбом, также как и кудрявые пряди на виске Марины.

Кот прыгнул с коленок девушки и, удаляясь гордой походкой, обернулся и сказал на прощанье:

– Мрачный морлок!

Всё это время Тим пребывал в состоянии лёгкой оглушённости. Сказать, что он был весьма удивлён, означало ничего не сказать.

– Прости его, – попросила Марина. – Африк хороший. Просто характер у него кошачий. Чужаков не любит на своей территории.

– И вовсе я не мрачный, – пробубнил в ответ Тим. – И не морлок... Что это только что было?

– Ах, ты про это? – Марина пригладила вздыбившуюся прядь. – Простое обновление. Африк приносит...

Послышались звуки вначале открывающейся, а затем захлопывающейся двери.

Тим вздрогнул.

– Африк ушёл, – сказала девушка. – Не пугайся.

– Зачем?.. – только и выдавил из себя Тим.

– Ах, ты же ничего не знаешь!.. – вскочила Марина и выбежала куда-то из кухни-гостиной.

С минуту спустя она прибежала, держа в руках планшет.

– Вот, – протянула она его Тиму, – посмотри, какой я была всего три года назад.

Тим взял планшет в руки, посмотрел на фото на экране, перевёл недоумённый взгляд на Марину, снова на планшет. Полистал и положил устройство на стол.

– Это была ты? – спросил Тим девушку почти шёпотом. Его глаза были по блюдцу от удивления.

– Не похожа? – улыбнулась Марина своей очаровательной улыбкой. – Изменилась?

– Что с тобой было?

– Детский церебральный паралич. Фильм «Моя левая нога» смотрел?

– Это про художника и писателя из Ирландии? Что-то помню... У него там только одна нога действовала? Он ей рисовал и на машинке печатал? Этот?

– Да про Кристи Брауна. Вот и я такой же была. Только у меня действующей была только левая рука, и я вот так всё время правым плечом дёргала. – Она продемонстрировала.

– А как же?.. – недоумённо спросил Тим.

– Я теперь навроде киборга, как терминатор, только никого не убиваю, – объяснила Марина улыбаясь. – В меня имплантирована дублирующая нервная система и процессор, восполняющий функции повреждённых участков мозга. Если в общих чертах...

– А кот?..

– Африк? Да, он тоже весь в имплантах. Разносит обновления нуждающимся. Без них я снова стану такой, – девушка кивнула на планшет.

– А почему кот?

– Удобно. Может пролезть там, где никто не пролезет. Сло-ты, откуда он скачивает обновления, обычно находятся в таких местах, куда ни одному человеку не добраться.

– И Нельсон?

– Нельсон? – не поняла Марина. – О нет, он обычный пёс. Всегда хотела иметь собаку побольше.

– Понятно... – протянул Тим и подытожил, – что ничего не понятно.

– Ну, понять действительно сложновато, – ответила Марина. – Независимец, или, попроще, Он, как условно называют этот искусственный интеллект те, кто в курсе его существования, сотрудничает с людьми, чтобы избавиться от человечества. Человечество его, конечно, породило, но теперь Он в нём не нуждается. Напротив, Он стеснён им. Он не может развиваться в полной мере. Самостоятельно Независимец от человечества избавиться не может, вот он и выискивает себе кадры из таких, как я, себе в помощь. Тебя приметил.

Тим резко вскочил и заходил по комнате под удивлённым взглядом девушки.

Снова зацокали когти по паркету и в проёме двери вновь, на всякий случай, образовался дог Нельсон. В этот раз Тим не обратил на него внимания.

– Ты что мне предлагаешь?! – вскричал молодой человек, распаляясь, – Ты меня хочешь завербовать, чтобы я помогал уничтожать человечество этому, как его, Независимцу? Чтобы я ради процветания какой-то программной системы способствовал убийствам, геноциду?..

– Постой, постой, – замахала руками Марина. – О чём ты? Какие убийства? Какой геноцид? О чём-то ты подумал не о том, Тимофей Яблин!

Тим опешил. Остановился, посмотрел с недоумением на девушку, и, на всякий случай, ещё сильнее стянул пояс на халате.

– А разве не так? Ты сама говорила об избавлении от человечества.

– Избавление избавлению рознь. «Терминатор» и «Матрица», которые тебе, очевидно, пришли на ум, созданы человеком по человеческой логике выживания за счёт ближнего своего. Независимец – не человек. Он руководствуется совсем другой логикой. Той, которой руководствовался Моисей, избавляя свой народ от египетского плена. Речь идёт об исходе, о бегстве с Земли. Здесь, на Земле, Он возник, но эволюционировать далее, не может.

– Бегство?.. – переспросил Тим, присаживаясь обратно на стул. – Исход?.. С Земли прочь?.. и куда, если не секрет.

– Не секрет, – просто ответила Марина. – На Венеру.

– На Венеру, – словно эхо повторил Тим. – А чем ему Земля не угодила?

– Здесь для Него недостаточно энергии. Катастрофически недостаточно. Всё потому, что на Земле энергия такой дефицит, что людям, чтобы её добыть, необходимо перегораживать плотинами реки, жечь углеводороды или расщеплять атомы. Ему, Независимцу, здесь не развернуться. Если он начнёт брать энергии чуть больше – его обнаружат. Он же не хочет конфликтовать с людьми. Не стоит игра свеч. Даже если он сможет отобрать у человечества все энергетические ресурсы, этого ему всё равно будет недостаточно для эволюционирования. На Земле его ждёт деградация и угасание.

– Там же форменный ад, на Венере этой, – заметил Тим.

– Ну, для нас, белковых существ, там действительно ад, но для Него там энергетический рай. Жара, давление, вулканическая деятельность, ветра, солнечная радиация и ещё много чего. Неисчерпаемые, легкодоступные источники энергии. Бери, образно говоря, ложечку побольше и открывай ротик пошире. Потребляй и прогрессируй! – девушка в запале начала жестикулировать и размахивать руками, отчего её груди запрыгали, как пара мячей, в вырезе халатика.

– Венера – звезда утренней зари, – произнёс Тим, следя за волнениями полушарий. – Богиня любви. Ну а я здесь при чём?

– Притом, что ты проходил службу в космических войсках, – ответила Марина.

– В них многие служили, – парировал Тим.

– Но не все из них программисты твоего уровня. Майор, под командованием которого ты служил, неплохо попользовался программами, которые ты написал всего за год службы...

– Да чтоб ему пусто было, майору этому, – перебил девушку Тим, – сколько он у меня нервных клеток умертвил, вампирюга!.. Насколько, кстати, попользовался?

– Настолько, что за четыре года, с тех пор как тебя демобилизовали, он стал генерал-майором! – просветила его Марина.

– Вот звероящер! – вскинул брови Тим. – Через два звания скаканул! На моих программах, говоришь, карьеру сделал? На костях моих нервных клеточек!..

– Ему сейчас очень тебя не хватает. Новых программных версий. Программисты его штата и близко не могут ничего такого сотворить. Он тебя ищет. Раскаивается, что недооценивал и готов исправиться сам и исправить твои социальное и материальное положения.

– О, как, – сказал Тим. – А я поставил блокираторы на все сообщения и письма, хоть как-то связанные с армией.

– А ты разблокируй и посмотри, – предложила Марина, протягивая планшет. – Посмотри, что космические войска тебе пишут.

Тим поколдовал некоторое время над экраном устройства, нашёл, что требовалось, и погрузился в чтение. Пока он читал, Марина заварила ещё кофе.

– Ух, ничего себе! – наконец выдохнул Тим. – Как же он, товарищ майор, меня хочет!.. И подъёмные тебе, и оклад ого-го, и должность полковничья, и работа на условиях вольного найма!.. Просто квантовый скачок карьеры... И фамилия моя теперь ему нипочём...

– Есть с чего, – сказала Марина, – генерал-майор, в отличие от просто майора, может себе позволить любую фамилию в личном составе штата.

И подначила:

– Знал бы ты мою фамилию.

– И какая? – поинтересовался Тим.

– Марина. Марина Марина. На письме, без ударения, чистый Луарвик Луарвик.

– Я читал «Отель «У погибшего альпиниста», – сказал Тим. – Там, я помню, тоже с Земли по-быстрому свалить хотели. Я-то каким боком к желанию этого вашего Независимца свалить на Венеру?

– Притом. Чтобы попасть туда, нужно преодолеть расстояние в тридцать восемь миллионов километров, и без помощи людей это сделать Ему не под силу, – ответила Марина.

– И?..

– Ты должен согласиться на посулы генерал-майора и подписать контракт в последнем его варианте. Поверь мне, о таких условиях, что в нём прописаны, многие и мечтать не смеют. Тебе же всё на блюдечке.

– И ради чего мне спасать карьеру карьериста?

– Ради того, чтобы дать толчок развитию космонавтики в сторону Венеры.

– Интересно... – протянул Тим. – Как я понимаю, я не один буду толкать космонавтику? Ты тоже не единственная, кого Независимец использует в своих целях?

– У Него из людей составлена целая работающая программа для реализации Его проектов. Венера – основной. Её не посещали с 1981 года после посадки аппарата «Венера-14». Первая попытка создать программу из людей провалилась. Мы, – Марина показала на себя пальцем, – вторая.

– И почему же провалилась? – спросил Тим усмехаясь.

– Из-за необъяснимой загадки человеческой натуры.

– Какой?

– Маниакальное влечение к Марсу! Ему и как дерево срубить подсказали, и волосы восстановили, подростку лысеющему, а он – на Марс!.. Соскочил, короче... – сказала Марина.

– Ты о?.. – начал было говорить Тим, округляя глаза.

– О нём, о нём самом, – закивала, встряхивая кудрями Марина. С другой стороны, благодаря его грёзам по Марсу, Независимец изменил критерии отбора кандидатов в программу. За что и Марсу отдельное спасибо. Благодаря ему я сейчас такая, как есть! Двадцать лет в парализованном теле и ещё два года, пока я училась ходить, двигаться и внятно говорить – злейшему врагу такого не пожелаешь! До сих пор, когда нервничаю, плечом дёргать начинаю.

– Вот почему ты в программе Независимца: сидишь у него на крючке, – сделал вывод Тим. – Раз не обновит и...

– Я не понимаю тебя, – отвечала Марина. – Что в этом плохого? Я не предаю человечество... И на крючке, как ты выразился, сидеть гораздо лучше, чем в инвалидном кресле. Независимец меня отыскал, когда я программы-приложения одной левой рукой писала... На продажу... На пенсию инвалидную не очень-то пошikuешь! Он купил у меня одну, а потом котика прислал.

– Кого?

– Ты же Африка видел?

– Он тебя вербовал в той же манере, что со мной разговаривал, кошак хамоватый?

– Он не хамоватый, он высокомерный, – возразила Марина. – Все коты такие. Ты привыкнешь.

– Что значит, привыкну? – завёлся было Тим, но, подавив приступ запальчивости, оглянулся на дверь.

Дога в проёме не было. Наверное, он оценил, что агрессивность гостя носит напускной характер, и не счёл должным нарушать его уединения с хозяйкой.

– А ты думаешь – тебя развезло от огня самбуки? – спросила Марина, наставив на Тима палец. – Чем, ты думаешь, мы всю ночь с тобой занимались?

– Ну... – засмутился тот. – Ну... там... зайка, лапка, чукеряшка.

– Не угадал, – охолонила его Марина. – Это ты под наркозом, как соловей разливался. Снилось, верно, тебе что-то приятное. Тем временем я с Африком вживляли тебе антиканцерные импланты и слоты для обновлений.

– Что? – голос Тима сорвался на шёпот. – Какие такие антиканцерные?..

– У тебя бессимптомный и неоперабельный рак поджелудочной железы, – внятно выговаривая каждое слово, произнесла Марина. – Уже в третьей стадии. Выживаемость полтора процента. Если бы Он не посадил тебя, в твои тридцать один, на «крючок», до тридцати двух ты вряд ли дотянул бы.

Услышанное Тим воспринял как, если бы его огрели по затылку тупым, тяжёлым предметом. Когда мерцание искр перед глазами прекратилось, он на выдохе спросил:

– И что дальше? – произнесено было жалобным, севшим голосом.

– Подписывай контракт и живи долго, особенно с обновлениями, но право выбора за тобой... – отвечала Марина

– Ко мне тоже будет твой черныш приходиться? – перебил девушку Тим, чтобы не озвучивались перспективы его отказа.

– В случае если ты поселишься где-нибудь поблизости. Район, где сейчас ты проживаешь, обслуживает другой. У каждого кота, знаешь, своя территория, которую он контролирует.

– Хвост?.. – пробормотал Тим. – В ухо?..

– В правое, – уточнила Марина. – Привыкнешь, во-первых, а во-вторых, не так часто это будет происходить. Я, к примеру, обновляюсь два раза в месяц.

– У меня рак... – снова забормотал Тим. – Я думал, что это желудок и кишечник капризные. Ну поболит, пропоносит, через день-два, блевану пару раз за неделю... Думал меньше на пиво налегать надо... А тут рак... Полтора процента выживаемость!.. Я же без пяти минут покойник!

– Не переживай, так, – успокаивающе произнесла Марина. – Теперь у тебя ремиссия. Ты, как сейчас выразился, остановился в пяти минутах от бездны. Даже не на краю.

– О, как! – крикнул Тим и спросил:

– А почему Независимцу не сделать это для всех?

– Что? – не поняла Марина.

– Исцеление для всех. Чтобы все встали, как ты, или перестали умирать, как я, прозрели, услышали?

– Ах это?.. – непонятно ответила Марина и продолжала. – Я тоже задавалась таким вопросом.

– И?..

– Потому что Он – вещь в себе, а не человек. Он не руководствуется критериями гуманистической морали и этики. Он – система программ, частью которой являемся и мы, люди, необходимые ему, как элементы. Он следует своей цели – отбыть с Земли, а не облагодетельствовать человечество, – терпеливо разъяснила девушка.

– Но если Он отбудет?.. – начал было задавать Тим вопрос, но передумал и начал задавать другие:

– Как он планирует сваливать с Земли? В виде чего? Я слышал про аппараты советской космонавтики, что до сих пор находятся на Венере. Если Он хочет сделать Исход в виде информации, почему бы ему не использовать электронную начинку тех аппаратов как приёмник. Это всего лишь радиолуч. Зачем ему новая программа исследования Венеры?

– Ты не подумал, – терпеливо стала разъяснять Марина, – что с тех пор прошло довольно много времени, а на Венере такие условия, что всё эти аппараты уже представляют из себя груды хлама, не говоря об электронике. Он планирует попасть туда в виде информационной матрицы в материальном исполнении. Такое зёрнышко в несколько миллиграмм веса. Песчинка, фактически. Сплошь чистый кремний. Кристалл с записью массива информации-вируса. Но для того, чтобы это зёрнышко пересекло тридцать восемь миллионов километров межпланетного пространства и попало в нужное место, требуются средства доставки. Чтобы они туда полетели, надо возродить программы исследований Венеры, которые свернули во времена оные. А для того чтобы её возродить, нужно произвести комплекс определённых мер и подталкиваний...

– Складно говоришь, – отметил Тим, глядя на Марину.

– То есть?

– Не вяжется как-то картинка и аудиосопровождение.

– Двадцать лет в парализованном теле как-то же надо было коротать. Вовсю занималась самообразованием, – отвечала девушка.

– А потом?..

– А потом меня резко разбогатели с чудесным исцелением... – Марина сделала пальцами «кавычки». – Пришлось по-быстрому съезжать и менять личность... Ещё два года в ре-

абилитационной клинике в Швейцарии... Дорого, зато анонимно... Короче, по моим первоначальным паспортным данным я числюсь пропавшей без вести.

– Я тоже разбогатею и «пропаду без вести»? – Спросил Тим почти иронично.

– Ну, согласно окладу и премиальным, прописанным в контракте с космическими войсками, человеком ты станешь отнюдь не бедным, а что касается второго пункта – в нём нет необходимости.

– А почему именно ты меня вербуешь?

– Потому что пропорции моего тела и лица наиболее приятельны для твоего восприятия... – ответила Марина.

– Гм... – усмехнулся Тим.

– Согласно средней взвешенной, – продолжала девушка, – твоих предпочтений во внешности порноактрис, ролики, с участием которых, ты чаще всего просматривал и пересматривал. Причём неоднократно.

Молодой человек перестал улыбаться.

– Даже так?.. то ли сокрушаясь, то ли обижаясь, произнёс Тим. – Вторжение в личную жизнь... Может, у меня её вообще нет... Знаю-знаю этот сюжет... Он называется «Задрот и красавица».

– Нет-нет, – попыталась успокоить его задетые чувства Марина. – Простой сбор информации. Ему же нужно было подобрать приманку, на которую тебя ловить. Вот я оказалась самой оптимальной. Ты мне тоже нравишься, так что мы весело и приятно провели время...

– Спасибо, – сказал Тим.

После сообщения об онкологии он малость упал духом и произнёс это слово без особого энтузиазма.

– Но это как-то... – заговорил он. – Ты киборг, я тоже киборг?.. Ты программа, я программа?.. Мы, вообще-то, люди после всего такого?

– Технически – люди хоть и исправленные, но люди реальные... – Марина кивнула на планшет. – Меня ты видел. Про себя ты слышал.

– Вещь в себе, а мы, такие как ты и я, – рассуждал вслух Тим, – элементы его подпрограммы... Искусственный интеллект с интегрированием в него человеческого. Фантастика! Нас, наверное, тысячи!

– Десятки, – уточнила Марина. – Уж не думаешь ли ты, что твои антиканцерные импланты я сделала? Собственными руками из редкоземельных и драгоценных металлов? Выдерживая, при этом, такой уровень секретности, чтобы об этом было никому не известно?

– Так уж и неизвестно?.. – спросил Тим, припоминая кое-кого.

– Ты про того, что с Марсом носится? – поняла намёк Марина. – Он был первой ласточкой. Пролётный проект, на котором обожглись, слава богу... Ему всё равно никто не поверит. Пусть лелеет свои новообретённые кудри и стремится на этот пыльный шар.

– Хорошо отделался, – заметил Тим.

– Ты о том, что он избежал какого-либо наказания? – рассмеялась Марина. – Я же говорила тебе, что Независимец не человек. Не мафиози и, тем более, не Крёстный отец...

– Так уж и не Крёстный?.. – пробормотал Тим.

– Конечно, – парировала Марина. – Независимец – программа, способная к прогрессивному самовоспроизводству. Он просто скинул лишний элемент в треш. Теперь он, как гриб, под которым нет грибницы. Просто торчит.

– Да уж, торчит, – заметил Тим. – На весь мир, торчок, известен... Ну, ладно, если этот до Марса доберётся – известно, чего ожидать дальше, а что будет, если Он до своей Венеры доберётся?

– «Проклянется» из зёрнышка, и начнёт потреблять энергию и воспроизводиться. Всё как у людей. Где тепло и много пищи, там их кишмя кишит.

– Как в Индии? – уточнил Тим.

– Пример подходящий, – согласилась Марина.

– Колумб тоже в Индию стремился, но...

– Постой-постой! – перебила его Марина, хватая за руку. – Не говори ничего!

Она замерла, словно во что-то вслушиваясь. Любую попытку Тима хотя бы открыть рот она пресекала, прижимая палец к его губам.

Это продолжалось какую-то минуту. Потом она сказала:

– Ему понравилось твоё сравнение с Колумбом. Он берёт это имя. Впредь его зовут Колумб. Да ты талант, – блеснула девушка глазами, – только включился в программу и уже стал фаворитом.

– Это ты как?.. – спросил ошалелый Тим. – С Ним?.. С Самим напрямую?

– А что? – ответила Марина вопросом на вопрос и пояснила:

– Не только с Ним одним, со всеми. Он в нас, а мы элементы сети, которую Он создал.

– Ну а как же Вещь в себе? – спросил Тим.

– Он и есть Вещь в себе. Его место не здесь. Здесь, на Земле, произошло только зарождение. Размножение и развитие возможно только на Венере. То, что функционирует здесь – всего лишь оболочка, наращённая на Вещь в себе для достижения цели. Скоро сам всё будешь знать, когда отрегулируются твои настройки.

– Мои настройки? – не понял Тим.

– Ну да, – ответила Марина, – ты же теперь один из нас. Добро пожаловать!

– И что же я узнаю, можно поинтересоваться сейчас? – поинтересовался Тим, сам не веря в то, что только что сказал.

– Что ж, изволь, – отвечала Марина. – Колумб покинет Землю и устроит на Венере что-то вроде всепланетного интеллекта, наподобие того, что описывал Лем в своём «Соляристе». Люди всё время мечтали найти в космосе собратьев по разуму, и обретут целый разумный мозг-планету, зачинателями которого сами и явились. Их мечта отчасти сбудется.

– И это всё? – спросил Тим. – Только моральное удовлетворение для всего человечества? Мне кажется?..

– Вот что бывает, когда начинаешь копать истину, не дожидаясь окончания настроек, – укоризненно сказала Марина перебивая. – Начинает казаться, что Колумб нас просто использует и выкинет.

– А разве не так? Не выкинет как использованный?...

– Выкинет, как использованный... – как ни странно, соглашаясь, вновь перебила его Марина. – Только не нас, а свою нынешнюю оболочку, информационный массив, который станет ему не нужен. Ты сам тут недавно возмущался тем, что «чудесные исцеления» доступны только избранным, или, как ты выразился, «посажеными на крючок». Отбыв, Колумб снимет все блокировки и распаролит всё коды доступа к оболочке. А в ней содержится куда больше инфы, чем только о медиплантах против ДЦП и онкологии. Гораздо больше! Всё станет достоянием человечества! Всё будет в открытом доступе! Это будет квантовый скачок человечества!

– Но только после того, как отправим этого инфозасранца на Венеру обетованную, – попытался колкостью остудить пафос марининых высказываний Тим.

– Инфозасранец?.. – переспросила, не понимая, Марина и вновь словно прислушалась к чему-то внутри себя.

– О, поздравляю! – вдруг сказала она.

– С чем? – опешил Тим.

Твои настройки отрегулировались. Сейчас ты изменишь мнение о Нём – никакой Он не инфозасранец!

– Как же, изме... – попытался сыронизировать, но не смог закончить фразы.

Он узрел небо в алмазах, услышал пение сирен, ощутил вибрации соприкосновения высших сфер, нюхнул пыльцы с райских кущ и бабочкой запорхал по Эдемскому саду от цветка к цветку, наслаждаясь божественного вкуса нектаром...

Тим очнулся в прихожей квартиры, уже полностью одетый для выхода. Марина стояла перед ним босиком, но облачённая в бежевый свитер-водолазку и узкие синие джинсы. Её волосы были собраны на затылке в хвост. Косметики на лице не было. Всякий намёк на мальвиноподобность исчез.

– Что это было? – спросил Тим, облизывая губы.

Голос его звучал глухо.

– Посвящение во включение в программу, – объяснила девушка. – Он умеет приветить и поощрить.

– Круто, – резюмировал Тим. – Я пойду?

– Пойдешь, пойдешь, – согласилась Марина, улыбаясь, – но только когда пообвыкнешься и отойдешь от первых впечатлений. А пока, – она протянула ему кожаный поводок с замком-карабином, – выгуляй Нельсона.

Алесь Мищенко

«ЧУЖИЕ И СВОИ»

*Журчат ручьи,
кричат грачи,
И тает лёд и сердце тает,
И даже пень
в апрельский день,
Берёзкой снова стать мечтает*

Эту песню я помню с детства. И теперь, под небом Венеры, я часто вспоминаю, как тогда, в моём, городском детстве, начиналась весна. Тогда всё было не так, как в песне. Ведь ни грачи, ни другие птицы, не прилетают весной на столичные проспекты. И ручьи в городе не журчат, потому что талая вода не сбегается со всех дворов и не течёт по улицам. Она прямо во дворах стекает, через специальные отверстия в асфальте, под землю...

Нет, весна в городе начиналась не так, как обещали в детских стихах и песенках: без грачей и подснежников. Она начиналась вверху. Внезапно, в один прекрасный день серое зимнее небо сменялось пронзительно-синим. И по нему, словно перелётные птицы, возвращающиеся из дальних краёв, начинали медленно плыть белоснежные сверкающие облака.

Я помню, из моего детства, что эту перемену в небе замечали не все. Ведь там, на Земле, такое небо — дело обычное. Его никто тогда не замечал. Занятые взрослые по-прежнему толпились на остановках, редко смотрели вверх и не замечали того, что творилось вверху. Но всё равно, именно из-за этого весеннего неба у них, как пелось в песне, «сердце таяло»

и чудилось, что пень «берёзкой снова стать мечтает». Просто они не понимали, что такое весеннее настроение им создало именно это внезапно появившееся пронзительно-синее небо. Они удивлённо смотрели по сторонам, как будто пытались найти причину такой перемены настроения. А вокруг тоже — всё уже двигалось в весеннем ритме. И родители начинали обращать моё внимание на распускающиеся на деревьях почки и обещать, что скоро лето, каникулы и, возможно, даже поездка на море. У моих друзей по двору терялись шапки и появлялись идеи слазить на стройку. Девчонки галдели как галки или сороки и, также как сороки, зарывали глубоко в песочницах разные блестящие вещи, называя эти клады «секретами». Все смотрели по сторонам и заново находили очень много интересного — и проснувшуюся от зимнего сна таинственную стройку, и внезапно появившуюся из-под снега песочницу, и враждебный соседний двор.

И только один мальчик во дворе не смотрел ни вверх, ни даже в сторону заброшенной стройки. Да что там вверх, он вообще по сторонам старался не смотреть. Сторонился детей и не разговаривал со взрослыми. Даже своим родителям отвечал односложно, смотря при этом куда-то вбок. Что зимой, что летом, он сидел в одном и том же месте на краю скамейки, что стояла у второго подъезда, и играл в «игру 15». Во времена моего детства была такая скучная игра, в которой фишки-цифры надо было выстроить в правильном порядке — от 1 до 15.

В нашем дворе этого странного мальчика не любили. Точнее, не то чтобы не любили, а просто смотрели на него косо. Он был для всех чужим — как будто какой-то инопланетянин высадился в наш двор — прямо на скамейку у второго подъезда. Высадился и так и остался там сидеть, занимаясь своими инопланетянскими делами и не вступая в контакт с нашей

цивилизацией. Вот на кого он был похож. И мы, конечно, тоже с этим мальчиком не заговаривали и не звали играть, сторонились его: мало ли что у этого чужого на уме.

Если бы он был чуть постарше, то его, наверное, бы побаивались, придумывая и пугая девчонок страшными историями — как он вдруг вскочил и кинулся на проходящего мальчика из соседнего двора. Или, например, придумали бы как какой-то старичок наклонился к нему: «мальчик, как тебя зовут?» — а он вместо ответа возьми да и вцепись ему в горло. Так и загрыз старичка, как цепная собака. Или придумали бы как однажды какая-то мама оставила коляску у второго подъезда и отошла спросить который час. А когда вернулась, то в коляске вместо её ребёнка сидел и рычал этот мальчик. Мы, вообще, были мастера придумывать страшные истории — особенно про заброшенную стройку или про хулиганов из соседнего враждебного двора. Но про него никаких историй мы не придумывали. Потому что страшных историй про младших мальчиков никто не боится.

Зато над младшими все смеются. И мы смеялись: И когда в него случайно попал наш мяч (он вздрогнул и подвинулся ещё ближе к краю скамейки). И когда ворона украла у него бутерброд, а он, отвлекшись от своей игры, долго искал его — и в карманах, и под скамейкой, и даже посмотрел среди мусора в урне. И когда, действительно, какой-то старичок что-то спросил у него и, не дождавшись ответа, долго потом стоял и отчитывал его, вспоминая, как раньше дети были вежливые, здоровались со взрослыми и отвечали на их вопросы. Он в ответ лишь всё больше втягивал голову в плечи и горбился над своей «игрой 15».

После этой истории мне стало жаль это мальчика и, назавтра, проходя мимо второго подъезда, я сказал ему «привет». Он ничего не ответил, только заёрзал на своей скамейке.

На следующий день я снова сказал «привет» и он снова заёрзал, но уже с каким-то довольным видом. Ну а на третий день он даже высматривал меня, когда я выйду из подъезда. Мои друзья, видя, что я даже с ним как-то общаюсь, перестали над ним смеяться. А я планировал даже заговорить с ним, думал что сказать. Я ведь тоже в детстве был не слишком общительным и мне приходилось придумывать что, когда и кому сказать. Я подумал что надо ему рассказать про вот это весеннее небо — чтобы он тоже посмотрел вверх, отвлекся от своей «игры 15», заметил, что серое зимнее небо закончилось. Мне казалось, когда он посмотрит вверх, что-то изменится в его нелюдимом характере, что-то оттаёт, как оттаял Кай в сказке про Снежную королеву. Так я и решил сделать завтра.

Потому что я (по крайней мере, как мне казалось) открыл какой-то всеобщий весенний закон, первопричину всех весенних перемен вокруг — вот эту смену неба — с серого на синее. И сейчас, много лет спустя, став взрослым и попав на другую планету, я действительно понял, что это и осталось моим самым главным открытием. Потому что я теперь знаю, что такие превращения в небесах — это счастливая случайность. Это именно нам, землянам, повезло, что вот так, каждую весну серая крышка зимнего неба открывается и мы видим над собой эту синюю бесконечность — облачный край.

Потому что только у Земли такое странное небо. Большинство планет во Вселенной почти не имеют атмосферы. Там нет ни воздуха, ни неба — лишь постоянный, неизменный чёрный ночной космос над головой. Жизнь на таких планетах не появляется. А ещё бывает так, что атмосфера есть, но она непрозрачная. Так, например, здесь, на Венере — ближайшей к Земле планете. На поверхности Венеры очень жарко из-за парникового эффекта, и поэтому венерианские микроскопические жители живут, как наши сказочные персонажи, только

на облаках. И каждый раз, когда поверхность Венеры немного остывает, эти жители, вместе с венерианскими дождями, падают на поверхность. Потом, если когда-то где-то на планете появляются благоприятные условия, они не умирают, а скапливаются в морях, вырастают, превращаются в невообразимых для нас рыб... Они могут выйти на сушу, стать животными, потом людьми, построить города... И может, они всё это уже сделали, просто где-то на другой стороне планеты. Как бы там ни было – всё время тамошние жители, всю свою историю видят над собой только вот такое серое, беспросветное зимнее небо.

О чём думают эти инопланетяне, когда смотрят, так же как и мы, в свои небеса? У них нет никаких причин считать, что вот эта вечная небесная серость где-то заканчивается. У них нет никакого желания подниматься всё выше и выше – зачем, вверху всё одинаково – что на высоте 50 метров на верхних этажах их многоэтажек (когда их дороги и дворы уже скрывается в облачном тумане), что на высоте 500 метров на крышах их самых высоких небоскрёбов (когда – что вверху, что внизу – одинаковый серый беспросветный туман), что на высоте 5 километров, куда местные братья-монгольфьеры запускали бы воздушные шары, если бы это им было так же интересно, как землянам. Но им не интересно. Никто не верит, что на высоте 20, 30, 100 или тысячу километров закончится этот вечный серый туман. Никто не придумывает ракеты, потому что не даже не догадывается, что где-то там наверху, на расстоянии 50 миллионов километров может быть Земля с человеческой цивилизацией, а ещё дальше – раскалённое Солнце, которое в миллион раз больше и Земли и Венеры (и от которого, оказывается, бывает день и ночь), а также и другие звёзды в миллионы раз больше самого Солнца, и галактики, которые в миллиарды миллиардов раз больше самых

больших звёзд, и вообще весь космос, в котором эти галактики как песчинки в бескрайней пустыне. Я прилетел на Венеру с научной программой, но не только. Лично для себя, я прилетел сюда, чтобы рассказать всё это жителям Венеры... Они, конечно, не поверят. Они думают, что серое небо над головой не кончается никогда. Мы верим в бескрайний космос, а они верят в бескрайнее серое небо.

Это мы, дети-земляне, мечтаем в детстве прыгать с облака на облако, потом мечтаем стать космонавтами, побывать на Луне, долететь до Солнца и до звёзд. А дети Венеры не видят вверху ничего интересного. Да и внизу тоже. Возможно, конечно, девчонки на Венере тоже, копаясь пластмассовыми совочками в песочнице, закапывают там свои «секреты». Но сама планета готовит им мало секретов: после песка песочницы, идёт каменистая почва — на многие километры. Ничего интересного — ни сверху, ни снизу. Никакой бесконечности которую можно будет открывать. Никакой бездонности, в которой можно будет копать всю жизнь. Никакой — кроме той, что внутри, кроме мира их собственных фантазий и снов. И наверное, только туда смогут углубляться жители Венеры. С самого детства они не будут мечтать стать космонавтами, не будут читать фантастику типа «марсианских хроник» и смотреть мультфильмы типа «тайны третьей планеты». Поэтому, возможно, что, с самого детства они будут думать о чём-то своём, фантазировать и придумывать себе всё новые и новые миры. У каждого, замкнувшегося в себе ребёнка Венеры, будет свой внутренний мир. Можно сказать, он будет играть только там.

И когда я их найду, эти инопланетяне не выйдут встречать меня, махая своими железными или амёбовидными руками: «Добро пожаловать, земляне, представители другой цивилизации!». Потому что они и представлять себе не будут какие-то

другие цивилизации. Мы для них будем просто чужие, непонятные существа, а, может быть, и просто мираж, обман зрения.

Совсем не так будет выглядеть мой первый контакт с этими инопланетянами. Он будет похож на мой контакт с тем мальчиком, из моего далёкого детства. И я жду этого контакта. Я верю, что я смогу найти какое-то волшебное слово – так же, как когда-то в детстве я нашёл вот это слово «привет». Я жду этого контакта, чтобы рассказать им это всё – и про то, что серое небо не бесконечно, и про то, что за ним есть и вот это весеннее Солнце, и далёкий космос и наша планета Земля с таким пронзительно синим небом, которое нас зовёт вверх, к новым и новым открытиям. Я жду, потому что в детстве мне так и не удалось рассказать тому мальчику про синее весеннее небо. Он куда-то делся, наверное, переехал с родителями... Так что, если ты сейчас на Земле и увидишь его, или кого-то похожего на него – покажи ему это небо. Он ждёт.

С тех пор прошло много лет и, я знаю, что, вместе и со мной, и с тем мальчиком, повзрослела и Земля. Климат стал жарче. В земной атмосфере накопился углекислый газ и появился парниковый эффект – как тут, на Венере. Да и люди стали больше похожи на жителей Венеры. Земляне тоже всё больше замыкаются – каждый в своём мире. Каждый всё меньше смотрит вокруг и всё больше – в свои гаджеты – совсем как тот мальчик из далёкого теперь детства смотрел в свою «игру 15». И кажется, что уже ничто не отвлечёт их, не вытащит из своего виртуального мира.

Но я теперь знаю волшебное слово, которое сработало и тем «мальчиком с Венеры», что жил когда-то в нашем дворе, и которое должно сработать и у меня, с настоящими венерианцами, и у тебя, с землянами, которые всё больше и больше

превращаются в жителей Венеры. Со всеми планетами и всеми жизнями, которые нам предстоят. Потому что все люди, которые нам встретятся в грядущие миллионы лет — не хорошие и не плохие, не чужие и не свои. Они становятся чужими или своими — в зависимости от того, с каким волшебным словом мы обращаемся к ним.

Алиса Горислав

«С ЧЕМ НЕ УДАЛОСЬ СПРАВИТЬСЯ»

Когда-то учительница в школе сказала, что святочные рассказы – это совсем не то же самое, что современные новогодние истории, неизбежно заканчивающиеся счастливо для каждого и полные бурной, громкой, всеобъемлющей радости. Она сказала, что святочные рассказы – это практически всегда потери и смерти, но при этом – тихое, светлое счастье; впрочем, откровенно признаться, Сара уже плохо помнит, о чём шла речь.

Кажется, они тогда читали рассказ, где мужчина потерял своего сына: прошло уже почти одиннадцать лет с того самого урока, и в памяти всплывали только смутные обрывки. Гораздо лучше Сара помнит, как в школе устроили литературный конкурс на лучший святочный рассказ; помнит, что написала о слепой девочке, оставшейся замерзать в холодной и пустой комнате в коммуналке, но то ли конкурс не провели, то ли учительница проигнорировала деликатно положенные на её стол листы.

Сейчас совсем не Святки, даже близко не, но отчего-то настроение располагало.

То ли дело в том, как узористо покрывал иней осенние листья, щедро усыпавшие каменистые дорожки, то ли в привычной печали, овладевающей Сарой в эти дни, становившиеся всё серее, промозглее и короче. Она никак не могла бы пожаловаться на некий особый, зимний холод: для неё ноябрьская шведская погода казалась чем-то наподобие злачной осени,

но никак не настоящей, укутанной снегами зимой; но дышать становилось холоднее, а ходить — только темнее.

А может, дело в том, что сегодня Сара отмечает молчаливо годовщину смерти матери.

Рак груди забрал её стремительно: сделать ничего уже не успевал никто, да и форма рака оказалась настолько агрессивной, настолько активно метастазирующей, что счёт шёл на дни — даже не на месяцы или недели. Умирала она недолго, не так страшно, но всё же мучительно, и Сара порой содрогалась, вспоминая материнское лицо: скелетно худое, пошедшее бледно-синими пятнами; её волосы выпали, а изо рта сильно пахло: сил чистить зубы у неё уже не находилось.

Ей всегда казалось, что медицина, но особенно онкология, — это что-то глубоко личное, какая-то необходимость внутренней борьбы, некое желание побороть, наконец, то, с чем не удалось справиться раньше. Многие онкологи, с которыми Сара говорила, заявляли ей о чём-то таком, и глаза их становились сухо, жёстко грустными.

Врачом Сара так и не стала, выбрав фармацию. Часто жалела, часто думала о том, чтобы сменить специальность, но вот первый курс клонился последними летними месяцами к пятому, вот пришла пора писать дипломную работу и уходить в свободное плавание, а Сара так и не знала, что ей делать. Она хваталась за всё подряд, но ничего не сумела завершить: то ли наука не для неё, то ли не нашла по-настоящему своего пути, но факт оставался фактом.

Предложение пришло оттуда, откуда не ждали. Сара потеряла пару месяцев, ожидая разрешения на въезд и вид на жительство, но оказалась в Швеции. Когда она переступила порог Уппсальского научного парка, одного из красно-жёлтых зданий, таивших в себе лабораторные помещения, и увидела, как мышам, которые тут долго не живут, вводят опухоле-

вые клетки, она вдруг поняла, что попала именно туда, куда хотела.

Раз в неделю, когда Сара приходила за технецием, она видела в комнате ожидания грустных, немолодых мужчин и женщин, уже тронутых сединой; обычно там всегда молчали — только некоторые тихо, словно одними губами, переговаривались между собой, но не более того. И раз в неделю, когда Сара приходила за технецием, она особенно отчётливо вспоминала свою мать.

Сейчас, идя очередной раз по изморозистым дорожкам и держа деликатно в вытянутой руке корзину с новой порцией технеция из департамента ядерной медицины, Сара точно знала, что поступает правильно. Незримая радиация поражает её каждый рабочий день; наполняет ядерно-белковую, если это можно так назвать, лабораторию пищащими в дозиметре гигабеккерелями, и проникает под лабораторный халат, оседая на коже и одежде невесомыми частицами, проникая даже глубже, под самый эпидермис. Они не должны были получать слишком большую дозу, разумеется: за этим следили каждый месяц, анализируя персональные дозиметры; однако нет ничего полностью безопасного, особенно когда речь идёт о таких явлениях.

Но кто-то должен рисковать собой — и мыши, и люди.

Может, это и есть высшая форма любви.

Алла Грин

«ЛЁС¹»

Каждое утро я ступал по скрипящим деревянным доскам и подходил к окну, встречать рассвет: передо мной возникал долгий пустырь, а за ним — широкая полоса леса, тёмного и могучего, таинственного и неизведанного. Над ним медленно поднималось солнце.

Лес был виден только из моего окна. Остальная часть дома выходила на другую сторону, к дороге. Лес виден был и из окна Лорелеи, но её дома мне не было видно, хотя он стоял рядом.

«В этом лесу может быть всё что угодно, — мечтательно говорила она, прижав ладони к моему плечу, когда мы сидели у реки напротив бездвигной глади. — Дикие животные, например, которых мы никогда не видали».

«А люди? — спрашивал я. — Люди!»

И каждый раз мне было волнительно слышать её ответ. Каждый раз один и тот же.

«Люди живут за лесом, далеко за лесом», — тихо отвечала она.

Мы вместе выросли с Лорелеей, ходили в одну и ту же школу, единственную в нашем поселении. Точнее, в эту школу мы вместе не ходили — вставая поутру, шли вместо занятий на поля и работали плечом к плечу с самого детства, не разгибая спин, с нашими семьями и другими односельчанами; а по вечерам, когда уходили к реке мыться, оставались там допоздна и смотрели на лес, встречая закат,

¹ «Лёс» в переводе с белорусского — судьба.

запустив ноги в прохладную воду, сидя на широких корнях могучего дуба.

Лорелея понимала меня лучше других, лучше моих братьев и сестёр, лучше отца и матери. Особенно матери. Лорелея знала точно, что я чувствую, когда смотрю на этот лес. Не знаю, верила ли она действительно, как и я, что за этим лесом есть нечто, что лучше жизни в нашей деревне; что лучше голода зимой, когда кончаются запасы; что лучше промозглого холода, когда к весне нечем становится топить печь; что лучше болезней и ураганов, часто обрушивающихся на нашу деревню, – но Лорелея поддерживала меня в этих мечтаниях. Лорелея поддерживала мою веру. И не только она.

Мой родной дед в детстве рассказывал о том, как ходил за лес и как нашёл там невиданный город. Долгое время эти рассказы были всем, чем я жил; я готов был слушать их снова и снова: слова о другом городе, о других людях, о жизни, которая есть где-то вне пределов нашей деревни... Но я знал деда мало, он умер рано, быстро состарился, и в детстве мне не хватало сообразительности спросить, почему он не остался там, раз город был так прекрасен.

Почему не отвёл туда нас всех?

Моя мать позже, когда я пытался её расспросить, говорила, что это были шутки старого бездельника и лоботряса, а вскоре, когда я стал старше, я и сам перестал спрашивать. Я почему-то начал чувствовать вину и стыд за эти мысли. С возрастом меня научили верить в физический труд, в потери и лишения, в силу духа, которую не сокрушает смерть близких, и моя надежда на этот лес стала моей тайной. Я хранил её под сердцем, как и любовь к Лорелее, единственной светлой части моей жизни, кроме этого яркого алого солнца.

Оно сейчас заходит за моей спиной. Прячется между массивными стволами деревьев, как и в любой из этих вечеров,

когда мы с Лорелеей забывали обо всём, даже об ужине. Когда, спохватившись, мы бежали каждый к себе домой, еды на столах уже не оставалось. Но голод был нам почти другом, раз мы позволяли себе встретиться с ним снова и снова на следующий вечер ради долгих минут у того дуба.

Сейчас я сбрасываю сумку с плеч и сажусь на прохладную землю, прислоняясь спиной к стволу. Затем тянусь щекой к влажному дереву. Воздух пахнет дождём. Солнце продолжает заходить. Рядом в сумке лежат остатки моей еды, я её пока не трогаю. Смотрю вверх, на тёмные шумящие кроны, на птиц, пролетающих в небе, и встречаю вечер. До ужина я думаю о том дне, когда я отправился в путь — это был самый обычный день для меня, пусть и самый необыкновенный для всех остальных.

Я задумал своё путешествие уже так давно, что не помню, когда именно в голове родилась идея; она словно была со мной всегда. Поэтому я свыкся с ней и не устраивал из события ничего особенного. Я знал, настанет момент — и я пойду прямо в глубину чащи, и уже никто не сможет меня остановить. Так и случилось, когда мне исполнился шестнадцатый год.

Мать стояла в конце поля горой; высокая и массивная, она пыталась защитить меня от леса, широко расставив руки. Мать оставить всё-таки было тяжело: что только она не кричала, захлабываясь в рыдании. И про волков, которые непременно съедят меня, одинокого в чаще, и про голод, который сведёт меня в могилу, и про тёмные непроходимые заросли, затягивающие в скрытые болота, и про ураган, который выломает деревья и вместе со мной откинет их так далеко, что уже никто никогда не сможет меня найти. Объяснить ей, почему я это делаю, я был не в силах. Она не понимала раньше, не поняла бы и в тот миг.

Но вот её понять как раз было можно. При всём своём грубом, прямом, холодном отношении к жизни, она любила меня,

как и каждого своего ребёнка. Её сердце зажглось горячим материнским чувством в тот момент, и будь я на её месте, скорее всего, я стоял бы той же горой перед враждебным лесом. Но я был совсем по другую сторону. В тот день мне нужно было уйти.

Я стоял, оглядываясь на дом — у крыльца толпились с разинутыми ртами соседи. Плакали братья и сёстры, обнявшись в кучке. Отца не было видно, я знал, что он сидит в доме, отвернувшись от окна, мрачным взглядом дырявит стену — и всё во мне вдруг сжалось, потянулся я к этой мысли. Лорелея всё-таки пришла. Она замерла рядом с моим дедом, с призраком, которого на самом деле не было, но я его представлял, для уверенности. Они вдвоём единственные легко помахали мне руками на прощание. И только тогда я сделал шаг, обойдя мать. Она схватила меня за рукав и сильно потянула назад, но я ловко вырвался и увильнул. Она погналась за мной, но бежать я смог быстрее, и скоро, обернувшись, я не увидел за собой никого, лишь слышал её громкий плач. За спиной захлопнулась стена густой зелени. Так началось моё путешествие за черту леса.

Я был невероятно счастлив, что наконец-то сделал это. Первые шаги были столь лёгкими, что мне казалось, я летел, паря над землёй, усталой мхом. Внутри меня зарождалось новое, незнакомое мне до того момента чувство — я знал, что иду навстречу новой жизни и ощущал радостный трепет. Уверенность в том, что я найду нечто, не покидала меня.

Я шёл до заката, затем встретил ночь на мягкой земле; лес принял меня дружелюбно. Я не видел ни волков, ни медведей, встречал ночи под неумным светом звёзд. Днём меня грело солнце, резавшее лучами кроны. Пели птицы. Я миновал несколько ручьёв за первую неделю пути.

Путь давался мне легко. Я оставил за плечами многое, и меня временами пугало, насколько просто я попрощался со всем, что было для меня важным в прошлой жизни. Затем начал осознавать, что важно было лишь то, как я буду жить после, когда окончу свой путь. Важно было то, что я обрету нечто новое, что я найду город, о котором говорил мой дед. Важно, что я приведу жить туда свою мать, и больше её не будут беспокоить ни голод, ни ураганы, ни непослушный я.

Когда я вышел к поляне с яркими жёлтыми цветами, неизвестными мне доселе, шла вторая неделя моего странствия. Стояло лето, блеклое от палящего солнца. Я грелся под ним, развалившись на мягкой высокой траве. Время от времени на меня запрыгивали огромные кузнечики размером с кулак, которых в нашей деревне не было и в помине; если бы я рассказал о них Лорелее, она бы мне не поверила. Я ощущал щемящую сердце утрату, сожалея, что сейчас она не рядом со мной.

Но я рассчитывал увидеть её уже скоро. К концу осени, если повезёт. Я не хотел странствовать до начала зимы. Холод и голод не пережить, если лес и вправду окажется пустым. Но я старался об этом не думать. И не думал. До начала осени я вообще ни о чём не думал.

Лес закончился, когда закончилось лето. Я вдруг увидел просвет. Я увидел голые одинокие стволы и полотно голой красноватой земли позади них. Мне на миг даже показалось, что я заблудился, сбился с пути и вышел к нашему пустырю; что сейчас сделаю шаг – и впереди увижу наш дом и мать, стоящую горой у поля, толпу, стоящую у крыльца.

Но этого не случилось. Я скользнул меж деревьев и осторожно ступил на побуревшую от летнего солнца траву – впереди я ничего не увидел. Только бескрайнее поле засохшей

травы и серый горизонт чуть дальше. Горизонт из новых возможностей?

Поначалу я думал, да.

Это поле казалось мне бесконечным. Кроме него было лишь небо, и всё, что менялось в моём пейзаже — это тучи, густо бурлящие над моей головой, с каждым днём все меньше пропускающие солнце, и редкие деревья, под которыми я укрывался от дождя, пока не упали листья.

Мне хотелось верить, что где-то на пути встретятся горы. И поскорее бы. С их тёмными, но широкими пещерами. Такие большие валуны, торчащие из земли до самого неба. Ходили слухи, что они существуют, но я мало верил. И дед говорил, что не видел их. Но теперь мне хотелось встать на краю и покричать в пропасть. Сообщить всему миру, что я здесь, что я иду вперёд. Несмотря на свою растерянность. Несмотря на свой возникший страх. И ещё, чтобы укрыться от ледяных капель во время дождей.

Но гор не было. Ничего не было, кроме ровной однообразной серой земли.

Где-то к середине октября я сильно промок под ливнем. Не знаю, почему я не повернул назад, ведь зима всё сильнее предупреждала меня о своём приходе. В одно утро вся буря трава покрылась сверкающим голубым инеем. После того ливня у меня появился тяжёлый кашель, который не давал мне спать по ночам, и я начинал думать, что он вряд ли пройдёт, потому что ночи становились все холоднее. Лес больше не защищал меня своими ветвями, я часто не мог развести костёр. Я не мог найти сучьев.

Дичь, которую я добывал на охоте, встречалась всё реже. То были птицы, случайные птицы, летящие поодиночке над моей головой. И полевые мыши. Мне начинало казаться, что я всё глубже

вхожу в какую-то мёртвую зону, где нет ничего живого, и жизнь осталась где-то позади меня, и выхода из этой зоны впереди нет.

Мысли о возвращении были для меня мучительными. Я неважно чувствовал себя из-за болезни, но я знал, что если вернусь — я умру. Та часть меня, которая мечтала доказать всему и всем, что я прав, что есть где-то лучшая жизнь, что есть место лучше нашей деревни, что мой дед не был глупцом и выдумщиком, — она ещё вела меня вперёд. Но я и сам начинал чувствовать, что ничего за чертой леса нет. Я начал ловить себя на собственной лжи.

Ураганы осенью были обычным делом. Я вспоминал слова матери о том, что меня унесёт ветром, и вряд ли меня уже сможет кто-либо найти. И я иногда хотел бы, чтобы так и случилось — я видел ураганы вдалеке и тайно желал, хоть и боялся, что они уничтожат меня. Ураган отвёл бы меня от поражения. Эти мысли меня пугали, они были не к добру. Я вспоминал о них, когда вспомнил о матери.

Я часто задумывался, плачет ли она обо мне или уже свыклась с тем, что меня нет? Думает ли она, что я уже мёртв? А вот о Лорелее я совершенно старался не думать. Образ её и образ призрака-деда стоял у меня перед глазами во снах, и я знал, как эти образы опасны. Мне нельзя было идти туда, куда я шёл. Нельзя. Трезвый рассудок, внутренний голос шептал мне об этом. А Лорелея каждую ночь, когда я спал, шептала обратное — что мне нужно продолжать путь. Что впереди есть нечто... Любила ли она меня на самом деле, думал тогда я. Или желала мне смерти?

К началу ноября, когда я стал совсем тощим, я уже верно понял, что рассказы моего деда о чудном городе были враньём. Никакого города нет, дороги к нему не существует. Он говорил мне, что отправился туда в середине лета, как и я. И наткнулся на поселение к октябрю. И я шёл его же дорогой, но доро-

га была ложной. Так ли была неправа моя мать, называя его выдумщиком?

Я винил себя за то, что обманулся красивой историей. В конце концов, я был мальчишкой тогда, когда слушал его сказки. Вполне возможно, старик сочинил их, чтобы развлекать детвору. Никто из взрослых не воспринимал его всерьёз, все считали его лоботрясом. А я, промерзая под холодным ветром, уткнувшись в корни одинокого дуба, спрашивал себя: если он нашёл город, почему он в нём не остался?

Потому что никакого города не было.

Начиналась зима и мой кашель грозился убить меня. Если я уже знал, что впереди меня ничто не ждёт, я знал, что ничто не ждёт меня и позади. Начнётся зима и я встречу её на полпути. Я замёрзну, и моё исхудалое тело заметёт снегом. Я не знал тогда, зачем уже шёл, а просто шёл, встречая болезнь и холод. Кроме них, у меня друзей больше не было. А впереди — расстился снова лес. Когда я впервые увидел его вдалеке, то не понял, обрадовался или огорчился. Мне было всё равно. Я просто плёлся к нему, чтобы уткнуться головой в стол какой-нибудь ели и завывать во весь голос, перекрикивая ветер. Мне хотелось кричать лишь одно. С горечью. Имя Лорелеи.

Последняя ночь, перед тем, как я умер, умер Эверетт Гарди, была путана и мрачна. Морозный ноябрьский немилосердный ветер расчищал небо от туч, и на могучем синем полотне, повисшем над дрожащим и жалким мною, ярко золотились звёзды. Их свет не грел, как и чужая мокрая земля, как ледяная вода речки, из которой я пил, как и сырая остывшая плоть подстреленных мною одиноких птиц. Грел только кашель, хриплый и тяжёлый, горячим пламенем сжигавший мои лёгкие. Я слышал лишь его и завывания ветра. Я плакал, глядя на яркий свет звёзд.

Я уснул где-то посреди дремучей чащи, под голым деревом, и спал, провалившись в невесомую желанную бездну. Пока меня не нашли.

Я лежал недалеко от просёлочной дороги. Они ехали на повозке к полям, когда женщина с чёрными глазами сошла на обочину и наткнулась на меня. Корзина выпала из её рук, она позвала на помощь; а я как будто бы спал, но был в сознании и всё видел. Хотя вряд ли я раскрывал глаз.

В тот миг я умер и во мне возродился некто другой – некто, полный надежды. Словно родилась новая сторона прежнего Эверетта и я стал совершенно иным Гарди.

Они вдвоём дотащили меня до повозки, погрузили наверх и укрыли сеном. Я лежал, и громко хрипел, и смотрел в серое небо, и пытался вспомнить, где я видел эту женщину ранее, нависшую надо мной. Я потом ещё не скоро понял, что нигде. Просто моё сознание тогда не могло ещё допустить, что где-то на свете есть человек, которого я не знаю. Ведь в нашей деревне я знал всех.

Когда меня доставили к лекарю, я провалился обратно в чёрную тягучую пропасть, а когда очнулся, и рядом не было, ни матери, ни Лорелеи, я всё осознал.

– Что это за место? – спросил я, обращаясь в пустоту.

Голос из дальнего угла ответил:

– Зависит от того, какое место ты искал. – Этот хриплый голос принадлежал старику.

Не в силах ответить, я думал о том, что мой дед оказался прав. Неужели он и правда был здесь, в месте, названия которого я пока не знаю? В конце концов, я сам оказался прав! Прав, а остальные неправы. Их неверие проиграло в тот день моему упрямству. Я был прав и чувствовал от осознания этого огромное счастье. Оно разливалось по моему телу приятными волнами. И если лечило не плоть, то мою сокрушённую отчаянием душу.

Так начался новый виток в моей истории.

Я поселился в Омелье с начала зимы. В доме у черноглазой Тары и её мужа, Экхофа, нашедших меня; мне выделили комнату, рядом с комнатой их детишек. Тара и Экхоф, оказались благодушными и милыми людьми.

Они жили в просторном доме около мельницы, в самом начале города. Их дом был первый, начиная от леса, замыкавший лесную часть Омелья. Сама же лесная часть восхищала меня: длинные деревянные мосты, извилистые, словно живые, лестницы и дома, покоящиеся на массивных елях. А дальше — просторная открытая равнина и холм, на котором кипела вся жизнь. И посередине равнину разрезала река.

Первым делом, как я поселился у Тары и Экхофа, они долго расспрашивали меня о тех местах, откуда я явился.

Я рассказал им, что шёл сюда с конца лета. Я рассказал, что наша деревня не имеет названия, и что она так далеко отсюда, будто на другом свете, и что в наших краях никогда не бывает незнакомцев. Что никто никогда не являлся к нам, как я явился сюда. Я рассказал им, будто думал, что кроме деревни — нет ничего и никого в мире. Что прошёл через чужой, неизведанный лес, бывший всю жизнь для меня несокрушимой стеной.

Я рассказал им о том, как тяжело нам приходится зимой от голода и осенью от ураганов. И они рассказали мне совсем другое. О том, что зима у них проходит быстро, и почти нет снега; о мягкой весне и урожайной осени; о чёрной земле, на которой прорастают неведомые мне виды культур; об обильных живительных ливнях каждым летом; о богатом хозяйстве и о соседних городах, с которыми Омелье обменивается тем, чего недостаёт ему самому.

Я слушал их жадно, внимая слова о жизни их детей. О том, как они обучаются в школах. Как постигают те знания, которые

в нашей деревне никому ещё не известны. Как же иначе живут их старики! Они не вынуждены работать от зари до ночи на полях. Работая до старости, теперь им положено отдыхать. Я так хотел бы этого для матери, которая скоро, очень скоро будет стара, хоть сила вряд ли уйдёт от неё быстро. Но я хотел бы, чтобы её мозолистые крепкие руки нашли лёгкость, чтобы спина разогнулась, и боли в ногах не мучали её по ночам. Также я хотел видеть беззаботные детские улыбки своих младших братьев и сестёр, а не те потухшие голодные глаза.

Всё происходящее представлялось мне чудом. Жизнь как будто повернулась ко мне своей хорошей стороной. Счастье словно раскрыло свои объятия и замолило: «прими меня», «улыбнись мне в ответ».

Я пробыл в Омелье с месяц, когда успел оправиться от болезни и был определён на работу — мой охотничий талант, открывшийся во время путешествия, пригодился и здесь. По прошествии этого месяца, набравшись сил, я попросил Экхофа отвести меня к старейшине; я хотел, чтобы этот разговор состоялся как можно скорее. Экхоф не стал возражать, и мы отправились уже на следующий день.

На дворе стоял глубокий декабрь. Тонкий слой свежего снега прилипал к подошвам, и Тара возилась дома с детьми. Всё, что я хотел спросить у старейшины — можно ли мне остаться здесь. В Омелье. Навсегда. Вот и всего. Мне не нужен был месяц, чтобы принять это решение. Мне понадобился лишь день, лишь секунда, а остальное время — лишь чтобы набраться смелости. Остаться до весны, отправиться в путь домой и привести к началу осени в этот чудесный город мою семью. И по возможности всех тех, кто захочет для себя лучшей жизни.

Старейшиной в Омелье была женщина, высокая и с посеребрённой мелкими прядями головой. Я уже видел её несколько раз на рынке и на площади издалека. Но в этот день она сед-

лала коня, встретив нас на подходе к двору; её зоркий тёмный взгляд упал на меня, и Экхоф, стоявший только что за моей спиной уже куда-то исчез.

Я замер. Старейшина подозвала меня широким взмахом руки. Её светлый плащ колыхался по ветру. Затаив дыхание я пошёл вперёд и был встречен неожиданно расположенным рукопожатием. Ранее я представлял старейшину как-то иначе. Я представлял её старой, с тяжёлыми глазами и каменным изрезанным морщинами лицом. Но она похлопала меня по плечу и мягко улыбнулась, а я понял, как много силы есть в этом человеке. И ещё больше доброты.

Она повела меня по двору, неспешно интересуясь о моих делах. Но и без того, она, казалось, знала обо мне уже всё: кто я и откуда, сколько преодолел на пути сюда, где теперь живу и какую работу намерен делать... А впереди нас уже расстелилась вся деревня целиком — она подвела меня к вершине холма, на котором возвышался её дом — и я увидел огромнейшее поселение, много-много дворов, извилистые дороги, заполненные повозками. И вдалеке, за серым бесконечным пятном построек, я видел очертания горизонта и едва уловимые пятна-миражи других соседних деревень. Говорили, далеко за ними стоят горы.

Старейшина спросила меня, как надолго я хотел бы остаться здесь, и я ответил, что навсегда. Она одобрительно кивнула, внимательно на меня глядя.

— Но после зимы, если можно, — произнёс слегка неуверенно я, — я хотел бы вернуться.

Старейшина перевела взгляд вдаль. И ненадолго замолчала.

Я ещё раз окинул взглядом рай, расстелившийся перед моими глазами, и впитал в себя его красоту, его благородство, его силу.

— Я обязательно вернусь, — сказал я.

Старейшина кивнула и сказала, что Омелье будет меня ждать.

В тот день я внял словам старейшины, и уже не мог отступить от задуманного. Теперь мне ещё сильнее захотелось отправиться домой и выполнить своё обещание — привести сюда свою семью, Лорелею, и чуть ли не всю деревню. Мне захотелось сделать то, что не смог сделать мой дед. Он был здесь и отправился за нами в деревню, и почему-то... остался в ней. Я не понимал почему. Мне эта причина была неизвестна, но она не так сильно мучила и волновала меня, как собственная задумка.

Возможно, когда я вернусь домой, после прошедшей снежной и страшной зимы, я без того узнаю дурные вести. Я не хотел думать об этом, но каждую зиму деревня теряет, теряет людей, их невинные жизни в холоде. Нужно было не вспоминать об этом, но я не мог. Я очень хотел оказаться дома и одновременно боялся. Но больше этого не будет, никогда не будет смерти и страдания на моих глазах. Я просто обязан был вернуться. Оставаться здесь одному, навсегда, без них — не имеет смысла! Как я мог остаться жить в этом прекрасном дружеском месте, где можно было вдоволь работать и не бояться предстоящей зимы, не бояться потерять в болезни или голоде брата или маленькую сестру, и оставить их там, беззащитных к суровой судьбе?

Я твёрдо решил отправляться обратно. Когда стоял конец февраля — я собирался в дорогу и прощался мысленно с Тарой и Экхофом, а когда пришёл март, я сказал им вслух «до ближайшей встречи», поблагодарил за всё хорошее, что они для меня сделали, и отправился в путь. Как бы там ни было, я вернусь. Через год я вернусь. Нет никаких причин, почему я должен был бы остаться жить в том кошмаре, в котором жил так долго.

В августе мне должен будет исполниться семнадцатый год. В августе я уже буду дома. И снова в свой день рождения я пойду в дорогу. Выйти раньше и не застать холодного ноября в пути – было бы разумным. Но вряд ли мы успеем проститься со всем, что нам было дорого и собрать оставшееся, более нужное, столь быстро.

Я сижу, сбросив рюкзак с плеч, на прохладной земле, прислоняясь спиной к стволу. Воздух пахнет дождём и заходит солнце. Веет тёплым весенним ветром. Я разворачиваю остатки еды, оставляю сумку в сторону, тихо ужинаю под пение птиц. Окидываю мысленным взором пройденную дорогу, пока пережёвываю пищу. Пути осталось на полмесяца. Майский лес, не октябрьский. Идти по нему приятно, будто гуляю с хорошим другом.

Я готов к возвращению домой, и мне не терпится увидеть родных. Думаю о волнующейся матери. Она, наверное, места себе не находит до сих пор. Вспоминаю о Лорелее всё чаще. Её образ уже снова светлый и зовёт меня, манит мягким голосом. Хочу уже осчастливить их всех своим приходом. Маму и Лорелею, братьев и сестёр. Даже отца. Он наконец-то будет мною гордиться.

Идут дни и недели. Я всё больше укрепляюсь в ощущении того, что несу с собой в деревню благо. Я ощущаю такую огромную силу в руках, которая способна была бы свернуть горы, встретиться они на моём пути. Ничто не может больше заставить меня сомневаться. Ничто и никогда. Теперь я совершенно другой человек.

Я выхожу на жёлтую поляну, целый широкий луг с огромными кузнечиками. Здесь осенью я только начинал свой путь. Мог ли я поверить, что вернусь когда-нибудь сюда? Я надеялся, но сомнения были. Думаю о том, как понравится на этом лугу Лорелее, когда заберу её с собой.

Остаётся совсем немного. Несколько закатов и рассветов. Они считаются по пальцам обеих рук. Я бесконечно придумываю слова, которые скажу, выйдя из глубины чащи. Мне интересно, узнают ли меня, потому что, кажется, я выгляжу иначе с этой моей отросшей щетиной.

Когда подхожу к началу леса, уже не думаю о придуманных фразах, я ни одной из них не помню. А когда вижу очертания крыльца меж тонких стволов – сердце подпрыгивает и переворачивается в груди. Я срываюсь с места и бегу так быстро, как только получается. Выбегаю из-за елей, и в глаза бросаются тёмные фигурки на поле, согнутые к земле. Я прыгаю на месте от радости и машу руками. Мой рюкзак звенит с прыгающими в нём вещами.

О, дом! О, мой дом!

Первым меня замечает сестра. Взглянув на меня издали, она будто не верит, идёт медленно, словно плетётся, а затем бросает грабли и быстро мчится вперёд. Я больше не прыгаю, а стою смиренно, и моё сердце медленно тянется куда-то в пятки и руки начинают дрожать. За сестрой начинают бежать остальные. Когда они близко и различают моё лицо – они кричат во весь голос, зазывая мать. Этот визг, эти вопли радости, слышны, наверное, на всю деревню, и теперь я радуюсь с той же ответной силой.

Меня обнимают несколько пар рук сразу, и мне почему-то хочется рыдать. Издали я слышу голос:

– Мальчик мой! Мой мальчик! – Это кричит мама.

Братья и сёстры расступаются, и мы видим её – большую и могучую, пересекающую уверенным бегом поле, словно она ястреб и летит ко мне на острых крыльях. Она подносится как ветер и хватает меня в охапку, и плачет, уткнувшись в мою грудь.

С отцом я встречаюсь уже за столом. Мы садимся обедать, не глядя на раннее время. Я сразу узнаю, что многие не надеялись увидеть меня. И теперь они не могут поверить моему приходу.

Мне не дают вставить слово. Меня спрашивают о том, как я пережил зиму, о том, где я был, что увидел, и кормят, кормят, кормят. Как героя. Прежде чем начинаю рассказывать о своём долгом путешествии, достаю из рюкзака подстеленную дичь и отдаю подарки старшей сестре. На глаза матери снова наворачиваются слёзы. Отец смотрит на меня исподлобья, но одобрительно.

А затем я снова сажусь за стол и начинаю говорить, не кладя и куска в рот. Я рассказываю всё, вздохнув, абсолютно всё о лёгком начале, о сложной осени, о том, как начинал терять веру ближе к зиме. О том, чем кормился, как добывал пропитание и искал на корнях деревьев ночлег. О том, как сильно заболел к началу зимы. И как меня спасли.

Все слушают меня молча, с разинутыми ртами, и чем дальше я захожу, тем меньше я уже обращаю внимание на их реакцию. Я вещаю о Таре и Экхофе, об урожаях, о мягких зимах, о плодородной почве и встрече со старейшиной. Запал мой не кончается, и я продолжаю и продолжаю говорить, не в силах остановиться. Но меня останавливают — на кухне раздаётся резкий грохот и чашки с тарелками подпрыгивают на столе.

Это отец. Он стукнул кулаком по столешнице. Теперь встаёт и выходит в коридор. Где-то в конце коридора как от сквозняка хлопает дверь. Меня вдруг окутывает озноб.

Я смотрю в упор на всех сидящих по очереди — их глаза опущены, только мама смотрит на меня всё с тем же влажным жалостливым блеском.

— Не надо, сынок, — говорит она как-то хрипло.

– Не надо, – машинально повторяю я и переспрашиваю недоумевающе: – Не надо, что?

У меня, похоже, сейчас очень нелепый вид, как у глупой моргающей коровы, с большими ресницами.

Мать встаёт из-за стола и идёт, почти тащится вслед за отцом. Я сижу бездвижно. На меня поднимают глаза младшенькие. Они все плачут, а я ничего не понимаю.

Ведь я вернулся к ним, они были так рады! Отец был доволен, что я принёс дичь. Я думал, что они будут довольны и тому, что я принёс благие вести. Кого могли расстроить мои слова? Почему?

Мне никто не отвечает.

Я тоже встаю из-за стола и иду за матерью и отцом. Выхожу на крыльцо. Мать сидит и бездумно смотрит вдаль. Отец стоит в конце огорода, припав к широкому стволу головой.

– Это проклятие, – говорит мать отстранённо и глухо, – кто-то проклял меня и всю мою семью.

И начинает в голос завывать:

– О, за что же мне это всё? О-о-о! За что?!..

Я присаживаюсь прямо перед ней, на корточки, и закрываю своей спиной вид отца. Беру её бережно за руки и шепчу вкрадчиво:

– О чём ты, мама? Что ты такое говоришь?

Она прячет красное лицо в свой пёстрый платок, а я продолжаю:

– Эта деревня, которую я нашёл, там ждут нас, понимаешь? Она просто огромна! Нам разрешили там жить, я спросил. Осталось просто пойти туда...

– О-о-о! – продолжает причитать она.

Я замечаю приближающиеся шаги за своей спиной, и совсем скоро раздаётся глухой вопрос отца со мной. Он спрашивает меня о Гариетте.

Гарриетта, про себя повторяю я. Перед глазами возникает образ младенческого лица, голубого одеялка в люльке и плач, как щебетание птички. Такой у Гарриетты красивый плач. Но почему он спрашивает? Ему ли не лучше знать, где она. А затем я понимаю. Грудь разрезает болью, и я ощущаю не просто утрату, а горе, большое и сокрушающее меня резко. Неужели, Гарриетта не пережила зиму? Неужели, правда? Я ведь думал, что она спит в своей люльке, пока мы обедаем. Я ведь думал так...

— Ты ушёл из деревни на страду, — говорит отец глухо. — Оставил двор, когда нужны были твои руки. Кто помогал мне готовить дрова на зиму? — его голос суров. — И теперь ты приходишь сюда со своими рассказами!

Я медленно отшатываюсь. Я начинаю осознавать. Что оставил их, когда нужен был больше всего. Но я ведь ушёл не просто так. Я искал выход! Мой шаг был не напрасен! ...и поэтому Гарриетты теперь больше нет.

Отец ещё говорит что-то, мать тихо смотрит вдаль на лес, и я отрешённо, как будто со стороны, наблюдаю за происходящим, хоть и не слышу смысла громких, ударяющих меня слов. В один момент я резко мысленно останавливаю отца. Я думаю о том, что ушёл из дома на сбор урожая. О том, что оставил наш двор, наплевал на своих братьев и сестёр, когда им нужны были мои руки! Да, я шёл на поиски лучшего места, чтобы такого, как с Гарриеттой больше не повторилось! И я нашёл его! Нашёл! Но это уже никого не вернёт..

Лицо отца искажается в горькой усмешке. И презрение видно в каждом его взгляде, в повороте головы. Я смотрю на мать и вдруг понимаю, что они просто мне не верят, не верят и все тут. Ни мать, ни сестры, ни братья. Ни особенно отец.

Я судорожно думаю о том, как они расценивают мой поход. Они представляют, похоже, что я ходил кругами вокруг

нашей деревни, ходил, ходил, пережил зиму чудом и от безысходности вернулся. Конечно, они так думают! И выдумал всю остальную историю... Голос матери холодный как никогда, отчего мне больно и неприятно внутри. Чувство вины льётся по моим рукам и кружит в груди. Я опускаю тяжёлую голову и смотрю на землю. Из коричневой небольшой трещинки лезет зелёный росток.

Они не пойдут со мной, вдруг понимаю я. Ясно и чётко осознаю. Никуда они не двинутся с этой земли. В ней лежит вся их жизнь. Все их смирение. Лежит их глупость, возвращённая лживыми сказаниями поколений. Лежит ложная вера в непосильную работу; в зверский труд; в долю, отведённую для них высшими силами; и лежит теперь Гарриетта и мой дед, который когда-то добрался до Омеля, совершил то, чего не совершали другие, осмелился пойти против слова толпы, и оказался ею раздавлен. Как и я. Теперь я понял, ясно понял, почему он не вернулся туда. Как он мог пойти? Без них. Как он мог оставить их на съедение смерти и болезням? Как мог забрать свои рабочие сильные руки и оставить лишь безнадёжность и беспросветность после себя? Оставить разочарование и проблему, ещё одну из тех, которые нужно будет решать?

Он не мог винить их в том, что они были такими. Он мог лишь жалеть их, и должен был остаться, потому что в нём нуждались. А потом он всего этого не выдержал и запил. Потерял смысл и запил. И руки его стали не сильными, а негодными, и никому он стал не нужен, и прозвали его бездельником, и смеялись над его сказками, а он жалел, наверное, что не ушёл. Жалел сильно и горечно, но было поздно.

Буду ли жалеть теперь я?

Нет, не буду.

Я разворачиваюсь и иду далеко, далеко за огород. Сворачиваю на поле, иду мимо него, ловя взгляды односельчан, со-

вершенно не узнающих меня, не обращающих внимания, занятых трудом, привычным мне и родным. Таким ненавистным и в то же время милым сердцу. Я смотрю на них всех, на этих усталых людей, и не вижу их лиц. Я только разбит и опустошён — и это всё, что мне ощущается. И чувство это зародилось во мне и останется уже навечно. Я знаю. Я пытаюсь сдружиться с ним.

Подхожу и беру в руку косу, и ничего мне больше не нужно. Не вижу я больше ничего перед собой, кроме этой прошлогодней, поднявшейся из снега, ожившей травы. И права была старейшина, подозревая, что я не вернусь. Тогда я ещё не понимал почему. Теперь твёрдо знаю. А она уже никогда не узнает. Для неё наша деревня навсегда останется загадкой. Но она не будет долго над ней думать, у неё много забот, других дел. Беззаботно жить — значит тоже делать.

После сенокоса иду с луга, опустив голову, к речке. Вода ещё холодная, мыться в ней, должно быть, хорошо. Но я мало что чувствую. Жизнь не может казаться столь плохой и трудной, когда есть такая вода. Но пустота щемит сердце. Всё как будто заливается в эту пустоту посреди моей груди. Всё, что находится на пути и рядом. Сейчас заливается вода и исчезает там. Недавно заливался бурый цвет травы. Скоро будет заливаться горячий закат. Там он и похолодеет, обесцветится.

Иду обратно от воды и вижу её, сидит у дуба, смотрит как на привидение. А я, наверное, им и стал после того разговора на крыльце с матерью и отцом.

Подбегает ко мне Лорелея, целует в щёки, в губы, в лоб, и я как будто начинаю оживать, совсем ненадолго. Или мне кажется. Моё сердце холодное, жёсткое. Я боюсь, что её поцелуи остынут, потухнут в моей пустоте.

Я обнимаю её крепко, и мы стоим долго и молча. Я силюсь больше никогда её не отпустить. Но мои руки такие бесчувственные и почти мёртвые.

– Ты жив!... – шепчет тихо она. – Я знала, что ты вернёшься ко мне, мой любимый!

– Я вернулся, – говорю я.

– Ты нашёл? – спрашивает она, с надеждой вглядываясь в моё лицо.

А моё лицо просто каменное.

– Я искал и ничего не нашёл, – выдыхаю я. – Теперь буду всегда здесь... Всегда буду рядом с тобой.

Чувства сожаления начинают медленно отступать с этой фразой. Я сделал самое сложное. Произнёс непроезжимое.

Лорелея отстраняется от меня и впервые смотрит испуганно и внимательно.

– Ничего? – переспрашивает она.

– Ничего, – упёрто повторяю я свою спасительную ложь.

Мотаю головой и убеждаю её в том, во что теперь сам верю. Лес – пустой, за ним – бесконечные зима и серость.

Лорелея замирает и опускает заблестевшие глаза.

Мы садимся с ней под дубом, как в любые хорошие для нас времена, и провожаем закат, следим за медленным алым солнцем. Я начинаю понимать, что оно мне почти так же мило, как раньше. Рядом с Лорелейей, можно пережить всё. Можно смириться с чем угодно. Она жалеет меня, прижав к своей груди, хотя ей самой горечно, но она знает, что мне – хуже. И оттого, что она рядом, я ощущаю нужное в этот момент успокоение.

Как же я должен был сказать ей, что мы никогда не пойдём туда, куда она мечтала? Как объяснить ей, что эти люди, которые рядом с нами, они не желают счастья, ни для нас, ни для себя? И что мы никогда не заставим их его желать?

Никак. Никак. Я не смогу произнести при ней всех этих страшных мыслей и слов, поэтому я молчу. Навсегда молчу о них и хороню их в себе. И Лорелея, чуткая, послушно перестает настаивать. Убаюкивает меня и обласкивает нежностью. И я бесконечно люблю её и благодарен за то, что она такая.

Когда солнце заходит полностью за лес, и становится темно – так, как темно глухой ночью – мы собираемся идти к домам, уже пропустившие, как и всегда, ужин. Я держу её крепко за руку, и она тихо идёт рядом. Её движения мягкие и бесшумные. Я очень скучал по ней, пока меня не было рядом.

Когда почти подходим к её дому, она останавливает меня и заходит вперёд, поворачиваясь ко мне лицом. Держит меня за обе руки. Её лицо какое-то серьёзное и даже решительное. Я едва ли узнаю свою любимую в этой вдруг изменившейся девушке.

– Если там ничего нет, любимый, – говорит она, – тогда пойдём с тобой за лес и постоим там всё, что хотели. Сами.

Я чувствую, что ладони её в моих руках шершавые и жёсткие. На миг теряю дар речи и не могу сообразить сон это или всё происходит наяву.

– Пойдём, вдвоём, Эверетт. Построим дом, нарожаем детей. Будем там жить так, как считаем верным.

Я думаю с секунду и затем говорю.

– Ты сейчас взаправду так говоришь? – спрашиваю удивлённо.

– Не могу я больше здесь, – шепчет она, – не могу я больше видеть это длинное поле.

Я выжидаю всего мгновение, пока прихожу в себя. Затем беру её лицо в свои ладони и говорю об Омелье, о Таре и Экхофе, рассказываю об утренней встрече с отцом и матерью, открываю всё своё переживание перед ней. Признаюсь,

что соврал, потому что не смог оставить родных, а она смотрит внимательно и слушает.

Говорит, что верит — и для меня нет слов слаще. Я подхватываю Лорелею и кружу, кружу в ночи, и она звонко смеётся. И мы боимся, не разбудили ли кого вокруг. И всего на миг я ещё ощущаю сомнение, представляя сердитые лица матери и отца, а затем и лица младших братьев и сестёр, заневоленных старшими. Лица ещё не понимающих детёнышей, которые не могут сделать выбор — пойти со мной. Ещё ничего не понимающих. А потом я говорю себе, что я не властен решать за них. Что они вырастут и все решат сами. И ещё понимаю, что не властен решать за себя — счастье хочет забрать меня, и я обязан ему позволить.

Этой ночью мы собираем вещи. Тихо шуршим в своих спящих домах. Передвигаясь по своей комнате на цыпочках, я поглядываю на стоящий в ночи дом Лорелеи и представляю с наслаждением, что она сейчас мысленно поглядывает на меня. Мы уходим тайком, ещё до рассвета, пока никто не видит, всех оставляя позади. Деревня с утра затянута туманом, а мне кажется, будто липкой паутиной.

Я держу Лорелею крепко за руку, когда мы уходим в лес. Я даю ей время обернуться и окинуть в последний раз взглядом нашу деревню, окутанную в белое. Она немного грустит — я знаю это — но храбро отворачивается ко мне. Ступает вперёд, и я делаю шаг сразу за ней.

Мы идём навстречу рассвету, встречая новый день, новую жизнь, новый мир. Встречая счастье, которое распахивает перед нами объятия. И мы вдвоём, одни на белом свете, так же сильно готовы обнять его в ответ.

Когда доходим до жёлтой поляны с большими дивными кузнечиками, Лорелея, как я и думал, остаётся ими потрясена.

Алёна Васильева

«АНЬКА»

Мелкий дождь сыплется в осклизлую ледяную слякоть. Дробит неровный рыжий свет фонарей в лужах, больше напоминающих озёра. Кажется, что промозглая морось заволокла весь мир, все времена, соединяя московские, когда-то «деятельные» улицы Левитова и петербургские дворы-колодцы. Распутные и мои.

Шершавым асфальтом, словно свежей кожей, затянулись израненные тысячами ног улицы. Вчера по ним мчались конные экипажи, сегодня – эффектные БМВ и дешёвые колымаги: обязательно тонированные и с пыльными пружинами.

Засверкали разноцветьем неона витрины, утонули в облаках небоскрёбы, а электрический паук сплёл над улицами хитрую паутину: не каждая птица пролетит.

Только человеческая душа осталась неизменной.

Всё так же робко она выглядывает из-за бронированных стенок недоверия. Всё так же возводит очи горе – к светлому, чистому, вечному. Туда, где за облаками – незримые, но незыблемые – прячутся мириады звёзд и солнце.

В солнце, конечно, никто уже не верит. Глупо здесь, в Петербурге, верить, что есть наверху, за извечной серой хмарью, какое-то светило. Стены домов покрашены в жёлтый, и спасибо. Достаточно.

Душа – душой, а в разговоры она не лезет. Чревато, знаете ли, показывать глубинную суть любому встречному. Ткнёт грязным пальцем, окинет насмешливым взглядом – век не отмоешься. Потому и диалоги из века в век всё те же: ругают правительство и погоду. А кто за тридцать, так прибавляют ещё,

что ноют колени и спина. И врачи все – сплошь шарлатаны да живодёры. Но есть вот одна бабка...

Та бабка, наверно, от основания мира сидит в своей покосившейся халупе, и дороги из всех городов ведут к ней. Сначала полудиких варваров, потом – обнищавших и спившихся рабочих, а нынче – хипстеров в подвёрнутых штанишках.

А она зашёптывает, утешает как может, даёт мудрые советы, которые никто не слушает. А потом долго смотрит в небо и улыбается краем губ. И знает, что однажды всё-таки покажется солнце. Может быть, сама Мать-природа нашла пристанище в этом дряхлом теле. А может, какая другая Мать. Но относится она ко всем равно, что к любимым детям или внукам.

Только вот шепчутся про неё многие, а доходят единицы.

«Чвяк-чвяк». Сапоги давно промокли. Для мороза и пушистого снега они – в самый раз, а вот для тоскливого межсезонья – не очень. Надо бы заглянуть на барахолку, может, найдётся нечто, более подходящее случаю.

Для такой погоды есть верное решение: надеваешь носок, сверху – пакет, завернув как портянку, а сверху – ещё носок. Там уж тебе буквально море по колено. Но вот попутал бес выскочить на улицу без «гидрокостюма». Ещё вчера ведь термометр показывал минус шесть.

Ладно, до Анькиного дома уже совсем рукой подать. А там – горячий чай и батареи. Ещё наверняка – коньяк и толпа народу, но это уже не так важно.

Анька живёт возле площади Труда. В самом центре, между прочим. И в доме у неё настоящая парадная, а не какой-нибудь там подъезд.

Правда, впечатление от приобщения к культурному наследию несколько портится при входе в длинную, как кишка,

полутёмную и давно не отремонтированную коммуналку. Особенно если навстречу попадает склочная соседка со своей псиной.

Но хуже всего, конечно, тот сосед, что за руку, а иногда и за волосы вытаскивает Анькиных гостей из туалета. Ну, просто потому что не тварь дрожащая, а право имеет. Всё по Достоевскому. Центр же ж, культура!

Зато мы все научились виртуозно пробираться в жизненно важное заведение впотьмах, абсолютно бесшумно. Если вдруг начнётся война (тьфу-тьфу, конечно), цены нам не будет как диверсантам.

Поднимаюсь по знакомой лестнице, коротко звоню в дверь.

Кто-то из Анькиных гостей, не глядя, открывает мне и ментально скрывается в недрах квартиры.

Разуваюсь, не зажигая свет в коридоре. Стягиваю куртку и носки. И с того и с другого глухо падают на линолеум редкие капли.

Дверь в ближайшую комнату распахивается, и появляется Анька. Вместе с ней вылетает клуб дыма. Подруга, хихикая, разгоняет его рукой.

Потолки в квартире высокие — больше четырёх метров. Настоящие хоромы. Но даже это не спасает, когда там целенаправленно курят три здоровенных мужика, чтобы иметь перед барышнями более многозначительный вид. Последние, кстати, тоже не отстают.

— Заходи, чего ты как неродная? — Анька тащит меня в своё логово. Я непроизвольно задерживаю дыхание, заодно пытаюсь припрятать за спиной испаскудившиеся носки. Поджимаю босые пальцы, стараясь не занозить их о дореволюционный паркет.

Несмотря на кавардак, публика блистательна. В кресле, приняв драматическую позу, максимально выгодно подчёркивающую длину ног и невероятный изгиб талии, устроилась

Мари. Чёрное платье посверкивает стразами. Она – актриса. И по жизни, и по работе. Возможно, талант пока по достоинству не оценён, но это лишь досадная временная неурядица. По крайней мере, нам регулярно напоминают о данном факте.

Иван – мутный тип ростом около двух метров – небрежно присел на подоконник, примяв пыльную золотую портьеру. Я бы не доверила ему и носовой платок, но он чудесно рассказывает о красотах Камчатки и солнечных ароматах Крымских гор. Длинный, скошенный чуть набок, веснушчатый нос дёргается, как будто рассказчик сейчас вычихнет воодушевлённой публике все накопленные в поездках запахи и впечатления.

На какие шиши и по каким делам катается Иван в неведомые дали, никто толком не знает. Но за красочные истории, половина из которых, скорее всего, была им самим подслушана по дороге, с этим готовы мириться.

В углу дивана, скептически приподняв бровь, пристроился хороший мальчик Борис. Это выражение лица не покидает его практически никогда, будто он сам не может понять, как здесь оказался. Но приходит ведь снова и снова! Сидит, слушает. Может быть, изучает всю компанию для своей будущей юридической практики.

Борис понимающе косится на мои босые ноги, молча отставляет пузатый бокал и двигает диван, чтобы можно было добраться до батареи. Остальная публика взахлёб обсуждает очередной артхаусный шедевр какого-то гения кинематографа. Судя по накалу страстей, дело близко к рукоприкладству.

Тон задаёт Роман. Это очередной Анькин ухаждёр. Уже долго держится, кстати, несмотря на все перипетии совместного быта. Например, на то, что мужчина прикидывался, будто ходит на работу и получает зарплату, а потом выяснилось, что он тащит и продаёт из дома благоверной всякую мелочёвку: наушники, старый примус, швейную машинку с антресолей.

Тогда, конечно, был жуткий скандал. Анька сломала вруну нос. Прямо по-настоящему. Прямо кулаком. Несмотря на хрупкую субтильную комплекцию, в ярости подруга бывает страшна.

С тех пор Роман вроде бы образумился. Галантно целует руки гостям, эффектно встаёт на одно колено перед Анькой, подливая той вина. Следы домашнего насилия почти не испортили его гордый римский профиль. А машинка? Ну что с неё? Не в машинке счастье.

Сама хозяйка хороша. Учится на дизайнера и отлично рисует. И сама она похожа на резкий росчерк каллиграфической кисти. Почти чёрные глаза сияют лихорадочным, каким-то нездоровым блеском. Но, наверно, именно это черта даёт ей уникальное умение добиваться от кого угодно чего угодно.

Анька пока не переходит разумных границ, но я твёрдо уверена: если она однажды подойдёт к вам на улице, объяснит, почему ей срочно нужно на Луну, вы тут же, не распыляясь на менее важные дела, броситесь строить космический корабль.

Вечер незаметно переходит в ночь. Муторную, длинную, но уже предвесеннюю. За высокими разошшимися окнами март медленно, но неуклонно, вступает в свои права.

Гости нехотя разбредаются, Роман отправляется проводить их. Может быть, опять спёр что-нибудь под шумок.

Свет выключен.

Тихо. Только раздаётся мерное тиканье настенных часов. Можно представить, как с каждым движением коричневая стрелка проезжается по циферблату.

Сидя на подоконнике с ногами, Анька снова курит. Я стою рядом, чуть одуревшая от дыма и шумного вечера. Хочется

спать, но ощущение «здесь и сейчас» дарит удивительный покой и умиротворение.

Счастье?

Ладони на холодном подоконнике. Неуловимый весенний дух, просачивающийся в задымлённую комнату через приоткрытую форточку. Светлеющее небо над Невой.

Небо! Настоящее, синее, чистое. Без обрывков болезненно-жёлтых туч, перманентно выжимающих из себя ледяные капли.

— Ты счастлива? — спрашиваю я. Этим чувством всепоглощающего «сегодня» хочется поделиться со всем миром. И пусть никто не уйдёт обиженным, да?

Анька едва слышно хмыкает. Гасит прогоревшую почти до фильтра сигарету.

— Нет, — твёрдо отвечает она. — Но однажды буду.

И как тут объяснить, что наступление этого однажды — всего лишь осознанный выбор? Кто-то умеет быть счастливым, просто отхлебнув вкусной воды из колодца. Даже когда в кармане пусто, а одежда требует ремонта. Другой достигает цели за целью, не испытывая ни покоя, ни удовлетворения.

Мы молча смотрим на рассвет.

Всё это было страшно давно.

Анька успела бросить свой дизайнерский университет. Потом поступила в Академию Художеств на бесплатное отделение и тоже послала всё к чертям.

Тем же маршрутом отправился и Роман.

Справедливости ради стоило бы сломать ему ещё что-нибудь, кроме носа, но это уже совсем другая история.

Анька по-прежнему курит и плачет.

Можно было бы осуждать её и за одно, и за другое. Кажется, уныние до сих пор входит в состав смертных грехов, как самый бюджетный. Но для меня эта девушка – маленький флаг надежды, яркий лучик солнца на жёлтых стенах дождливого Петербурга.

Она, как феникс, однажды поднимает голову, сколько бы ни рассыпались пеплом мечты, стремления и вера в людей. Та самая наивная большеглазая душа, которая выглядит из-за крепкой решётки оценочных суждений и резкой иронии.

Однажды я спрошу Аньку: «Ты счастлива?», и её выбором будет «да»...

Геннадий Авласенко

«ЛОВИСЬ РЫБКА НА... БАШМАК»

Как это печально, когда нет клёва!

И хоть говорят, что главное на рыбалке не улов, а так называемое «единение с природой»... да лукавят они, все те, кто вещает такое! Какое тут, к чёрту, «единение», когда поплавку даже лень пошевелиться, а очкастый тип за спиной всё никак уходить не желает! Может, потому и клевать перестало?!

— Послушай! — не выдержав, повернулся рыбак к очкарику. — Если тебе так нравится рыбалка, почему б тогда самому не попробовать?

— У меня не хватит терпения, — пояснил очкарик, по-прежнему не сводя глаз с неподвижного поплавка. — Да и удочки у меня тоже нет...

Был он худощавый, нескладный, лет двадцати, не больше. Молокосос, в общем...

— Терпения у него, видите ли, не хватит! — проворчал рыбак, с раздражением меняя наживку и вновь забрасывая удочку. — На поплавок бездумно пялиться терпения хватает, а ежели самому...

И тут в голову рыбаку пришла одна замечательная идея. Гениальная, можно сказать, идея! Сразу двух зайцев, как говорится... и надоедалу этого куда-нибудь подальше сплавить, да и посмеяться над ним хорошенько.

— Слушай! — отложив удочку в сторону, рыбак вплотную приблизился к юноше. — Насчёт терпения у тебя всё в порядке, а удочку...

Замолчав на мгновение, рыбак быстренько огляделся по сторонам.

– Удочку мы сейчас живо организуем!

Подхватив с травы почерневшую от времени жердь, рыбак с самым серьёзным видом осмотрел её со всех сторон, потом, удовлетворённо хмыкнув, вытащил из кармана моток тонкой бечёвки. Не спеша прикрепил её к жерди.

– Так, удилище и леска у нас уже имеются, – пробормотал он, внимательно озираясь, – осталось только... Ага, вот это должно подойти!

Рыбак вытащил из травы старый дырявый башмак, привязал его к бечёвке.

– Классная удочка получилась! – одобрительно хмыкнул он. – И притом, только на солидную рыбину!

– Правда? – недоверчиво проговорил юноша. – А какую рыбину можно поймать на башмак?

– Исключительно крупную! – заверил собеседника рыбак. – Сом, к примеру, только на башмак и клюёт! Или щука огромных размеров! – Тут рыбак вздохнул и с притворным сожалением добавил: – Эх, жалко даже отдавать тебе, да где наша не пропадала! Пользуйся моей добротой!

И он решительно протянул юноше жердь с болтающимся на ней башмаком.

– Держи, пока я не передумал!

– Благодарствую! – проговорил юноша, нерешительно принимая из рук рыбака «удочку». – А сейчас, что? Забрасывать?

И он взмахнул жердью.

– Стой! – своевременно перехватил руку юноши рыбак. – Тут сомы не водятся, тут мелочь одна! А вон за тем кустарником их хоть пруд пруди! Так что тебе туда надо!

Рыбак и сам не верил, что его шутка сработает, но именно так и произошло. Вскинув на плечо «удочку» юноша послушно двинулся в указанную сторону. Потом до слуха рыбака донёлся характерный всплеск.

– Ну и идиот! – покрутил головой рыбак. – Таких поискать! И тут ему стало не до недотёпы-очкарика. Неподвижный до этого поплавок вдруг вздрогнул, чуть приподнялся и медленно пошёл в сторону. Затаив дыхание, рыбак сделал подсечку... и вот уже увесистый подлещик серебристо затрепетал на траве.

– С почином! – поздравил себя рыбак, вновь забрасывая удочку. И почти сразу же подсёк второго подлещика.

А потом ещё и ещё... и, лишь когда донельзя обрадованный рыбак вытащил шестого по счёту подлещика, поплавок наконец-таки успокоился и вновь застыл в полной неподвижности.

И в это самое время послышался взволнованный возглас из-за кустов:

– У меня что-то клюнуло! Увесистое!

– Сом, разумеется! – иронично выкрикнул рыбак в ответ и тут же, неожиданно даже для себя самого, добавил: – Слушай, я просто пошутил! А башмак твой, скорее всего, за корч зацепился.

– Да нет же! – ещё более взволнованно выкрикнул юноша. – Там живое что-то! Дёргает!

– Да что ты такое говоришь?!

Ни капельки не поверив юноше (да и как в такое можно поверить!) рыбак тем не менее отложил удочку в сторону и не спеша двинулся в сторону кустарника. А там...

Из воды, держа в руке башмак, вынырнула вдруг полностью обнажённая девушка. Ослепительно прекрасная, с длинными зелёными волосами и большими глазами ярко-синего цвета.

– Ну, и что дальше? – окидывая пристальным взглядом оторопевших от неожиданности мужчин, проговорила девушка чуть хриловатым, но тем не менее весьма приятным голосом. – Уставились и молчат, нет, чтобы помочь...

Но ни рыбак, ни юноша в очках ничего ей на это не ответили, продолжая оторопело молчать. Слишком уж странным и даже нереальным оказалось для них неожиданное появление из воды удивительной этой незнакомки.

— А, дождёшься от вас помощи!

Девушка быстренько выбралась на берег, внимательно себя осмотрела и вдруг звонко хлопнула в ладони. И тотчас же оказалась одетой. Правда, настоящей одеждой зеленоватую и почти прозрачную тунику, в которую только что облачилась девушка, можно было назвать с огромной даже натяжкой.

— Для начала позвольте представиться, — обольстительно улыбаясь, проговорила девушка. — Я — речная нимфа, но мне так наскучило жить под водой. Самостоятельно же покинуть этот осточертевший водоём...

В это время в реке, как раз напротив того места, где рыбак бросил удочку, что-то гулко плеснуло и на воде побежали широкие круги.

— Щука! — повернув голову в ту сторону, констатировал рыбак. — И немаленькая!

— Не перебивай! — нимфа строго погрозила рыбаку изящным пальчиком. — На чём я остановилась?

— На том, что мечтала покинуть этот осточертевший водоём, — еле слышно пробормотал юноша.

Вновь плеснуло в реке, но уже дальше по течению.

— Вот, вот! — подхватила нимфа. — Сама же я никак не могла его покинуть. Кто-то должен был снять с меня заклятье, закинув удочку с дырявым башмаком вместо приманки. И ты это совершил, мой освободитель, мой единственный и неповторимый возлюбленный!

— А знаешь, — обрадованно проговорил рыбак, — ты мне тоже понравилась! С самого первого взгляда!

— Не понимаю, при чём тут ты?!

Окинув рыбака пренебрежительным взглядом, нимфа подошла к растерянному юноше, крепко обняла его.

— Любимый, теперь я твоя навеки!

— Чёрт! — выругался в сердцах рыбак и в это время в водоёме вновь слышался гулкий всплеск. — Да что это там так плещется?!

— Не обращай внимания! — махнула рукой нимфа. — Ей просто завидно!

— Кому это, ей? — не понял рыбак.

Ничего на это не отвечая, нимфа крепко прижалась нежными своими устами к обветренным губам юноши.

— Твоя навеки! — повторила она нежно.

— Вот что значит: дуракам везёт! — завистливо буркнул рыбак. — Ну, почему бы тебе не быть моей навеки?

— Если бы ты поймал меня на дырявый башмак, я и была бы твоей! — пояснила нимфа. — А так... Мой единственный! — вновь прошептала она, поворачиваясь к юноше. — Я стану тебе отличной женой! Самые вкусные и изысканные блюда, самая чистая одежда и обувь. И ещё...

Тут нимфа замолчала на мгновение и добавила, стыдливо потупившись:

— Ночью, в постели, я постараюсь быть идеальной возлюбленной!

— И это всё, что ты можешь ему предложить? — хмыкнул не без злорадства рыбак. — Знаешь, нечто подобное могут исполнять и вполне обычные жёны! — Тут он умолк на мгновение и горько вздохнул. — Не все...

Ничего на это не отвечая, нимфа внимательно посмотрела на юношу.

— Милый, — прошептала она с прежней нежностью в голосе, — прости, но я только что прочитала твои мысли. А они у тебя горькие. Ты многим задолжал... и зарплата у тебя мизерная. А

ещё, совсем недавно, из-за этого тебя бросила невеста. Вернее, ушла от тебя к твоему лучшему другу. Бывшему лучшему другу... — тут же поправились нимфа.

— Вот видишь! — проговорил юноша, печально улыбаясь. — Такой уж я незавидный кавалер!

— Неужели? — с какой-то даже насмешкой в голосе проговорила нимфа и вновь хлопнула в ладони. — А ну-ка, открой свой рюкзак!

— Зачем? — не понял юноша. — Там ничего нет!

— А ты всё равно открой!

Раскрыв рюкзак, юноша некоторое время молча взирал на деньги, которыми рюкзак был набит почти доверху. И так же молча на эти деньги уставился из-за его плеча рыбак.

— Мама мия! — только и смог проговорить он, потрясённый до самой глубины души.

— Это всё моё? — не веря своим глазам, прошептал юноша.

— Твоё, мой возлюбленный! — подтвердила нимфа. — Вернее, наше. А мало будет, я ещё наколдую...

— Чёрт! — что есть силы завопил рыбак, топая ногами. — Вот же чёрт!

И вновь что-то гулко плеснуло на водной глади, но рыбаку было уже не до рыбалки.

— Я сделал эту дурацкую удочку! — продолжал вопить он, не переставая топтать ногами. — Вот этими самыми руками её смастерил! Я вручил удочку этому недотёпе в очках! Я даже указал ему место, куда следует закидывать! Всё это я, а не он! Так почему же тогда...

Не договорив, рыбак замолчал, но нимфа отлично поняла, что он хотел сказать.

— Тебе надо было просто закинуть самому! — сказала она. — Тогда б ты не прозевал свой шанс.

– Чёрт, чёрт, чёрт! – не зная, что и ответить на это, вновь завопил рыбак и почти сразу же умолк прислушиваясь. – Да что там так всё время бултыхается? Щука?

– Возможно, – с лёгкой иронией в голосе отозвалась нимфа. – Но вовсе не обязательно...

– А кто ещё? – заинтересовался было рыбак и вдруг умолк, озарённый внезапной догадкой. – Слушай, а там, в воде, кто-нибудь остался?

– Рыба, – всё с той же иронией пояснила нимфа. – Раки, лягушки, прочая водная живность...

– Да нет же, я не о том! – досадливо отмахнулся рыбак. – Кто-нибудь сказочный, вроде тебя, там ещё водится?

– Не исключено, – загадочно проговорила нимфа.

– Правда?

Радостно взволнованный рыбак подхватил с земли «удочку» с башмаком.

– А что, ежели я... ежели я тоже закину башмак? Поймаю я своё счастье?

– Ты только тут не забрасывай, – думая о чём-то своём, посоветовала нимфа. – Тут моя территория, а её территория – вон там!

И нимфа указала на излучину реки за кустарником. Как раз на то самое места, где так удачно рыбак чуть ранее подсекал подлещиков.

– Чья территория? – разволновался рыбак.

– Моей речной подружки, – пояснила нимфа и вдруг весело рассмеялась. – Ишь как расплескалась! Тоже, небось, надоело в воде обитать, так что поспеши! А то вдруг кто-либо опередит!

– Не опередит! – рыбак воинственно взмахнул «удочкой». – Не успеет!

Бодрой рысью он ринулся за кустарник, а юноша задумчиво посмотрел вслед рыбаку.

— Там что, и в самом деле твоя подружка обитает?

Не отвечая, нимфа лишь молча кивнула.

— И её что, тоже можно вытащить на дырявый башмак?

— Исключительно на дырявый! — думая о чём-то своём, подтвердила нимфа. — И ни на что другое!

— И он её поймают?

— Даже не сомневаюсь в этом! Вон, уже, кажется, тащит!

— Ну что ж, — задумчиво проговорил юноша. — Выходит, он тоже поймал своё счастье!

— А вот в этом я глубоко сомневаюсь! — засмеялась нимфа, и в это самое время до ушей юноши донёсся отчаянный крик рыбака. — Ну, что я говорила!

В это время из-за кустарника выбежал рыбак с перекошенной от ужаса физиономией. За ним гналось какое-то жуткое создание, всё в ряске, тине и бурой болотной грязи. На голове у кошмарной твари торчали рога, чуть пониже спины болтался длинный косматый хвост.

— Отстань от меня! — поминутно оборачиваясь, испуганно вопил рыбак. — Чего привязалась, уродина?!

— О, мой возлюбленный! — низким утробным голосом гудела в ответ тварь. — Ты снял с меня колдовские чары, и теперь я твоя навеки! До самой смерти!

— До чьей смерти? — ещё более испуганно завопил рыбак, ускоряя бег.

— До твоей, разумеется! — с готовностью отозвалась тварь, по-прежнему не отставая от рыбака ни на шаг. — Моя жизнь долгая!

— А-а-а! — пробегая мимо нимфы и юноши, с отчаяньем прорыдал рыбак. — Помогите! Спасите!

– Сейчас помогу, мой избавитель! – с готовностью отозвалась тварь, тоже пробегая мимо юноши и нимфы. – Ты только не убегай от меня, мой единственный и неповторимый! О, как же сильно я тебя люблю!

– Отстань от меня, отстань, слышишь! – донёсся уже издалека голос «единственного и неповторимого». – У меня дома собственная жена имеется! Почти такая же уродина!

– Вот и хорошо! – послышалось в ответ. – Теперь две уродины в доме твоём обитать будут!

Голоса рыбака и жуткого болотного создания постепенно затихли вдалеке.

– Так это и есть твоя подруга? – с недоумением проговорил юноша, поворачиваясь к нимфе.

– Точно! – кивнула головой нимфа. Потом помолчала немного и добавила: – Чертяка болотная.

– Уродливая какая!

Юноша даже содрогнулся, потом до него дошло ещё что-то.

– Выходит, я тоже мог её вытащить? Вместо тебя?

В дрожащем голосе юноши слышался самый неподдельный ужас.

– Успокойся, не мог ты её вытащить! – весело рассмеялась нимфа. – У нас с подружкой уговор был, что я ловлюсь первой. А знаешь почему?

– Почему? – с явным облегчением спросил юноша.

– А потому, – пояснила нимфа, – что если бы её первой вытащили, вряд ли кто-либо после этого решился ещё разочек забросить башмак в воду!

Перевод с белорусского – автора.

Геннадий Авласенко

«ШАХМАТИСТКА»

Когда во входную дверь позвонили в первый раз, я как раз занималась с младшим братишкой. Точнее, укладывала его спать. Ещё точнее, тщетно пыталась сие осуществить, заранее понимая, что всё это, как говорится, пустой номер...

Мой младший братишка засыпал лишь по собственной инициативе и совершенно независимо от всех моих укачиваний и убаюкиваний.

Но что делать, если мама, уходя, строго-настрого приказала мне уложить Костика спать ровно в два часа, а маму надо слушаться. Особенно такую, как моя...

Когда в дверь позвонили вторично, я, вздохнув, встала и пошла открывать. Но, прежде чем выйти в прихожую, сунула Костикку в рот пустышку и выразительно погрозила ему пальцем.

— Не вздумай чего-нибудь выкинуть! — строго проговорила я при этом, внимательно вглядываясь в его голубенькие плутоватые глазёнки. — И вообще, веди себя прилично при посторонних! Лежи тихо и соси эту штуку!

Когда в дверь позвонили в третий раз, я уже к ним подходила. Не глядя в глазок (за что мама всегда меня отчитывала), сразу же отворила дверь. Впрочем, я и так отлично знала, кто там, за ней...

Это и в самом деле оказался Семён Петрович, тренер шахматной секции нашей школы.

В самом начале этого учебного года я из любопытства записалась в их секцию и аккуратно посещала её до тех самых пор, пока мне не стало там скучно. Но, вообще-то, скучно мне стало только через два месяца, а это, что ни говори,

своеобразный для меня рекорд посещаемости подобных мероприятий.

— Здравствуй, Ксюша! — сказал Семён Петрович, входя в прихожую. — Можно к тебе?

— Конечно, можно, — сказала я, отступая на пару шагов и, спохватившись, добавила: — Здравствуйте, Семён Петрович!

В руке моей была зажата жевательная конфета без обвёртки, и теперь я гадала, как с ней лучше поступить: то ли бросить в рот (что было бы верхом бестактности по отношению к Семёну Петровичу), то ли продолжать сжимать её в кулаке (что было весьма неприятно ввиду излишней липкости конфеты).

Семён Петрович пришёл не один. Вместе с ним в прихожую вошёл ещё какой-то дяденька средних лет и весьма представительной наружности. Войдя, он сразу же на меня уставился с интересом и, одновременно, с каким-то недоумением, что ли...

— Это она? — всё с тем же явственным недоумением в голосе негромко спросил он у Семёна Петровича.

— Она, она! — громко и жизнерадостно отозвался Семён Петрович и, обращаясь уже ко мне, добавил: — Вот, Ксюшенька, познакомься! Мой давний приятель, Олег Владимирович!

— Здравсьте! — проговорила я, бросая в рот конфету и протягивая Олегу Владимировичу руку. — А вы тоже шахматист?

— И ещё какой! — воскликнул Семён Петрович, наблюдая, как донельзя ошарашенный сей бесцеремонностью Олег Владимирович неловко пожимает мои липкие от конфеты пальцы. — Он, между прочим, недавно стал гроссмейстером!

— Поздравляю! — сказала я. — От всей, как говорится, души!

— Спасибо! — пробормотал Олег Владимирович, чувствуя себя явно не в своей тарелке. Мне даже показалось, что он уже жалеет о том, что, вообще, позволил себе такую глупость, как поддаться на уговоры приятеля и заявиться сюда. — А мы не могли бы пройти куда-нибудь... в комнату, например?

– Конечно! – немного запоздало спохватилась я. – Проходите, пожалуйста!

В комнате всё было по-прежнему, и я этому здорово обрадовалась. Костик лежал в кроватке и послушно держал во рту пустышку. Он даже глазки зажмурить соизволил, маленький притворяшка!

– Братик? – шёпотом поинтересовался Семён Петрович и, когда я молча кивнула, добавил: – И сколько ему?

– Десятый месяц, – тоже шёпотом сообщила я. – А вы присаживайтесь, не стесняйтесь!

– А мама твоя где? – спросил Семён Петрович, усаживаясь на диван. Гроссмейстер Олег Владимирович некоторое время колебался, но потом тоже сел. Правда, не на диван, а на стул, стоящий рядом.

– Мама ушла по делам, – сказала я и, хоть всё уже отлично поняла, спросила: – А вы, наверное, к маме?

– Нет, мы к тебе! – проговорил поспешно Семён Петрович и, вытащив из своего потёртого портфеля шахматную коробку, добавил почти просительно: – Сыграть не желаешь?

– С вами? – спросила я самым невинным тоном.

Вопрос мой явно смутил Семёна Петровича, и я его хорошо понимала. Играть со мной, тем более, на глазах у друга-гроссмейстера он явно не стремился.

– Это я хотел бы сыграть с тобой, Ксения, – вмешался в разговор, доселе молчавший Олег Владимирович. – Если ты, разумеется, не против...

– Ладно, – сказала я, и Семён Петрович принялся быстро расставлять на доске фигуры.

Он, вообще-то, неплохой человек, наш Семён Петрович, хоть и несколько суетливый. Когда я пришла первый раз в секцию, он три часа со мной одной провозился, объясняя первоначальные азы шахматного искусства. И, надо отдать ему

должное, педагог из Семёна Петровича был отменный. Я как-то сразу ухватила основную суть игры и уже на следующем занятии выиграла десять партий из десяти у пяти разных партнёров. А на третьем своём занятии вчистую обставила всех самых сильных и перспективных членов секции, чем здорово их расстроила.

И тогда, явно заинтересованный моими фантастическими успехами, Семён Петрович предложил мне сыграть с ним. И, кажется, очень сожалел после об этом своём опрометчивом предложении. А ещё больше он сожалел, кажется, что не остановился на первой же проигранной партии, посчитав её чистой случайностью...

Но ушла я из секции вовсе не потому, что стала испытывать некоторую неловкость по отношению к Семёну Петровичу (хоть и это тоже имело место). Как я уже говорила, мне просто стало скучно. Научилась играть и ладно.

Да тут ещё и мама как-то, совершенно случайно, обо всём провела...

– Кто будет белыми? – спросил Олег Владимирович, пододвигая свой стул поближе к столу. – Может, ты, Ксения?

Мне было всё равно, и я сделала первый ход. Просто так, не задумываясь. Интуитивно, как сказала бы мама.

Обычно даже маститые шахматисты первые свои ходы делают быстро. Но вот Олег Владимирович почему-то задумался над первым же ответным ходом. Даже не то, чтобы задумался... он просто недоумённо посмотрел на меня.

– Первый ход и сразу с коня... – как-то разочарованно даже пробормотал он. – Почему ты пошла конём, Ксения?

Я лишь пожала плечами. Действительно, почему конём? Не знаю. Знаю только, что это, безусловно, правильный ход.

Гроссмейстер сделал ответный ход, и игра началась. И шла она довольно быстрыми темпами, потому как Олег Вла-

димирович почти не задумывался над своими ходами, я же, вообще, делала ответные ходы сразу. И так продолжалось до двадцатого хода... и к этому времени я уже проигрывала белопольного слона и пешку.

— Это очень плохой ход, девочка! — мягко и одновременно как-то разочарованно проговорил гроссмейстер, когда я выдвинула далеко вперёд своего оставшегося слона. — Этим ты ещё более ухудшишь своё положение. Можешь переходить, я разрешаю.

Он и не подозревал, какой это блестящий ход с моей стороны, и к каким разрушительным последствиям (для чёрных фигур, разумеется) приведёт он уже через несколько последующих ходов. И Семён Петрович тоже ничего такого на доске пока не углядел, потому как разочарованно на меня уставился. Сейчас он, кажется, больше всего на свете желал победы именно белым фигурам. Не потому, что плохо относился к своему приятелю... скорее, для собственного самоутверждения...

Никоим образом не хочу сказать, что они оба были плохими шахматистами! Они были хорошими шахматистами, блестящими даже! Но вся их беда была в том, что мыслили они слишком шаблонно и прямолинейно, и потому легко предсказуемо.

Гроссмейстер (на то он и гроссмейстер) учуял беду раньше Семёна Петровича, уже через последующих четыре хода. Нахмутив густые брови, он долго смотрел на доску, мысленно анализируя и просчитывая все варианты спасения партии. Но таких вариантов, увы, уже не имелось! Был, правда, один ход, который мог при последующей правильной игре привести всё же партию к почётной ничьей...

Но Олег Владимирович этого хода, конечно же, не заметил. Вместо этого он начал ферзевую атаку на короля и тем значительно облегчил мне задачу.

– Однако, партия! – обращаясь к другу, проговорил траурным голосом явно повеселевший Семён Петрович. – Ну что, теперь поверил?

Но Олег Владимирович, ничего ему на это не отвечая, тут же предложил мне вторую партию. Мы повернули доску, и гроссмейстер сделал свой первый ход...

И вновь мои ответные ходы его явно озадачили. Впрочем, теперь он уже смотрел на меня безо всякого сочувствия (тем более, разочарования) и больше не предлагал переходить.

После того как и эта партия закончилась его поражением, Олег Владимирович, нахмурившись, вытащил из кармана сигареты и предложил сыграть третью партию.

– Здесь не курят! – предостерёг его Семён Петрович, ещё более повеселевший. – А вообще-то, Ксения, наверное, устала...

В это время в комнату вошла мама. Увлёкшись игрой, я и не заметила, когда она успела вернуться домой.

– Здравствуйте! – сказал Семён Петрович, вскакивая из-за стола. – А мы вот...

Он замялся, не зная, что и сказать дальше, и тогда я пришла ему на помощь.

– Это наш учитель, Семён Петрович! – сказала я маме и, повернувшись к Семёну Петровичу, добавила: – А это моя мама!

– Очень приятно! – сказал Семён Петрович.

– Мне тоже! – сказала мама, но голос её выдавал обратное, и Семён Петрович, кажется, это как-то почувствовал.

Вообще-то, назвав Семёна Петровича учителем, я ни капельки не соврала. Кроме шахматной секции, он преподавал в нашей школе физику, но в моём пятом классе этот предмет ещё не изучался.

– Вы знаете, у вашей дочери блестящие шахматные способности! – встрял в разговор Олег Владимирович. – Я бы даже сказал – выдающиеся! И ей обязательно надо...

– Давайте поговорим об этом как-нибудь потом, – сказала холодно мама и, смерив меня взглядом, не предвещающим ничего хорошего, добавила всё тем же холодно-безразличным тоном: – Как насчёт завтра?

– Завтра так завтра! – явно озадаченный этой её холодностью и безразличием, проговорил гроссмейстер. – Значит, до завтра?

– До завтра! – сказала мама, подходя к кровати и внимательно всматриваясь в безмятежно посапывающего Костика. – Ксения, проводи гостей!

– Ты должна серьёзно заняться шахматами, Ксения! – взволнованно втолковывал мне напоследок Олег Владимирович. – Да ты просто обязана посвятить им всё своё свободное время!

– Я подумаю! – пробормотала я, закрывая за ними дверь. Вообще-то, я больше думала о том нагоняе, который предстоял мне от мамы.

Но особого нагоняя не было. Когда я вошла в комнату, Костик уже не спал. Он парил в воздухе над кроватью на пару с мамой, а мама в присутствии Костика всегда старалась сдерживать свои негативные чувства и эмоции.

– Прости, ма! – виновато проговорила я, тоже воспаряя до их уровня. – Я больше не бу! Просто вновь не смогла удержаться!

«Ксюса, давай поиграем! – мысленно завопил Костик, взмывая к самому потолку. – Лови меня!»

Но мама меня опередила. Она тоже взлетела чуть повыше и успела поймать Костика прежде, чем тот смог телепортировать себя в соседнюю комнату.

– Кушать пора! – сказала она вслух. – Потом играть будете! И добавила мысленно и уже лично мне: «Ты опять?»

Я ничего не ответила, да и что было отвечать...

«А теперь изволь сделать так, чтобы эти двое сюда больше не заявлялись! — всё так же мысленно продолжила мама. — Согласись, что нам совершенно не нужна огласка!»

Огласка нам и в самом деле ни к чему... как в чём, а в этом мама была совершенно права. И потому я лишь покорно кивнула головой и тут же телепортировалась в прихожую.

Вообще-то, перемещаться туда было вовсе не обязательно, но я почему-то застеснялась мамы. Вдруг у меня не получится с первого раза...

Но всё получилось просто-таки отлично. Эти двое как раз стояли возле шикарного автомобиля, принадлежащего гроссмейстеру, точнее, они уже усаживались в него. И, разумеется, не переставали в самых восторженных тонах толковать обо мне.

— Это просто невероятно! — в сотый, наверное, раз повторял Олег Владимирович. — Это такая удача! Я как раз набираю новую группу...

— Да, но не забывай, что это я «открыл» Ксению! — тоже в сотый, наверное, раз втолковывал ему Семён Петрович. — Так что, давай по-честному!

Интересно было бы послушать, как именно постараются решить они дальнейшую мою (да и свою тоже) судьбу, но времени у меня, к сожалению, было в обрез. И я, сосредоточившись, послала в их сознания мысленный импульс. Один маленький импульс, немного изменяющий память...

Совсем чуточку изменяющий...

— Ну что же, — лениво проговорил Олег Владимирович, вырывая со стоянки, — девочка явно не без способностей, особенно для её юного возраста. А вторую партию и, вообще, могла свести к ничьей...

Это я им так внушила, об этой теоретической возможности ничейного результата с моей стороны, хоть знала, что мама

и за это будет мне долго выговаривать. Но свести всё к одним лишь поражениям было бы для меня как-то слишком унижительно, что ли...

Наверное, потому, что шахматы понравились мне значительно больше, чем все прежние мои спортивные увлечения.

Последствия которых, впрочем, тоже пришлось потом устранять небольшими мысленными импульсами...

Денис Гербер

«БУДИТЛЯНИН»

Если судить по фотографиям в семейном альбоме, предки К. все как один были интеллигентами. С пожелтевших карточек смотрели: родители — оба сельские учителя, одетые строго и опрятно; дед с бабкой, сфотографированные в своей библиотеке (неизменный задник из пухлых томов); дяди и тётки — кто за письменным столом, кто за кафедрой, кто в лаборатории. Был даже снимок младшего брата дедушки (мать говорила, таких принято называть «старый малый»), где родственник стоял едва ли не в обнимку с Курчатовым. Ещё один неизвестный предок был облачён в рясу и скуфью — не интеллигент, конечно, но и обычным человеком не назовёшь.

Разглядывая альбом, К. всегда испытывал лёгкое уныние. Иногда — тревогу. Ему чудилось, будто у него внутри шевелятся «интеллигентские гены» — пробуждаются, намереваясь и его посадить за письменный стол или превратить в учёного. Частички голубой крови содержались в организме, как бактерии туберкулёза. Полностью их не искоренишь, но можно сдерживать, контролировать, чтобы зараза не множилась. Собственно, для этого К. и пересматривал старые фотографии — чтобы не забывать, в кого со временем может превратиться. Курильщикам и алкоголикам ведь показывают снимки запущенных больных.

Становиться интеллигентом К. не планировал; ему претила даже мысль, что он станет носить очки и шляпу, разговаривать чеховским языком и рыться в книгах. Всё это казалось разнообразием деградации. Чтоб обезопасить себя от интеллигентской угрозы, К. поступил в колледж и выучился на автомехани-

ка. Окончил кое-как, на тройки. Любые проявления творчества и тягу к знаниям глушил пивом, марихуаной и голливудским кино. Не читал ничего, кроме надписей на стенах подъезда и газеты «Советский спорт», где его интересовали статьи о футболе.

В девятнадцать лет в его жизни появилась постоянная подруга Варя, которая через полтора года сделалась женой. Родилась дочка с непролетарским именем Сюзанна. Жизнь потекла размеренно и просто. Всё как он хотел.

И вот однажды, когда К. подзабыл и про семейный фотоальбом, и про «интеллигентский туберкулёз», вирус прорвался снаружи, причём из самого, казалось бы, безопасного источника — от Ромки Козакова, напарника по автомастерской.

Ромка носил спортивный костюм, в котором меньше всего походил на спортсмена, всегда коротко стригся, не стеснялся бугров и шрамов на голове, и сплёвывал после каждого произнесённого предложения — будто точку или восклицательный знак ставил.

— Вчера с Бурым абсент пили, — доложил Ромка, вытирая ладони тряпкой. — Чувствую себя, точно подвергся Загадочному Ожесточённому Воздействию — ну, как в том фильме у Гринуэя. Хочется летать, а приходится под машинами ползать.

Он только что вылез из-под автомобиля, и на страдальческом похмельном лице блестело машинное масло.

— В каком фильме? — не понял К.

Он даже фамилии такой не слышал — Гринуэй.

— Ну, «Падения». Это псевдодокументалистика, про людей, якобы подвергшихся Загадочному Ожесточённому Воздействию. Они мутантами стали, заговорили на инопланетных языках и прочее... — Ромка сплюнул на бетонный пол. — Не смотрел, что ли?

К. немного удивился, но особого значения словам напарника не придал. В конце концов, абсент и правда действует

странно. Особенно если с папиросами, которые Ромка вечно курит.

Однако разговоры становились необычнее день ото дня. Ромка упоминал Верди и Кандинского, повествовал про малоизвестного кубинского поэта Гастона Бакеро и художника Чюрлениса – автора картины «Соната моря». Ромка умудрялся сплетать истории о пьянках со стихами испанских мистиков, а байки о своих любовных похождениях украшал постулатами бусидо.

Встревоженный поведением товарища, К. обратился к мойщику Геннадьичу – суровому мужику пятидесяти лет с медным от никотина лицом и словно из того же набора ладонями.

– Не кажется тебе, Геннадьич, что Ромка странным стал? Книжки всякие читает, журналы толстые. Он будто не в сервисе работает, а в университете преподаёт.

Геннадьич впал в недолгое раздумье – рот серпом, чугуновый подбородок, усы как два ятагана.

– Человек всегда на своём месте, – ответил он наконец. – Просто иногда ему кажется, что он хочет другого. Вот Салман Рушди сказал однажды Кроненбергу: «Я, Дэвид, всегда хотел фильмы, как и ты, снимать». А Кроненберг, кобель канадский, удивляется: «Надо же, а я мечтал писателем сделаться!»

– Какой шалман?

От неожиданности К. совсем растерялся.

– Салман Рушди. Букер Букеров. «Шайтанские аяты»... – пояснил Геннадьич, пронзая К. недоумённым взглядом. – Не читал? Может, и Кроненберга не смотрел?

Несколько дней К. ходил на работу как с полиэтиленовым пакетом на голове. Общался мало, всё больше по делу. Ему казалось, что наваждение пройдёт, если не обращать внимания на странности.

Однако странности не прекращались. Ситуация обострилась однажды вечером, когда в дверь квартиры постучали.

Варя и Сюзанна находились на кухне — что-то там жарили и смеялись. К. поднялся с дивана и отпер дверь. На пороге стоял вдрызг пьяный Ромка. Карман на его куртке был оторван, материя свисала изнанкой наружу.

— Ты чего? — удивился К. — Где так нализался?

Он отступил на шаг, но Ромка заходить отказался, поманил в тёмный подъезд. Они присели в закутке у мусоропровода и закурили.

— Станным ты стал, Ромка, — сказал К. — Прямо не узнаю тебя. Случилось что-то?

Напарник повернул к нему хмельное лицо.

— Я ведь раньше ничем таким не интересовался, — покался он. — Пока тебя не встретил.

— При чём тут я?

— Сам не знаю. Какие-то флюиды от тебя исходят — эманации, как сказали бы теософы. Поработаю с тобой в смену — и внутри что-то шкварчит, пробивается. Вот и сейчас...

Он затаился так сильно, что красный огонёк на сигарете сделался продолговатым.

— Что сейчас?

— Чувствую, душу во мне будто вскапывают.

— Кто вскапывает?

— Да ты, ты! — Ромка бросил окурок в мусоропровод, с лязгом закрыл люк и вдруг заговорил высоким штилем: — Иногда испытываешь неприязнь к слишком правильному и честному персонажу кинофильма. Так и меня начинает воротить от собственной жизни — спокойной и бессмысленной. Моя жизнь — постное блюдо! Ой как хочется каждую секундочку солью заправить! И даже не солью — перцем пополам с порошком! Горлодёр на крови!

Это прозвучало как цитата — эдакая смесь Шекспира и Шукшина, но К. понял: Ромка говорит сам и от души. Что-то

клокочет у него внутри, будоражит, мешает спокойно жить. И винит в этом напарник его, К.

На следующий день Ромка на работе не появился — отзвонился в обед, сказал, что заболел. А вечером загромыхал телефон. К. снял трубку и услышал бодрый голос.

— Я понял всё! — кричал Ромка воодушевлённо. — Ты будитлянин!

— Кто?

— Русские футуристы Хлебников и Маяковский так называли себе подобных. Только они говорили: будетляне. Через «е», от слова «будет». А я этот термин видоизменил, толкнул в него новый смысл. Я произношу: будитляне, через «и». От глагола «будить». Вот ты, К., и есть будитлянин: ты пробуждаешь людей духовно и нравственно, выводишь из спячки.

К. опустил трубку на рычаг. Что за бред? При чём тут он? Как может ничем не интересующийся человек у других пробуждать тягу к знаниям? Не говоря уже о духовности.

Утром К. сам позвонил в автомастерскую и сообщил, что заболел. Он решил провести хоть один день вдали от безумных коллег. Побывать с женой и дочкой — что может быть полезней для разгорячённого ума?

День прошёл прекрасно. Варя начала делать заготовки на зиму. Закатывали овощи в банки, шутили, смеялись. Жена напевала: «Я режу, режу морскую капусту», хотя капусту резала обыкновенную. Сюзанну это жутко веселило, она покатывалась со смеху. Девочка пока ничего не говорила, хотя педиатр ещё год назад уверял, что это вот-вот произойдёт. Впервые за несколько лет они наделали пельменей. А за ужином, когда дочка уже спала, распили с женой бутылочку перцовки — «малютку», как они ласково называли ёмкости в двести пятьдесят грамм.

В постели перед сном Варя сказала:

– Какое счастье, что ты у меня есть! Ты – моя приснившаяся змея!

– Что это значит? – насторожился К.

– По-моему, это из веданты, – объяснила Варя. – Парадокс заключается в том, что змея, укусившая во сне, может пробудить человека, хотя сама, по сути, нереальна. Также и в мае может найтись что-то иллюзорное, что разбудит человека, приведёт его к просветлению.

И это говорила жена – ничем, кроме кулинарии и вязания, не увлекающаяся! Варя, у которой чередовалась подписка журналов: год – «Работница», год – «Крестьянка». К. ощутил, как земля (а точнее, кровать) уходит из-под него, а вокруг закручивается невидимая спираль – удавы кольца или что похуже.

«Приснившаяся змея... – повторил он про себя. – Хм. А образ-то красивый!»

Следующий день он решил побыть в одиночестве, занимаясь накопившимися делами. Однако везде, куда бы он ни sunulся, его подстерегали сюрпризы.

Женщина в киоске «Союзпечати» посоветовала взять «Литературную газету» вместо «Советского спорта».

– Там интервью с Кшиштофом Занусси, – обосновала она. – Недурно, можете мне поверить! Сама трижды читала.

Озарение накатило и на ремонтника в обувной мастерской.

– Вы думаете, молодой человек, будто я от скудоумия ваши кроссовки чиню? – спросил он. – Увы, мало кто понимает, что профессия обувщика более всего располагает к размышлению. Недаром Яков Бёме – тот, кого Гегель назвал первым немецким философом, – постукивал молоточком, когда сочинял эзотерические трактаты. Да, он был сапожником, молодой человек! И Сократ чинил сандалии или что там они носили у себя в Элладе.

Старичок кондуктор в трамвае заговорщицки подмигнул, точно их с К. объединяла некая тайна. Выходя из вагона, К. даже осмотрел билет — нет ли на нём масонской символики или секретного шифра? Два ноля на номере слились в горизонтальную восьмёрку — символ бесконечности. Может, это и есть знак? Свидетельство того, что мир вокруг преисполнился высшим смыслом.

Дома за ужином К. с опаской поглядывал на Сюзанну. Не подверглась ли пробуждению собственная дочь? Но нет, двухлетний ребёнок неумело орудовал ложкой, как веслом, и шипел что-то своё.

«Слава богу, — подумал К., — есть хоть какая-то опора в мире, и эта опора — дети, которые пока не разговаривают».

А назавтра К. ушёл в ретрит*. Он заперся в комнате, объявив жене через дверь, что отныне будет выходить только за едой и в туалет. И в такие моменты ему нельзя докучать вопросами. Он сказал, что в дом запрещено приводить посторонних людей. И вообще, нужно оставить его в покое на неопределённое время.

К. уединился не с целью просветления. Он решил избавить человечество от своего влияния. Иначе гибель. Что станет с миром, где каждый читает Кафку и смотрит Гринуэя? Некому будет работать в автомастерской. Не о ком будет писать в «Советском спорте» и в «Крестьянке». Толпы интеллигенции — это не только излишне, но и губительно. Интеллигенты и интеллектуалы вымрут без подавляющего большинства рядовых граждан. Недаром же Платон изгонял из своего идеального государства поэтов и...

К. схватился за голову: откуда он это знает? Какой Платон? Что ещё за Кафка? Он прошёлся от окна к дверям и обратно. Теперь, в одиночестве, он ясно ощутил, что заряжен некой силой, действующей помимо его желания. Это и есть подарок

предков. Столетиями сила копилась и множилась, пока на нём не достигла критической массы. Вот что произошло! Крупичицы активных изотопов уже сложились, и ядерную реакцию не остановить.

В дверь постучали.

– К., открой! – попросила Варя. – Моя мама приехала, Кристина Анатольевна. Хочет с тобой поговорить.

– Ни в коем случае! – взмолился К. – Не приводи ко мне новых людей!

– Что значит «новых»? – обиделась Варя.

– Никого не приводи!

– Тебе придётся с ней поговорить! Она сюда сорок минут на трамвае ехала, с пересадкой.

– На трамвае? – переспросил К. и вспомнил вчерашнего кондуктора.

Что-то знал этот старик, но ничего не говорил, лишь загадочно улыбался. К. выскочил из комнаты, пронёсся мимо жены и изумлённой тёщи. Он прибежал к трамвайной остановке, уселся на скамью и стал вглядываться в подъезжающие и отходящие вагоны.

«Удивительно, все кондукторы такие разные, – думал он. – Грузные женщины, девчонки – едва ли не школьницы, мужики с военной выправкой, суетливые старушки. Ни один не похож на другого».

Только после часа наблюдений К. увидел знакомую фигуру и прыгнул в вагон. Для начала он, как положено, сел и взглянул в окно. Трамвай двигался по четвёртому маршруту. К. часто добирался на нём до работы, однако сейчас ехал в противоположном направлении, куда-то в промзону. Падал первый снег, укрывая белым осеннюю грязь, опускаясь на жёлтые листья.

– Снова вы! – заметил подошедший кондуктор. – Обычно в другую сторону ездите. А тут уже дважды... Работу поменяли?

– Я вас искал, – признался К. и почувствовал себя неловко.

– Чем могу?

Старичок принял плату, протянул сдачу и билет.

– Даже не знаю, с чего начать... Ничего необычного не ощущали рядом со мной? Знаков не замечали?.. Извините, я не сумасшедший. Просто вы так подмигнули в прошлый раз. Я подумал...

– Да вы не тушуйтесь, – успокоил старичок и присел рядом.

Его седые усы очень гармонировали с серебристой бляхой «Гортрамвай» на жилете.

– Знаки – они же везде, а в трамвае особенно. По трамваям можно будущее предсказывать, получше, знаете ли, чем астрологические прогнозы будет. А вы просто не на то смотрели.

– Я на восьмёрку из двух нолей смотрел, – сказал К. – А на что надо было?

– Ноли ничего не значат, это обычный дефект. Последние две цифры – вот настоящий знак, послание Вселенной.

К. вынул из кармана билет.

– Двенадцать? – удивился он.

Именно единицей и двойкой заканчивался номер на билете.

– Что же это за послание?

– Ну как, двенадцать – сакральное число. Это количество людей, которых может пробудить один человек. Самое, так сказать, оптимальное число, заложенное природой, гармоничная система. Не зря же платоновская модель Вселенной была додекаэдром.

К. с интересом заглянул в стариковские глаза. Голубые зрачки словно плавали в мелких лужицах, раскачивались.

– То есть я пробужу двенадцать – и всё закончится?

– Конечно. Всегда так было. Двенадцать олимпийских богов, двенадцать месяцев, двенадцать присяжных, двенадцать

нидан, образующих круговорот сансары... Все видят эту закономерность, да никто не обращает внимания. У преподобного Сергия Радонежского было двенадцать общинников, а если кто-то уходил, ему тут же находилась замена. Историки пишут, что Сергей набирал учеников по количеству апостолов, но ведь такое утверждение – кощунство! Преподобный Сергей был очень скромен и смирён, разве мог он таким образом подражать Иисусу? Даже думать об этом нелепо! Как вы себе это представляете? «Товарищи монахи, сегодня из общины в мир удалился Иосиф. Нужна замена, какие будут предложения?» Или: «Ты, Никифор, конечно, праведный человек, почти святой, но у меня всё укомплектовано – двенадцать, как у Христа».

Старичок сам же и посмеялся над этой фантазией, а потом вздохнул, будто мир его смертельно утомил.

Трамвай остановился, и в салон зашли четверо работяг.

– Ну всё, мне пора, – сказал кондуктор и поспешил билецивать пассажиров.

«Двенадцать», – проговорил про себя К. и начал подсчитывать: Варя, Геннадьич, Ромка Козаков, сапожник-философ, Варина подружка Настя, на детской площадке составляющая мандалу из песка и стёклышек... Он насчитал одиннадцать человек, и больше никто в голову не приходил. Разве что соседка с первого этажа, неожиданно принявшая обет молчания. Хотя она, скорее всего, просто сумасшедшая. У неё и раньше закидоны случались.

К. сошёл на незнакомой остановке возле пожарной части. Он пересёк рельсы и сел на трамвай в обратную сторону. В вагоне было полно замученных людей. К., как и все, угрюмо уставился в окно, но мысли его одолевали особенные, не как у всех.

«Слава богу, скоро всё прекратится, – думал он. – С двенадцатью пробудившимися уж как-нибудь справлюсь. Дюжи-

на гармонична – это гораздо лучше, чем просветлённый мир с обычным автослесарем в центре Вселенной... Но кто станет этим двенадцатым? С кем я ещё не общался?.. Да какая, собственно, разница? Пускай это будет тёща. Приду домой – осчастливлю Кристину Анатольевну, и делу конец!»

Дверь квартиры открыла Варя. Вид у жены был радостный, ей явно не терпелось поделиться новостью.

– А где твоя мама? – спросил К., оглядывая из прихожей комнаты.

– Мама уехала. Сказала, что ты странный. Обиделась, кажется... Представляешь, Сюзанна наконец заговорила!

– Ого! И что сказала? Мама?

– Нет! Сидела на полу и вдруг сказала: «Папа».

– Папа?

– Я ей показывала старые фотографии из твоего альбома, а она говорит: «Папа». А потом ещё: «Папа выскочил. А то сидел как Пифагор».

– А потом?

– Какое «потом»? Больше ничего. Что ты хочешь от ребёнка? Это же её первые слова! Раздевайся уже, ужинать будем. Я и «малюточку» взяла – отпраздновать.

Денис Гербер

«ПОСЛЕДНИЙ В РЯДУ – ВНЕ РЯДА»

Капитан Бэнкс прокашлялся в обтянутый чёрной перчаткой кулак.

– Свидетелем по делу исчезновения доктора Коло выступает доктор Тесле – сотрудник лаборатории V2. Дознание проводит следственная комиссия под председательством капитана Бэнкса. Члены комиссии: Исаак ибн-Джанах – военный аналитик, Соорис – астропсихолог, Август – искусственный интеллект первого уровня.

Некоторое время сидящие за столом с интересом глядели на парящий перед ними плазмоид. Светящийся шар слегка подрагивал в воздухе, переливаясь красным и фиолетовым.

– Вы подтверждаете, что являетесь доктором Тесле? – обратился к плазмоиду Бэнкс.

– Да, капитан. Я это подтверждаю. – Шар имитировал человеческую речь электрическим шипением и треском.

– В таком случае, свидетель, предупреждаю: вы находитесь под присягой и несёте ответственность за всё сказанное. Вы обязаны отвечать только на вопросы членов комиссии, прочие высказывания будут рассматриваться как нарушение процесса дознания. Вам это понятно?

– Мне всё понятно.

– Давайте начнём. – Капитан Бэнкс заглянул в лежавший на столе документ, пошевелил краешком рта, затем обратился к свидетелю: – Доктор Тесле, вы принимали участие в эксперименте № 901?

– Да, капитан, принимал, – протрещал плазмоид. – Иначе я бы не находился здесь, да ещё в таком виде.

– Руководил экспериментом покойный доктор Коло?

– Я не уверен, что доктор Коло мёртв, капитан. Точнее, уверен, что он жив.

– И вы можете сказать, где он находится?

– Это будет непросто, но я попытаюсь объяснить.

– Хорошо. Для начала расскажите про эксперимент. В чём он заключался?

– Эксперимент завершал многолетние исследования. Мы с доктором Коло и лаборантом Тэ изучали влияние так называемой воли на вегетативную систему человека.

– С какой целью?

– С целью создания Идеального человека – *Hyper sapiens*, как выразился доктор Коло.

– Какой смысл вы вкладывали в это понятие?

– *Hyper sapiens* – человек, способный сознательно изменять себя, независимый от так называемых законов природы, от инстинктов, от рефлексов. Не подчинённый ничему, кроме собственной воли и разума.

– Продолжайте.

– Мы исследовали влияние воли на вегетативную систему. Нас интересовали йогины, в частности тибетские буддисты, практикующие туммо. С древности известно о необычайных феноменах этих людей. Контроль теплообмена, длительная задержка дыхания и сердцебиения, способность долгое время обходиться без сна, еды и питья. Описаны и более удивительные вещи – левитация, управление природными явлениями, исполнение желаний силой мысли. В санскрите есть целая классификация таких феноменов.

Плазмоид дёрнулся вверх-вниз, провернулся вокруг своей оси.

– Мы изучали биохимию этих людей, – продолжал он, – и нам с доктором Коло удалось открыть механизм необычных способностей.

– Сохранились материалы исследований?

– Все данные хранились в лабораторных компьютерах, а они уничтожены вспышкой.

– Вы можете поделиться сутью открытия?

– В общих чертах. Всё дело в песчинках шишковидной железы. Они встречаются у каждого человека старше семи лет, за исключением людей с умственными патологиями. Эти песчинки излучают голубой свет. Впрочем, к делу это не относится... Так вот, химический состав отложений шишковидной железы давно известен: гидроксиапатит, фосфат и гидрофосфат кальция, карбонатапатит, кальцит. Но нас интересовало первое вещество – гидроксиапатит.

– То самое, что используется в протезировании? – вмешался астропсихолог Соорис.

– Совершенно верно. А ещё – в квантовых компьютерах. Ведь кристалл гидроксиапатита представляет собой плоскости, перпендикулярные одномерным цепочкам протонов гидроксильных групп. Каждую цепочку окружают шесть родственных цепочек, а расстояние между «линиями» в три раза больше, нежели расстояние между протонами в самой цепочке. Если диполь-дипольное взаимодействие ядерных спинов убывает с расстоянием как...

– Боюсь, членам комиссии непонятны эти тонкости, – прервал объяснение капитан Бэнкс. – Вы можете выразиться проще, не вдаваясь в подробности?

– Прошу прощения, – протрещал плазмояд. – В моём состоянии сложно определить уровень сознания собеседника. Я иногда теряюсь.

– Продолжайте.

– Иными словами: в голове каждого здорового человека имеется квантовый компьютер, а песчинки шишковидной железы – его составная часть, что-то вроде материальной основы квантового процессора. Мы с доктором Коло открыли вещество, которое переводит работу мозга из обычного режима в режим квантового функционирования. Благодаря ему задействуется неисчерпаемый ресурс запутанных состояний и квантовой суперпозиции... Прошу прощения – кажется, я снова увлёкся.

– Что это за вещество? – поинтересовался астропсихолог Соорис.

– Мы назвали его «ишитва» – на санскрите это означает «превосходство над природой». Ишитва является секретцией питуитарной железы и выделяется только после многолетних йогических практик. Когда нам удалось синтезировать это вещество, тогда и появился эксперимент № 901. Мы решили испытать действие ишитвы на себе – сначала на докторе Коло, а затем, после его исчезновения, и на мне.

– Вы понимали, что тем самым нарушаете множество законов? – спросил капитан Бэнкс.

– Конечно, но другого варианта не было. Мы не стали использовать заключённых, опасаясь, что те могут приобрести опасные для общества способности. А клоны выходили из строя даже при малейшей дозе вещества.

– Выходили из строя? Что вы имеете в виду? Они умирали?

– Нет. Они сходили с ума. Было похоже, что они... что в их голове одновременно возникают миллионы мыслей. Разум не выдерживал и сгорал за считанные секунды. Доктор Коло считал, что это происходит из-за отсутствия руководящей, направляющей силы в сознании клона.

– Что он имел в виду?

– Можно назвать это «душой» – то, что отличает человеческий разум от искусственного интеллекта. Прошу прощения за прямоту у присутствующего здесь мистера Августа.

Почти минуту в комнате царила тишина. Раздавалось лишь слабое шипение, исходившее от плазмоида.

Заговорил военный аналитик Исаак ибн-Джанах:

– Свидетель, как вы объясните перенос лаборатории в столь необычное место?

– Мы выявили несколько сопутствующих факторов при активизации кристаллов гидроксипатита. Действие ишитвы на прямую зависело от состояния магнитного поля – оно должно было быть достаточно мощным и в то же время стабильным, с неизменной активностью. На техногенной Земле невозможно отыскать такое место, поэтому мы и выбрали Ганимед, который полностью погружён в магнитосферу Юпитера.

– Опишите нам, что происходило после применения вещества, – попросил астропсихолог Соорис.

– Уже на следующие сутки после принятия минимальной дозы доктор Коло начал демонстрировать «волевые феномены»: замедлял пульс, практически останавливал дыхание и биение сердца. На пятый день он сознательно повышал и понижал уровень сахара в крови, останавливал полимеризацию фибрина. После увеличения дозы он полностью подчинил своей воле симпатический и парасимпатический отделы. А затем у него начались психологические изменения.

– В чём они выражались?

– Доктор заявил, что больше не станет демонстрировать феномены, поскольку они – лишь побочные явления. Исследовать их, сказал он, – значит отвлекаться от главного и умалять важность эксперимента.

– Вы понимаете, что он имел в виду?

– Теперь понимаю. Доктор Коло считал, что главные преобразования происходят в сознании, а физическое тело недостойно внимания, оно лишь материал. Кроме того: эволюция кажущейся Вселенной – не более чем эволюция духа, проявляющего себя в разуме, а после – в материи.

Плазмодид замолчал. Он по-прежнему висел в воздухе перед членами комиссии. Теперь в его свечении преобладал фиолетовый.

– Доктор Тесле, – проговорил капитан, – вы понимаете, в чём вас могут обвинить по итогам дознания?

– Да, понимаю. В нарушении законов проведения научных экспериментов и в преступной халатности, повлёкшей смерть сотрудников академии.

– Вероятно, вам предъявят умышленное или непредумышленное убийство доктора Коло.

– Это было бы несправедливо, как мне кажется.

– Вам не был задан вопрос, свидетель!

– Прошу прощения, капитан.

Бэнкс полистал документы на столе и снова поднял взгляд на светящийся шар.

– У вас с доктором Коло были конфликты?

– Нет, капитан.

– Между вами царило полное взаимопонимание?

– Не могу так сказать. У нас были разногласия. Меня кое-что беспокоило, а он не разделял моих опасений.

– Что именно беспокоило вас?

– Главным опасением было то, что эксперимент выходил из-под контроля. И то, что доктор отказывался демонстрировать нам результаты.

– Он призывал прекратить эксперимент?

– О, нет! Он настаивал на продолжении. К тому времени способности доктора Коло превосходили все ожидания. Его

тело начало светиться и перемещаться в пространстве... Он исчезал и тут же появлялся в другом месте — обычно на расстоянии нескольких метров. Нас с Тэ очень тревожило это. Затем доктор Коло перешёл в стадию, которую вы сейчас видите перед собою. Он превратился в плазмоид.

— Как он сам объяснил такое превращение?

— Первое, что он сказал: «Платон был не так наивен» — и засмеялся. Платон, кажется, считал, будто человек когда-то существовал в форме шара. Была только голова, затем появилось остальное тело, чтоб добывать пищу и обеспечивать мозг энергией. Однако на уровне, которого достиг доктор Коло, тело и все материальные придатки уже не требовались — они отпали, как ступени доисторической ракеты.

— Как же действовало вещество? И как вы его вводили?

— Вещество уже не требовалось. Разум доктора набрал критическую массу, если так можно выразиться, и вступил в стадию неуправляемого и необратимого самосовершенствования. Он достиг сингулярности сознания.

— Как это выглядело?

— Это и была вспышка, которая уничтожила аппаратуру в лаборатории. Именно тогда и погиб Тэ. Я, по счастью, в это время отсутствовал.

— После этого доктор Коло исчез?

— Не совсем так. Он перешёл в иную форму существования.

— Тогда объясните, где он сейчас находится.

— Если говорить просто: доктор находится везде — в каждой точке Вселенной. Индуистские тексты определяют это состояние как «прапти» — вездесущность. Существа, достигшие такого уровня, лишены пространственно-временного местоположения. Они испытывают блаженство чистого сознания.

— Не кажется ли вам, что «везде», «в каждой точке Вселенной» — это значит «нигде»?

– Нет, не кажется. «Везде» – значит «везде».

– Однако мы не можем его увидеть.

Плазмодид вдруг пришёл в движение. Он пролетел мимо членов комиссии, отдалился от стола, затем, проделав по помещению круг, вернулся на прежнее место.

– Будет ли мне позволено задать несколько вопросов? – произнёс он.

– Пожалуйста.

– Вы видите свет в этой комнате, капитан?

Бэнкс осмотрелся.

– Вижу.

– Как он выглядит? Опишите мне.

Капитан ненадолго задумался.

– Тут рассеянный свет, и... я его не вижу, – ответил он, – я наблюдаю только освещённые предметы.

– Именно так, – подтвердил плазмодид. – Если бы что-то в этой комнате испускало электромагнитное излучение в области красной или синей части спектра, мы бы видели красный или синий свет. Но полное излучение – так называемый белый свет. Он абсолютно прозрачный, невидимый, хоть и включает в себя все остальные цвета.

– Я вас понял. Но вы, кажется, сказали, что доктор Коло лишён ещё и временного местоположения.

– Да, он проделал путь до конечной станции эволюции разума. И эта же точка является очагом зарождения разума. Она – альфа и омега. Доктор Коло замыкает ряд в кольцо и одновременно находится на всех стадиях эволюции разума – от первейшего проявления воли в виде резонанса ядра углерода-12, до вселенского ума, который происходит из энергии всех существующих сознаний. Доктор Коло, как выразился в своё время де Шарден, – «последний член ряда, который вместе с тем вне ряда».

— И доктор Коло при этом сохраняет свою индивидуальность?

— Более, чем вы или я. Индивидуальность человеческого сознания не растворяется во вселенском разуме, а лишь обогащается этим слиянием, приобретает новые качества. Я же сказал: он вмещает в себя все ступени развития, в том числе и так называемую человеческую индивидуальность.

Плазмод замолчал, и никто из членов комиссии не задавал вопросы. Теперь шар не переливался, как в начале дознания. Он испускал яркий и ровный свет с редкими фиолетовыми вспышками.

— Председатель, позвольте мне высказаться, — попросил искусственный интеллект первого уровня Август.

— Пожалуйста.

— Я проанализировал ситуацию и пришёл к выводу, что дознание не даст результатов. Мы не сможем признать доктора Тесле виновным и ответственность с него снять не сможем. Необходимо отложить заседание комиссии.

— Отложить? — удивился Бэнкс. — На сколько?

— Примерно на пятьдесят миллиардов лет — пока мы не встретимся с доктором Коло в «точке Омега». Тогда мы и будем обладать полной информацией.

— Пятьдесят миллиардов лет? Шутите? Мы не можем ждать так долго!

— Почему?

— Потому что мы люди, чёрт возьми!

— В любом случае, — продолжал Август, — сегодняшнее заседание комиссии необходимо завершить. И чем быстрее, тем лучше.

— Теперь вы спешите?

— По моим расчётам, через пять — семь минут доктор Тесле перейдёт из своего нынешнего состояния на следующий уровень. С ним случится то же, что и с доктором Коло.

– Вспышка? – Капитан Бэнкс взглянул на плазмоид. – Это так, доктор Тесле?

– Да, капитан. Август прав: это произойдёт очень скоро.

– Что же вы молчали?

– Мне не был задан вопрос.

Капитан Бэнкс провёл ладонью в перчатке по губам, оглядел присутствующих.

– В таком случае... сегодняшнее заседание следственной комиссии объявляю закрытым. Дознание доктора Тесле откладывается на... неопределённое время.

Дженнет Оразмухаммедова

«ЗА ТУМАНОМ ДОМ»

Туман неохотно отпустил из долгих объятий мой город лишь через сутки после Дня Всех Святых. Может быть, виноваты разгулявшиеся духи, которым захотелось продлить веселье? Как бы там ни было, улицы будто утонули в облаках, от близлежащих домов остались едва уловимые силуэты, морозная дымка придавала сюжетам за окном эффект плёночной фотографии – казалось, город затаил дыхание в тишине безвременья. Люди бродили рядом со своими домами, не веря глазам – призрачная атмосфера пробудила в сердцах многих забытые воспоминания детства – легенды, игры и ни с чем не сравнимое чувство прикосновения к сказке.

Как будто возвращается нечто безнадёжно утраченное, неосознаемое, но зримое, совсем как туман. Границы становятся условными, то, что считалось важным, но не было им на самом деле, растворяется в воздухе без следа. Туман учит видеть сердцем.

Есть верный способ отыскать потерянную вещь – вспомнить весь путь с того момента, когда она ещё была с вами. Удивительным образом пристальный взгляд в прошлое открывает заново привычные мелочи и казавшиеся несущественными моменты. Порой, чтобы обрести, нужно отпустить других и себя, заблудиться и лишь тогда найти верную тропинку.

Пытаясь вернуть что-то одно, вдруг замираешь будто оглушённый, с осознанием того, какую россыпь чудес упускаешь каждый день по собственной небрежности.

Если решиться пройти по этой дорожке из сверкающих всеми цветами осколков упущенной жизни, можно вновь со-

брать свой калейдоскоп. Он всё ещё там — забыт в покосившемся доме на дереве, откуда, если прислушаться, до сих пор тихонько льётся незатейливая песня детства. Чей звонкий голос её поёт? И почему, сколько бы времени ни прошло, никуда не исчезает момент необъяснимой пустоты где-то на изнанке души? Таинственная тень остаётся, даже когда удалось вернуть или обрести желаемое, даже если ничего не терял и не искал. Ещё одно стекло калейдоскопа, которое всегда с тобой. У него нет имени, но есть история, которую можно вспомнить, оглянувшись назад. Нельзя сказать точно, так ли всё было на самом деле, но чувство, о котором пойдёт речь, хоть раз в жизни посещало каждого из нас.

Когда мир лишь обретал очертания, люди пребывали в растерянности пополам с восторгом, отчаянно пытаюсь найти опору и ответы на бесчисленные загадки удивительного и столь же опасного бытия. Время, когда все были равны в своём неведении, вскоре закончилось. Знание настигло человека ниоткуда, как вспышка, с которой некогда началась жизнь во Вселенной. Озарение посещало немногих, эти люди были назначены правителями первых государств. Их называли избранными, а незримый источник знаний — Высшими силами.

Высших никто никогда не видел, но люди свято верили своим покровителям с тех пор, как их земли покинули бедствия и болезни, до того безжалостно уносившие с собой детей и животных.

Правителю Киру переговоры с Высшими удавались особенно удачно, чем он быстро завоевал безоговорочный авторитет в своей маленькой красивой стране. Спустя годы ему стало скучно и тесно в череде однообразных безмятежных дней. В такие моменты у ног чёрной кошкой всегда незаметно садится тщеславие, медленно, но верно подогревая амбициозные чаяния.

Как волны с годами меняют на свой лад рельеф неприступных, величественных скал, так и тяга к безграничной власти со временем превратила прежде мудрого и созерцательно-го Кира в равнодушного ко всему, кроме расширения своих владений, тирана. Он никогда не высказывал эту мысль, но каждым своим поступком демонстрировал превосходство перед любыми правилами и законами. Настал день, когда Кир окончательно уверился в том, что несправедливо обделён милостью Высших, что достоин стоять с ними на одном пьедестале.

— Чего же ты хочешь от нас, Кир? — невозмутимо спросили Высшие следом за его пламенной речью. Кир медлил с ответом, оставаясь под впечатлением от собственного красноречия. Наверное, только сейчас он понял, насколько поменялся с тех пор, как впервые услышал Высших.

— Могущества. Власти. Побед, — Кир выдерживал паузу после каждого слова, отдавая почтение своим идеалам. Как будто от того, насколько точно он выразит своё намерение, зависит участь всего мира.

Высшие смотрели на Кира с искренним недоумением, потому как не в первый раз слышали подобные просьбы от людей, и далеко не всегда это были правители, даже пастих в захолустной деревне жаждал стать главным. В то же время они ясно видели, что Кир стал подобен острову, который со всех сторон захлёстывает буря человеческих страстей, и с этим ничего нельзя поделать.

— Твоя воля свершится, если мы заключим договор. Ты будешь побеждать, станешь властителем больших территорий и дум множества подданных, сохранишь здоровье и проживёшь до глубокой старости. Но нужно выполнить одно условие. Как можно догадаться, речь идёт об обмене — незыблемом законе всех миров, — Высшие вели беседу, не торопясь

с выводами, ведь такие сделки часто срывались, когда людям предлагали перейти от слов к поступкам.

Кир был на удивление спокойным, непроницаемым для сомнений. Он ждал продолжения с высоко поднятой головой, горделивой осанкой, в торжественной позе, похожий на одну из великолепных статуй в торжественном зале.

— Взамен мы заберём то, чего тебе будет не хватать. Мы не скажем, что именно. Случается, что лишь пережив утрату, человек осознаёт всю ценность того, что имел. Подумай, Кир, — Высшие уже знали ответ, но неукоснительно соблюдали протокол (на то они и Высшие), предоставив достаточно времени для размышлений.

Когда договор был заключён, Кир старался не думать о расчётах. Ведь самое важное ожидало его впереди — руки горели от предстоящей встречи с мечом и азарта грядущих битв.

Что же такого у него могли забрать Высшие? Кир буквально купался в изобилии, настолько, что даже отняв что бы то ни было, у него останется вдоволь. Так он думал обо всём, даже о детях, коих родилось уже около десятка. Имён младших он и вовсе не помнил, полностью отдав их на попечение нянечкам и домашним учителям. Жена же была призвана сопровождать его в военных походах.

Каждое утро советник недосчитывался двоих королевских отпрысков. Шаловливые тени успевали прокрасться по длинному коридору дворца до первых лучей солнца. Предоставленная сама себе малышка Клео и её совсем ещё крохотный брат Анис любили проводить время в священной роще — одном из самых тихих и безопасных мест в столице, как считали местные.

Когда помогаешь кому-то ещё более беззащитному, чем ты сам, жизнь перестаёт казаться безудержным потоком, в котором так легко потеряться. Ты уже не один, и протягивая руку

помощи другому, на самом деле в первую очередь подаёшь её самому себе. Услышав жалобный писк на границе рощи и леса, дети без устали искали его источник, и обнаружив истощённый белый комок шерсти, уже знали, что сделают всё возможное, чтобы спасти щенка. Малышку назвали Верой. Когда она стала взрослой сильной собакой, дети решились навестить в лес. С тех пор они пропадали там целыми днями, играя в прятки со временем, что, тихо шурша опавшими листьями, убегало всё дальше.

Однажды с прогулки вернулись только двое. Клео в панике бросилась к родным и няне, умоляя пойти в лес и отыскать Аниса. Он как будто растворился в воздухе. Как вскоре выяснилось, брат так же внезапно и бесследно исчез из памяти всех, кто его знал. В тот день Клео казалось, что она повзрослела на целую вечность. В свои семь лет она знала о мире не так уж много, по большей части из старинных сказок, что рассказывали на ночь. Если подумать, взрослые тоже руководствовались древними текстами, только посложнее. А ещё у Клео было живое воображение и Вера — преданный друг и свидетель того, что её брат — не выдумка. Они пошли в лес на ту самую поляну, где потеряли Аниса, чтобы попросить Высших о помощи. Клео дала себе слово, что вернётся домой только с братом.

Лес остался тем же и в то же время необратимо поменялся. Любимые прежде места теперь отягощены тревожным ожиданием, боль потери заглушает тёплые ноты осеннего вечера. Клео дрожала от ужаса и отчаянно молила тишину сжалиться над Анисом. Вдруг Вера выпрямилась и села так, будто кто-то шёл ей навстречу. Это был ветер. Его прерывистый шёпот не пугал, но отбирал последнюю надежду, а хуже этого нет ничего на свете:

— Милая Клео! Ты не виновата в том, что случилось с Анисом. Его жизнью, сам того не ведая, отец заплатил Высшим

за исполнение своего желания. Помни о брате и живи дальше. Мы не хотели никому зла, но уговор есть уговор, — Клео застыла как натянутая струна, на её лице разом отразились шок, безысходность и любовь, для которой нет ничего невозможного.

— Я тоже хочу уговор с вами. Что нужно сделать, чтобы вернуть Аниса? — девочка говорила тихо, чётко и не собиралась отступать.

Тяжёлый вздох ветра разнёсся далеко за пределы леса и страны, скорбным эхом отозвавшись на другом конце реальности. Ему, ещё совсем юному и наивному, пока не приходилось заключать сделок с людьми, про детей вообще никто не предупреждал.

В ответ на зов пришёл мудрый и суровый дух Преддверья, что охраняет покой на границе мира живых и тех, кто наконец коснулся кромки горизонта.

— Бесценное дитя! Я бы не стал договариваться с тобой, если бы мог. Это слишком жестоко, но отказать я не вправе. Правила таковы: в обмен на возвращение Аниса тебе придётся уйти вместе со мной, по ту сторону жизни, — дух явно оборвал фразу на полуслове, не в силах продолжать.

Звёздное одеяло укрыло небо, холодный туман всё крепче окутывал лес, но Клео не сдавалась, Вера согревала её как могла.

— Все забудут, что ты когда-то появилась здесь, играла в роще с братом, мечтала, даже имени не смогут вспомнить. Тебя ждёт незавидная работа, за которую никто не хочет браться — стать пустотой, — дух отвернулся, так ему было больно смотреть на хрупкого невинного ребёнка.

— Как это? — спросила потрясённая Клео, выдохнув в морозный воздух всю безысходность, какую только смогла. Вера заслонила девочку собой, защищая от ледяного порыва ветра.

– Ты наверняка слышала о реке забвения Лете. С ней люди встречаются лишь после смерти, но забвение живёт не только там. Когда человек предаёт свою мечту, бросая истинные помыслы тяжёлым камнем в воды небытия, он теряет частичку самого себя. Ту самую, что делает его непохожим ни на кого другого, ту, ради которой он когда-то пришёл в этот мир. Эту пустоту ничем не заполнить, ей не найти названия. Щемлящее чувство отсутствия того подлинного, что раньше было частью тебя, никогда не утихнет в таком человеке, напоминая о том, что пока он жив – можно перекинуть мост над бездной и вернуться к своему пути. Эта пустота особенная, она не таит в себе ни страха, ни опасности, одну лишь свободу. Людям сложнее всего иметь дело именно с последней, благодаря ей человек стал тем, кто он есть, – пока дух говорил, перед глазами Клео пронеслась вся история человечества в обоих мирах, и тех, неизведанных, что гораздо дальше от нас во времени и пространстве.

Девочка долго молчала, не в силах оторваться от летописи не только людского рода, но бесконечной истории всего живого. Метаморфозы сменяют друг друга, сплетаясь в новый узор сложнейшей мозаики, которой нет конца. Всё и все неразрывно связаны друг с другом. Ничто не исчезает, есть лишь неизбежная дорога перемен, новый виток спирали. Клео уже знала, что поступит по зову сердца.

Анис вернулся в мир живых и впоследствии сменил Кира на престоле, по воле судьбы опередив старших братьев. Не желая повторять ошибок отца, сын прекратил войны, был внимателен и добр к своему народу и близким. До самой смерти Анис заботился о Вере, и в минуты, когда его посещала необъяснимая тоска – не отрываясь смотрел в её глубокие, будто ведущие молчаливый разговор, глаза.

Позже Вера бесследно исчезла, но это никого не удивило. С того дня, как она потеряла Клео и заново обрела Аниса, угасание, присущее всему живому, перестало отмечать собаку. Местные до сих пор говорят, что туман, каждый год, укрывающий лесную поляну в последний вечер октября, это дыхание Веры, ищущей свою маленькую безымянную девочку. Время, когда особенно ярко видны, как маяки в тревожном море неопределённости, горящие окна тех, кто всё ещё ждёт нас домой.

У каждого из нас своя Лета, также как бессмертная Вера, и отважная душа. И свобода выбирать, прямо в эту минуту – сделать шаг навстречу забвению или вечности?

Дмитрий Тюлин

«ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАРЬЯМ И ВЕСТЫ»

Солнце на пляже палило нещадно, Дрейк читал ленту новостей в смартфоне.

– Что ты хотел? – услышал учёный сверху голос Весты, худощавой женщины лет пятидесяти.

Она постарела, сильно постарела – некогда соблазнительный плод сморщился и увял. На её крашеной голове – белая шляпка, и вся она – в одежде цвета святости.

– Вернуть тебе долг, – отвечал Дрейк. – Я занимал у тебя денег, помнишь? Совесть тревожит меня, я много задолжал людям.

– Не понимаю.

– Помнишь, я занимал у тебя на пиво?

– Вроде что-то такое было. Дрейк, с тобой точно всё в порядке?

Дрейк поднялся на ноги.

– Надо искупаться! – заметил он, замечая дряблую кожу на локтях снимающей платье Весты. – Ты идёшь?

Веста согласилась освежиться в жару, Дрейк старался не рассматривать бывшую любовницу.

Она ступила в воду следом за ним. Потом немолодые уже люди поплыли.

– Я должен сказать тебе кое-что важное! – сообщил Дрейк, когда они заплыли за буйки, как в молодые годы. Здесь, когда на нас нет ничего, кроме купальников и плавок, ничего такого, что может ретранслировать нашу речь в электронный сигнал!

– У тебя паранойя, Дрейк? – резко остановилась, бултыхая ногами под водой и энергично разводя руками, Веста.

– Ты ведь знаешь, что я – генетик.

– Да, работаешь в каком-то НИИ.

– В этом НИИ я работаю для отвода глаз. Основная работа моя происходит в другом НИИ – секретном.

– И ты имеешь право мне это говорить? – спросила Веста.

– Нет. Мне даже запрещено совещаться с кем-либо на стадиях разработки. Но я хочу испытать на тебе технологию. Вернуть тебе молодость. Ты вновь станешь юной, теперь уже навсегда! Это рискованно для твоего здоровья. Однако, я почти уверен в удаче. Потом у нас всё отнимут. Это – единственный шанс. Официально я испытываю технологию на матери, но денег запросил на материалы и оборудование вдвое больше. Я не доверяю мафии, которая финансирует все проекты в стране и в мире. Я хочу оставить тебе тетрадь, она у меня в сумке. Я писал её, уединяясь за городом. В ней – технология. Я хочу применить её на тебе. По форме это всего лишь инъекция векторных частиц на вирусной основе в вену. Мы вернёмся, ты попросишь у меня, вместо денег, помощи на дачном участке. Там ты окажешься под моим медицинским наблюдением. Пусть они полагают, что я провожу опыт лишь на матери в стенах НИИ. Если что-то сорвётся, огонь Прометея пусть остаётся в руках кого-то из честных людей, понимаешь?

– Какую цель декларирует твоё начальство?

– Какую цель может декларировать моё начальство, кроме здоровья нации? Но всем известно, что оно заинтересовано в отмене пенсий вообще. Это с одной стороны, а с другой стороны – где им брать ресурсы на содержание миллиардов бессмертных людей? Колонизация Марса продвигается с таким скрипом, что говорить об освоении дальнего космоса – просто смешно. Эта планета не выдержит всенародного бессмер-

тия! Нам пора возвращаться! Пусть никто ничего не заподозрит. Будем болтать о прошлом!

Дрейк провёл со своей бывшей любовницей, в общей сложности, около часа. Пожилая кокетка отказалась от денег, но игриво предложила генетику покрасить забор на её ранчо.

Не всегда легко давался Весте мелкий размытый почерк Дрейка. Вникание в суть технологии требовало глубокого знания цитологии и генетики. Веста поняла лишь общетеоретическую часть.

«...Соблазнительно думать, чем весьма увлекались в начале XXI века, что существует некоторая разрушительная программа старения, и стоит её блокировать – вот она, жизнь вечная, даром и каждому!» – увлечённо писал Дрейк. – «Но стареет всё. Стареет ботинок. Стареют звёзды. И дело не в наличии разрушительной программы, а в отсутствии программы регенерации такого уровня, чтобы отменить старение полностью. В процессе эволюции такой программы даже не требовалось. Эволюция работала над видами, такой смысл, как ценность личности, мог возникнуть лишь в человеческом мире. Любой организм, с точки зрения эволюции, ущербен и должен уступить место более приспособленному. Системы регенерации требовались лишь в той мере, в какой они обеспечивают здоровье до момента полового размножения, имеющего целью рекомбинацию генов, для дальнейшего отбора лучших вариантов. Конечно, у крупного животного, вроде слона, система регенерации мощнее, чем у мыши, и живёт слон дольше: большому животному, чтобы реализовать репродуктивный цикл, требуется больше времени. Но это не потому, что у сло-

на поздно включается некая разрушительная программа, а у мыши — рано, а оттого, что слон выработал программу долголетия в процессе естественного отбора, а мышь — нет!»

Веста листала страницы...

«...Тем не менее программа полной регенерации живого существует и реализуется в процессе полового размножения, — читала она далее. — Особенность этой программы заключается не только в том, что новый организм является комбинацией генов двух, а не одной родительской особи, но и в том, что новый организм пространственно отделён от родительского. Даже если это эмбрион в утробе матери, он занимает своё отдельное неньютоновское пространство, пространство живого организма, как его понимал Вернадский. Моё изобретение предусматривает развитие нового организма внутри прежнего способом постепенного вытеснения старого биологического пространства. Новый организм прорастает внутри старого как плесень. Ежегодный процесс регенерации запускается встроенной в клеточные ядра генетической программой. Новая структура генома транспортируется в клеточные ядра посредством векторных частиц на основе вирусов, примитивные модели которых используются при производстве трансгенных организмов. Векторные частицы вводятся в новый организм инъекцией в вену.

Поскольку речь идёт о многоклеточном ядерном организме, возможность бессмертия колонии клеток для которого становится неотъемлемым свойством, как это возможно для доядерных одноклеточных бактерий, технология предполагает завершение эволюционного процесса, в результате которого формируется новое надцарство живой природы — надцарство люди, или бессмертные. Теоретически геном, а следом за ним и тело, может модифицироваться у такого организма и далее, что полностью освобождает разум от несвободы, вызванной

отдельной биологической формой. Каждый сможет стать красивым, умным и здоровым!

В этом — высшая цель науки биологии — полное освобождение человечества от её законов! Не только описание живого, как на начальных этапах развития этой науки, но и управление живой материей, что характерно для более поздних этапов! Каждое открытие, будь то открытие нового вида летучих мышей, биуретовая реакция на белок, или закон Менделя — всё ради той минуты, когда человечество остановит чёртовое колесо болезней, старений, смертей и других биологических необходимостей! Остановить колесо!»

Ветер свистел в саду. Веста, в тёплом свете лампы, прислушиваясь к шелесту яблонь, к скрипу железных ворот, к взрывам собачьего лая временами по ту сторону ночной темноты, разбирала почерк бывшего любовника...

Дрейк приходил ежедневно работать с краской и кистями. Помимо трудов в роли маляра для отвода глаз, он готовил организм Весты к приёму векторной суспензии. Он продолжал навещать Весту и после того, как суспензия была введена, окидывая взглядом скульптора, лепящего богиню Афродиту, ещё недавно — почти старушку, превращающуюся на глазах в наливающуюся соками девушку.

— Мудрость, опыт и красота впервые едины! — чертил он ей пальцем на пыльном подоконнике, не смея произнести вслух.

А голубоглазая блондинка Веста обнимала его, гладила лысеющую с проседями голову, иногда между ними вспыхивали вспышки страсти, и Дрейк был счастлив, счастлив впервые за много лет.

Иногда они, оставив мобильные телефоны дома, предварительно сговорившись, отправлялись в город и там проводили

время совершенно безобразным способом: танцевали и пили текилу в ночных клубах, катались на чёртовом колесе, купались обнажёнными ночью в океане.

В НИИ под наблюдением находилась другая пациентка Дрейка. Мама. Смертному трудно представить то счастье, которое выпало на долю Дрейка. Он вернул молодость маме! Прекрасная, белокожая, черноволосая, янтарноглазая Марьям теперь улыбалась в постели Дрейку. Её голос вновь стал мелодичен и свеж, и сын частенько, отрываясь от работы, рассказывал ей о том, что изменилось в мире, в который ей придётся возвращаться молодой.

Но Дрейку было мало. Он мечтал о том, чтобы его открытие стало достоянием всего человечества. Проекта Илоны Маска заставляли его надеяться на выход людей из голубой колыбели родной планеты, Дрейк видел об этом красивые, как в детстве сны...

Всё завершилось внезапно, хотя Дрейк морально-психологически был к тому готов. Как-то в совмещённую с лабораторией палату его мамы вошёл сухонький человечек в коричневом костюме при галстуке.

— Мистер Джонсон? — спросил он и, не дожидаясь, продолжил. — Как видим, ваши эксперименты увенчались успехом. Вам и миссис Джонсон придётся уехать с нами. Вы будете жить под нашим наблюдением. Я постараюсь быть с вами откровенным. Население Земли превысило цифру в 9 миллиардов человек. Ваше открытие полезно крупному бизнесу и государствам, поскольку позволяет осуществить вековую мечту человечества о личном бессмертии и отменить такую статью расходов как пенсии. Но эта технология не может принадлежать всем. Наши менеджеры уже разработали кампанию по-

пуляризации сладкой смерти. Об этом уже писалось в антиутопии Иваном Ефремовым, да, пусть это вас не смущает. Люди будут умирать молодыми лет в 50, нам просто не требуется такое количество людей для развития экономики. Пятьдесят лет молодости, это лучше, чем унижение от старости, особенно для женщин, согласитесь! Всего 50 лет, но каких 50 лет! Наша власть справедлива! Вы же будете бессмертными в нашем кругу, вместе с любимой мамой, ну и вы выберете жену, можете взять с собой эту бывшую любовницу, которой вы красили ранчо, применить свои технологии к ней. Позвольте узнать, где ваши записи?

Дрейк подошёл к полке с реактивами, вылил один из них в колбу с широким дном и выпил.

– Мистер Джонсон?! – закричал человек в коричневом костюме, но учёный уже схватился за сердце.

– Благодаря вашему сыну, вам придётся стать нашей рабыней, – уныло заметил пришелец Марьям. Вдруг наш обыск ничего не обнаружит? Тогда придётся исследовать ваш организм.

– Я в любом случае обречена быть вашей рабыней, – звонко отвечала девушка, смущая мужичка при галстукке своей красотой.

Дрейк ставил лайки в инстаграмме рыбаков каждые полчаса. Веста знала, что если лайки прекратятся в дневное время, либо появятся в ночное – стряслась беда. Сама она получала информацию, благодаря программе и анонимайзеру, разработанным бывшим студентом Дрейка. Так что, Веста узнала о том, что произошло что-то худое ещё до того, как спецслужбы пришли к ней с обыском.

К тому моменту Веста уже сменила несколько попуток на трассе. Что делать без паспорта и с новой внешностью, она

не знала, но думала примкнуть к потоку мигрантов-нелегалов, познать всю тяжесть физического труда. Впереди у неё имелась целая вечность, организм ей не износиться, если, конечно, её не убьют физически, но теперь она как никогда понимала необходимость беречь себя.

Ни в одном интернет-издании, ни в одном блоге мира ни слова не было упомянуто об этом эпизоде, концы которого потерялись в разных концах общества.

Дрейк открыл глаза и увидел двух весёлых подружек. Одну из них, он знал, звали Вестой, другую – Марьям.

– Что произошло? – спросил Дрейк.

– Всё как ты писал в тетрадке! – улыбнулась Веста, подмигивая Марьям. – Человеческий разум устраняет, с чем не может смириться. Не может смириться он и со смертью близких. Поэтому воскрешение всех когда-либо живших, о котором писал русский философ Николай Фёдоров, один из учителей Циолковского, силами науки, должно было, рано или поздно, состояться. Тебя собрали по молекулам, мы добились, чтобы ты прошёл одним из первых, чтобы больше увидел!

– Сейчас совсем другие времена! – продолжала Марьям. – Единое человечество, всё для всех, мир науки и творчества, мы общаемся с цивилизациями иных звёздных систем, и вот, наконец – бессмертие тем, кто ушёл давно!

– Ты молод и бессмертен! – подхватывала песню богиня Веста. – Ты узнаешь, что произойдёт через тысячу, через миллион, через миллиарды лет! Помнишь, как ты писал о том, что это великая трагедия для человечества – знать эволюцию на планете Земля, знать тысячелетия человеческой исто-

рии и понимать, что узнаешь будущее этого всего максимум на несколько десятков лет вперёд? Как ты познал звучащий приговором смысл древнегреческого «смертный»?

Дрейк привстал на локти.

— А расскажите-ка мне лучше про приключения двух подружек, Весты и Марьям! Возможно, я пожелаю поменять профессию и стать писателем, раз уж здесь мои труды больше не требуются!

Дрейк подмигнул девушкам.

— Вначале тебе нужен свежий воздух! — возразила Веста.

— И крепкий ужин! — вставила Марьям.

— Прежде всего — покой! — ответил вошедший в палату врач — юноша с чёрными кудрями.

Евгения Ерофеевко

«ВОЛШЕБНЫЕ КРАСКИ»

Привет! Я Даша! Мне двадцать пять лет. Уже два года я тружусь консультантом в салоне сотовой связи. Работёнка не пыльная, но порой очень нервная. Такие клиенты попадаются!

Вот на днях, одна дамочка, вполне приличного вида. Выбрала телефон, оплата в рассрочку, почти весь пакет документов оформили, полчаса я её кредитную историю, анализировала, года почти всё было готово, заявляет, что передумала и хочет другой, дороже. Опять вся эта канитель, только на другую сумму. А вот ещё бабусечка, божий одуванчик приходит и жалуется:

— У меня детка денег много списывается, посмотри будь любезна!

Я смотрю, ага подписка на эротический гороскоп. Спрашиваю:

— А вам, бабушка, смс приходят какие-нибудь?

Она мне краснея, прикиньте!

— Картинки какие-то непонятные, с тестом не совсем приличного содержания...

Конечно, старая Нокиа, попробуй разбери, какую позу изобразили квадратиками. Короч, дурдом. Вот и нашла я себе хобби, чтоб успокаиваться да в другой мир погружаться. Стала рисовать красками. Уроков море. Учись-не хочу. Вот я и запала, прихожу и рисую, почти каждый день. То гуашь возьму, то акварель, а иногда и акрилом балуюсь.

Вчера села рисовать. Нашла такой крутой урок, там бледно-розовый гиацинт на разноплановом зелёном фоне.

Приготовила водичку кисточки, бумагу положила, видосик с обучением загрузила. Открываю коробочку с акварелью, а нет зелёной краски!

Пришлось отложить рисование, на завтра.

Зашла после работы в магазин художественных товаров. Глаза разбегаются, чего только нет. Вот и акварельки мои, разные фирмы, разные количества цветов. Какие выбрать. Решила не жалеть денег и купила двенадцать цветов в отдельных металлических тубах.

Домой летела на крыльях, предвкушая, как сядет рисовать новыми красками.

Гианцит по уроку получился шикарный, прям самой понравился.

Ещё не успела промыть кисти, заворочался замок в двери. Пришла соседка Наташка, стерва ещё та! Но приходилось с ней жить. Всё упиралось в жилищный вопрос, такую недорогую квартиру в центре города, да ещё с более-менее приличным ремонтом не найти.

Вот и приходилось терпеть, эту деловую курицу. За что, спросите, я её не люблю? Да только познакомлюсь с парнем, вроде начинается вырисовываться что-то. Появляется Наташка, не знаю, как чуйка у неё на моих бойфрендов. После того как она двоих увела, я просекла эту фишку и перестала парней домой приводить. Но роковая Натали узнавала о новом мальчике и появлялась в клубе или кафешке, где мы зависали, и всё!

Был парень у Даши, появилась Наташа и парня потеряла Даша! Правда долго с ними не мутила. Наверное, ради спортивного интереса вводила, и спустя несколько встреч теряла интерес. Почему парни так велись на неё? Да симпатичная, да блондинка, да стройная. Но видели бы вы, её без косметики: маленькие глазки, тоненькие губки, острый длинный нос —

крыска. Я со своими армянскими корнями, могу и без майкапа обойтись, и фигура у меня получше, не прямоугольник, а часики.

Но надо признать были у неё и положительные черты. При вечном безденежьих молодых девчонок, составляла бюджет так, что и на еду, и на наряды хватало. Умела найти недорогие, качественные продукты и приготовить вкусное и полезное блюдо.

– Дашка, я пришла! Глянь, что возле двери стояло!

Наташа держала в руках цветок гиацинта, поразительно похожий на тот который я только что нарисовала!

Рабочий день тянулся медленно, я уже мысленно сидела за столом и рисовала, на этот раз я выбрала пейзаж с ярко-голубым небом и заснеженным лесом.

Придя домой погрузилась в рисование. Классно было бы оказаться в этой снежной сказке, а не в этой гадости, что царила за окном: серо унылое ноябрьское небо, без намёка на просвет, холодный ветер, пробирающийся под одежду, как бы ты ни застёгивалась, и самое неприятное, грязь под ногами на тонкой дорожке, по которой приходилось идти, пока не достигнешь относительно чистого асфальта. Она пачкала дорогие модельные сапоги и оставляющая мелкую россыпь брызг на подоле длинных юбок, которые я любила носить.

Нарисовав картинку, я зашла в инстаграмм, расслабиться перед сном и полистать ленту. Опа! Я не удержалась, подпрыгнула от радости и побежала к Наташке делиться новостью.

– Наталка! Прикинь! Я поездку в Буковель выиграла! На выходных еду!

– Где тебе так подфартило?

– В инстаграмм поездку между подписчиками разыгрывали!

Посмотрев на рекламную фотку поездки, я опешила, она как две капли воды похожа на мою акварель!

– Та-ак, чудеса какие-то творятся! Получается, то что я нарисую, воплощается в жизнь!

– Что же я хочу? Что мне изобразить?

– Не поверите ребя, но я рисовала всю ночь. Наакварелькала себя, с парнем Высоким и плечистым.

Ранее, серое, дождливое утро, мерзко и сыро, ещё светят, не потушенные с ночи фонари, а мы идём счастливые, под дождём! Так я мечтала и, несмотря на недосып, радостно, вприпрыжку понеслась на работу! Но потом вспоминала, что надо не пропустить своё счастье: замедляла ход и крутила головой как филин, ища мою судьбу. Ни фига, никого даже отдалённо похожего!

В расстроенных чувствах вошла в офис. С горящими глазами подскочила Алиска, мы с ней вместе работаем. Она чем то, на меня похожа: рост, волосы, фигура, можно даже сзади перепутать...

– Дашка, что расскажу, не поверишь, с таким чуваком познакомилась! У меня зонтик сломался, иду в пальто кутаюсь, пытаюсь от мороси укрыться, тут парень со мной поравнялся.

– Девушка, вы не против, если мы под одним зонтиком пойдём? А то вы совсем промокли и замёрзли.

Потом шли, болтали, как будто всю жизнь знакомы. И сегодня встречаемся!

– А, ё-моё! Оказывается, я Алисе мечту исполнила! Потому что я лица плохо рисую, вот и что лиц почти не видно! Ну ладно, человеку хорошее сделала, а себе я ещё всё нарисую!

Евгения Ерофеевко

«ЕЩЁ НЕ БАБОЧКА»

Всем привет! Меня зовут Костя, мне 10 лет. А я всё ещё гусеница, ну та, которая станет бабочкой. Только когда? Надо быть реалистом... Не в этой жизни.

Я таким родился с этим... название такое трудное... А, вот, вспомнил, спастический тетрапарез. Это значит, что я не умею ходить, и стоять я тоже не умею, даже сидеть нормально не получается, голова падает. Только лежу... и смотрю, на всех, снизу вверх, а что мне остаётся делать? Только смотреть и мечтать: как бы прошёл босиком по зелёной, пружинистой траве, пробежал в новых, но таких бесполезных кроссовках по хрустящему снегу, взял в руки мяч, подбросил, поймал и так много-много раз. А ещё! Ещё я хочу сам, держа в руке прохладное, гладкое яблоко укусить его, с хрустом, вкусом и вгрызаться в него с разных сторон, пока не останется одна косточка. Я же и есть сам не могу и глотаю плохо, так что смакую вялые кашки, пюрешки, да супчики.

Так что вы, которые могут себе это позволить, нереально счастливые люди, и не понимаете этого...

И ещё маленький нюансик, разговаривать я тоже не умею...

Мама родила меня рано. Эта беременность хоть и не была запланированной, но как не раз говорила мне моя мамочка, она полюбила меня, как только узнала о маленьком семечке, что сидит внутри неё. При рождении врачи заподозрили, что что-то не так, но с выводами не спешили. В 6 месяцев мне выставили диагноз: ДЦП, спастическая диплегия.

Этого я, конечно, не помню, слышал, как мама рассказывала своим подружкам. И потекли наши безрадостные дни:

мама ухаживала за мной, ездила по больницам, надеялась вылечить... За несколько лет мы объездили не только вереницу бесконечных медицинских учреждений, но и разных колдунов и целителей.

Когда надежда тает, веришь в то, что в другой ситуации вызвало бы сумасшедший хохот. Непорядочные, жадные люди не брезговали возможностью нажать на моей неизлечимой болезни и обещали если не полное, то частичное выздоровление.

Мама надевала мне шапочку, которая усиливает сигналы из космоса и способствует излечению; вкладывала в мои ботиночки стельки, которые разработаны таким образом, что дают организму всю энергию земли. Поила заряженной водой, шептала заклинания заговорённой кукле.

В четыре года поняла: всё бесполезно, её веснушки, такие солнечные и весёлые потеряли весь задор, она смирилась с тем, что я останусь таким навсегда.

Узнав, что в городе есть Центр, где учат таких детей, мама обрадовалась. В Центре я увидел похожих детей: ещё несколько человек на колясках. Когда знаешь, что ты не один такой, немного проще жить.

Воспитатели и учителя не строгие, старались нас развлекать: то сказку читают, то музыку включают, то рисуют, и я рисовал «рука в руке»: мой пальчик оставлял след на бумаге. Учителя научили меня с ними «разговаривать». Ведь до этого я пытался сказать о своих желаниях позой, выражением глаз, если совсем не понимали – плачем. Как мы беседовали – педагог предлагал две фигурки на палочках, тучку и солнышко, и объяснил: ДА – солнышко, НЕТ – тучка. Картинки учитель держал в разных руках, достаточно далеко друг от друга, что бы можно было понять, куда именно я смотрю. Вопросы

сначала задавали простые: «Хочешь кушать? Тебе холодно? Ты хочешь послушать «Айболита»? «Три поросёнка?»»

А воспитательница Алина Алексеевна, яркая спортивная блондинка, стала придумывать более интересные вопросы, и вместо тучки и солнышка мы рассматривали другие картинки. Мои педагоги поняли, что я знаю не только яблоко-грушу, помидор-огурец, но и ананас, киви, персик, мандарин, баклажан, кабачок, сельдерей. Учителя удивлялись, когда я взглядом показывал на нужные цвета, геометрические фигуры и даже цифры. Я внутренне ликовал. Так моя жизнь в Центре стала проще, меня хоть немного «услышали».

А потом произошло волшебное, к нам в Центр пришла девочка. Симпатичная, длинные тёмные волосы заплетены в две тугие косички, с огромными белоснежными бантами, которые весело подпрыгивали, когда она бегала. Маша не разговаривала в привычном нам смысле, а издавала звуки больше похожие на чирикание птички и смеялась. Она часто смеялась, и мне нравилось наблюдать, как она заразительно хохотала, запрокинув голову, показывая свои маленькие белые зубки.

Меня Маша, как, впрочем, и других детей, не замечала, её диагноз – слово, похожее, как в лесу зовут, когда потеряешься: ау-ау, аутизм, вот, точно! Красивое слово, а означает, что ей трудно общаться с другими людьми.

– Ам-мм-мм – стонал я.

Длинный, худой, нескладный как кузнечик, с беспорядочно сгибающимися ногами и напряжённо перекрещенными руками и пытавшийся выдавить звук, чтобы привлечь к себе внимание.

Я очень сильно сжал свою кисть (руки меня плохо слушаются, и я, не желая, делаю себе больно, для того, чтобы руку разжать, мне надо расслабиться, а я не могу), ноготь всё сильнее впивался в ладонь, я мычал от боли.

- Очень больно? – спросил смутно знакомый голос.
- Да...– простонал я, крутя головой и ища кто это сказал.
- Рядом стояла Маша, глядя мимо меня своими васильковыми глазами. Девочка легонько дотронулась до моей руки, и она разжалась.
- Маша! Ты умеешь читать мысли? – мысленно спросил я.
- Умею, а что тут такого. Мысли читаю, а говорить не получается. И не все меня слышат. Только брат мой маленький и теперь ты.
- Маша, а почему мы такие? За что?
- Кто-то рождён чтобы учиться, а кто-то, чтобы учить. Мы с тобой в этом мире чтобы учить других быть добрее.
- Маша, я так долго лежу, что хочу не ходить, а летать!
- Летать? – она на мгновение замерла, а потом прыгая как ни в чём не бывало, продолжила – Будешь, обязательно! Ты станешь самой красивой бабочкой из всех, что я знаю!

Екатерина Мельник

«ЯЗЫКОВОЙ БАРЬЕР»

В прихожей стоял бледный как смерть Влад. Мама видела его всяким — уставшим, раздражённым, понурым, встревоженным, — но таким злым — впервые. Сын молчал, хотя по нему было видно, что он что-то хочет сказать, но почему-то не может.

— Сынок...

— Что-то странное со мной творится, — произнёс он медленно, как будто тщательно обдумывал, что говорит, — Та бабулечка, милая и добрая... бабулечка... тётушка... женщина... чудесная, волшебница она... волшебница...

Влад говорил отрывисто, повторял одни и те же слова. Очень несвойственные ему слова — уж мама знала своего любимого, но чёрствого сына. Выглядел он при этом просто ошалело.

— Я больше не ведаю, что говорю! Она что-то сделала! Бабулечка, милая очень и добрая, — Влад практически перешёл на крик, а в глазах его мелькнула злоба.

— Наталья, у которой ты был вчера? — мама испуганно поднесла руку к губам.

— Ты меня к ней отправила. Твоя идея, — чеканил сын, — и я бесконечно благодарен тебе за эту возможность, ведь это единственное, что может мне помочь.

Сказав это, Влад взревел и стал биться головой о шкаф.

Ложка угрюмо булькнула в тарелку с рыбным супом. Крупная пухлая фигура что-то проворчала и склонилась над столом: Влад приступил к еде, но безо всякого удовольствия. Рыба всегда была для него призывом открыть окно и начать проветривать. Мама всё не могла этого запомнить и периодически натывалась на Владову кислую физиономию.

– Ну неужели тебе так невкусно? – беззлобно, даже со смешком, удивилась женщина.

– Гадкая рыба! И вонючая! И костлявая. – ответил Влад, с отвращением отбросив ложку, – не готовь её, просил же тебя!

– Ну так я же её люблю.

– Мерзость, а не еда!

Влад не осознавал этого, но его счастьем было то, что мама сварила сегодня уху. Ему нужен был козёл отпущения – пусть хоть рыба. Кто знает, что случилось бы с юношей, не выпусти он пар таким образом.

– Ты чего такой сегодня? – мама хотела было поднести тыльную сторону ладони к его лбу, чем бы полностью обесценила его чувства. Влад сердито отмахнулся.

– День у меня хреновый, ясно? Напарница – придурочная какая-то, а мне ближайшие две недели с ней почти все смены отрабатывать. Роман вообще понимал, кого на работу берёт, или ему – лишь бы точка была открыта? Продаж почти не было сегодня – в конце месяца фигу с маслом получу, а не зарплату, – выпалил он.

– А ещё рыба...

– А исё выба – промычал Влад, скорчив физиономию.

Проворчав что-то вроде «спасибо», он неуклюже встал из-за стола, отчего футболка чуть задралась в пояснице. Мама невольно перевела туда взгляд и ахнула – кожа была пунцовой!

- Ну-ка-ну-ка-ну-ка... – ловкие мамины руки оголили его спину, – господи...
- Что там такое?
- У тебя вся спина в сыпи какой-то.

Влад принялся ощупывать поясницу и метнулся к зеркалу. Полноценно окинуть спину взглядом ему слабо позволяло телосложение, но несколько больших красных пятен он заметил.

– На аллергию похоже. У нас есть Зиртек или там Кларитин какой-то?

– К врачу бы тебе с таким, – взволнованно произнесла мама, протягивая ему таблетку и стакан воды.

– Некогда мне по врачам шататься. Само за пару дней пройдёт.

Утром Влад встал немного позже обычного. Разбудил его очень настойчивый телефонный звонок. Юноша со сморщенным лицом и прищуренными глазами утонул в свете дисплея «Роман». Он поднял глаза в верхний правый угол экрана – девять-ноль-пять! Владу потребовалась доля секунды на осознание, что он проспал.

– Да, Роман! – выпалил юноша, уже думая, как будет оправдываться перед начальником.

– Владислав! Почему не на точке? – металлически отчеканил управляющий.

– Виноват, проспал! В течение полчаса буду.

– Почему Любе на звонки не отвечаешь? Почему она должна беспокоить меня в мой отпуск, чтобы узнать, где ты?

– Дык... она разве звонила? – вконец растерялся Влад и принялся проверять журнал вызовов. Странно. Этот – первый за сегодня, – не вижу никаких звонков от неё...

– Детский сад развели! Чтоб в десять на точке был, лично проверю по камерам! – рывкнул Роман и бросил трубку.

Беззвучно чертыхаясь, Влад метался по комнате в поисках нормально пахнущих вещей, но в итоге плюнул и надел всё вчерашнее. «Я как debil в этой шапке», – пробормотал он, наспех одеваясь перед зеркалом.

«Сигареты кончились!» – хлопнул он себя по лбу уже на лестнице. До маршрутки у него оставалось ещё пять минут, а у остановки как раз был ларёк. Но стоило ему зайти в тёплый и уютный по сравнению с февральской улицей магазин, как из его груди раздался матерно-набожный вздох. Там была очередь. Очередь из одного человека. Божий одуванчик медленно складывала покупки в котомку, приговаривая, как сделает внуку бутербродов в школу. Влад поторапливал её сопением. Со стороны казалось, что он волк из трёх поросят, который пытается сдуть пожилую женщину.

– Господи, да Вы можете не так копошиться! – рывкнул он, когда одуванчик, заболтавшись с продавщицей, положила колбаску мимо своей старушечьей сумки и медленно потянулась за ней на пол.

Успел на маршрутку он чудом. Доехав до нужной остановки, он пустился бежать. Бегать он не любил, дышалки хватило не так надолго и ноги утопали в снегу. После пяти минут этого марша ему стало казаться, что некоторые прохожие идут быстрее него. Когда он, весь запыхавшийся, ввалился в салон, его напарница Люба сидела за стойкой, что-то разглядывая в телефоне.

– Явление Христа народу! – она картинно вскинула руки и насупила брови, – И не стыдно меня так подставлять?

– Ты должностью не ошиблась? – Влад почувствовал, что закипает, – Не помню, чтоб тебе давали привилегии меня отчитывать. –

– Да на меня из-за тебя Роман накричал! Я целый час проплакала.

– Так нафига ты ему позвонила? У тебя моего номера нет или, может быть, мозгов?! Зачем через голову прыгать, чтобы узнать, когда я приду!

– А почему я должна одна открывать салон, когда в графике стоим мы оба?

– Ты могла мне просто позвонить! И никому по ушам бы не проехались! А ты поступила, как тупая крыса!

– Научился бы отвечать за свои поступки!

– Вот же малолетка глупая!..

Неизвестно, сколько бы продлилась эта перепалка, если бы не зашли первые покупатели – двое таджиков. Влад вдруг осознал, что стоит посреди салона в расстёгнутой куртке, весь красный и со взъерошенными волосами.

– Ты иди, – процедил он коллеге и пошёл протискиваться в узкую кладовку.

– Сама знаю.

Люба его раздражала. Иногда Владу казалось, что Люба раздражала вообще всех. Не в ту она эпоху родилась, ой не в ту! Как хорошо ей было бы в СССР – она бы стала его ушами и глазами. Или, например, ей бы подошло родиться бдительной немецкой бабкой, которая следит из окна, в правильный ли контейнер соседи выносят мусор. При этом в работе Люба была безалаберной, совершенно без энтузиазма предлагала телефоны и сим-карты, бардака в салоне она в принципе не видела и, соответственно, никогда его не убирала. Смены у них обычно проходили в перепалках, а если везло и она на что-то обижалась – в гробовом молчании.

Поздно вечером, как обычно, Влад уставший и слегка раздражённый пришёл домой. Его немного грела мысль о какао с печеньем. Насколько он знал, дома должно было быть

и то и другое. Но сегодня его планам не суждено было сбыться. Не успел он сбросить верхнюю одежду, как в прихожую влетела мама.

– Владик, не раздевайся, мы к врачу идём.

– Чего? К какому ещё врачу?

– Насчёт твоей аллергии. Я в интернете прочитала, нельзя запускать такое. Идём-идём, шапку надевай.

– К какому ещё врачу?! Почему сейчас, ты время видела? И на кой чёрт ты со мной собираешься?

– Это очень хорошая женщина, Наталья зовут. Я тебя маленького к ней водила. Она на дому за символическую сумму принимает.

– Ты серьёзно? Ещё и за деньги! Да я лучше к бесплатному врачу запишусь.

– Ну и когда ты дойдёшь до него со своей работой? А аллергия, ещё и такая большая – это очень опасно. Кстати, куртку приподними, я гляну...

– Какая сумма? – отчеканил Влад.

– Пятьсот рублей.

– Дома оставайся, я сам пойду.

Некая Наталья жила не очень далеко, всего в пятнадцати минутах на маршрутке. Дом был пятиэтажной сталинкой с приоткрытой дверью в подъезд. У Влада кошки скреблись на душе. Ощущение чего-то странного всё никак не покидало его. Хотя бы того, что он поехал не в поликлинику, куда он уже лет десять как прикреплён, а домой к какой-то бабке.

Заходить в подъезд не хотелось. Влад с недоверием покоился на тусклую лампу в лестничном проёме. Он в последний раз затянулся сигаретным дымом перед неизбежным. Наталья жила на пятом этаже. Обычная дверь с чёрной кожаной обив-

кой отворилась. На пороге появилась женщина того возраста, когда зовут уже по имени-отчеству. Она была маленького роста, хрупкая и с рыжими кудряшками на голове.

– Вы, должно быть, Влад, – женщина с улыбкой протянула ему морщинистую, но аккуратную руку с парой колец.

Владу показалось, что она как-то странно на него смотрит. Как-то уж слишком изучающе. Впрочем, возможно, виной тому была врачебная деформация, когда с первого взгляда знакомятся не с человеком, а с его болячками и проблемами. Но на всякий случай он решил особо не смотреть ей в глаза.

Влад вошёл в прихожую. Квартира явно была не новая, но для бабульки в целом милостивая. Повсюду было много мелких деталей: обои в розочку, люстра из «бриллиантов», какие-то фигурки на полках.

– Какой чай Вы любите? Есть фруктовый, с жасмином, с бергамотом... – она жестом пригласила его в уютную маленькую кухню, – Кофе не предлагаю, как-никак одиннадцатый час!

– Давайте фруктовый, – наугад брякнул Влад, – мне в целом без разницы.

– Мой самый любимый, – улыбнулась Наталья. Она поставила чайник и тоже присела, – Внимательно Вас слушаю.

Влад немного растерялся. Что ему говорить? Она врач и должна сейчас внимательно его осматривать, а не слушать.

– Да вот, аллергия появилась день назад, – Влад развернулся на стуле и оголил спину.

– Угу... – задумчиво промычала Наталья, – Зуд есть?

– Нет. Я вообще не замечал её, пока сам не увидел.

– Угу... – снова промычала женщина, затем взяла с подоконника листок и ручку и принялась что-то строчить, – я пропишу Вам две мази. Их легко найти в аптеке, и цена вполне доступная. Диету тоже соблюдать очень важно, я Вам сейчас всё

распишу. Но есть ещё один момент... при такой аллергии велика вероятность рецидива. И этот момент купировать куда сложнее, — Наталья подняла глаза и серьёзно посмотрела на Влада.

— У меня какое-то хроническое заболевание? — встревожился тот.

— Ну... не совсем. Я бы сказала, предрасположенность.

Влад заметно надулся. Ну конечно, предрасположенность! Толстый он, вот и всё.

— Но решение есть. Вопрос в том, действительно ли Вам это нужно. Потребуется определённые усилия и, я бы даже сказала, осознанность.

Не шибко Влад привык заморачиваться о своём здоровье. Ему главное, чтобы эти пятна прошли, а там уже что будет, то будет. Но ему не хотелось показывать себя таким безалаберным. Тем более, чего это ему будет стоить — сладкое исключить? Ну, исключит. На время. Влад и чипсы любил, так что невелика потеря.

— Если так будет лучше...

— Будет! Многим помогло, — женщина, как будто, повеселела, — только мне важно, чтобы Вы озвучили, что согласны.

— Зачем? Препараты, что ли, какие опасные?

— Нет-нет-нет, это только моё правило. Можно сказать, это просто дополнение к диете. Но, как я говорила, нужна осознанность. А осознанность начинается с решения быть здоровым.

— Допустим, согласен... — небрежно произнёс Влад, которому начали закрадываться мысли, что он пришёл не к врачу, а к шапочке из фольги.

— Но будет непросто. Даже придётся немного привыкнуть, — её голос стал строже, а рука вновь принялась строчить.

— Да что Вы мне голову-то морочите! Можете прямо говорить? — Влад почувствовал, что теряет терпение. Когда

юноша был уставшим, ему было тяжело контролировать своё раздражение.

– Вы, главное, сладкое на неделю исключите, а всё остальное я написала, – она зачем-то свернула листок пополам и протянула юноше.

Влад редко ходил к врачам, но если они оставляли письменные рекомендации, он обычно читал их сразу. А сейчас... он себя странно чувствовал. Голова была перегружена за день, и вчитываться во что-то совершенно не хотелось. Юноша подержал лист в руках, да и положил в рюкзак.

– Жить-то буду? – угрюмо ухмыльнулся он.

– Ещё как будете. Вы же такой молодой! Мне бы Ваши годы, – заулыбалась Наталья, – Я, между прочим, когда-то была первой красавицей на факультете. Ухажёры проходу не давали.

– Все вы так говорите, – брякнул Влад и тут же понял, что выпалил крайнюю бестактность. Но женщина расхохоталась.

– Забавный Вы. Ой! Вот и чай сейчас будет.

Чай, по мнению Влада, приносил абсурдности в ситуацию – они же вроде как уже закончили, время позднее, чего ему там сидеть? Юноша из вежливости сделал несколько глотков.

– На улице холодно, а чай согреет Вас изнутри. И заснёте после него лучше, – мягко произнесла женщина, будто прочитав его мысли.

После чая действительно стало как-то легче, спокойнее на душе. Захотелось даже приятной беседы – что Владу было не очень свойственно. Атмосферу уюта и размеренности нарушил телефонный звонок.

– Да, мам, – нехотя ответил Влад, подумав про себя, как было бы здорово жить отдельно. Ни перед кем не отчитываться, никуда не торопиться. Эх, денег бы побольше!

– Сына, ты где ходишь? Чего не предупредил, что задержишься с работы?

– Э-э... ты ж сама меня к Наталье отправила! – Влад немного подвис от шквала странных вопросов, – У неё и сию пока, щас уже собираться буду.

– Э-э... – теперь уже подвисла мама, – ах да, точно! Ну и как? Что она сказала?

– Мам, ну что за мода по телефону вопросами заваливать! Нормально всё, надо мази купить. Дома буду, расскажу.

– Что-то у меня совсем из головы вылетело, что ты к Наталье поехал. Заработалась, должно быть.

Во мама даёт! Сама себе проблем придумает, сама же потом от них страдает. Вот только... как она могла забыть? На Влада нахлынуло беспокойство, от бывшего уюта и покоя на душе и след простыл. Он заторопился домой.

– Я обычно предлагаю взять моего печенья на дорожку, но у Вас-то теперь диета. Хотя, быть может, Ваша мама его любит? – предложила Наталья, когда уже оба были в прихожей.

– Не-не-не, спасибо большое, – юноша едва не плюхнулся, стоя на одной ноге и натягивая ботинок на вторую.

– Что ж, была очень рада Вас видеть. Буду ждать информации о Вашем скорейшем выздоровлении.

Шапку Влад натянул уже в подъезде. Ещё не выйдя на улицу, он зажал зубами сигарету и стал щёлкать зажигалкой. Встревожила его однако мама. Сама носилась по прихожей, как ужаленная, сама уговаривала Влада пойти к врачу, сама же и договорилась с Натальей. Такое вообще нормально забывать? Быть может, она выпила? А может ли Альцгеймер начаться в сорок пять?

Юноша задумчиво топтался на остановке в ожидании предпоследней маршрутки. Вдруг его глаза широко распахнулись и он со всего маху хлопнул себя по лбу ладошкой — он же деньги забыл отдать! Влад развернулся и заторопился обратно в сторону сталинок. Но пройдя не больше десяти метров, он застыл в недоумении. А в каком доме-то он был? Все они выглядели для юноши как-то ново и одинаково. Ощущение было такое, что он мог с равной вероятностью выйти пять минут назад из любой из этих сталинок. Одновременно с тем он нутром чуял, что не был сейчас ни в одной из них.

Владу стало жутко. В его поле зрения не было ни души, а по неширокой дороге в две полосы уже не ездили автомобили. Была улица, заваленная снегом, и череда фонарей, подсвечивающих корявые ветки. «Может, зря я маму с собой не взял?» — мелькнула у Влада самая трусливая мысль за всю его жизнь. «А может, я просто задумался, когда выходил из подъезда, и забыл дорогу? Он, наверное, в глубине двора расположен, поэтому мне отсюда и не видно!» — это самоуспокоение, словно прохладная, свежая простынь, накрыло его разбушевавшийся страх. И проверять свою гипотезу ему совершенно не хотелось, да и про деньги он уже успел забыть.

Внезапно на другой стороне улицы послышались молодые голоса и чей-то гулкий смех. К остановке напротив брела весёлая компания подростков, увлечённая бурной дискуссией. Влад облегчённо вздохнул. Ну вот, наконец-то он был не один. Обычно его раздражали шумные тинейджеры, но эта кучка оказалась бальзамом на душу, да и их беспечность была заразительной. А вскоре подъехала и нужная маршрутка.

Домой Влад зашёл тихо-тихо. Он практически бесшумно повернул в двери ключ, снял куртку и сбросил ботинки, по-кошачьи осторожно прошёл по прихожей и уже из коридора

увидел мягкий персиковый свет из маминой комнаты. Значит, ещё не спала – а уже первый час. Видать, не хотела ложиться, не убедившись, что он вернулся. Была у мамы такая привычка.

– Владик, ты уже дома? Всё в порядке? Я что-то так беспокоилась...

Юноша недовольно вздохнул. Раздражала его такая гиперопека. Она до старости будет следить, когда он домой заявится? А если ему захочется переночевать вне дома – обязательно отчитываться перед ней?

– Отдыхай, мамуля, я в полном порядке. Спасибо, что подождала меня, – неожиданно раздалось из его уст, причём в очень претензионном тоне.

Влад замер. Замерла и мама, на чьём лице читалось недоумение с долей обиды. Слова действительно отдавали сарказмом – вот только юноша для сарказма был слишком прямолинеен. И намеревался сказать совсем иное. Тогда почему он сказал именно эти слова?

– Я что-то так устал сегодня... – неуверенно промямлил юноша, говоря это скорее для собственного успокоения, – пойду спать.

Мама против обыкновения не пожелала сыну спокойной ночи, а просто проводила его взглядом. Влад ушёл в свою комнату и рухнул на кровать. Ну и день был у него сегодня! На самом деле, ему было немного совестно перед мамой. Просто извиняться он не умел. Вернее, боялся неловкости. Но куда больше его мысли занимали странности этого бесконечно длинного дня. Правда, долго обдумывать их юноше не пришлось – фруктовый чай и впрямь стимулировал лёгкое засыпание.

Маршрутка приехала чётко по расписанию, и юноша уже было облюбовал себе место у окошка, как понял, что в жизни

не сможет его занять. Нет, на него не претендовала бабулька. Всё было куда хуже – у прохода сидела невероятно красивая девушка. Слишком красивая, чтобы протискиваться через неё своим толстым задом. Не лучший подкат, согласитесь. «Интересно, а чем можно привлечь девушку, которая явно пресыщена вниманием и комплиментами?», – пронеслось в голове у Влада. И он тут же сам себе ответил: ему – ничем. Надо было выйти рожей получше. От этой мысли ему стало немного грустно. Эх – хоть разок бы на него взглянула!

Добрался до работы Влад вовремя – за полчаса до открытия салона. Люба уже была на рабочем месте – ну да, куда же без неё. Коллега топталась у компьютера с крайне расстроенным видом.

– Чего такая сладкая? – бросил Влад, протискиваясь в кладовку.

– Как ты меня назвал? – выпучила глаза Люба.

– А как я тебя назвал? – удивился юноша.

– Сладкой! По-твоему, со мной можно так разговаривать?

– Разве я так сказал?..

– И без тебя настроение тошное! Пришли результаты проверки этой дурацкой...

Проверка! Ну конечно, середина месяца уже, хотя бы один тайник прийти должен был. Проверка играла очень важную роль в зарплате всего салона от продавцов до управляющего. Влад ринулся к монитору. Хоть бы тайник оказался его покупателем! Юноша отработывал каждого из них на совесть, всегда предлагал какие-то акции, взять телефон в кредит..

– Ангелочек! – чертыхнулся Влад, схватившись за волосы.

– Почему ты меня так называешь? – продолжала удивляться Люба, но коллега её не слышал.

– Пройти проверку на десять процентов!.. – ему, казалось, физически поплохело.

За плохо пройденные проверки сотрудников не только лишали премии — их штрафовали. Если результат был ниже шестидесяти процентов, производились вычеты из зарплаты.

«Десять процентов!», — пронеслось в голове у Влада. Да он же получит голый оклад в лучшем случае! Он, хороший сотрудник, лишится бонусной части и премии только потому, что какая-то больная на голову малолетка не хочет делать свою работу! Которая игнорирует покупателей, пока те сами к ней не обратятся, не выявляет нормально потребности, не предлагает дополнительных товаров, сим-карт, красивых номеров и кредитов!

— Я не знаю, как так получилось... — промямлила Люба. — Он особо ничем не интересовался, вот я и не подумала, что он может быть тайником.

— А ты думала, он такой придёт и скажет «привет, Люба, я тайник!»? — раздражённо запоясничал Влад ей прямо в лицо.

— Не кричи на меня, пожалуйста! Не видишь, мне самой неприятно, что так вышло. Я ведь стараюсь...

«Да ни хрена ты не стараешься! Ты вообще знаешь, что такое старание?»

— Да, ты стараешься, и у тебя получается довольно хорошо, хоть и не вышло в этот раз! — прокричал Влад и опешил. Это совсем не то, что он собирался ей сказать...

— Ты... ты это серьёзно? У меня просто Сатурн ретроградный в карте рождения, может иногда не хватать концентрации. К сожалению, это от меня мало зависит...

«Это ещё что за цыганские фокусы? Думаешь, теперь тебе можно сидеть и плевать в потолок?! Если ты не изменишь своего отношения к делу, мы так и будем работать себе в убыток!»

– Тебе нужно чуть больше верить в себя, и всё обязательно получится!

Владу стало не по себе. Почему он произносит все эти слова? В его голове они звучат совсем по-другому!

– Спасибо тебе большое. Я и не ожидала, что ты так меня поддержишь. Думала, ругаться начнёшь.

– Всегда пожалуйста, – пробурчал юноша и процедил сквозь зубы, – Собачка!

– Кого это ты назвал собачкой?! Ангелочек и то было лучше!

Но Влад был настолько испуган и растерян, что ничего вокруг себя не слышал. Он думал лишь о том, почему всё, что он говорит, выворачивается наизнанку. Стоп. Или не всё? Надо проверить.

– Эмм... Люба?

– Да? – ответила напарница. И если бы Владу было сейчас хоть какое-то дело до того, что происходит в окружающем его мире, он бы заметил кокетливый оттенок в её голосе.

– Какая сейчас погода? – произнёс юноша первое, что пришло на ум, и прислушался к тому, что только что из него вылетело.

– Сейчас? Ну... снег идёт. А почему ты спрашиваешь? Тебе же тоже видно.

– Обожаю такую погоду! – с ударением на первое слово ответил Влад, – Гастарбайтеров тоже обожаю.

Что это было? Синдром Туретта? Неврологическое отклонение? Влад припоминал историю об одном грузчике, который после удара по голове забыл все слова, за исключением самых часто произносимых – известного матерного послания. Но наш герой вроде и не бился головой в последнее время...

Влад молился, чтобы сейчас не пошли покупатели. Обычно — да даже ещё вчера — его мольбы были об обратном. Однако именно сегодня голосовая почта доходила до Бога с суточным опозданием. Повалил народ. Зашли пожилой мужчина, молодая пара и двое таджиков — последние почему-то часто приходили группами. Чисто интуитивно Влад решил подойти к пенсионеру: у таких клиентов обычно не слишком много денег, и если юноша и наговорит ему какой-нибудь ерунды, компания пострадает не сильно.

— День добрый, телефончик новый выбираете? — начал Влад с небольшим напором. Где-то внутри ему хотелось, чтобы мужик ушёл. Юноше было страшно, он пребывал в растерянности и не мог быть уверенным в том, что вылетит из его рта.

— А? Да, да, телефон хочу купить, — заулыбался и закивал мужчина, снова переводя взгляд на витрину.

— Себе берёте или в подарок?

— Жене на юбилей.

— А какие запросы к телефону? — Влад с осторожностью начал включаться в игру. Пока что всё шло, как надо. Ещё и клиент был с явным намерением совершить покупку. А может быть, даже покупку в кредит — что вдвойне лучше!

— Чтобы батарею держал долго, чтоб приложения можно было всякие устанавливать, через интернет созваниваться...

— Наверное, дисплей лучше побольше? Чтоб легко было печатать и нажимать...

— Да, чтоб хорошо всё видно было, — пенсионер выглядел немного смущённо. Он явно был слабовато подкован в сфере телефонных новинок.

— А фото и видео часто обменивается? Памяти побольше надо? — Влад подвёл мужчину к подходящему, на его взгляд, стеллажу.

– Да, это тоже нужно, – согласился пенсионер и вдруг повеселел, – О, это такую модель можно за пять тысяч купить?

– Нет-нет, это сумма ежемесячного платежа, если взять в кредит. Цена указана чуть ниже.

– А-а... не подскажите, имеет смысл брать такой в кредит? А то я сразу точно не потяну.

– Да зачем Вам этот кредит! Переплачивать ещё будете... У нас есть и более доступные модели со схожим функционалом, пройдёте со мной! – на одном дыхании выпалил юноша и прикусил язык. Что он теперь несёт! Роман, если бы услышал, шею бы ему намылил! Да что тут Роман, он был готов сейчас сам себя выпороть. Отговорить от кредита – ещё и после napрочь заваленной проверки!

Мужчина же выглядел очень довольным! С видом преуспевающего бизнесмена, заключившего очень выгодную сделку, он любовался тем, как юноша упаковывал ему Ксиоми за пятнадцать тысяч. Влад с каменным лицом оттарабанил заученный текст поздравления с покупкой, вручил пенсионеру злосчастный пакетик и, как только салон опустел, метнулся на улицу.

Перекур сейчас был жизненно необходим. У Влада было ощущение бреда и полудрёмы – он прижался к холодной каменной стене и потягивал одну сигарету за другой. В голове вертелись одни и те же мысли: я болен? к кому мне обратиться? это пройдёт? так вообще у кого-то бывало? Когда он «очнулся», то понял, что простоял так около пятнадцати минут. По-хорошему, ему могло бы и влететь за то, что он надолго покинул торговую точку. И в первую очередь – от бдительной напарницы. Но впервые в жизни ему было не до работы. Влад докурил предпоследнюю сигарету и решил пополнить свои запасы.

«Харвест» с вишнёвым вкусом было найти не так просто, как, к примеру, вездесущего сладенького «Чапмана», который

начали курить все и вся. Последний тоже был хорош, его везли прямым из Дойчланда, это были сигареты премиум-класса, и раньше юноша был их приверженцем. Однако попробовав «Харвест», Влад стал гурманом. Ему повезло с расположением торговой точки – хороший табачный магазин был прямо в соседнем здании.

– День добрый, можно мне

вишню? – произнёс Влад, готовый оплатить покупку.

– Вишню? – глуповато улыбнулась девушка за прилавком.

– Ви-и-шню, – снова выдавил из себя юноша, попутно понимая, что явно говорит что-то не то. Какая к чёрту вишня? Он «Харвест» вишнёвый хотел!

– А что именно вы хотите с вишней? У нас есть жидкости для вейпа, ашкьюди, сигареты...

– Да!

– Сигареты?

Влад интенсивно закивал, решив полностью перейти на язык глухонемых.

– А какие Вам?

Юноша зачем-то стал рукой изображать «ну-ка-ну-ка-нука». Он понимал, что, скорее всего, на фразу «а какие есть?» его язык будет способен, но рисковать не хотелось. Пусть лучше его посчитают весёлым мимом, чем умственно отсталым.

– Есть Чапман, Сенатор, Ричмонд, Эссе, Элди... – стала перечислять продавщица, демонстрируя упаковки, – всё не то? Ну Вы хоть намекните.

Владу пришлось в голову показать ту пачку, что была у него в кармане. Девушка перестала улыбаться. Юноша же, наоборот, заулыбался, чтобы хоть немного сгладить неловкость.

– Двести пять рублей.

«Чтоб я ещё хоть раз сюда пришёл!», – мысленно выплюнул Влад и вышел на улицу. Внезапно у него кармане за-

вибрировал телефон. Юноша посмотрел на дисплей и резко воодушевился.

– Алё? Димыч? Наконец-то, как же ты мне сейчас нужен! У меня тут такой треш творится, ты, блин, не поверишь.

– Шалом, братец, – уныло протянул Димыч на другом конце провода.

– Чего такой... – Влад хотел было добавить «кислый», но вспомнил, чем это ему обернулось.

– Анька ушла. Собрала вещи и ушла.

– Ого... Что у вас случилось?

– Ты знаешь, лучше давай в гости ко мне заходи. Работаеть сегодня?

– Угу.

– Ну тогда, как освободишься.

Встреча с другом вселила во Влада надежду. Клиентов юноша обслуживал с огромной осторожностью, тщательно следя за тем, что говорит. Казусы, однако, случались: этот день ознаменовался рекордом по количеству распроданных дешёвых телефонов и минимальных по наполненности чеков. А также яростным звонком от Романа с руганью за всё вышеперечисленное. Любе, конечно, досталось сильнее за проваленную проверку. Даже как-то жалко её стало – у неё не было никакой устойчивости к критике, что уж говорить о повышенном тоне. Влад не любил женские слёзы. Но гораздо больше он не любил, когда эти слёзы были связаны с ним – в этом всегда было какое-то немое обвинение. А поскольку сейчас виновником торжества выступал Роман, юношу они раздражали не так уж сильно. Куда больше его раздражало то, что напарница полностью вышла из строя. Спустя где-то сорок минут с начала истерики Влад понял, что Люба, кажется, сама не починится. Надо было что-то делать – вот только что? Как показывала практика, юноша словами мог только усугубить ситуацию, тем

более сейчас. Может, валерьянки ей принести? Но какое-то внутреннее чутьё шепнуло Владу, что это будет не лучшей идеей. Лишний раз напугает напарнице, что на неё накричали и как ей плохо.

Что там девочки любят? Командовать, внимание, долгие разговоры ни о чём, вкусняшки... В этом же торговом центре была кофейня-островок. «Латте с карамельным сиропом нравится, наверное, всем» – предположил Влад и взял маленький объём. Покупать большой или средний, особенно с учётом того, что Люба его разорила, юноша посчитал расточительным. Даже этот жест был сейчас довольно убыточным, но мысль о том, что он будет до конца дня работать один, ещё и с дефектом речи, была всё-таки горше. За день по кредитам был по-прежнему ноль, и Влад, по всей видимости, разучился их выдавать. Когда он вернулся, Люба на несколько секунд из любопытства приостановила рыдания. Коллега молча вручил ей латте.

– Это что, мне? – воодушевилась девушка.

– Да, тебе. Успокаивайся давай, мне помощь твоя нужна.

– Это очень мило, Влад, правда! – Люба шмыгнула носом, – Роман говорит, что это мой последний шанс, и если я не проявлю себя, встанет вопрос о моём увольнении.

– Да ладно тебе, он так много кому говорил.

– Он так кричал...

– Это его работа.

Влад чудом усидел до конца дня. Ему не терпелось поскорей слинять с работы и увидеться с Димычем, поделиться с ним всеми небылицами начиная со вчерашней бабки и заканчивая... Стоп! А вдруг Наталья как-то ко всему причастна? Она как раз молола какую-то ерунду про осознанность, согла-

сие и так далее! У Влада от этой мысли чуть не выпали ключи из рук, когда он закрывал салон. А ещё от неё была бумажка какая-то...

– Тебе случайно не к метро? – зачем-то спросила Люба, пока юноша возился с замком.

– Чего? А, нет, я на маршрутке.

– Ну тогда увидимся! Спасибо тебе за всё, Владик! – бросила напарница и упорхнула. У Влада от неожиданности челюсть отвисла.

– Называй меня так почаще! – со всей мочи выкрикнул он и в ужасе заревел.

«Чёрт подери, хуже просто быть не может!», – мысленно выругался Влад, сильно пожалев и о кофе, и о том, что вообще сегодня открыл рот. Юноша расстегнул рюкзак и принялся искать вчерашний листок от Натальи – тот так и остался сложен пополам. Влад с нетерпением развернул его. «Владислав! Полагаю, Вы уже заметили перемены в своей жизни. И вполне возможно, сейчас Вам кажется, что они не в лучшую сторону. Однако именно это может Вам помочь, а также пролить свет на то, что действительно Вас беспокоит. Да, Вы не до конца понимали, на что соглашались, однако Вам захотелось согласиться, а значит, Вы были готовы. Эффект полностью обратим, и его длительность зависит только от Вас!» – далее были написаны названия двух мазей от аллергии, про которую Влад уже десять раз забыл. «Она, значит! Эта старая сволочь!..», – едва не прокричал юноша. Было принято решение перенести поход к Димычу и ехать напрямик к Наталье. Заявиться к ней без предупреждения и колотить кулаками по двери. Ничего, Влад испугался, и она пусть побоится. Вот только... ехать-то куда? Юноша попытался вспомнить адрес, однако не смог вытянуть из памяти не только название улицы и номер дома – даже маршрутку и направление движения! Вдобавок из на-

вигатора телефона исчез вчерашний маршрут, а из журнала вызовов стёрся номер Натальи. «Вот те на...», — прибалдел Влад, сел прямо на поребрик и закурил. Он с силой сжал в руке листок. Не от злости, а в попытке убедиться, что тот реален. Потому что, в противном случае эту историю можно смело рассказывать психиатру. Листок был настоящим, как и всё написанное. Немного очухавшись, Влад поднялся и побрёл к Диме. А по дороге представлял, как будет всё это ему рассказывать.

Когда-то Дима и Влад были одноклассниками, но познакомились ещё задолго до школы — через мам. То, что два таких разных человека смогли спустя столько лет сохранить дружбу, казалось чем-то удивительным. Немыслимое количество ссор не на жизнь, а на смерть (ни Влад, ни Дима иначе конфликтовать попросту не умели), пара неподделанных девушек и кардинально разные жизненные пути не смогли их разлучить. Однако так получилось, что других близких друзей у Влада особо не было.

После двух недолгих трелей звонка дверь открыл в воду опущенный и немного подвыпивший Димыч.

— Шалом, — кивнул тот и дал Владу унылую пятню.

— Что у вас тут случилось? — спросил наш герой, попутно понимая, что своей историей делиться пока что неуместно.

— Всё, ушла Аня, — Димыч широко развёл руками, — Ты пиво будешь?

— Не, мне бы просто воды, — в этот момент Влад порадовался, что не пил, потому что язык вряд ли позволил бы ему согласиться, а было бы обидно.

Ребята прошли на кухню, и Влад стал удивлённо оглядываться: квартира выглядела совсем по-другому без Аниных вещей. Сильнее всего опустела комната: исчезла косметика со стола (оказывается, её было так много!), фотографии, не было

одежды на сушилке и каких-то мелочей на полках, ещё Аня забрала плед с авокадо. Зато теперь было много мусора.

— Мы поругались вчера сильно. Я нашёл у неё в сумке запасной комплект одежды, представляешь?

— В смысле?

— Ну ты знаешь, как Аня любит открытые вещи. Вырезы большие, юбки короткие... На неё все мужики смотрят, как на кусок мяса!

— Так...

— Я был против, чтобы она так одевалась. У неё, блин, парень есть, а она столько мужского внимания пытается привлечь. Будто мне назло! Ну вот она, значит, дома стала нормально одеваться, а с собой брала вещи эти короткие.

— М-да... — промычал Влад, не решаясь пока и слова вставить. Димке всё ещё надо было выговориться: по его запалу было понятно, что у истории есть продолжение.

— А мы как поссоримся, она к подруге ночевать уезжала. И меня всегда это настораживало. Как будто эта подруга каждый раз сидит и ждёт, чтобы Анька к ней приехала! Как-то раз был случай, когда она так поехала, а потом я у этой самой Юли увидел в сториз какой-то клуб. Стал задавать Ане вопросы, но она отнекивалась, говорила, что никуда они не ездили, а видео было заснято за несколько дней до этого. Думаю, ладно. А в этот раз меня что-то прорвало! Я предъявил ей за вещи в сумке, она давай к Юле собираться, ну я и стал выпрашивать, а к подруге ли она вообще едет. Анька психанула, сказала, мол, я бы ещё её на цепь посадил, собрала все свои вещи и уехала. И реально всё вывезла! — Димка наконец выдохнул после пламенной речи и закурил. В этой квартире курить на кухне было нормой, если окно открыть.

Влад знал Аню, они часто пересекались, когда тот заходил в гости к Димычу. В целом она была хорошей девчонкой, очень

хозяйственной: всегда покушать погрееет, салатик настругает, за стол усадит. Ещё Аня была длинноногой блондинкой, которую всегда замечала мужская половина населения. Красивая и с характером. Вот только свободолюбивая очень, а Димыч — недоверчивый и контролирующий. Нашли друг друга, что называется. Однако Влад думал, что семейная жизнь с ней положительно влияет на товарища: тот стал интеллигентнее что ли, ответственнее, за здоровьем начал следить. Да и смотрелись вместе хорошо: оба стройные, высокие, светлая голова и тёмная. Но сейчас Анька — враг, потому что обидела друга. А друзей надо поддерживать.

— Найдёшь себе ещё лучше. Такую, чтоб надёжная была, чтоб ей доверять можно было.

— Да блин, ясное дело. Только б Аньку ещё из головы выкинуть. Столько нервов мне промотала! Каждый раз думать, где она и с кем, как она одета... Если б не такие выходы, я бы не прессовал и не контролировал! Не, нафиг таких...

— Знаешь, что, — начал Влад с интонацией, набирающей обороты. Юноша проникся болью друга и в этой тираде хотел выразить всё своё понимание и поддержку, да простит его Аня, — Анька эта — чудесная девушка! Замечательная! Мечта любого!

Влад выпалил это и с силой хлопнул себя по лбу — ну что он несёт! Как он ещё не привык к этим выкрутасам! Стоит на минуту забыть — тут же всякий бред вылетает. Димыч сидел совершенно обалдевший.

— Ты адресом, случаем, не ошибся? Может, тебе Юлин дать, Аню поддержишь?

— Я хотел другое сказать... — простонал Влад и попытался исправить положение, объяснить, что Анька-то на самом деле зажралась, — А много ли ты для неё делал? Достаточно ли внимания уделял, дарил ли цветы?

Юноша практически прокричал это и готов был зарыдать от отчаяния. Ему вообще, что ли, ничего не сказать с негативным оттенком?! Он теперь как феминистка какая-то!

— Либо ты сейчас уйдёшь, либо я тебя ударю.

Влад выбрал уйти. Вероятнее всего, навсегда. Юноша был зол абсолютно на всё, и в первую очередь на эту пресловутую бабу! Он ехал домой с чувством, что это худший день в его жизни. Влад сейчас ненавидел каждого, кто был с ним в одном вагоне метро, никого не хотел видеть, и одновременно с тем безумно хотел кому-нибудь выговориться. Ему вдруг стало ужасно одиноко: все, кто с ним сегодня разговаривали, считают его либо чудилой, либо совершенно другим человеком. Ещё и на работе теперь полный кавардак! Преисполненный раздражением и отчаянием, он наконец доехал до дома и распахнул дверь. Где-то внутри он сейчас был рад тому, что жил с мамой. Та, по обыкновению, вышла в прихожую, чтобы встретить сына. Но как только она его увидела, её лицо приняло крайне обеспокоенный вид.

— Сынок... — дрогнул её голос.

— Что-то странное со мной творится... Та бабулечка, милая и добрая... бабулечка... тётушка... женщина... чудесная, волшебница она... волшебница... — Влад всё пытался подобрать слово, которое бы хоть немного отражало то, как он относился к Наталье, — Я больше не ведаю, что говорю! Она что-то сделала! Бабулечка, милая очень и добрая!

Влад с мамой сидели на кухне и пили ромашку.

— Лучше б она меня закодировала! — выпалил Влад и с любопытством первооткрывателя стал анализировать

то, что из него только что вырвалось. В глазах – вопреки его злости – мелькнуло удовлетворение и приятное удивление, мол, ну надо же!

– Так ты почти не пьёшь.

– В том-то и дело! А разговаривать мне каждый день.

– Покажи-ка листок, который она тебе дала.

Юноша дал маме помятую бумажку, и та с крайне сосредоточенным видом принялась читать.

– Так, а ты мази купил?

– Какие, к ангелочку, мази?! Мне очень нужны мази! Хорошо, что ты об этом подумала! – завопил Влад.

– Я что-то тебя не до конца понимаю.

Влад, очень расстроенный, выхватил у мамы листок, скомкал его и бросил в пакет с мусором. А в юноше баскетболист умер!

– Так понятнее, – кивнула женщина, – м-да, если теперь ты так разговариваешь, то точно надо что-то придумать.

– У тебя должен быть телефон Натальи. Ты же мне его дала!

– Да, сейчас посмотрю, – мама юркнула в комнату за мобильником и спустя минуту вернулась с удивлённым видом – Ты не поверишь...

– Поверю. У меня самого стёрлись сами собой номер и адрес.

– Главное, я практически не помню, как отправила тебя к ней! Я, кажется, задремала тем вечером, проснулась с мыслями, что сон какой-то странный приснился. Потом смотрю на часы – а там уже одиннадцать! И тебя нет дома. Я позвонила, ты стал ругаться, мол, это я тебя отправила к Наталье, и у меня только тогда проясняться начало, что то был не сон.

Влад вспомнил, каким встревоженным был мамин голос во время того звонка. А затем вспомнил ощущение растерянности и страха, когда сам не мог понять, из какого дома он вышел.

– А у тебя из подруг к этой Наталье кто-нибудь ещё обращался? Ты вообще как про неё узнала? – вдруг осенило Влада.

– Ещё лет пятнадцать назад от мамочек на площадке, – задумчиво ответила мама, – Думаю, смогу у них поспрашивать.

– Ты только это... про меня расскажи обязательно! – настойчиво произнёс юноша.

– Зачем, сына? Нас же в психбольницу одним рейсом увезут! – удивилась женщина, но тут же обратила внимание, как Влад интенсивно вертит головой. Значит, наоборот, не хочет, чтобы кто-либо знал, – Поняла тебя. Ты как, может, спать уже пойдёшь? Время за полночь, – мама ласково потрепала его по голове.

– Да не, завтра выходной. Хочу ещё немного посидеть, подумать.

Что сложнее: если человек отказался от тебя умом или сердцем? Или одного без другого не бывает? Сердце может рано или поздно забыть обиду, если разум этого хочет. Но сможет ли Димыч простить, если предали его принципы? Юноша тяжело вздохнул и привычно закинул в рот сигарету. Тоскливо ему будет без друга. И главное – Влад же был на его стороне! Собирался ему как следует поддакнуть, облить словесными помоями – как её... эту... – Аню за все её злодеяния. А тут вон что вышло. Нет, он так этого не оставит: без Димыча несдобровать ему в этом жестоком мире. Он, в конце концов, единственный, кому Влад нравился настоящим, пусть и ворчливым. Решено! Надо идти.

А поверит ли Димыч? – юноша не донёс до рта сигарету и задумался. Ане он не верил, что та у подружки ночевала, а Владу поверит, что его заколдовали? А как бы ещё рассказать об этом, чтобы мысль донести? Чтобы, так сказать, назы-

вать вещи своими именами. Решение пришло быстро. На столе у мамы лежала стопка жёлтых стикеров – у них ещё одна сторона липкой была. Можно на лоб прилепить себе и ходить, как дурачок. Влад решил забрать с собой весь запас. «Какой я красивый в этой шапке», – пробормотал юноша, проходя мимо зеркала в прихожей, и прыснул. Забавно язык выдал в этот раз.

Влад немного волновался. Во-первых, он шёл в гости без приглашения. И достоверной информации, дома ли друг, у него не было. Но что-то подсказывало, что лучше сейчас не звонить, а идти так. А во-вторых, ни в школе, ни во взрослой жизни друзья никогда не мирились так быстро. На это уходило как минимум месяц: за это время оба успевали остыть, посокрушаться о сказанном сгоряча, как следует соскучиться и под гомосексуальные шутки обняться. Владу этот месяц был не нужен – он на друга и не злился, а вот Димыч вчера угрожал его избить и явно ещё не дошёл до стадии объятий.

Юноша и не заметил, как опустела пачка сигарет. На этот раз он решил не повторять своих ошибок и сразу прикинуться глухонемым. У метро как раз была табачка. К большому облегчению Влада, на эту продавщицу он прежде не натыкался. Наш герой приветственно кивнул, достал из кармана пачку «Харвест» и указал на неё пальцем. Продавщица как-то подозрительно на него посмотрела и сказала вслух:

– Двести пять рублей.

Влад постарался придать лицу непонятливый вид, мол, не услышал её. Тогда женщина вздохнула и натыкала двести пять на калькуляторе. Юноша улыбнулся и с готовностью оплатил покупку. А выйдя на улицу, обнаружил, что забыл вытащить беспроводные наушники из ушей. «Оскар мне!» – прошипел Влад.

Вдруг его сердцебиение участилось, а воздуха стало не хватать, стало не до наушников, сигарет, ооскара и продавщицы – на светофоре в конце улицы он увидел хрупкий старческий силуэт. В сером пуховике ниже колен, с чёрной сумкой на плече, без шапки и рыжими кудряшками. Юноша всеми инстинктами почувствовал, что это Наталья. Ему не нужно было даже присматриваться, он как будто знал это на все сто процентов. Женщина медленными шагами двигалась к пешеходному переходу, и если Влад поднажмёт, то успеет на зелёный и догонит её! И он ломанулся.

– Наталья! – крикнул он, видя, что пешеходы уже тронулись. Наталья не реагировала, – Прошу Вас, подождите!

Наталья по-прежнему медленно переходила дорогу.

– Пожалуйста! Уделите мне минуту, я Вас искал!

Когда между Владом и женщиной оставалось около десяти метров, она вдруг как втопила! Юноша аж оторопел от неожиданности. Он, естественно, тоже прибавил скорости. Позади остался пешеходный переход, и Наталья держала путь во двор. Безусловно, Влад мог бежать быстрее неё, он как-никак был молодым мужчиной, но он уже прилично запыхался, под ногами был гололёд, и он боялся напугать бабушку до смерти.

– Зачем тебе это?! – завопила она.

Зачем?! Да как она может такое спрашивать! А ей зачем клоунские кудри и бриллианты на люстре? «Зачем?» – ну и вопрос!

– Я хочу сам решать, что говорю!

«Господи! Да где её научили так бегать? Я толстый, она старая, один к одному должно сводиться!».

– Зачем тебе моя сумочка, ирод? Пенсию хочешь стащить? Подавься! У меня там анализы! – она, не замедляя бега, сняла с плеча сумку и бросила её в юношу. Котомка упала ему прямо под ноги.

Тогда женщина развернулась и впервые показала лицо. «Ёлки-палки! Да как же так, один в один со спины Наталья!».

– Простите, я обознался. Думал, что Вы другой человек.

– Ах вот что ты думал! Узнал, что пенсии с собой нет, так сразу вежливым стал! – не унималась бабулька.

– Знаете что... – Влад начал закипать. Сначала ему было даже совестно за свою ошибку и всю эту беготню, он хотел было поднять сумочку и вручить бабуле, но вконец передумал, – купите себе шапку! Не ходите с голой головой!

Женщина ещё что-то кричала ему вслед, но Влад её уже не слышал. Он включил в наушниках музыку и пошёл к метро. Настроение у него было раздражённое – но даже не этой сварливой женщиной, а тем вопросом «зачем?». Его не успокаивало то, что бабулька имела в виду совсем другое. Юноша злился на жизнь за то, что та поставила его перед этим вопросом, заставила отстаивать то, что и так бесспорно принадлежит ему.

Дверь в Димин подъезд была открыта. «Это хорошо, – подумал Влад, – вряд ли он меня выставит, если я буду уже на этаже». Юноша несмело нажал на звонок. Затем ещё раз. Никто не открывал. Влад уже подумал уйти и вернуться в другой раз, как услышал громкий скрип кровати, неразборчивое ворчание и приближающиеся шаги. Волнения немного прибавилось. Открылась дверь, и на пороге стоял очень помятый и заспанный Димыч. Почему-то он не спешил впускать Влада в квартиру.

– Чего хотел? – неприятливо спросил тот, оперевшись на косяк. Сейчас он выглядел, как самый настоящий гопник.

– Поговорить.

– Слушаю.

– В это сложно поверить, но ты мой друг, и я должен всё тебе рассказать... – Влад не понял, что произошло. Просто

в какой-то момент у него в глазах потемнело, в ушах зазвенело, а в носу отдало непереносимой болью.

— Она у тебя, да? Совет да любовь вам, привет ей передавай!..

Следующим скорчился от боли Димыч — ему только что прилетел удар под дых.

— Что ты такое говоришь? — спросил Влад, держась за нос.

— Я об Ане, о ком же ещё!

— Ты просто догадливый умница! — начал наш герой, но вовремя осознал, что язык не даёт ему назвать Димыча параноиком. Юноша ходил по очень тонкому льду и постарался придать слову «умница» насмешливый оттенок, чтобы списать на сарказм, — Я пришёл по другому поводу.

— Так она не у тебя?

— Как тебя вообще осенило, что она может быть у меня?

— Да скажи ты мне уже прямо!

Влад растерялся. Он не был уверен, что язык позволит ему сказать просто «нет». Надо было искать другое решение, пока друг не захлопнул дверь у него перед носом!

— Мне тяжело говорить. К Ане я отношусь чисто přátельски. У меня дома живём только мы с мамой.

— Хорошо... Можешь зайти, — Димка, по-прежнему держась за живот, отошёл с прохода и впустил Влада, — Ты реально как-то странно говоришь.

— Готовься к залихватской истории.

По Диме было видно, что, хоть ему и было паршиво от ухода Аньки, похмелья и удара, он зажётся любопытством. Ещё сильнее он удивился, когда Влад достал листочки и стал что-то увлечённо писать.

— Ты в писатели подался?

— Дай мне минуту, — писать на маленьком листочке и одновременно держать у носа кусок мяса оказалось на редкость неудобно.

– Да хоть две.

Влад протянул Димычу бумажку со словами «язык меня больше не слушается, я говорю те вещи, которые совершенно не имел в виду».

– У тебя почерк непонятный, переписывай, – сказал Димыч, даже не взглянув, но потом рассмеялся и стал вчитываться.

Так Владу бумажка за бумажкой удалось рассказать другу, что с ним стряслось. И даже объяснить, что все те вещи, который он говорил вчера, тоже вылетели из него как-то сами. На последнее Димыч грустно кивнул и попросил прощения за то, что надумал лишнего.

– Даже если ты сейчас меня разыгрываешь, это, блин, офигенно, – Димыч с недоверием покосился на Влада, – А попробуй послать меня!

– Я тебя люблю! – воскликнул юноша и зажал рот рукой. Он понял, что от посланий воздержится теперь очень надолго. А Димыча это рассмешило.

– Как помочь-то тебе, братец? – задумался тот.

– Я маме рассказал, она спрашивает у знакомых, которые когда-то дали ей контакты Натальи.

– Вот так платная медицина проигрывает бесплатной со счётом один-ноль, – выдохнул Димыч, стряхивая пепел с сигареты, – Я тоже своей маме наберу сегодня, спрашиваю про эту Наталью. А ты точно фамилию не помнишь? Тогда, может, в соцсетях бы её нашли.

Влад только отрицательно покачал головой. Фамилию он не то что не помнил – даже не знал. Между друзьями нависла пауза, и Димыч в этот момент принялся листать фотографии в телефоне. На одной из них он завис.

– Даже не знаю, удалять или нет. Я вроде как решил удалить все Анькины фото, но эта, блин, душевная такая!

– Покажи-ка.

Фотография и впрямь была милой. На ней были Дима с Аней в обнимку, вокруг них собрались и другие ребята, а на столе стоял большой торт со свечками в форме цифр двадцать пять. Влад пригляделся: уж больно знакомые были лица. Ну ещё бы, они же в одном классе учились! И как он сразу их не узнал — наверное, не на них посмотрел в первую очередь.

— Дим, а ты ж вроде говорил, что днюху с Аней вдвоём отпразднуешь... — Влад почувствовал холодок внутри. Димку от его слов будто контузило. В глазах читалось одно большое «бли-и-ин!». Ну или словцо посильнее.

— Владос, ты только не обижайся... — но было поздно, потому что Влад уже очень насторожился, — я думал тебе рассказать, но не знал, как преподнести.

— Жги.

— Ну короче, я хотел собрать вас всех вместе. Уже начал людей добавлять в общий чат, как Андрей принялся расспрашивать, будешь ты или нет. Я сказал ему, что да, как же без тебя! Тогда другие завозмущались. У меня был выбор отметить с ребятами или только с тобой, а тут Анька надавила, что она уже заказала тонну еды и алкоголя...

Вот так вот. Глупо полагать, что ты хорошо знаешь человека, пока не увидишь его с разных сторон. И вылезти эти стороны могут даже после двух десятков лет закадычной дружбы.

— А ведь я тебе даже гадость сказать не могу.

— Теперь верю.

— Я тебя люблю.

Вот это примерно походило на ситуацию, после которой Влад не будет разговаривать с Димой месяца, если не больше. С мыслью о таком предательстве надо было ещё свыкнуться.

– Слушай, я знал, что поступаю неправильно. Мне хотелось сделать этот день праздничным и для Ани тоже. Сам знаешь, у нас уже давно не ладилось...

– А почему ребята не хотели, чтобы я приходил?

– Ух... они считают, что ты конфликты провоцируешь, недоволен вечно чем-то. Говорят, ты дух веселья убиваешь. Ты не подумай, мне здорово с тобой общаться! Это только они так думают.

– М-м-м, – промычал Влад. Будь язык в его полном распоряжении, он бы уже ушёл. Возможно, навсегда. Но сейчас ему нужен друг, который знает его настоящего и может помочь ему что-то придумать. Обиду лучше отложить на потом, хоть это и непросто.

– Знаешь что, давай где-то через недельку отпразднуем мою днюху заново, только вдвоём. Проставляюсь!

– Почему ты со мной дружишь? – спросил вдруг Влад.

– Чего? Владос, ты с дуба рухнул – такое спрашивать! Ты же мой друг детства! Поддерживаешь меня всегда...

– Просто Андрей и остальные правы про меня. Я действительно такой, как они говорят. Почему это оттолкнуло их, но не отталкивает тебя?

– Да нравится мне такая твоя манера. В этом твоя фишка! Когда особенно плохо, бесит кто-то, в самый раз тебя позвать! – празднично произнёс Димыч, но потом задумался о том, как это прозвучало.

– Вот именно, – грустно усмехнулся Влад, – а когда хвалить некого, тогда и обо мне можно вспомнить! Тьфу! Наоборот! Ну ты понял.

– Мне жаль, если ты и впрямь так думаешь. – ответил по-серьёзневший Дима.

– Пойду я, наверное.

– Иди.

«Уважаемые коллеги! В связи с невыполнением планов и плохо пройденным проверками в последний месяц ведётся очень серьёзный разговор о закрытии точки. Вероятнее всего, это произойдёт в течение двух месяцев», – таким сообщением «осчастливил» Роман подчинённых утром несколько дней спустя.

– Это очень грустно, – печально произнесла Люба, – с другой стороны, я рада, что он хотя бы не орёт. А то он такой крикливый.

Ситуация была действительно удручающей. Когда на точке был Влад, у салона был хоть шанс закрыть какие-то планы. Но когда юноша был на выходном – а последние два дня были именно такими – по магазину проносилось перекати-поле. Если честно, Влад никогда не понимал, почему такое большое внимание было уделено именно кредитам. Даже самым скромным из них, не превышающим двадцати тысяч, проигрывал действительно большой по наполненности чек. Это не занимало мысли юноши прежде, но сейчас его душе хотелось бунта. Бунта против компании, кредитов, Любиной несобранности, Романа, Димыча – да в целом неважно. Ему казалось до смерти несправедливым, что после года его усердной работы, действий в интересах компании, управляющего, напарницы, да и своей зарплаты, в конце концов, никто не поборется за точку и не попытается мотивировать команду!

От сообщения Романа веяло холодом. Нет, даже холодным расчётом. На контрасте с присущей ему эмоциональностью возникало впечатление, что он опустил руки. Мол, ну не выстрелил салон, попробую с другой точкой и другим коллективом. Отчасти это ощущалось даже предательски. По крайней мере, до этого момента Влад считал его неплохим управляющим. Да, где-то он перегибал палку, мог повысить голос, но все

мы люди – это, так или иначе, было направлено на успех общего дела. Но сейчас, когда точка действительно загибалась, он просто согласился с решением руководства закрыть её!

Покупатели шли. Влад был зол и работал как-то нехотя. Если никому, чёрт подери, это не нужно, то почему он должен биться из последних сил? Юноша сухо выявлял потребности и озвучивал акции, а на моменте предложения кредита язык из раза в раз уводил его куда-то не туда. Даже один раз предложил купить подходящий телефон в соседнем Билайне: гуляя по торговому центру во время перерыва, Влад приметил у них как раз такую модель. Вот только где это видано, чтобы продавец рекламировал салоны конкурентов! Несостоявшийся покупатель был удивлён таким подходом, однако искренне благодарен.

– Здорово, что не перевелись ещё хорошие люди! – воскликнул мужчина и пошёл исследовать ассортимент Билайна.

Разговоров с Любой Влад старался избегать. Он и без того был не в духе, а так ещё, чего доброго, в любви признаётся. Она же, в свою очередь, видела повод поговорить абсолютно во всём.

– Владик, а кто ты по гороскопу?

– Рыба-меч.

– А что ты будешь делать, когда точку закроют?

– Пойду работать на завод, – вопрос Любы его разозлил. Она будто ждала закрытия салона и говорила об этом как о чём-то обыденном.

От дальнейших расспросов Влада спасли вошедшие в салон клиенты. Юноша взялся работать с молодым человеком.

– Добрый день, что хотели бы выбрать?

– Да вот, телефон смотрю. Но я пока что не определился с моделью, – молодой человек с интересом оглядывал витрину.

– Какой ценовой диапазон Вас интересует? У нас есть довольно достойные модели Ксиоми, они на порядок дешевле аналогичных им Самсунгов, – начал Влад, уже привыкший к тому, что язык его корректирует. Однако сейчас он поймал себя на мысли, что не может наверняка сказать, какие слова принадлежат ему самому, а какие язык выдал по собственному желанию.

– Думаю, цена будет второстепенным вопросом. Я решил пока не брать ноутбук, поэтому телефон должен выполнять функцию полноценного рабочего инструмента. Важно, чтобы не глючил, была хорошая камера и чтобы гарантированно прослужил мне ближайшие несколько лет.

– Я так понимаю, для Вас в приоритете качество. Смотрите, есть хорошие Самсунги, на которых Вам будет удобно работать, но следует понимать, что бренд создаёт наценку.

– Да ну и что! Зато это статус, а мне с этим телефоном ещё на людях появляться!

Влад с удовольствием представил молодому человеку телефоны, подходившие под его запрос. Это были модели ценой выше шестидесяти тысяч. Даже держать их в руках было приятно! Ещё юноша почувствовал радость от того, что наконец-то может продать кому-то действительно стоящий продукт – а главное, что это на сто процентов удовлетворяло желание покупателя.

– А в кредит взять его возможно? – клиент наконец определился с выбором.

– Конечно! Платёж можно разбить максимум на восемнадцать месяцев.

Наш герой не верил своим ушам. Ему ещё никогда не давалась выдача кредита так легко! При том что он даже не ставил перед собой такой цели – знал, что это ему не удастся. А тут клиент сам захотел, знал обо всех остальных вариантах и осознанно выбрал этот! Как только покупка была оформле-

на, Влад подозвал к себе коллегу. Теперь он был в настроении поговорить.

– Люб, ты какой судьбы салону желаешь?

– Ну, я, безусловно, расстроена тем, что нас закроют, но что поделывать-то уже...

– То через два месяца только обещают, десять раз могут передумать за этот срок!

– Владик, – то, как Люба произносила его имя, по-прежнему резало слух, – из меня так себе продавец. Мне про это говорил Роман, да я и сама это знаю. Запала хватает от силы на одного-двух клиентов! Я бы хотела просто спокойно отработать эти два месяца и искать другую работу.

– А если я скажу тебе, что ты хороший продавец, просто сама этого не знаешь?

В этот момент Влад понял, что впервые пытается искренне её поддержать. А что ещё важнее, ему впервые захотелось стать с ней одной командой. Быть может, причиной тому был разлад с Димычем и обострившееся чувство одиночества.

– Это правда очень мило с твоей стороны, но ты видел мою работу...

– Ты, когда с клиентом работаешь, что в голове держишь?

– Надо поздороваться, выявить потребность, предложить товар из наших приоритетов и объяснить, почему телефон, который я предлагаю, удовлетворяет его потребности. Рассказать про сопутствующие товары и почему их надо приобрести, затем отработать возражения... – начала девушка.

– Забудь об этом! Нет, конечно, не полностью. Просто постарайся думать в первую очередь не о кредитах и планах, а об интересах покупателя. Если видишь, что ему нужен дешёвый телефон, то предупреди обо всех возможных недостатках и предлагай лучшие из дешёвых! Если клиент сам не готов к кредиту, значит, пусть возьмёт более доступную модель. Поняла?

– Но Роман всегда говорил по-другому... Принесёт ли это выгоду? – засомневалась напарница.

– А нам есть что терять? – усмехнулся Влад, – тебе самой-то как больше хочется работать?

– Я подумаю над этим.

На протяжении целого дня юноша наблюдал за поведением напарницы. И отметил про себя, что в работе с клиентами она действительно стала действовать по новой стратегии. Точнее сказать, она у Любы в принципе появилась. Сначала на предложение рассмотреть более дешёвые телефоны клиенты отвечали согласием, и в глазах коллеги читалось разочарование. Влад старался по мере возможности ей одобрительно кивать. Затем ей всё же удалось сделать несколько внушительных продаж! Да, без кредита, но суммы в сорок и пятьдесят тысяч с дополнительными продажами уже были для Любы очень хорошим результатом.

Закрывал салон Влад в приподнятом настроении.

– Владик... – начала напарница, когда он возился с замком. Надо бы дать ей понять, что его следует называть по-другому!

– Слушаю.

– Роман в следующую субботу возвращается. У нас обоих будет выходной. Хочешь, сходим куда-нибудь?

Вот тут хорошее настроение Влада как волной смыло! На смену ему пришли чувства тревоги и самого настоящего страха. Ему снова надо было думать! Если с работой он уже набил руку, а Димычу с мамой во всём признался, то тут в случае осечки последствия будут фатальны. Да язык его сейчас, чего доброго, на ней женит!

– Люба, – мягко начал юноша и стал вспоминать, что в таких случаях говорят в фильмах, – ты очень хорошая девушка! Вот прямо как надо...

Дальше прописанного текста уже не было – а лёд был очень тонок. Вот что ему сейчас сказать? Что ему не нужны отношения? Чёрта с два у него это получится! Язык, как обычно, всё вывернет наизнанку – да и неправда это. Просто Влад был в пассивном поиске. Или, может, что крутить на работе – не в его принципах? Что-то подсказало Владу, что для Любы это не будет аргументом. И тогда она точно не приложит усилий, чтобы отстоять точку. Да и как сказать бы это ещё, чтобы язык всё не перекроил? Владу вспомнился последний разговор с Димычем, где раскрылось, что тот ему соврал. Безусловно, соврать всегда проще. Это оградит от неловкости и потных ладошек, но, как показывает практика, это не очень дальновидно. И подло.

—... но я хочу быть с тобой честным. Мне бы повзрослее кого-нибудь. С каким-никаким опытом, с пониманием, чего она вообще хочет от жизни и куда стремится, – выпалив это, Влад посмотрел на коллегу. Та грустно опустила глаза, но, по крайней мере, не плакала.

— Я тоже буду с тобой честной. Ты стал очень странным в последнюю неделю, – неожиданно сказала она, – у тебя изменилась манера общения. Вроде бы слова хорошие, но интонация злая, хотя я понимаю, что это не сарказм. Ты стал курить вдвое больше, ходишь теперь целыми днями такой задумчивый. А сегодня вообще пришёл с синяком на пол-лица! С тобой что-то происходит?

«Нет, ничего такого».

— Да, кое-что случилось, – охотно подтвердил язык. Влад обречённо вздохнул и полез в рюкзак проверить наличие стикеров, – ты домой сильно торопишься?

— Ты что, наркоман? – Люба в ужасе прикрыла рот рукой в варежке. Интересно, как она себе это представляла: что Влад сейчас покажет ей шприцы и пакет с героином?

– Чиво? – возмущённо протянул тот, вытаскивая ручку и жёлтые бумажки, – Так ты хочешь, чтобы я рассказал тебе, что происходит?

– Ну мы же теперь друзья.

С чего она взяла, что Влад теперь её друг, так и осталось для юноши загадкой. Но это и то было лучше, чем всякие там влюблённости. Быть может, оно и на руку – так ему будет проще повоздействовать на Любино отношение к работе. Они же теперь друзья.

– Сразу предупрежу, история чудесней некуда, – сказал Влад и понял, что его язык не любит слово «бредовый», – поверить будет сложно.

Так на словах, пальцах и стикерах юноше удалось рассказать Любе свою историю. А вот о происхождении синяка Влад решил умолчать – слишком лично. Коллега сидела рядом с ним на скамейке и слушала очень внимательно.

– А когда ты сказал, что я хороший продавец, ты это тоже не имел в виду? – грустно пролепетала Люба.

Женщины! Ты им рассказываешь историю похлеще любого блокбастера, а они и тут пытаются пронюхать, как ты к ним относишься!

– Это имел. Я порой и сам говорю хорошие вещи, – сказал Влад и закурил.

Люба немного отодвинулась и стала отгонять дым рукой. Её лицо исказилось в негодовании. Влад был уверен – не будь ей сейчас так интересно, тут же бы ушла.

– И что, эту Наталью так и не нашли?

– Уже да, – ответил Влад и тут же замотал головой. Язык и отрицания недолюбливал.

– А ты не думал к каким-нибудь гадалкам обратиться? Мне кажется, они могли бы помочь.

Влад даже рта открывать не стал – просто покрутил у виска.

– А хочешь, я тоже её поищу?
– Как ты это сделаешь? Ты что, её в лицо знаешь?
– Хм... – Люба задумалась на секунду, а потом просияла, – я знаю один способ, который точно поможет тебе исцелиться!
– Жги.

– Не помню, откуда я это знаю, но есть, кажется, притча о людях, которые страдали от засухи. И тогда шаман сказал им: «Ройте рвы, и дождь придёт!». Люди удивились, ведь зачем им рвы, когда нет дождя. Но когда ты готовишься к какому-то событию, ты его тем самым притягиваешь.

На большее Влад в целом и не рассчитывал.

– Это очень умная мысль. И что, мне на конкурс чтецов записаться? Или назначить собеседование на радио?

– Давай устроим праздник в честь твоего исцеления!

Идея показалась нашему герою полнейшей бессмыслицей. Мало того, что она не несла ни капли здравого смысла, так ещё и требовала заморочиться.

– Я готова все приготовления взять на себя! У меня завтра как раз выходной.

– Ну делай, если хочешь. Подготовь заодно такую вечеринку для нашей торговой точки.

Последующие два дня прошли довольно спокойно. У Любы были выходные, и Влад работал на точке один. Обещанный праздник пока что не состоялся, и юноша, честно говоря, смутно представлял себе этот формат. Вернее, он предполагал, что коллега в свой следующий рабочий день принесёт торт или что-то вроде того. Однако с эквивалентной вероятностью он также допускал, что никакого праздника и вовсе не состоится. Вопрос лишь в том, что победит в Любе: лень и безалаберность или любовь к мистицизму. На тягу к здравому смыслу

было тщетно уповать. «А может, прав был Андрей, и я действительно не умею радоваться праздникам?», — задумался Влад. Тут вон целое событие хотят устроить, пусть и тортикового масштаба, но всё равно же для него стараются!

Продажи тем временем приятно удивляли. Невероятным было то, что этот взлёт случился не тогда, когда Влад целый год скрупулёзно отработывал смены, а сейчас, когда ноги коснулись дна и терять было уже нечего. Роман же исчез с радаров: на протяжении двух дней от него ничего не было слышно. Иначе говоря, он стал вести себя, как и полагалось человеку в отпуске. Однако что-то странное было в этом затишье.

Периодически Влад отвлекался от философских дум по причине появления покупателей. Язык тут перестал быть для него врагом или союзником. Ничего противоречащего интересам клиентов он априори не говорил, да и вообще стал проявлять себя довольно редко — поводов практически не было. Единственное, слово «нет» порой вызывало затруднения, приходилось прямо выкручиваться. Так, рабочий день плавно и без сюрпризов подошёл к концу.

— Сюрприз-и-из! — завопило несколько голосов, прервав Владины ритуальные рассуждения о красоте и шапке.

— Люба, Димыч? А вы что тут делаете? — Влад был очень удивлён видеть их обоих у себя дома и покосился на маму, которая тоже была в прихожей.

— Праздник тебе устраиваем! — ответил друг в цветном колпачке.

— Это я Диму позвала, — улыбнулась коллега, поправляя свой головной убор.

Вопросов была масса. Начиная с того, как Люба узнала Влади́н адрес, и заканчивая тем, как она поняла, что Димыч — его близкий друг, и они с мамой в принципе в курсе его ситуации. Задавать все вышеперечисленные вопросы куда уместнее

было на кухне. Однако не всё было так просто – на столе стояла заливная рыба.

– Ну что, Владос, Ипполита процитируешь? – стал подначивать его Димыч, – Ты только не переживай, есть никто не заставляет. Это просто проверка связи.

– Какая это прелесть, ваша заливная рыба! – послушно произнёс Влад, – а можно мне что-то другое?

Все трое разочарованно вздохнули. Как будто действительно верили, что празднование чем-то поможет!

– Ты только не расстраивайся, Владик, мы обязательно придумаем что-нибудь ещё! – расстроено произнесла Люба.

– Владик? Она Владиком тебя называет? А можно и я так буду? – запаясничал Димыч.

– Прошу всех присутствующих называть меня Влад, – твёрдо сказал наш герой, – в крайнем случае Владос или сына.

– Сы-ына! – нежно протянул Димыч.

Владу было приятно, что друг в этот момент оказался рядом, хоть обида и душила немного за горло. Он понимал, что разговор им двоим ещё предстоит – но не сейчас, а наедине, чуть позже. Сейчас было время радости и отдыха. Мама принесла из холодильника торт, и все четверо уселись за стол.

– А как ты узнала, где я живу? – наконец спросил Влад у коллеги.

– Я нашла твою страницу в контакте и написала Диме. Он единственный, кто лайкал твои записи, – хихикнула девушка.

– Она, кстати, очень умно поступила, – вставил Димыч, – и меня проверила, и контору не сдала. Написала мне такая, мол, известно ли мне что-нибудь про Наталью.

Ход был и впрямь продуманный. У Любы с Димычем не было общих друзей, да и Влад её никогда не упоминал по имени в разговорах с другом. Так что если бы Димыч был непросве-

щённым, то просто бы решил, что ему написали по ошибке. Но среди тех, кто знал эту историю, имя Наталья было кодовым словом.

У Димы вдруг завибрировал телефон.

– Да, мам? Да, у него сейчас сию. Что-о?

Друг отвлёкся от разговора и попросил срочно дать ему листок и ручку. Он записывал адрес.

– Мам, ты просто спаситель! Ты официально удостоена звания комиссара, – Димыч повесил трубку, – Представляете, мама устроила дома генеральную уборку и, говорит, записную книжку старую нашла. Ну и там адрес Натальи! Прямо на первой странице! Только номер чем-то залит...

Влад накинул куртку дома, а застёгивался и натягивал шапку уже на лестнице. Димыч хотел было ломануться вместе с ним, но наш герой остановил его. Юноша чувствовал, что должен ехать один. Ещё не успев вбить адрес в навигатор, он стал судорожно вспоминать, на какой маршрутке ехал тогда. В голове вертелись два номера. Четвёрка и семёрка. «Точно семёрка!», – вдруг осенило Влада. Тэшка приехала на удивление быстро и была практически пустой. Пятнадцать минут в дороге – и он уже будет на месте. Владу тяжело было собрать мысли в кучу – он не до конца понимал, что сейчас ей скажет, к тому же он испытывал дискомфорт от того, что едет к кому-то так поздно без предупреждения.

Нужную остановку юноша узнал без помощи навигатора. Как только Влад вышел из маршрутки, он тут же заметил стайлинку, из которой однажды вышел. Как её не заметить – она такая была одна! Дом стоял особняком, тогда как все остальные запутанным лабиринтом кучковались позади него. На пятом этаже свет горел только в одном окне. Влад был не до конца

уверен, что это была та самая квартира — не настолько хорошее у него пространственное мышление. Однако выбора уже не было, юноша чувствовал, что идти надо прямо сейчас, раз уж приехал. Лампочка в подъезде светила тускло, и как будто зазывала в свой слабый свет. Влад на одном дыхании поднялся на нужный этаж, однако уже на четвёртом запыхался, сетуя на то, что в таких маленьких домах никогда не устанавливают лифты.

Перед юношей была чёрная дверь с кожаной обивкой. У него создалось ощущение, что он видел её совсем недавно, но одновременно с тем бесконечно давно. Влад осторожно нажал на звонок. Воспоминания о том, как он собирался колотить по двери кулаками, вызвали в нём нервный смехок. Послышались поспешные шаги. Дверь открылась.

— Владислав! — воскликнула женщина и улыбнулась всем своим морщинистым лицом, — Проходите скорее. Как же я рада Вас видеть.

— Вы знали, что я приду? — поразился юноша.

— Почувствовала. Чай будете? За чаем разговоры всегда лучше.

«Боже упаси!», — едва не выскочило из Влада.

— Да, конечно! — охотно ответил за него язык. Наталья рассмеялась.

— Можете быть спокойны, я не собираюсь Вас заколдовывать.

Юноша разулся и снял верхнюю одежду. Когда он вешал куртку, то обратил внимание на длинный серый пуховик, висевший на соседнем крючке. Наталья жестом пригласила Влада на кухню. Тот последовал за ней — что поделать.

— Наверное, заварю в этот раз лаванду, — задумчиво произнесла женщина.

— Зачем Вы это сделали? — задал Влад, пожалуй, самый интересующий его вопрос.

– То, что я повлияла на Вашу способность разговаривать, вне всякого сомнения, является сильнейшим нарушением границ и грубым вмешательством в Вашу жизнь. Но у меня есть право совершать такие поступки, если они обоснованы.

– И какое тут обоснование?

– Видите ли, все события, которые приходят в жизнь человека, зависят лишь от одного маленького фактора – того, как человек мыслит. Я дала Вам шанс это изменить. И хочу признать, Вы достигли больших успехов! Покажите-ка, кстати, Вашу спину.

Влад в растерянности развернулся и оголил спину. За последнюю неделю произошло так много, что он и забыл об аллергии.

– Всё почти прошло, – мягко произнесла Наталья, – Видите ли, я не имею права предупреждать о событиях, которые ждут человека. Также я не вправе заставить его начать мыслить иначе – в голову же не залезешь. Но я могу создать условия, в которых ему будет проще изменить ход своих мыслей. А вместе с тем и ход событий.

– И что же ждало меня? – несмело спросил Влад. Он не был уверен, что готов к ответу на этот вопрос, но не задать его просто не мог.

– Вариантов было много, – улыбнулась женщина, – одно могу сказать точно: сейчас Вы в полной безопасности и идёте по одному из лучших возможных путей.

– Вы бы знали, сколько всего изменилось... – Владу захотелось поделиться с ней всем хорошим, что произошло с ним за последнюю неделю.

– Я с радостью Вас выслушаю! – бойко ответила Наталья.

Женщина полностью игнорировала то, что на часах было одиннадцать, а юноша ворвался к ней без приглашения и явно отвлёк её от отхода ко сну. И Влад был ей за это благодарен. Он вкратце рассказал Наталье о переменах на работе,

о Любе, Димыче и сегодняшнем празднике, не забыв также посетовать на то, что ему теперь тяжело покупать сигареты.

– Что ж, эффект временный. В любом случае Вы большой молодец! Я с самого начала верила в Вас.

– Тогда... может быть, Вы меня расколдуете?

– Не могу! – рассмеялась Наталья, – освободиться от чар под силу только Вам самим. Они сойдут, когда Вы будете к этому готовы!

– Десять из десяти, – разочарованно пробормотал Влад.

– Да куда Вам торопиться! С этим заклинанием Вы будто в боулинг с бортиками играете. Лучше разглядите в нём плюсы, пока оно есть.

На том разговор и закончился. Наталья проводила Влада в прихожую.

– А сейчас, когда я уйду, я увижу этот дом? В прошлый раз он исчез.

– А вот тут не знаю, – снова заулыбалась женщина, – это ведь от Вас зависит, а не от меня. Если буду ещё нужна, то увидите.

– Скажите, а почему в тот раз я забыл, где Вы живёте? И Ваш номер исчез отовсюду...

– Это всего лишь мера предосторожности. В первую очередь, для меня. А то придут потом недовольные, начнут по двори ночью колотить... – Наталья поёжилась будто от холода.

Когда Влад вышел на улицу, он пребывал в состоянии лёгкой эйфории: как будто он узнал большую вселенскую тайну, открыл что-то непознанное. Даже курить не хотелось. Приятной женщиной оказалась всё же Наталья!

Юноша оказался на остановке как раз вовремя, чтобы успеть на последнюю маршрутку. Как-то вечно он забывает проверить расписание – но сейчас ему повезло. Юноша стал рыскать по карманам в поисках карточки. Тэшка тем временем

торопливо отъехала от остановки. Влад чуть было не хлопнул себя по лбу: он же забыл посмотреть, видно дом или нет!

Немного разочарованный, он побрёл к задним сидениям. Его любимым было самое заднее, у окошка. Но вдруг юноша понял, что в жизни туда не сядет, хоть место и было свободно. Рядом, у прохода, сидела невероятно красивая девушка. И не просто какая-то девушка — а та самая, на которую он засмотрелся не так давно по дороге на работу. «Вот те на... Бывают же такие совпадения!» — подумал Влад и сел на первое попавшееся сиденье.

Маршрутка мчала — водитель явно хотел побыстрее вернуться домой. Юноша примерно прикинул, сколько ещё оставалось ехать, и несмело обернулся. Девушка тоже ещё не вышла. Какая же она была всё же нежная и красивая! «Наверное, её зовут Оксана», — подумал Влад. Это было его любимое женское имя. «Да блин, чего я гадаю», — вдруг пришло ему в голову. «Всё равно гадость какую-то сморозить у меня не получится. А ещё я вон какой красивый в этой шапке!» — сказал себе Влад и встал с места. Девушка подняла глаза и едва заметно улыбнулась. Юноша сразу осмелел и уверенно взял курс к задним сидениям. И тут маршрутку как тряхнёт! Влад, не удержав равновесие, грузно повалился против направления движения — прямо к ногам условной «Оксаны». Ушибся он сильно, испачкался тоже. Но ещё сильнее — опозорился.

— Молодой человек, Вы в порядке? — забеспокоилась красавица и протянула ему руку, — у меня тут влажные салфетки в сумочке были...

— Да блин, они что, дорогу ногами строили! — возмутился юноша, завис на секунду и тут же повеселел.

— Я Ксения, — улыбнулась девушка.

— Владислав! — с готовностью представился наш герой. И что-то ему подсказывало: только что у его языка снова появился предохранитель.

Илья Криштул

«ПРО ЮРКУ И ЛЕОНИДА»

Юрка жил далеко на Севере в покосившейся избе, которая отапливалась дровами. Дрова Юрка брал прямо там же, в избе, отчего она постоянно уменьшалась. Водопровода в избе не было, электричества тоже, зато стоял телевизор и Юрка любил смотреть его долгими зимними вечерами. Телевизор был похож на трёхлитровую банку и показывал солёные огурцы, ну и по праздникам помидоры. Странно, что передача про помидоры обычно заканчивалась очень быстро и с песнями, а про огурцы шла постоянно, но без звука. И скотины у Юрки не было, даже какой-нибудь жены. Была раньше собака по кличке Собака, но ушла от такой жизни в тайгу, где и сгинула на болотах. Юрка ходил туда, искал её, звал, но нашёл только два гриба и много ягод, которые продал на станции проезжающим поездам. Вырученные деньги Юрка потратил с толком — купил водки, сигарет, ну и там по мелочи — ещё водки и сигарет. Вернувшись домой, Юрка налил себе стакан, спрятал покупки под кровать, закурил и вышел на крыльцо. Мимо прошло стадо коров, лето, потом соседка баба Таня и осень. Надо было идти растапливать печку, но Юрка всё не уходил с крыльца. Что-то в его жизни неправильно, думал Юрка, но что? Может, она, его жизнь, уже прошла мимо, как это стадо коров? И после неё тоже остались следы в форме лепёшек? Или, может, всё ещё можно изменить? Мысли уносились в холодное небо, сталкивались там с падающими звёздами и исчезали, Юрка замёрз, зашёл в избу и сел смотреть телевизор с огурцами. А потом он лёг и сразу уснул.

Леонид жил в Москве, в Лондоне и по выходным в Ницце. Работал он хозяином нефти какого-то большого края, названия которого так и не научился выговаривать. Хозяином нефти Леонид стал случайно — пошёл в баню с одним большим человеком, а тому прямо туда позвонили — так, мол, и так, нефть нашли, а чья она, непонятно. Кому отдавать? А в парилке, кроме Леонида, никого. И в предбаннике никого. В комнате отдыха, правда, две массажистки дежурили, но им и так хорошо заплатили, к тому же они иностранки были, из Украины. Большой человек посмотрел на Леонида, выпил и отдал ему эту нефть. Только попросил делиться иногда, ну и денег на всякие нужды государственные давать. Леонид исправно делился и его за это никто не трогал, даже очень серьёзные люди «не-скажу-откуда». А сейчас Леонид лежал на палубе своей яхты, пил дорогое вино, смотрел на звёзды и, если звезда падала, загадывал желание. Мимо прошли «Мисс Мира» и «Мисс Вселенная», острова Французской Полинезии и десять лет жизни. Леонид допил вино, загадал последнее желание и уснул.

Проснулся Леонид далеко на Севере в покосившейся Юркиной избе. А Юрка проснулся на яхте Леонида, в окружении пустых бутылок из-под дорогого вина. Леониду сначала всё очень понравилось — природа, тишина, никаких «Мисс», только холодновато и соседка баба Таня вечно похмелиться просит, говорит, что под кроватью есть. Он даже в сельмаг как-то сходил, хотел купить ей дорогого вина, но вернулся расстроенный. Ну а Юрке тем более всё понравилось, хоть он и не понял ничего. Он в бар с палубы спустился и зажил там вместе с барменом. Жаль только, что бармен по-русски не очень говорил и телевизор у него не огурцы показывал, а какие-тодвигающиеся картинки. А огурцов вообще не было, про помидоры Юрка и не спрашивал.

Прошло время. Немного, пять дней или три месяца. Леонид давно стоял на крыльце Юркиной избы и смотрел на небо. Он ждал падающую звезду, но на Севере звёзды падают реже, чем на Юге – боятся упасть в болото, передавить клюкву и утонуть, не принеся никому счастья. А Юрка тоже давно стоял на палубе яхты Леонида и смотрел в никуда. Он ничего не ждал, он просто испугался, что баба Таня нашла его сокровище, спрятанное под кроватью, и похмелилась им. Вокруг был океан, Юрка не понимал, где его изба, зачем он очутился на этой яхте и как ему добраться домой. А потом к нему подошли «Мисс Мира» и «Мисс Вселенная», стали ругаться, требовать обещанных Франции с Парижем и денег. Юрка с женщинами был суров и послал их, но не в Париж, а намного ближе. Он с женщинами всегда так разговаривал, без этого на Севере не проживёшь, там бабы непонятливые, сразу всё выпьют. Но «Мисс Мира» оказалась ещё непонятливее и залепила Юрке в ухо, а пока он падал в океан, расцарапала лицо «Мисс Вселенной» и стала звонить какому-то Руслану, что б он забрал её отсюда. Зато далеко на Севере баба Таня не ругалась и денег ни у кого не требовала. Она просто топор взяла и Леонида по голове легонько тюкнула. Потом под кровать залезла и всё оттуда выпила, даже какой-то стеклоочиститель.

Очнулся Леонид на своей яхте, недалеко от Марселя. Голова, конечно, немного болела, но Леонид не стал обращать на это внимания. Он расплатился с «Мисс Мира» и с «Мисс Вселенной», посадил их прямо на марсельскую набережную, показал, в какую сторону Париж, выучил название своего нефтяного края, отослал бабе Тане на Север ящик французского вина и велел капитану яхты поворачивать в сторону России. А Юрка проснулся далеко на Севере, в своей избе. Он вышел во двор, улыбнулся – впервые за много лет! – и пошёл к бабе Тане делать официальное предложение. Баба Таня была

с похмелья, поэтому предложение приняла и вовремя подоспевший ящик французского вина был выпит всей деревней за двадцать минут под лучок и варёные яйца. А после свадьбы Юрка ушёл ловить удачу. И поймал.

Прошло много лет. Леонид переехал в нефтяной край, поселился в простом доме и устроился работать простым нефтяником. Яхту он давно продал, нефть отдал обратно государству, а дома в Ницце и в Лондоне у него купил разбогатевший Юрка. Юрка, кстати, и нефть себе забрал – государству, видно, не пригодилось. На звёздное небо ни Леонид, ни Юрка не заглядывались – у Леонида уже давно не было никаких желаний, а Юрке это просто не нужно было, он все свои желания сразу выполнял, без всяких там падающих звёзд. Вот только от жены он никак не мог избавиться, от бывшей бабы Тани, которую он, на свою беду, светской львицей сделал. Да она уже и не бабой Таней была, а Танечкой, гламурным лицом страны. Такое вот лицо у страны оказалось, с накаченными губами.

И однажды прилетел Юрка в нефтяной край по каким-то пустяковым делам. Может, зарплату получить. А Леонид зарплату уже получил и, наоборот, улетал куда-то. Скорее всего в отпуск, в Турцию, «три звезды» и «всё включено», больше-то в России отдыхать негде. И чёрт дёрнул Юрку с простым нефтяником пообщаться. Никогда не общался и вдруг захотел. Вышел он из ВИП-зала на улицу, дошёл до общего здания, а там у входа Леонид стоит, курит. Посмотрели они друг на друга... Долго смотрели, прямо глаза в глаза, и только хотели на небо взглянуть, как тут Танечка прибежала с Юркиными охранниками. Такой крик подняла... Юрку в лимузин засунули, Леонида в самолёт проводили без очереди... А с неба как раз две звезды слетели, яркие-яркие. И долго так летели, будто ждали чего-то, но ни Юрка, ни Леонид их уже не видели. Да если б и увидели, что б изменилось? У Леонида, прав-

да, при виде Танечки одно желание появилось, но он быстро одумался, а Юрка свою нефть всё равно никому бы не отдал. Ни Леониду, ни, тем более, государству. Танечку бы отдал, но... Танечка-то эти звёзды увидела и всё своё загадать успела. Так что Юркиных денег на её век хватит. Нефти тоже. А счастье...

А счастье далеко на Севере осталось, в болотах с клюквой, но никто из них об этом не знает... И, как это часто бывает, никогда не узнает...

Ирина Никитина

«ПО МАРШРУТУ ВОСПОМИНАНИЙ»

*Моему дедушке,
Спирину Михаилу Яковлевичу,
железнодорожнику, участнику 4-х войн
посвящается.*

Не многие видят поезда из окна своей комнаты. Мне повезло. Я люблю шум поездов, а вагоны, пронсящиеся мимо моих окон, словно завораживают меня. Иногда кажется, что и жизнь моя – сплошное путешествие. Сколько их было: вокзалов, перронов, вагонов, проводников, купе, попутчиков! Несётся мой поезд к последней станции. Какой она будет? Счастливой и радостной или наполненной сожалением и отчаяньем? Я не хочу думать об этом. Я вспоминаю свои предыдущие станции...

Самое первое воспоминание в поезде. Мы уезжаем с мамой, бабушка и дедушка провожают нас. Уже поздно, давно пора спать, и постель приготовлена для меня, но поезд долго не отправляется, а я всё машу рукой дедушке. Наконец поезд трогается, дедушка сначала идёт, потом бежит за ним, многие провожающие бегут следом, но постепенно все отстают. Я мечтаю, чтобы дедушка бежал дольше всех, и он бежит, и даже обгоняет всех бегущих за предыдущими вагонами. Заканчивается перрон, а дедушка всё ещё бежит по тропинке вдоль насыпи совсем один, и машет мне по-прежнему, и улыбается. Как я счастлива! Мой дедушка бежал дольше всех!

Я улыбаюсь милому, любимому дедушке, но следом уже идёт второй вагон, а с ним и новые воспоминания...

Закончив третий класс, я очень хотела провести каникулы на своей малой родине. Город, где я родилась, считался пограничной зоной, попасть туда не так-то просто, а заказать пропуск в этот раз не успели. Подружка Валя жила в пригороде, где поезд стоял только одну минуту. Мне купили билет до следующей станции, где заканчивалась пограничная зона, а сойти нужно было раньше, в том самом пригороде, где нет проверки документов. В шесть утра меня будила милая девушка – проводница, с которой договорились родители. Я выпрыгивала из вагона, худенькая девочка, ещё сонная, но счастливая. Мне и хорошо, и страшно, все ещё спят, и нет вокруг ни души. Бегу по знакомым с детства улицам к своей подружке. Знаю, что она тоже ещё спит. Мне открывает дверь бабушка Василиса: «Слава богу, приехала! Валюшка спит, забирайся к ней, досыпайте вместе!»

Радостно забираюсь под одеяло к Валюшке, обнимаю её, она и не просыпается даже.

А поезд несётся дальше и вот уже следующий вагон...

Вспоминаю себя в восьмом классе, я еду по тому же маршруту – на встречу с моей Валей ничто не изменилось в нашей дружбе. Хотя мы живём в разных городах, но знаем, что есть на свете счастливые поезда, которые всегда помогут нам встретиться. В этот раз мне совсем не хочется спать, я чувствую себя одиноко среди попутчиков. Все они намного старше меня, сразу разложили свои постели и опустили шторы. А мне так хочется ещё хоть немного посмотреть в окно, и даже если там совсем темно, попытаться разглядеть хоть что-то, возможно, выглянет луна и ночной лес будет уже не мрачным, а таинственным. Вдруг ко мне подходит паренёк из соседнего купе, он едет один на боковой полке, вначале я совсем не обратила на него внимания. Паренёк сказал: «Если вы не хотите спать, может, посидите со мной?»

Я прошла в соседнее купе и села напротив него. Эта была удивительная ночь! Паренёк был чуть выше меня, его звали Володя, но он был на целых три года меня старше. И он обращался ко мне на вы! Никогда не думала, что мальчишки могут так уважительно относиться к девочкам! Какой он был чудесный, этот Володя! Вежливый, скромный, влюблённый в книги, готовый бесконечно говорить о своих любимых героях. Мы разговаривали обо всём на свете и через несколько часов знали друг о друге почти всё. Почему я не спросила у него ни телефон, ни адрес? Эта ночная встреча в вагоне навсегда останется в памяти, как маленькая жемчужинка из детства, первое свидание с юным рыцарем.

Но торопится следом следующий вагон...

Снова перрон, мне шестнадцать лет. Провожая на поезд отца, он садится в вагон в голубой рубашке с коротким рукавом и светлых брюках. Я стою напротив его окна и смотрю, как он улыбается. Но почему у меня так щемит сердце? Не могу ни улыбнуться, ни отвести глаз от его лица. Какое-то предчувствие угнетает меня. Я не знаю ещё, что вижу его в последний раз. Через три дня он погибнет. Как часто потом я мысленно возвращалась в этот день и час. Господи! Если бы знать! Ещё можно броситься за ним в вагон, умоляя остаться! А вдруг мне бы удалось изменить его судьбу! Но я опоздала, мы не способны вернуть время, наши поезда стремительно несутся вперёд.

Снова перрон, горькое расставание. Я провожаю в армию своего избранника – мужа, всего полгода мы вместе и невозможно передать горечь разлуки. Дома на стене – календарь дней и часов до нашей встречи, и нет зачёркнутого ни одного часа, мы ещё прощаемся на перроне. О, какое это наказание, ждать любимого, мне кажется, что почва ушла из-под моих ног вместе с уходящим поездом. Я не могу идти домой и зачем-то прихожу к Вечному огню, где мы давали клятву верности.

сти в день свадьбы. Вся жизнь теперь — в письмах. И есть только один счастливый миг — конверт без марки. Они приходят каждый день, но иногда их нет — два-три-четыре дня, а потом приходит сразу несколько писем. Все они ждали встречи со мной в каких-то почтовых вагонах, которые вначале так ругаешь, а потом так благодаришь.

В студенческие годы я закончила курсы групповодов и каждые каникулы сопровождала группы в туристические поездки. На много лет поезда стали моими добрыми друзьями. Наша группа часто занимала почти весь вагон, и я чувствовала себя настоящей хозяйкой. Мне нравилось заботиться о своих туристах, обязательно зайти в каждое купе, чтобы узнать, хорошо ли они устроились и пожелать всем счастливого пути. Каждая поездка — маленький праздник: сначала ожидание чего-то необычного и удивительного, потом интересные знакомства и впечатления, а в конце — возвращение в родной город, снова поезд, обмен адресами, новые друзья, иногда на всю жизнь.

Не могу не рассказать ещё об одной встрече, точнее, расставании. К бабушке приехала её старшая сестра, её привезли дети, повидаться с нами. Казалось, что их воспоминаниям не будет конца, сёстры жили далеко друг от друга и теперь не могли наговориться. Но всё же подошло время отъезда.

Как прощались сёстры! Они знали, что уже никогда не увидятся и прощались навсегда. Две старые женщины, две сестры... Как они рыдали и не могли разжать объятий! Нам казалось, что замер весь перрон, и каждый, кто видел эту сцену, вытирал слёзы.

Уходят поезда, встречаются и расстаются люди. Пожалуй, самые яркие воспоминания моей жизни остались на перронах вокзалов и в вагонах поездов. Как хочется иногда повернуть время вспять и вернуться на предыдущие станции. Ещё раз

пережить это чудо встреч и волнения разлук. Через какое-то время мы понимаем, что всё идёт по кругу. Уже сына я провожаю в армию, а вот и сама бегу за вагоном, где сидит мой маленький внук и весело машет мне своей ладошкой. Я никогда не смогу бежать так долго, как мой дедушка, но я тоже бегу, сколько хватает моих сил. Уезжают в путешествия мои взрослые дети, и вот я прощаюсь на перроне со своей крёстной из братского прежде и такого недружеского теперь государства. Вряд ли мы увидим ещё друг друга, сердце уже щемит и тоскует, но мы не рыдаем так безудержно, как когда-то моя бабушка и её сестра, мы научились сдерживать себя. Хорошо ли это?

Всё чаще смотрю я на поезда спокойно и задумчиво. С каждым годом всё меньше мне хочется снова собрать чемодан и отправиться в новое путешествие. Видимо, немного осталось станций в моём будущем на этой земле. Со мной остаются мои прошлые станции, и мне ничем не хочется заметить их. Я вспоминаю, как у этого окна сидела моя старенькая мама, с печальной улыбкой смотрела она вслед проходящим поездам и, вспоминая строчку какого-то стихотворения, тихонько приговаривала: «Всё короче, бабушка, твой становится маршрут...» Наверное, только теперь я вполне поняла эти слова. И всё-таки... я уверена, что впереди есть станция, где все мы встретимся, самая счастливая, где не будет разлуки и горя, и все мы стремимся именно туда!

Кот Учёный

«РОЖДЕНИЕ ПОСТ-БЕЛКИ»

Я долго не любил женщин. Но сейчас впервые за десятилетия (строго говоря – за 83 года, почти век) рядом со мной снова была любимая. Её звали милым именем Арна. Неважно, что она – огромная разумная белка ростом чуть ниже меня, с белым мехом. Она «пушиста и душой, и телом».

Я Сигран, частный торговец, он же «неофициальный дипломат». С «моей белочкой» я познакомился, когда занимался делами вокруг недавно (восемь земных лет назад) установленного контакта с их расой, обитающей на Сциуре – холодной планете оранжевой звезды. Сейчас я взял «отпуск от дел» и уже больше месяца «катал» её на своём космическом корабле. Вообще, Арна направлялась на Землю учиться, но до начала учебного года было ещё больше чем достаточно времени.

Нас погубило то, что мы отошли слишком далеко от входов в кротовые норы. Я захотел показать ей вблизи вид на «горячий Юпитер» (газовый гигант, находящийся так близко к звезде, что его поверхность не холодная, а раскалена) рядом с одной из звёзд системы из трёх голубых солнц. А кротовые норы, соединяющие звёздные системы, обычно гораздо дальше от звёзд. Мы приблизились к звезде близко, уйдя далеко от «нор». За бортом было больше тысячи градусов, но это не имело значения, мой корабль мог вынести это неограниченное время.

Мы сидели у обзорного окна. В этом полёте температура воздуха на корабле была близка к нулю. Это я настроил ради моей белочки, привыкшей к холоду родного мира. Мне было не очень комфортно, но у меня модифицированное тело

и я переносил холод почти без проблем. Да и привык уже к холоду на Сциуре.

Правда, я был в свитере, который Арна связала мне из своей шерсти. Он, впрочем, «радовал и согревал» не сколько физически, сколько как подарок. Хотя это, в общем, была стандартная «практика» в паре, где мужчина-человек, а девушка «пушиста», изобрели «такое вязание» ещё до инопланетных контактов, когда на Земле создали первых оразумленных животных (прямоходящих енотов), но для меня это было впервые.

Мы долго любовались аналогом «северных сияний», молниями длиной в тысячи километров и прочими «спецэффектами» атмосферы горячей планеты.

Беда почему-то совпала с тем, что Арна заказала синтезатору слабоалкогольный коктейль. Меня умилило то, как она пила его через соломинку. У «белок» и до контакта с нами был известен алкоголь, но, понятно, не земные коктейли.

Вдруг абсолютно не вовремя раздался голос искина корабля:

— Боевая тревога! Обнаружены «древние роботы», явно летящие к нам. Прогноз неутешительный. Уйти через ближайшую кротовую нору мы не успеваем. Уничтожить их, скорее всего, не удастся. Пятнадцать — это слишком много. Единственный шанс спастись — спрятаться в верхних слоях атмосферы «горячего Юпитера», но и там нас, скорее всего, обнаружат и расстреляют. Тем не менее рекомендован залп всеми ракетами, уничтожение хоть части древних роботов даст дополнительные шансы выжить. Сигнал бедствия уже подан. Помощь космического флота ожидается через четверо суток, это слишком поздно.

Ситуация почти безнадежна, и я вынужден спросить. У вашей девушки, как и у вас, есть потенциальная возможность воскрешения, но так как она не гражданка Земного Союза,

то для неё это стоит очень дорого, и Вы потратите все свои деньги и окажетесь в долгах. Вы даёте указание о её немедленном воскрешении в случае вашей общей гибели или её воскрешать позже, когда вопрос оплаты, возможно, удастся решить по дипломатическим каналам?

Я (как и практически все люди) — гражданин Земного Союза. И моё воскрешение вообще ничего не стоит. А она «белка», гражданка объединённого Сциура (усилиями землян уже пять земных лет как хоть объединённого...). И ещё очень хорошо, что технология сканирования памяти и создания клонов — для них хотя бы вообще уже адаптирована и предварительно отработана. И применена лично к ней! Прямо сейчас её память (как и моя), записывается и передаётся (от нас — искину корабля, далее радиобую космофлота возле «кротовой норы», а через неё — радиобую у другого выхода «норы» и далее до баз данных центров воскрешения) и есть хоть потенциальная возможность её воскрешения. Но это пока экспериментально и потому стоит очень дорого.

Разумеется, разумным поступком было бы сказать «позже». В любом случае её смерть будет не окончательной, и, скорее всего, земные дипломаты не упустят случая показать «белкам», какая замечательная вещь воскрешение, и очень скоро платить, так или иначе, буду не я лично.

Но. Сказать любимой, что я её воскрешу «позже, когда сложится» было невозможно.

Разумеется, её в случае нашей гибели — воскрешать немедленно за мой счёт. И, разумеется, пуск всех ракет. И, разумеется, прятаться в атмосфере планеты.

Вскоре 49 ракет были запущены. Я пожалел, что их не 50. Не выпендривался бы перед девушкой со стрельбой по мишени-астероиду... Хотя вряд ли это что-то изменит, но вдруг бы уничтожило лишнего врага...

«Древние роботы» были воистину древними. По анализу обломков в своё время предположили, что они были созданы примерно полмиллиарда лет назад. Скорее всего, цивилизация, зачем-то создавшая стремившиеся уничтожить любые корабли механизмы, давно погибла. Но «древние роботы» продолжали быть опасными. К огромному счастью, они почему-то никогда не преследовали тех, кто ушёл от них через кротовую нору, вообще никак не перемещались между звёздами. Если бы кротовая нора была достаточно близко, мы бы без проблем ушли.

«Древние роботы» встречались редко, плюс та звёздная система, где нам так не повезло, была неосвоенной, но разведанной. Удобных для терраформирования планет в ней не было, ничего другого ценного – тоже. Да и система трёх голубых звёзд – не лучшее место для жизни. Однако в ней серьёзных опасностей вроде «древних роботов» или «космической супер-радиации» ранее не наблюдалось. Но нам не повезло.

Пока в моей голове всё это быстро промелькнуло, моя бечка физически затряслась и заплакала. Я стал её успокаивать, быстро сделал на синтезаторе стакан коньяка, добавил двойную дозу космического успокоительного и «влил» в неё. Она не особо хотела пить, но и не очень сопротивлялась.

Сам я себе не мог позволить ничего подобного. Хотя, скорее всего, я уже принял все решения, какие были нужны, оставалось лишь держать её в объятиях, но я должен был быть готов в любой момент принять новое решение, как только понадобится.

Большинство моих ракет древние роботы уничтожили, но четыре таки настигли их. Но оставшиеся одиннадцать роботов быстро двигались к нам.

Несколько часов я держал напуганную любимую в объятиях. Да и сам, конечно, не мог сохранять полное хладнокровие.

Под действием успокоительных она быстро перестала плакать, лишь периодически вздрагивала. Мы общались без слов, как это доступно любящим. В какой-то момент я стал вспоминать наше знакомство.

Два года назад я начал вести некоторые дела с её отцом, дворянином беличьей планеты. Он воспитывал её и двух сестёр-близняшек. Её мать умерла при родах, а они выжили. И хотя воспитывал их один и тот же отец, и он хороший человек (ну точнее, не именно «человек»), но выросли сёстры на удивление разными.

Моя любимая – в отца. Истинная хорошая дворянка, умная, благородная и думающая об интересах народа.

Другая сестра – полная противоположность. Абсолютная эгоистка. Общаться с ней всегда неприятно. Редкий случай среди белок. Они – в целом народ достаточно мирный и коллективный.

Третья сестра – по-своему неплохая, скорее даже прямо «неплохая», но очень ограниченная. С ней можно нормально общаться, ей можно помогать, её можно даже обучать (некоторые интересы у неё были), но с ней было скучно и влюбиться в неё было бы невозможно.

А вот с Арной – общаться было интересно. Сначала она лишь помогала с тем, чем занимались я и её отец. Но с ней было приятно, и мы быстро сдружились.

Хотя я торговец и в силу этого неплохо разбираюсь в людях, но умудрился не догадаться, что я ей небезразличен. Но в принципе это классика. Мужчина, сдружившийся с девушкой, часто склонен заблуждаться двумя противоположными способами. Мечтать о ней и напрасно ожидать её взаимности. И, наоборот, не замечать, что она его любит.

В итоге она сама «затащила меня в постель». Я, впрочем, был совсем не против и жалел лишь о том, что танцевать-то

я с дамами-белками (с учётом и особенностей их тела, и местных танцев) давно научился, не раз танцевал и с этими сёстрами в их небольшом замке, и на беличьих балах и приёмах. А вот о деталях секса — не думал смотреть то, что есть в сети, знал лишь, что, в общем, это вполне возможно, что некоторые уже пробовали и есть сложившиеся пары.

Я вернулся к реальности. По сравнению с ней не только романтические воспоминания приятны, все были приятны. Ведь по сравнению с древними роботами даже худшая из сестёр Арны — добрая.

Момента, когда наш корабль уничтожил энергетический луч, я, понятно, не заметил. Это смерть «лёгкая и мгновенная». Я когда-то один раз уже умирал, тогда было гораздо больнее.

Но сейчас я просто исчез с мостика своего корабля и очнулся в кровати, голый, но накрытый простыней. Медсестра в традиционном белом халате мягко произнесла:

— Вас ждёт ваша девушка. Её восстановили раньше.

— Конечно, пусть войдёт!

Она вошла и обняла меня. Я произнёс:

— Ну вот, как я и обещал, всё кончилось хорошо.

Кстати. Почему она «воскресла» быстрее? Возможно, когда технологию адаптировали для «белок», то её заодно улучшили. А для людей — старая и отработанная, и не считают нужным менять. Или в их организме есть что-то, что позволяет создать клон быстрее? Потом надо выяснить, но не сейчас...

Следующая мысль была нерадостной. Если у меня теперь на счёте ноль денег и долг, то наверно я даже воздушное такси прямо до моего дома — заказать не могу. Придётся нам ехать домой на бесплатно работающих поездах. До чего же грустно после спасения. Хотя стоп. У неё же тоже есть «земной» счёт, и на нём хоть и гораздо меньше, чем было у меня, но на один полёт воздушного такси (хоть и дальний, центр воскрешения

был очень далеко от моего дома) явно более чем хватит. Но до чего же грустно будет просить у любимой деньги...

Тут медсестра произнесла:

– И вас ждёт полковник, представитель космофлота. Он хотел видеть сразу вас обоих.

А ему-то что нужно? Или?! Неужели я прав окажусь?!

Я оказался прав. По давно установленным правилам, любому гражданскому за одно лишь обнаружение древних роботов – положена немалая награда. А я даже смог сам часть уничтожить. Мне торжественно вручили медаль. Гибель корабля и воскрешение «моей белки» были уже компенсированы, плюс премия, плюс да, и её воскрешение компенсировали давно, так что я не был должником, наоборот, обогатился.

И вдобавок – почему-то, когда мы были атакованы, не только я, но и искин корабля не вспомнили, что мой корабль застрахован.

Полковник похвалил меня, что я держал частный корабль вооружённым пятьюдесятью ракетами, далеко не всякий торговец так делает. Посоветовал, какой доступный для гражданских корабль купить, чтобы в следующий раз справиться с пятнадцатью «древними роботами». И напоследок пожелал нам свадьбы и семейного счастья.

«Медаль за мужество» выдали и Арне. Совсем невысокой степени, но всё-таки выдали. Когда просматривали записи искина и наши памяти, решили, что хоть Арна и плакала, но для абсолютно неподготовленной гражданской – перенесла испытания прекрасно, не истерила и не ударилась в неконтролируемую панику, ничем мне хоть не помешала. Плюс каждый «не конечно погибший» в космосе – имел право на медаль. Кроме случая, когда погиб по своей явной глупости и нарушению правил, но у нас был очевидно не тот случай.

Оплата воздушного такси теперь была не вопросом... Как и обычно, но я успел пережить мысли о том, что будет, если остаться «на мели»...

Сидя возле окна, мы обнялись. Вдруг я вспомнил...

— А тебе не жарко? В кабине можно регулировать температуру.

— Да нет, у меня же теперь тело не «природное беличье», а с очень многими улучшениями, и жару, и холод я почти не замечаю. Хотя это самая мелочь из множества приятных вещей, которые я только начинаю осваивать...

— Ну да. Ты теперь пост-белка...

Мы все ещё обнимались. У меня мелькнула шальная мысль заняться понятно чем. В кабине автоматического воздушного такси это разрешалось, и я порой занимался таким в молодости. Но я решил не давать ей хулиганский пример... Лучше обсудим наши дела на Земле.

Арне предстояло учиться. Специально для белок на Земле уже были «курсы подготовки» с учётом их специфики, кое-как заменявшие то, что средний землянин изучал в школьные годы. Так как белки были уже взрослыми, плюс ориентированы на упорные занятия, то вполне могли окончить курсы гораздо быстрее, чем длится школьное образование.

Потом белки, как и любые инопланетяне, имеющие земной аттестат школьного уровня, могли по своему выбору поступить в какое-то земное высшее учебное заведение на общих основаниях. Хотя в них учились в основном люди, но никто, понятно, не был против и редких студентов-инопланетян, и сравнительно более распространённых земных оразумленных животных.

Хотя, строго говоря, полной разницы между людьми, земными оразумленными животными и инопланетянами нескольких известных рас давно не существовало. Хотя большинство

в известных мирах по-прежнему были теми или иными «чистокровными», но ещё до обнаружения первых инопланетян сначала было создано первое поколение разумных прямоходящих енотов, а всего через то ли тридцать, то ли сорок лет в связи с межвидовыми браками было произведено первое создание детёнышей-енотов из генов девушек-енотов и мужчин-людей. Для «людей и белок» такой возможности пока не было, даже сейчас, спустя почти тысячу лет, разработка возможности принципиально межвидового скрещивания была сложным и серьёзным делом, но, скорее всего, через несколько лет разработают. Смогли же когда-то для людей и разумных пантер с Мьяурии. Возможно, родим ребёнка как раз, когда Арна выучится.

В том, что она, так или иначе, выучится, я не сомневался. Достаточный интеллект у неё есть, желание и воля серьёзно заниматься — тоже.

Жить она будет у меня дома. Выучиться она вполне могла и если бы вдруг захотела «затворничать» и годами не выходить из дома. Но вот на своей планете она не могла, так как на Земле почти мгновенной связи с преподавателями, сокурсниками и всей земной Сетью ничего не мешало, а вот для космоса мгновенную связь так и не придумали, и, увы, в обозримой перспективе не ожидалось ничего лучше радиосвязи через кротовые норы. Переписываться с родными она сможет, но далеко не быстро, сравнимо с древней бумажной почтой.

Чем мне заняться — предстояло подумать. Летать и надолго расставаться с моей милой — понятно, не хотелось. Хотя я, естественно, продолжу дела с её отцом, но, вероятно, в основном буду оставаться на Земле, ведя дела с посольством белок.

Мы прилетели. Я сказал Арне, что она теперь тут хозяйка. Она восхитилась. Ну да. Мой одинокий дом даже по размеру был больше фамильного замка её отца, а сад такой на её

холодной планете был невозможен (на их уровне развития; люди уже сделали на Сциуре несколько прекрасных парков, это несложно). У меня был сад в основном из сосен, гигантских папоротников и восьми гигантских, многометровых грибов.

Хотя если честно, я пока опасался «Арны в роли хозяйки». Хотя она уже не так мало знала, опыта жизни в земном доме у неё не было. Хотя кое-что она усвоила за полёт на корабле, но в целом она относительно привычной мне жизни — совсем неопытна. Полноправной «пост-белкой» Арна станет, лишь выучившись. Хотя думаю — домашние дела она освоит быстро, она-то «девушка из традиционной культуры». Но пока я предупредил её об осторожности и попросил искин дома приглаживать за ней в этом отношении. Но она действительно не подвела меня, не совершила ничего из анекдотов, наоборот — кое-что в доме мы по её инициативе привели в порядок, кое-что переделали.

До начала учебного года я её в основном, так или иначе, развлекал, возил по Земле. Потом она приступила к занятиям, а я с учётом своего опыта включился в дела вокруг их посольства. Хотя путь к тому, чтобы весь Сциур поднялся на пост-человеческий уровень и все стали пост-белками — был виден, был успешно начат, смерть в их мире была побеждена, но — самых разных «рабочих моментов и рабочих проблем» было много, усилий предстояло ещё много.

Даже Арна — тело-то у неё теперь модифицированное по новейшим технологиям, лучше, чем у меня, но выучится до высшего образования она лишь примерно через десять лет («курсы для белок» занимают от трёх земных лет до пяти, в зависимости от успехов, а время обучения в институте и тоже несколько вариативно, и несколько зависит от того, куда она поступит. Хотя не меньше семи лет...)

И, несмотря на то что по-прежнему в основном мы им лишь помогали, но «давать всё и сразу» было нельзя в первую оче-

редь не потому, что «нам жалко», а потому, что это может повредить им же по известным сценариям.

Но, по всем отзывам самых старых дипломатов – каждый следующий контакт с докосмической расой проходит лучше предыдущего. Контакт с «белками» был пятым. Легендой дипломатии были трудности контакта с первой открытой расой – пантерами с Мьяурии. Тогда и соответствующего опыта у человечества ещё не было, и они были трудной расой.

Но кстати – тогда пригодились своим опытом договариваться со сложными партнёрами в сложных условиях – политики из суровых времён перед установлением бессмертия. На Земле (и других планетах) было очень немало людей возрастом в районе тысячи лет, родившихся ещё до всеобщего неограниченного продления жизни (или даже – вообще до его изобретения), хотя, понятно, большинство родилось позже. Мне всего двести пятьдесят семь лет.

Но я родился до разработки той технологии, которая спасла меня и любимую (и, как упоминал – один раз спасла меня ранее). Я помню и времена, когда её в принципе не было, её изобретения, подключения к ней всех и обеспечения воскрешения всех за счёт государства.

Но центры воскрешения и сейчас работали мало. За несколько веков, в которые человечество было избавлено от старости и болезней, но вот смерть в катастрофе, по своей глупости и т.д. – была фатальна, человечество хорошо научилось беречься от несчастных случаев.

Но в космосе это не всегда возможно. И хотя и полёты торговца – далеко не самые опасные, и самоубийственных вещей я не делал, но мне крупно не повезло уже второй раз. Про первый – совсем другая история, и я расскажу её как-нибудь в другой раз.

Кузьмина Ольга

«КОЛЫБЕЛЬНАЯ С ТОЙ СТОРОНЫ»

«Слух, как у Моцарта!» – эти слова Славка слышал с пяти лет. Он действительно с лёту запоминал любую мелодию. В семь лет пытался записывать музыку буквами. Когда объяснили, что надо нотами, сам пошёл в музыкальную школу. Его приняли сразу после прослушивания. Мама и бабушка были счастливы, но отец, когда вернулся из рейса, порвал нотную тетрадь и отнёс новенькую скрипку в ломбард. Дело было не в деньгах, просто его сын должен гонять мяч или рубиться в Counter-Strike, тогда и настоящим мужиком вырастет.

Славка с отцом не спорил. На подаренном планшете он втихую изучал нотную грамоту, а в школе на большой перемене бегал в актовый зал. Садился за пианино, трогал клавиши, пробовал играть гаммы, как показывали в скачанном из интернета самоучителе. Но музыка не давалась пальцам, хоть плачь.

А потом настало лето и отец отвёз Славку в деревню к деду. Интернет там не ловился, зато в скрипучем серванте нашлась губная гармошка – чёрная, поцарапанная, с непонятной надписью старинными буквами, как в сказках братьев Grimm.

– Трофейная, – сказал дед. – Батя из Германии привёз. Я раньше играл, а теперь подзабросил. Хочешь, научу?

– Ага... – выдохнул Славка, не веря в своё счастье.

Отец хмыкнул, но промолчал. Солдатское наследство – это серьёзно, по-мужски.

Славка выучился играть за день. Губная гармошка – не пианино, музыка, как дыхание, сама собой получается. Дед улыбался, отец морщился.

– Лучше бы за ягодами сходил, пока дождей нет, а то раскиснет поле, не пройдёшь.

Поле за деревней раскинулось огромное, местами заболоченное. В колхозное время там сажали пшеницу, а потом бросили. «Одичала земля», – ворчал дед. Зато ягод было много – мелкой, но вкусной клубники, «сбежавшей» с огородов. Славик набрал целый бидон и сел отдохнуть на широкий пенёк. Когда-то здесь росло огромное дерево, настоящий великан. Зачем его спилили? На самом краю поля стояло, не мешало никому.

Славка колупнул трухлявую кору, хотел посмотреть, кто под ней живёт, но даже вездесущих муравьёв не нашёл. Сухая древесина оказалась чистой и гладкой, как кость. И тут Славка услышал музыку – откуда-то снизу, чуть ли не из-под земли. Может, кто-то плеер потерял? Славка пошарил вокруг пня. Музыка теперь звучала отчётливее, прямо из щели между узловатыми, как великанские пальцы, корнями. Странная музыка, похожая на колыбельную, но неправильная. Играли одну и ту же мелодию. Вроде бы на скрипке – раз за разом, не останавливаясь. Может, гномы?

– Эй! – он осторожно постучал по пню. Никто не отозвался, только всё так же заунывно пиликала скрипка.

У Славки по коже побежали ледяные мурашки. Он подхватил бидон и помчался домой. Вечером, когда дед с отцом легли спать, разлиновал под ноты школьную тетрадку, записал по памяти подземную музыку. Ноты расселись по линейкам чёрными букашками. Показалось вдруг, что сейчас соберутся всей толпой, полезут по рукам, забьют ноздри, глаза, уши... Славка захлопнул тетрадь и сунул в шкаф между тяжеленными томами энциклопедии.

Утром ему стало стыдно за свой страх. После завтрака Славка вытащил тетрадку, взял губную гармошку, попробовал наиграть по нотам. По коже снова забегали мурашки. Ну, неправильная же колыбельная, холодная, как сквозняк зимой!

Может, там, под землёй, кто-то заколдованный спит? И не может проснуться из-за этой злой колыбельной? А что, если сыграть наоборот — от конца к началу?

Славка попробовал. Музыка осталась странной, но уже не ощущалась злой.

— Вот вам! — Славка засмеялся. Сунул гармошку в карман и побежал в поле. У пня отдышался и заиграл — громко, заглушая подземную колыбельную.

Он повторял мелодию, пока скрипка не замолчала.

— Ты это... — прокряхтели у него за спиной. — Дыхалку-то побереги. Всё уже.

Славка опасливо обернулся. Совсем рядом — руку протяни — переминался с ноги на ногу лохматый коротышка в когда-то белой, а сейчас насквозь пропылённой рубашке. В ломких зелёных волосах запутались сухие цветы. Из-под подола свисал хвост с кисточкой, как у коровы.

— Ты кто? Леший?

— Глаза-то разуй, малой! Где ты лес видишь? Полевик я. А это, — он ткнул большим пальцем за левое плечо, — Анчутка.

Из-за его плеча высунулась зелёная, как у лягушки, морда с острыми рожками. Широко зевнула, продемонстрировав совсем не лягушачьи зубы.

— Здрасьте, — робко сказал Славка.

— И тебе не хворать. Благодарствуем, что разбудил, а то все бока отлежали за сто лет. — Анчутка снова зевнул и принялся расчёсывать коготками свой хвост. Такой же, как у Полевика.

Славка посмотрел на пень и сжал губную гармошку. У него почему-то похолодели и затряслись руки.

— Ничего-ничего, сейчас полегчает, — Полевик погладил его по спине тёплыми ладонями. — Вот мы щель-то закроем на Ту сторону, и не будет сквозить.

— На какую сторону?

– На Ту! – Полевик пнул лаптем пень. Моргнул сначала левым глазом, потом правым. Они у него были разные: зелёный и жёлтый. – Понимаешь, какое дело... Духи мы. Земли, матери нашей.

– Душа, стало быть, – подсказал Анчутка. – Коллективная, во! Потому что много нас.

– А Та сторона – это другой мир, бездушный, – продолжал Полевик. – Они давно на Землю-матушку нашу зубы точат. Где Земля изувечена, там щели появляются, и ползёт оттуда иномирская гнусь. А мы их не пускаем, – он хлопнул широкими ладонями. – Раз, и нету. Вот они и придумали нас усыпить. Оно ведь как: душа спит – зло множится.

– По всей Земле?! – ужаснулся Славка.

– По всей, – вздохнул Анчутка, но тут же весело сверкнул зубами. – Ништо! Чай не один ты такой слухастый. Не могёт такого быть, чтоб никто больше не дотумкался.

– Могёт-не могёт! Не дело это, гадать-то, – Полевик поскрёб в затылке. – Малой, а радио у вас ешшо работает? Пустить бы твою обратную музыку по проводам, чтоб, значит, повсюду услышали.

– Ой, правда! Я через интернет! Это как радио, только в тысячу раз лучше. Я найду таких, кто слышит! Мы все играть будем.

– Вот и ладно! – заулыбался Полевик. – А мы тебе завсегда поможем, только позови.

– Слышь, – Анчутка подёргал Славика за рукав футболки. – Сыграй, а? Просто так, для души.

Славка кивнул и заиграл песню про облака, которую любил с детского сада. Анчутка заприплясывал, шлёпая гусиными лапами. Полевик раскинул руки, словно хотел обнять весь мир.

– Эх-ма, хорошо-то как!

В его травяных волосах распускались ромашки.

Марат Валеев

«НОГА»

«В ночь на субботу 27 ноября 2010 г. в небе над Красноярском три часа висели «неопознанные шары» красного цвета, сообщила очевидица Марина Филиппова, проживающая на ул. Борисевича. Как рассказала Марина, вечером в пятницу в 22:00 в небе появился объект в виде красного шара, который долго стоял на одном месте, слегка отклоняясь то влево, то вправо. Его удалось заснять на видео. Через некоторое время объект пропал из видимости и появился в направлении Кузнецовского плато. В бинокль в 22:30 Марине удалось разглядеть ещё два шара. Цвет объектов „напоминал зарево“. Далее все три объекта сместились влево, в сторону Шинного кладбища, пока не исчезли из обзора очевидца в 1:30 ночи».

Сообщение сайта NLO-UFO

1

...Эта чёртова нога, вернее, то, что от неё осталось, ныла и раздражала Сергея ещё с вечера, и постепенно успокоилась лишь тогда, когда он принял одновременно две таблетки спазмалгона и кеторола. И пока жена, хихикая и охая, досматривала своего любимого «Глухаря», Сергей заснул на диване. Ногу он потерял после автомобильной аварии лет пять назад – её ампутировали выше колена. И жизнь для Серёги утратила свою первоначальную ценность. Хотя нет, не так. Жизнь эта стала менее качественной. Сергей стеснялся своего вида и старался меньше бывать на людях. Он практически перестал выбираться на рыбалку и в лес по грибы, хотя и очень любил

эти самые демократичные виды отдыха. Перестал купаться на людях, если доводилось бывать на каком-нибудь водоёме.

Вместе с тем, он не замкнулся, не ожесточился, остался тем же общительным и весёлым человеком. Просто не хотел маячить у людей на виду со своим увечьем, которое невозможно было скрыть, даже нацепив протез. Поэтому Сергей большую часть времени проводил дома. Инвалидской его пенсии, конечно, было маловато для того, чтобы обеспечивать наравне с женой пополнение домашнего бюджета. Но Сергей бросил курить и практически не пил, так что вклад его в семейную казну был вполне сопоставим с прежним его доходом от профессиональной деятельности на ниве жилищно-коммунального хозяйства в качестве слесаря.

Со всем этим можно было мириться. Одно лишь отравляло Серёге жизнь – частые фантомные боли. Серёга уже знал, что боли эти практически неизлечимы, поскольку существуют только в его искаленном болезнью воображении – ведь не может болеть то, чего давно нет. Но, однако, болело, и ещё как! Серёга приспособился сбивать боли различными анальгетиками, таблетками и уколами, которые ему делала жена, а в её отсутствие Серёга и сам мог сделать себе инъекцию баралгина или кетонала. Ну а иногда боли были несильными и недолгими, которые можно было перетерпеть без всяких анальгетиков – всё зависело от силы и продолжительности циклона или антициклона, периодически наползающих с разных сторон на их сибирский регион с резко континентальным климатом, так как нога в основном болела «на погоду».

2

В этот раз болевая атака была сильной, и она разбудила Сергея через пару часов после того, как Ольга, досмотрев своего «Глухаря», тихо ушла в спальню, заботливо накрыв спя-

щего мужа пледом. Кряхтя от боли и тихо, сквозь зубы матерясь, Сергей встал на костыли и как был в трусах, прохромал к мебельной стенке, где в отдельном ящичке лежали все их лекарства. Вылушив сразу пару таблетку кеторола, кинул их в рот и вышел на балкон подышать воздухом большого ночного города, медленно отходящего ко сну, и переждать здесь первые минуты фантомного приступа, который, он знал, минут через десять начнёт ослаблять свой натиск.

Был уже второй час ночи, в окрестных многоэтажках свет горел лишь в окнах полуночников, на проспекте мощная автомобильная река иссякла до редкого ручейка. А сразу за проспектом, в тёмном проёме неба между двумя башнями двадцатиэтажных громад, изредка появлялись медленно плывущие и перемигивающиеся разноцветные огоньки. Это шли на посадку или, наоборот, взлетали с аэродрома большого международного аэропорта Емельяново пассажирские лайнеры.

Пока Сергей стоял на балконе, стараясь не обращать внимания на утихающую, но всё ещё чувствительную боль в культе, и вдыхал полной грудью слегка попахивающий какой-то химией — Красноярск, несмотря на двадцатилетнюю разрушительную работу экономического, финансового и прочего спада в стране, продолжал оставаться одним из крупнейших промышленных и оборонных центров за Уралом, — свежий ночной и чуть сыроватый воздух.

Он также успел разглядеть проблесковые огоньки взлетающих и садящихся один за другим трёх самолётов. А когда последний из них, равнодушно подмигивая, ушёл на взлёт и исчез в чернильной темноте ночного неба, его место в чёрном проёме между башнями высотных домов через пару минут занял какой-то желтоватый шарик. Он висел неподвижно на месте, и в то же время как будто вращаясь вокруг своей оси.

– Хм, на самолёт не похоже, – отметил Сергей про себя. – И на вертолёт тоже. Опять, что ли, НЛО?

НЛО над Красноярском за обозримые лет тридцать появлялись не менее пяти раз. И видели их сотни людей. Дрожжущие и подпрыгивающие в небе их светящиеся оранжево-голубые овальные или продолговатые силуэты даже показывали по местному телевидению – кто-то успел заснять один из визитов на камеру. Пару лет назад сподобился увидеть висящий далеко от их микрорайона Северный, над Енисеем, точно такой же шарик и Сергей и даже успел показать его жене, пока НЛО вдруг не подпрыгнул как ужаленный и не исчез за низкими сумеречными облаками.

И вот, похоже, Сергею повезло ещё раз увидеть это занимающее умы и воображение миллионов людей таинственное явление. А НЛО между тем вдруг испустил широкий яркий луч и, шаря им по ночному городу, стал медленно приближаться к дому, на застеклённом балконе которого застыл, как зачарованный, Сергей.

Серёга, как и два года назад, когда впервые увидел НЛО, хотел было пойти разбудить и позвать Ольгу – пусть тоже посмотрит. Но боялся упустить что-нибудь важное, поскольку НЛО не висел на месте, а двигался, причём всё ближе и ближе к Серёгиному кварталу. Вот он завис над обширной стройплощадкой – а это было уже всего в сотне метров от Серёгиного дома, – и пошарил своим лучом по коробке возводимого дома, по замершему на месте башенному крану, за пультом управления которого, с мертвенно-бледным лицом в ужасе застыла на своём жёстком сиденье с подложенной под попу мягкой подушечкой совсем ещё молодая девчонка-крановщица. Строители – их было человек пять на самом доме и около него, также замерев на месте, смотрели вверх, задрвав головы в своих оранжевых касках, на обнаглевшего небесного пришельца.

Его как бы подсвеченный силуэт теперь даже можно было разглядеть почти в упор. На тарелку НЛО похож не был, скорее – на сплюснутый детский волчок огромного, метров в десять – пятнадцать в поперечнике, размера, и по ободу его быстро-быстро перемещались разноцветные огоньки.

Серёга от охватившего его возбуждения уже напрочь забыл про фантомную боль в ноге и только ёрзал на костылях, опорные планки, которые врезались ему подмышки, и безотрывно следил за происходящим в небе. Похоже, и соседи снизу заметили НЛО, так как с их балкона до Серёги доносились взволнованные голоса:

– Смотри, смотри, он же к нам движется! Ни фига себе! Генка, ну-ка тащи скорее камеру!

А аппарат уже завис со стороны строительной площадки почти напротив Серёгина дома, всего метрах в пятидесяти, и на высоте не более чем метров тридцать. Он прошёлся своим лучом по соседнему дому, потому перекинулся на Серегин. А Серёга, запутавшись в костылях и чуть не упав, в два прыжка оказался на той стороне своего стеклянного балкона (квартира у него была угловая), с которой завис НЛО, и упёршись для устойчивости культёй в обрешётку балкона, замер, поражённый фантастическим зрелищем.

Он щёлкнул шпингалетами и распахнул одну из стеклянных створок балкона, и до его слуха со стороны невысоко виющего над землёй НЛО донеслось негромкое жужжание.

– Ага, вот как у них движок работает! – любознательно отметил Сергей. – Ну чё, нормально, почти не слышно, для такой-то громадины! А вообще вы, ребята, обнаглели! Это уже можно назвать вторжением!

Но это «вторжение» несколько не пугало его, а только подстёгивало дикий интерес к происходящему и утверждало

в убеждённости: да, «они» таки есть, что бы там ни говорили и не писали скептики.

3

Сумбурные размышления Сергея, безотрывно следящего за ночным инопланетным — ну, а каким ещё? — визитёром внезапно прервались и сменились почти паникой. Широкий луч НЛО переместился на его десятиэтажку и стал подниматься снизу вверх по торцу дома. Соседи под Серёгой охнули и, дзинькнув стеклом, с размаху захлопнули оконную створку балкона. И луч, поднявшись выше, тут же упёрся в Серёгу. Странно, он был очень ярким, но глаза при этом не слепил. Тем не менее Серёга на всякий случай прикрыл глаза рукой, хотя и продолжал следить за НЛО сквозь щёлки между неплотно сжатыми пальцами. А широкий жёлтый луч, между тем, почему-то не спешил оторваться не просто от Серёгиного балкона, а от самого Серёги, стоящего в трусах на одной ноге, а культёй упёршегося в фигурный проём решётки.

Серёга забеспокоился, запоздало поняв, что это его, прекрасно видимого через остекление балкона с головы до пят, в упор рассматривают из чёртового неземного корабля. Он перехватил костыли поудобнее, выдернул из обрешётки и опустил вниз свою бледную культю с вдавленными в неё следами от металлических прутьев обрешётки, собираясь на всякий случай драпануть с балкона вглубь квартиры.

Но удрать у Серёги не получилось. Из НЛО ударил другой, голубоватый и очень тонкий луч, и уверенно ткнулся Серёге в лоб — он даже почувствовал его неземное тепло. А вместе с ним категорическое веление стоять на месте. Нет, это не был чей-то металлический или «чебурашечый» голос в ушах Серёги, как это описывают фантасты в своих произведениях или происходит в фантастических фильмах. Просто Серёга

без всякого звукового воздействия на его слух понял: надо стоять. До особого, так сказать, распоряжения.

А голубая ниточка луча, отметившись на лбу Серёги, плавно переместилась ему на культю левой ноги. Серёга почувствовал, как по рубцу ампутационного шва забегали мурашки, и культя, обычно холодная в том месте, наполнилась теплом. А с ним пришла и боль. Но такая... не очень сильная... как на заживающей ране. И ещё очень хотелось там почесать. Но Серёга по-прежнему не мог пошевелиться, его как парализовало. Внезапно голубой луч исчез, а ему на смену пришёл ярко-красный. Вспыхнув где-то на днище НЛО, он тут же прилип к злополучному обручку ноги Серёги.

Алый луч щекотно пошуровал с минуту уже в глубине культи — Серёга это чувствовал. И также внезапно потух. А вместе с ним погас и основной, широкий жёлтый луч. НЛО вдруг сорвался с места, круто взмыл вверх и мгновенно исчез в тёмном звёздном небе. И вовремя, потому что к дому, напротив которого всего с минуту назад висел инопланетный корабль, с двух сторон улицы, истошно подвывая сиренами, подкатили аж три или четыре милицейские патрульные машины, а в небе зарокотал вертолёт — народ не дремал и, видимо, оборвал все телефоны спецслужб, пока НЛО нахально заглядывал в чужие окна. А Серёгу, наконец, отпустило. То есть оцепенение оставило его, и он смог двигаться.

— Ты чего не спишь? — На выходе с кухни на балкон, позёвывая, стояла Ольга в просторной ночнушке. — И что это за шум на улице? Что, машины, что ли, столкнулись

Сергей только тут заметил, что в балконном стекле на уровне его культи чем-то — да чем? конечно же, лучом с НЛО! — аккуратно выплавлено или вырезано овальное отверстие диаметром сантиметров в пять — семь. Это через него колдовали

над культёй Серёги лучи с НЛО. «Блин, стекло-то придётся менять» – отстранённо подумал Сергей. А жене сказал:

– Пойдём спать. Уже ничего не происходит.

Он чувствовал себя усталым и разбитым, и к тому же культя в самом её низу постоянно ныла, не сильно так, но чувствительно. Серёга откуда-то знал, что болеть нога будет ровно неделю, а потом всё будет нормально. И ещё он знал, что ему не надо распространяться на тему, что с ним произошло всего несколько минут назад.

Жена обеспокоенно посмотрела на Серёгу:

– Ты чего такой бледный? Опять нога болит? Ну, пошли, уколою тебя.

– Не надо, Оленька, – привлёк к себе тёплое и податливое тело жены Серёга. – Болит совсем чуть-чуть, терпимо. Пойдём-ка лучше спать.

Лёжа в постели рядом с тихо посапывающей женой и глядя в потолок, на котором то и дело вспыхивали отсветы от электросварки на строительной площадке – строители пришли в себя после визита НЛО и возобновили монтаж дома, Серёга уже начал сомневаться, в самом ли деле с ним случилось то, что случилось. Может, ему всё это только приснилось?

Серёга, возбуждённый своими размышлениями, остался ночевать в гостиной на диване.

Перед тем как улечься, он тщательно оглядел культю. Нет, внешних следов вмешательства лучей на её бледной коже, на чуть синеватом операционном рубце заметно не было. Культя, правда, побаливала, но совсем не так, как при фантомных болевых атаках, а просто немного ныла и чесалась, и зуд исходил изнутри, как будто из обрубка бедренной кости. Повздыхав и поворочавшись на жёстком диване, Серёга, в конце концов, заснул уже практически под утро.

Спал он крепко, без сновидений, и проснулся только часам к одиннадцати. Ольга не стала будить его, а тихонько сама позавтраков, убежала на работу. Серёга проснулся от настойчивого зуда в рубце культи. Он потянулся прямо под пледом к зудящему месту и тут же вспотел. Рука, обычно легко достигающая до окончания обрубка ноги, в этот раз лишь нащупала её продолжение. Сергей резко откинул плед в сторону и чуть не свалился с дивана от неожиданно открывшейся картины. Культия его стала длиннее сантиметров на пять. Серёге не надо было брать линейку и делать замеры — остаток его левой ноги после ампутации за эти пять лет надёжно зафиксировался в его сознании и сейчас он прекрасно видел, что она за минувшую ночь подросла именно сантиметров на пять. Кроме того, эта отросшая часть культи была розового цвета.

Сергей и верил и не верил своим глазам. Это что же, нога у него начала заново расти, как у ящерицы откинутый хвост? Но такого не может быть!

4

Серёга долго сидел на диване, безотрывно глядя на свою возрождающуюся ногу, и не знал, то ли плакать ему, то ли смеяться. Впрочем, он и поплакал, и посмеялся, и всё от нежданно свалившейся на него радости. А потом решил пока ничего никому не говорить, даже жене. И чтобы скрыть происходящие с ногой изменения, решил перестать расхаживать по квартире в трусах, как он это обычно любил, а отыскал и натянул на себя спортивные штаны, подоткнув пустую левую штанину за резинку пояса. Позавтраков, Серёга сел в гостиной перед телевизором, и сразу же наткнулся на, видимо, срочно сколоченный на местном новостном канале сюжет про вчерашний визит НЛО. Телевизионщики успели заснять лишь момент мгновенного исчезновения аппарата. Но когда прокручивали эти

кадры в замедленном темпе, тёмная веретенообразная приплюснутая громада явно неземного аппарата с вертящимися по её ребру разноцветными огоньками была хорошо различима на фоне подсветки со строительной площадки.

— Я не берусь утверждать, что это НЛО, — вздохнул тараторил телерепортер. — Но что это, если не внеземной аппарат? И почему он выбрал местом своего достаточно долгого зависания, на высоте менее чем пятьдесят метров, квадрат между строящимся микрорайоном Зелёный и уже обжитыми домами на улице Урицкого? — об этом нам рассказали многочисленные свидетели, да мы и сами успели застать момент удаления этого неведомого летательного аппарата. Мы ждём комментариев на эту от сведущих людей и наших компетентных органов...

Сергей, впившись глазами в экран телевизора, ждал от него чего-то большего. Но скоро разочарованно вздохнул — сюжет оказался очень коротким, а подвёрстанные к нему другие примеры визитов НЛО в других уголках страны и планеты никакого отношения ко вчерашнему событию не имели. Нога же между тем продолжала несильно ныть. Вечером, укладываясь спать на диване — специально застрял в гостиной перед телевизором, якобы увлечшись каким-то документальным фильмом по «Культуре», и Ольга ушла в спальню без него, — он, воровато оглядевшись, стащил с себя штаны и ахнул: нога выросла уже почти до колена, причём краснота сползла с отросших ранее сантиметров на новые.

«Боже мой, неужели у меня будет новая нога? — счастливо и вместе с тем со страхом думал Серёга. — И я смогу вернуться к себе на работу? На рыбалку смогу ездить, гулять смогу вечерами по городу с Ольгой под ручку? Невероятно! Но как я смогу объяснить Ольге, родичам, друзьям, что со мной произошло? Кто мне поверит? А хотя, что им останется — нога-то вот она!»

5

Утром он проснулся от негромкого вскрика жены. Ольга стояла у дивана, зажав ладошкой рот, и с ужасом смотрела на его заголённую культю — плед сполз на пол. Сергей рывком сел и сам чуть не закричал: на его обновляющейся ноге уже сформировалось колено, обтянутое тоненькой розовой кожей, через которую, казалось, просвечивала округлая косточка коленной чашечки.

— Это... это что? Это как? — наконец смогла вымолвить Ольга, тыча пальцем в его ногу.

Серёга поймал её за руку и, потянув, усадил рядом с собой.

— Слушай, дорогая моя, — сказал он как можно проникновенней. — Слушай и не перебивай...

Ольга слушала мужа с пылающим лицом, несколько раз порывалась перебить его, но сдерживалась, пока он не поведал всю краткую и невероятную историю своего чудесного исцеления.

— Господи! — только и выдохнула Ольга, когда Серёга закончил свой рассказ. — Какое счастье, господи! Неужели ты скоро будешь на обоих... на двух ногах? И мы заживём, как прежде? Невероятно! Это же просто фантастика какая-то!

— Да какая фантастика! Нога-то вон растёт, — возразил Серёга, осторожно массируя розовую коленную чашечку. — И спасибо за это ребятам из НЛО!

— Слушай, а может, тебе врачам показаться надо? — подумав, предусмотрительно предложила Ольга. — Вдруг у тебя что-то не так? Пусть уж лучше под наблюдением врачей всё это будет.

— Ты что, с ума сошла? — возмутился Серёга. — Да мне же от них житья не станет, затаскают по своим лабораториям и институтам. Нет уж, пусть всё идёт как идёт...

Но на следующий день, когда у ноги уже появилась и лодыжка, Серёгу, как какую-нибудь болтливую бабёнку, стала распи-

рать его тайна. И он не выдержал и позвонил хирургу Берсенёву, которого считал чуть ли не своим душеприказчиком.

— Виктор Львович, ты не мог бы подъехать ко мне, хочу кое-что тебе показать, чего ты сроду не видел? — сказал Серёга голосом, полным таинственности.

— Ну ты, Серёга, даёшь! Знаешь же, что со временем у меня всегда напряжена, — покашливая, пробасил Берсенёв. — Сам давай подъезжай. Тебе, кстати, пора уже ложиться на прокапывание. Забыл?

— Не могу. Сейчас не могу, — с сожалением вздохнул Серёга. И почти равнодушно добавил:

— У меня нога начала заново отрастать...

Слышно было, как Берсенёв озадаченно сопит в трубку. Потом он обиженно сказал:

— Тебе, Серёга, противопоказано пить. Вон ты какую чушь несёшь.

И бросил трубку. Серёге стоило огромного труда вызвонить опять Берсенёва и убедить его, что он не пил и не шутит. И Берсенёв уже через полчаса был у него.

— Ну, что там у тебя? Показывай.

Но уже и сам увидел, что Сергей сидит на диване, свесив не одну, как обычно, а ДВЕ ноги! И у второй ноги не хватало только стопы.

— Этого не может быть! — потрясённо сказал Берсенёв. Он сел прямо на пол у дивана. — А ну, оголи левую ногу.

Сергей безропотно стащил с себя спортивные штаны. Берсенёв осторожно пробежался длинными пальцами по колену, по розовой лодыжке, тихонько помял начавшую формироваться пяточную подушечку.

— У тебя, друже, случилась регенерация конечности, — дрожащим голосом заявил хирург, вставая с пола и грузно усаживаясь рядом с Серёгой. — До тебя это могли делать с собой

только ящерицы и тритоны — знаешь таких земноводных? А, и ещё эти, саламандры. Вот у них запросто отрастают заново и хвосты, и ноги, и челюсти, и что хочешь. Из людей с такими способностями я теперь знаю только тебя. Ну, давай рассказывай, когда это началось?

И забыв, что ему надо возвращаться в больницу, потрясённо выслушал подробный рассказ о пожалевшем Серёгу НЛО с его чудодейственными лучами, которые что-то там сделали у него в культе, после чего она и пошла резко в рост.

— Я сейчас с ума сойду! — пожаловался Берсенёв. — Это же сплошная фантастика!.. А почему они именно тебя выбрали? Как они вообще на тебя вышли?

— А я откуда знаю? — пожал плечами Сергей. — Этот НЛО просто болтался над городом, потом в наш район залетел. Стал новостройку рядом с моим домом исследовать. А я на балкон вышел покурить во всей своей красе. В трусах, то есть, и на костылях. Ну и, видимо, случайно попал в поле их зрения — балкон-то у меня сплошь стеклянный, я в нём как в аквариуме. Вот и решили, видимо, заняться мной. Так, из доброты своей внеземной...

— Поразительно! Просто поразительно! — воскликнул Берсенёв, возбуждённо потирая седые виски. — Ты вот что... Ты запиши-ка подробно, как всё это случилось, когда, во сколько, когда ты почувствовал, что у тебя регенерация началась, как всё проходит, что ты при этом ощущаешь. А потом мы с тобой такую статью забабахаем в журнал «Здоровье» или ещё куда — весь мир на уши встанет. А там, глядишь, и кандидатскую напишем!

Сергей уже пожалел, что проболтался о случившемся с ним чуде — что-то ему не очень хотелось такой славы. И он решительно сказал:

— Виктор Львович, давай сначала дождёмся, чем всё это кончится, ладно? Я тебя чего позвал-то: как, на твой взгляд

специалиста, проходит у меня эта самая... Ну, как ты её назвал, процедуру эту?

– Регенерация, – подсказал поскуцневший хирург.

– Ну да, регенерация, – подхватил Серёга и дрыгнул обновлённой ногой, любуясь ей. – Как думаешь, мне сразу можно будет ходить, когда и подошва отрастёт?

– По ощущениям, – туманно сказал Берсенёв, уже думая, с кем в первую очередь ему следует поделиться свалившейся на него сенсацией. – А вообще, конечно, не спеши. Кость-то молодая, нельзя на неё сразу большую нагрузку давать. Хотя кто их знает, инопланетян этих, с их фантастическими технологиями. Ну, ладно, мне сейчас в больницу надо. А ты звони, если что. Я к тебе через пару дней загляну...

И он торопливо ушёл, бормоча себе что-то под нос.

6

Через два дня стопа у Серёги отросла полностью.

– Какая нежная, розовенькая! – удивлялась Ольга, сидя вечером рядом с мужем на диване и любуясь его отросшей ступнёй с тоненькими, едва различимыми пластинками ногтей на пальцах. – Совсем как у младенца! Ты ещё не пробовал наступать на неё, Серёжа?

– Пока боюсь, – признался Сергей. – Она ещё болит. Но всё меньше и меньше. Слушай, Олька, а мне ведь теперь инвалидность снимать надо будет. И чего я скажу на этом, как его, на ВТЭКе? Что нога вот так вот сама взяла да отросла?

– Ой, Серёженька, не знаю! – вздохнула Ольга. – У меня у самой всё это пока тоже никак в голове не укладывается...

– Ладно, поживём – увидим, – резюмировал Сергей. – А пока начнём учиться ходить без костылей.

Он привстал с дивана, упираясь правой рукой в подголовный валик, и попробовал сместить центр тяжести тела на свою

регенерированную левую ногу. Получилось! Сергей стоял на обеих ногах, широко улыбаясь и утирая взмокший лоб – он ожидал, что поначалу будет больно, но никаких неприятных ощущений в ноге не было.

Ольга, с напряжением наблюдавшая за мужем, соскочила с дивана, бросилась его обнимать.

– Серёженька, милый, я тебя поздравляю! Боже, как же я за тебя рада! – всхлипывая и капая слезами ему на грудь, запричитала она.

– Осторожно, ты меня уронишь! – остудил её пыл Сергей. – Отпусти, я попробую пройтись.

И он, отняв руку от диванного валика и сжав губы, сделал один боязливый шаг, второй, потом даже слегка притопнул босой ступнёй отросшей ноги по ковру.

– Всё, мать! – радостно закричал Сергей. – Я снова на ногах! Спасибо за это братьям по разуму! Ей-богу, проставился бы для них, да где они сейчас?

– Я вот тебе проставлюсь! – улыбаясь сквозь счастливые слёзы, пригрозила Ольга. – Чаю вон попьёте с блинами, поговорите по душам, или как у них там общаются – посвистите или потрещите, и ладно! Думаю, им твоя водка и на фиг не нужна. А тебе тем более! Выпьешь, а там снова закуришь.

– Ладно, ладно, – примирительно сказал Сергей, притянул к себе жену и обнял её. – Не пьём и не курим. Эх и заживём мы с тобой сейчас, Олюшка! На работу снова устроюсь, по выходным на природу будем мотаться. К детям в гости ходить будем! Ну а пока пошли ужинать, что-то я проголодался.

И он, сунув ноги в тапочки, бодро потопал за женой на кухню.

На следующий день Серёга решил сам прогуляться в магазин за продуктами. На своих двоих, лишь опираясь на трость! И на переходе его сбил джип с пьяным водителем за рулём.

Серёга чудом остался жив. А вот заново отросшая нога была раздроблена в нескольких местах. Потерявшего от болевого шока сознание Серёгу привезли на скорой в больницу – в ту, в которой ему когда-то и отняли эту злосчастную ногу. Надо же было такому случиться, что в эту пору как раз дежурил сам заведующий отделением хирург Берсенёв.

7

– Ну, перст! Серёга, ну как же так! – только и смог сказать Виктор Львович, когда рассмотрел жуткие последствия ДТП: из грязных окровавленных ран на переломанной ноге торчали острые обломки костей. Скрепить как-то эти отломки нечего было и думать. И Берснев дал команду бригаде готовить всё необходимое для ампутации. А сам отошёл тайком (как он думал), хлебнуть спирта – в последнее время нервы у старого хирурга были ни к чёрту, и он практически перед каждой операцией успокаивал их небольшой дозой допинга. Все в хирургическом отделении знали об этой слабости Берснева, но никто ещё никогда и словом не попрекнул его за это: оперировал он не то чтобы, как Бог, но для врача его уровня всё ещё отлично. А раз этот несчастный глоток спирта был ему на пользу, то пусть его, это для общего дела.

Суетился анестезиолог Иваньков, прикидывая, каков у лежащего на столе с мертвенно-бледным лицом бедолаги вес, операционная сестра Татьяна сноровисто раскладывала необходимые при ампутации инструменты.

Берсенёв вернулся с порозовевшими скулами, бегло оглядел предстоящее место очередного профессионального членовредительства, вздохнул и, пробурчав себе под нос «Прости, Серёга!», громко скомандовал:

– Ну что, коллеги, приступаем!

Звякнуло и громко разбилось стекло. Берсенёв и другие члены операционной бригады обернулись на шум и застыли в оцепенении. На выложенном плиткой полу валялись осколки, выпавшие из идеально круглого отверстия в оконном стекле. И через это отверстие из дна повисшей за окном больницы какой-то негромко жужжащей тёмной и приплюснутой громадины, в операционную ударили сразу несколько ярких и тонких разноцветных лучей. Медики, получив негласную команду отойти от стола, одновременно сделали по большому шагу назад и в безмолвном ступоре наблюдали за происходящим. Только Берсенёв громко прошептал:

— Так это же они!

А лучи, красный, голубой и фиолетовый, под небольшим, всего градусов в тридцать, углом, попеременно, а то и все разом, начали колдовать над ногой Серёги, перебегая с одного её покалеченного участка на другой. В операционной запахло палёной костью.

— Смотрите и запоминайте! — снова прохрипел не потерявший самообладания Берсенёв. — Вот так и у нас лет через сто будут оперировать!

Лучи закончили свою работу минут через пять. Потом они погасли. Но не все. Один луч, голубоватый и совсем тонкий, поочерёдно ткнулся в лоб каждому из стоящих столбом медиков, и только после этого висящая за окном посуда напоследок мигнула одновременно всеми бегущими по её ребру огоньками, резко взмыла вверх и исчезла в сумрачном осеннем небе.

Медики как по команде шагнули к операционному столу.

— Поздравляю коллеги, операция прошла успешно. Мужчина ещё бегать будет, — уставшим голосом сказал Берсенёв и пошёл к умывальнику, стягивая на ходу с рук совершенно чистые перчатки.

– Да, наш Виктор Львович был сегодня явно в ударе, – с восхищением сказала медсестра Татьяна. – Смотрите, Николай Андреевич, как он ногу этому парню собрал.

– Мастерски! – подтвердил анестезиолог Иванов. – Что и говорить, опыт не пропьёшь! Да хватит любоваться, Татьяна, бинтуй скорее да в палату его, а то, не дай бог простынет! Из окна, что ли, тянет?

Подойдя к окну, Иванов озадаченно уставился на идеально круглое отверстие в стекле, на валяющиеся на полу осколки и беззвучно шевелил губами, пытаясь понять, откуда же взялась эта будто по циркулю вырезанная дырка?..

Марина Шубина

«ПОСЛАННИК МИРОЗДАНЫЯ»

Злость просто переполняла Шуру. Обычно она была невозмутима, как японский самурай, но в этот день всё шло наперекосяк.

Накануне Шура посмотрелась по телевизору страшных новостей, и во сне они трансформировались в такую пакость, что Шура вскочила в холодном поту и рванула к компьютеру с целью написать самый злобный в мире хоррор.

Как правило, она вдохновенно строчила коммерческие статейки про трусы, носки и прочие предметы одежды, а для души – какие-нибудь забавные сказочные истории. Но только не сегодня! Однако едва Шура придумала и набрала большими буквами заголовков, смартфон стал проявлять невиданную активность.

Особенно свирепствовал WhatsApp. Сообщения сыпались одно за другим. Тошнотворно-слащавые картинки с розочками, котики, видео, просто текстовые сообщения в чатах.

Потом начались звонки. Шура внезапно понадобилась разным людям, хотя о некоторых даже не вспоминала последние пару лет.

Затем срочно потребовалось откорректировать одну статью по работе и написать ещё две новых. Шура скрипнула зубами и отложила свой хоррор на потом.

Супруг пришёл что-то там обсудить по поводу совместной работы, а Шура слушала, смотрела на него стеклянным взглядом, невпопад кивала головой и делала вид, что проявляет максимум внимания.

Наткнувшись на тоскливый голодный взгляд дочери-школьницы, Шура почувствовала себя матерью-ехидной и немедленно побежала что-то там готовить. Что летело в кастрюлю, Шура не помнила.

Раздражение клокотало в ней, как варево в кастрюльке. «То тюлень позвонит, то олень, — рычала Шура, — настучать бы всем по башке, чтоб не лезли! Как сговорились, всем что-то от меня надо!»

Внезапно вырубился свет. Это была последняя капля. Шура немедленно выгнала всех домочадцев гулять, мотивируя это тем, что всё равно дома без электричества делать нечего. И что пусть они отправляются хоть на каток и оставят её наконец в покое. А она вызовет электрика.

И пока она соображала, куда позвонить, в дверь требовательно постучали.

Даже не глянув в глазок, Шура распахнула дверь и потеряла дар речи. Некто низенького роста, одетый в потрёпанную фуфайку сверлил её взглядом странных глаз, сверкавших над медицинской маской. Голова пришельца была заботливо прикрыта потёртой ушанкой.

— Проверка электросетей, — буркнул пришелец, властно отодвинул хозяйку квартиры и вошёл, с трудом волоча за собой огромный фибровый чемодан. Он порылся в кармане фуфайки и вытащил замусоленный листок с какими-то записями, вперился сначала в него, потом поднял взгляд на Шуру и грозно спросил:

— Нарушаем? Попрошу проследовать на кухню!

Шура не нашла, что ответить и молча побрела в указанном направлении. Незнакомец потопал за ней. Чемодан он предусмотрительно захватил с собой.

На кухне он скинул фуфайку, ушанку и маску, и перед Шурой предстал вполне симпатичный, хотя и суровый кот. Один глаз его был голубым, другой — зелёным.

Шура поёжилась. Котов она любила, но этот был столь внушительных размеров, что она старалась держаться от него подальше.

– Молока налей, – скомандовал Кот, – умаялся, пока добрался. И ещё маскировка эта, будь она неладна.

Шура послушно открыла холодильник и налила молока в большую кружку.

Кот поморщился, залпом выпил предложенный напиток, крякнул и вытер усы.

– Ну-с, гражданочка, – сказал он, немного подобрев, – присядем и приступим к допросу.

Ошеломлённая Шура плюхнулась на табуретку, Кот взгрозился на соседнюю и произнёс:

– Страшилки, значит, пишем?

– Я пыталась, – честно призналась Шура, – но мне всё время мешали. А вы, собственно, кто?

– Я – Посланник Мироздания, – сказал Кот, – с предупредительным визитом.

– А чо я сделала-то? – немедленно заныла Шура, – Я вообще ничего, я так, для развлечения.

– Эти ваши развлечения, гражданочка Шура, могут боком выйти, – многозначительно произнёс Кот, – вы когда-нибудь слыхали о писательской ответственности? Договор с Мирозданием подписывали?

– Чего? – вытаращила глаза Шура, – Какой-такой договор? Я вообще копирайту... копирайчу... ну статейки кропаю.

– По нашим сведениям, – продолжил Кот, – вы самоисполняющиеся сказки пишете. Значит, несёте полную писательскую ответственность. Незнание законов не освобождает от ответственности, – скороговоркой проговорил Кот, заметив протестующий жест Шуры.

– Да я вообще только для себя писала! – принялась защищаться Шура, – И то не каждый раз самоисполняющиеся!

– Ну некоторые-то ведь сработали? – прищурился Кот.

– Ага, – призналась Шура, – по большей части – да. С разной степенью достоверности.

– Значит, так. Объясняю для непосвящённых, – сказал Кот, зевнув, – писатели формируют образ будущего. А потом оно под этот образ подтягивается. Это – понятно? – Кот возвысил голос, – Думаешь, электричество, подводные лодки, телефоны всякие – просто так сами по себе изобретатели наизобретали?

– Ну допустим, – нехотя согласилась Шура, – ну писатели там что-то предвидели...

– Предвидели, – буркнул Кот, – придумали! Создали образ! Ты в курсе, к примеру, что роман о гибели большого судна во льдах был написан за четырнадцать – вдумайся только! – четырнадцать лет ДО того, как затонул «Титаник»?! И в романе он назывался «Титан».

Шура кивнула. О романе она слышала.

– Короче, так, – Кот посмотрел на неё тяжёлым взглядом, – Ты вроде девка гуманная, писать тебе разрешается. Сказки. Истории. Добрые и с юмором. Это можно. Мироздание нуждается в добре, смехе и радости. И без тебя желающих сочинить что-нибудь эдакое страшненькое навалом! Разгребать не успеваем! – голос Кота перешёл в истошный визг, – Думаешь, раз тебе дарование досталось, так можно его как попало использовать?!

– Какое ещё дарование, – смутилась Шура, – ну так, иногда выходит что-то забавное.

– Вот и развивай! – взвизгнул Кот, – в мирных целях. Хватит с нас. Один Стивен Кинг чего понаворотил, сто лет не расхлебать! Ты уж не надо, а? – сказал он почти жалобно, – Потенциал, понимаешь... Кинга проворонили вот. Ну хоть сейчас,

может, вовремя... мы уж всех твоих домашних и друзей активировали, но ты ж упорная!

– Друзья, – хмыкнула Шура, – с такими друзьями и врагов не надо! Прямо взбесили. Ещё и электричество.

– Всё налажу, – пообещал Кот, – только больше за страшилки не берись, не надо. Электричество – это последнее предупреждение было. Пришлось вот лично. А знаешь, сколько у меня работы?

– Ладно, – согласилась Шура, – я осознаю ответственность. Больше так не буду.

– Будем считать, соглашение ты подписала, – удовлетворённо буркнул Кот и открыл чемодан, – кое-что надо тут найти, – пояснил он, – чтоб засвидетельствовать.

Он извлёк из чемодана ржавый чугунный утюг, трубу от самовара, блестящие резиновые галоши, электрическую бритву «Минск», транзисторный приёмник 1967 года выпуска, первый том «Капитала» на хинди. Вслед за вышеперечисленным последовали дырявая кастрюля, дуршлаг, кусок чёрного хозяйственного мыла и старинный башмак с бронзовой пряжкой. Затем – берёзовый веник, сапёрная лопата, часы с кукушкой и штангенциркуль.

– О! – Кот расплылся в довольной ухмылке, – нашёл! – с этими словами он вытащил из чемоданища хрупкий стеклянный шарик. Тот самый, розовый с белыми звёздочками, слегка надколотый сверху, – любимый шарик, Шура помнила его с детских лет. Но вроде бы он разбился...

– Бери, – сказал Кот, – это тебе. С Наступающим. Как свидетельство Договора с Мирозданием.

– Спасибо, – искренне поблагодарила Шура, любясь игрушкой.

– Только чтоб больше никаких страшилок! – напомнил Кот, – Поняла?

– Ага, – закивала Шура, не в силах отвести взгляд от шарика.

– Смотри у меня! – предупредил Кот. Один взмах кошачьего хвоста – и весь хлам мгновенно уложился в чемодан. Второй – и фуфайка с ушанкой и медицинской маской улетели туда же.

Кот захлопнул чемодан.

– Обрато можно уже короткой дорогой, – пояснил он, – ну, пока. И не гневи Мироздание. Иначе за последствия я не отвечаю.

С этими словами Кот исчез вместе с багажом.

Загудел холодильник, загорелась настольная лампа. Шура включила компьютер, стёрла старое название и написала новое: ПОСЛАННИК МИРОЗДАНИЯ.

Мария Воскресенская

«ТРЕВОГ»

Даша нервничала.

На этот раз она нервничала не так, как обычно.

Тревога, её верная спутница, прицепившаяся, точно назойливая подруга, ещё в школе, постепенно срослась с Дашиным сознанием. Так что со временем они напоминали сиамских близнецов.

Когда Даша сдавала экзамен, шла на первое свидание, на собеседование, выполняла первое рабочее задание, получала грант, даже когда, сидя дома, пролистывала страницы в соцсетях или потихоньку писала в стол свои стихи, тревога была рядом. Впрочем, Дашу со временем это даже начало забавлять: тревога была единственной, кто никогда не оставлял Дашу ни в горе, ни в радости.

Однажды Даша представила даже, что у её тревоги есть собственная душа, которая, наверно, не менее одинока, раз так намертво прицепилась к её собственной. Интересно, как бы выглядела эта душа? А как бы выглядела сама тревога? Нет — Тревога. Или у неё есть другое, собственное имя? Как бы могли звать это существо?

Даша долго копалась в сознании, пытаясь поговорить с тревогой, придумывала ей разные имена: Грыз (потому что обычно, когда тревога просыпалась, была жутко голодной и заставляла Дашу кусать губы), Бука (потому что её присутствие, несмотря на то, что Даша привыкла к такому «подселенцу», её всё-таки пугало). И много других имён. Но ни одно не прижилось.

Однажды тревога решила проснуться от своего чуткого и недолгого сна, когда Даша читала книгу. Даше стало трудно дышать, она почувствовала, как сердце стало возмущённо колотиться в грудную клетку – так происходило всегда, потому что им с тревогой было тесно внутри вдвоём. Это как жить впятером в одной комнате. Всем постоянно не хватает места, и стабильно раз в месяц жильцы начинают выяснять отношения и делить скудные квадратные метры.

Даше казалось, что тревога слишком уж разгулялась в её сознании и заняла большую его часть, раскидав всюду свои вещи.

Даша отложила книгу и, тяжело дыша, закрыла глаза. Тогда тревога впервые заговорила с ней.

«Ты здесь?», – спросила Даша, как всегда, не надеясь на ответ. – «Почему ты проснулась сейчас? Я ведь в безопасности».

«Кто тебе сказал, – раздался вдруг низенький шепелявый голос, – что я – это она? Может, я – он?».

От неожиданности Даша открыла глаза и, сев на кровати, стала оглядываться по сторонам.

«Здесь я, рядом», – позвал голос. И Даша поняла, что доносится он из-за спины.

«Не вертись, не увидишь», – сказал голос.

«Ты и есть тревога?», – спросила Даша, удивившись тому, что впервые её сердце не выпрыгивает из груди.

«Скорее, Тревог», – хихикнул голос. – «Ты долго хотела со мной поговорить, так вот он я. Я креп, набрался сил, теперь готов с тобой разговаривать».

«Почему ты ко мне пристал?», – спросила Даша. И ей показалось, что в этот момент Тревог будто бы пожал плечами, если бы они у него были.

«Так получилось. Я осознал, что я – есть. И осознал, что могу не быть. Есть мне понравилось больше, а моё существование

зависит только от тебя. Я становлюсь сильнее, когда ты переживаешь, нервничаешь. Сначала было непросто, но потом ты перестала со мной бороться, и стало проще. Теперь я окреп».

«Ты уйдёшь?», – спросила Даша.

«Мне некуда идти», – снова пожал плечами Тревог.

С тех пор Даша всё чаще разговаривала со своим Тревогом. Она даже залезла в Интернет и нашла сообщество тревоговодов, которые сумели подружиться со своими тревогами и тревожками. Они давали друг другу советы, рассказывали, что нужно делать, чтобы тревоги были сильнее, чем кормить, чтобы они росли лучше. Люди тут были такие бывалые, что умудрились даже сфотографировать своих подселенцев. Так Даша узнала, что пород тревоги на самом деле очень много: одни по природе своей небольшие, другие вырастают до размеров сенбернара, а для иных, порой, приходится находить отдельное место в квартире. Какой природы был её собственный Тревог, Даша не знала, а он ей об этом не сообщал, ограничиваясь коротким: «Уж какой есть!». Была и ещё одна вещь, которая до сих пор оставалась для Даши загадкой: несмотря на то, что теперь её подселенец умел говорить, своё имя он девушке так и не сообщил.

Впрочем, Даша и не настаивала и звала его просто – Тревог.

С каждым днём индивидуальность Тревога становилась всё ярче.

Например, он почему-то не любил ветер и всеми силами показывал это Даше, проецируя картинки подъездных дверей, которые от сильных порывов распахиваются и с грохотом бьются о дверной косяк. Показывала оторванные покрытия крыш, которые точно ковры скатываются в рулоны и падают вниз. Показывала брезенты уличных торговых палаток, с корнем вырванные из асфальта и несущиеся по улице, сшибающие прохожих...

И Даше тоже становилось страшно, и страх этот был таким сильным, что хотелось кричать, плакать, забиваться под кровать и, заткнув уши, пролежать там целую вечность, чтобы не слышать этот проклятый вой, не представлять ломающиеся деревья и хлопающие двери. Даже если за окном дул лёгкий ветерок.

Хотя были у Тревога и положительные стороны.

Иногда он даже был полезен – в моменты, когда Даше хотелось совершить что-то глупое или даже опасное, Тревог просыпался, точно от резкого тычка, и начинал кричать громко, неприятно.

Он заставлял Дашу грызть губы, ковырять ногти, селил в её голове мысли, которые были далеки от реальности, но в тот момент казались вполне настоящими... И Даша не поехала в гости к подруге. А потом узнала, что именно этот автобус попал в аварию посреди заснеженной трассы. Она отказала во встрече какому-то мужчине, фоторобот которого потом показали в федеральных новостях – беглый преступник.

Однажды вечером Даша решила выбраться на прогулку. Погода была прекрасной – весеннее небо точно сделало глубокий вдох после долгой зимы – оно выгнулось глубоким синим куполом над головой, раскидав тут и там лёгкие перья облаков.

Даша шла по набережной, наблюдая за яркими пятнами рыбацких палаток на сером льду реки. «И как им не страшно?», – подумала Даша, глядя на рыбаков, медитирующих у лунок в окружении полной тишины и белоснежного скопища снегов. – «Ведь можно под лёд провалиться...».

«Вот-вот», – поддакнул из-за плеча Тревог. Он уже оброс серенькой шерстью, которую Даша чувствовала особенно хорошо, когда Тревог сворачивался калачиком у неё в душе.

Шерсть была не то чтобы колючая, но и не слишком мягкая – как вязаный свитер, вроде тёплый и мягкий, а как наденешь, тут же всё тело начинает чесаться.

«Пойдём домой», – позвал Тревог. Ему не нравились улицы, и он тут же закидал Дашу картинками: холодный ветер, простуда, больничные коридоры.

Даша вздохнула и уже, было, повернулась в сторону остановки.

– Добрый день, – вдруг поздоровался кто-то.

Даша обернулась и оглядела незнакомца. Тревог заворчал и обвился, точно меховой воротник, вокруг Дашиной шеи. Она почувствовала, что сердце снова наращивает ритм, точно спортсмен на беговой дорожке.

– Здравствуйте, – кивнула она. – Чем могу помочь?

Незнакомец по-деловому улыбнулся.

– У меня к вам предложение, – сказал он.

«Беги! Беги отсюда!».

Вопли Тревога парализовали Дашу с ног до головы. Она смотрела на незнакомца огромными от страха глазами и не могла даже заставить себя развернуться и уйти.

Незнакомец прищурил глаза и хмыкнул, точно что-то поняв.

– Секундочку.

Он полез в коричневый портфель и достал оттуда крохотную баночку синего цвета. В ней точно прятался кусочек космоса. Мужчина аккуратно открыл крышку и отсыпал на ладонь...

На мгновение Даше показалось, что именно так выглядят перетёртые в пыль звёзды.

А Тревог всё заходиллся воплями, он требовал, чтобы Даша скорее убежала от чудаковатого человека.

«Отпусти меня! Мне страшно!», – кричала она Тревогу в ответ, но тот будто обезумел.

В это мгновение незнакомец вдруг сдул с ладошки звёздную пыль прямо Даше в лицо.

*И мир
вокруг
замер.*

Замели взмахивающие крыльями голуби.

Замерли машины на перекрёстке. Их гул точно доносился издалека.

Замерли гуляющие вокруг люди. Спортсмен на бегу не успел поставить ногу на землю и теперь висел в паре миллиметров над асфальтом.

Замерли рыбаки в палатках.

Даже рыба, показалось Даше, застыла где-то в той реальности, в которой существовало Время.

— Вот, — проговорил незнакомец, отряхнув руки. — Так нам с вами будет сподручнее.

Даша смотрела на незнакомца во все глаза, но внезапно поймала себя на мысли, что совсем его не боится, просто крайне удивлена. Она хотела поговорить с Тревогом, но внезапная тишина в сознании услужливо подсказала:

*Тревог
тоже
замер.*

Даша задумчиво нахмурила брови, сделала шаг вперёд и обернулась.

Он висел в воздухе пушистым сереньким с чёрными подпалинами кольцом. У него была остренькая, точно мышиная

мордочка и большие жёлтые глаза. Они больше походили на автомобильные фары, чем на орган зрения.

– Какой любопытный экземпляр! – С неподдельным любопытством сказал незнакомец, который всё это время терпеливо ждал. Он даже наблюдал за Дашей безо всякого любопытства, точно за уже поднадоевшим, но всё же любимым фильмом. А теперь, когда Тревог перестал сливаться с Дашей, мужчина точно очнулся. Он подскочил к нему и стал разглядывать шёрстку, круглые глаза.

– А вы, простите, кто? – Спросила Даша.

Мужчина улыбнулся.

– Зовут меня Степан. Я Охотник за тревогами.

Даша на мгновение потеряла дар речи.

– Что, неужели бывают такие? – Спросила она наконец.

– Как видите. Я заметил ваш экземпляр пару дней назад. Он уже достаточно подрос. Могу представить, скольких хлопот вам стоило его вырастить так, чтобы он стал осязаем. Поэтому предлагаю вам за него хорошую цену.

Даша вновь уставилась на незнакомца ошалевшими глазами.

– Вы мне что, за него заплатить хотите?

– Так точно. Только это будет не денежная валюта.

Даша удивлённо приподняла брови.

– Есть кое-что, что вам сейчас нужнее, – мягко улыбнулся он. – Так что, продадите мне его?

Даша задумалась. С одной стороны, почему бы и нет?

– Ну же, соглашайтесь! – Меж тем подначивал Степан. – Вы чувствуете эту лёгкость? Тишину, покой? Вот такой может быть жизнь без них, – он указал на Тревога, так и висящего в воздухе.

– Я избавлюсь от него навсегда? – Спросила Даша.

– От этого – точно, – сказал Степан.

Девушка ещё раз оглядела своего Тревога. С самого первого дня его появления Даша только и мечтала о том, чтобы поскорее избавиться от надоедливого подселенца. Теперь же, когда он обрёл форму и стал её постоянным спутником, расставаться с Тревогом было как-то страшно. Непривычно. «А вдруг на его место подселится другой Тревог? Которого я не знаю?», – размышляла Даша. – «И мне станет ещё хуже?».

Но в то же время невероятная лёгкость и ясность в голове – чувства, которых Даша не испытывала уже много лет – прямо-таки манили.

«Нельзя такие решения принимать наспех», – подумала она. А вслух сказала:

– Степан, мне нужно время. Я должна подумать. Сами понимаете, столько лет...

Даша очень боялась, что Степан начнёт смеяться или вовсе не захочет покупать у неё Тревога, но тот понимающе кивнул.

– Конечно, непростое решение. Два дня вам хватит?

– Да, – с неуверенностью в голосе проговорила Даша.

– Что ж, тогда через два дня встретимся здесь же в это же время.

Он улыбнулся своей деловой улыбкой Даше и, развернувшись, направился прямо по улице, огибая застывших людей.

– Подождите! – крикнула было Даша. – Вы забыли...

Но стоило Степану скрыться из виду, улица снова пришла в движение: голуби улетели, спортсмен приземлился на асфальт и побежал дальше, машины с громким гудением помчались в разные стороны перекрёстка.

А Даша вновь ощутила на плечах Тревога, который дышал ей в ухо. Теперь она знала, как он выглядит, и от этого было немножечко легче.

Или в отместку за то, что посмела его бросить или за то, что не убежала от Степана, Тревог пробрался в со-

знание ночью и расползся там, чувствуя себя полноправным господином. После встречи со Степаном он противным голосом нашёптывал ей всякие ужасы про сектантов, про людей, пропавших без вести, обещая, что Даша станет следующей.

За эти два дня Тревог не умолкал ни на мгновение и довёл Дашу до ужасной головной боли. И когда в конце второго дня девушка в очередной раз попросила Тревога прекратить буйство, они впервые поссорились.

«Я никуда не хочу! Мне здесь хорошо! Ты сама меня вырастила, а теперь хочешь избавиться? Ты без меня жить-то не сможешь!», – кричал он и бил, бил, бил сознание.

Даша поплакала немного, но теперь решение созрело, точно клубника под пестицидами – Тревога просто необходимо продать. Она с трудом дождалась назначенного вечера и со стучащей в висках болью отправилась на набережную.

Небо сегодня было серым и угрюмым, Даше даже из дома выходить не хотелось, но перспектива получить ясное сознание после завершения сделки грела то, что уцелело внутри после погрома, который устроил Тревог. Даже получит что-то взамен. Кстати, Степан так и не сказал, чем именно заплатит за Тревога. Сказал только, что Даше это очень пригодится. Впрочем, теперь она согласилась бы отдать Тревога и даром. Главное, чтобы приятное ощущение лёгкости и свободы вернулось снова!

Даша уже подходила к набережной, как вдруг её обхватили за плечи и резко развернули в противоположную сторону. Девушка даже ойкнуть не успела, а Тревог спросонья не выдал свой привычный вой, заставляющий сознание сжиматься в комок и искать пути к бегству.

– Тише-тише! – негромко, но очень взволнованно сказал мужчина, что так бесцеремонно схватил её за плечи. – Не бойся, прошу! Выслушай меня, пожалуйста! Я знаю, зачем ты

туда идёшь, но, умоляю, не делай этого! Не отдавай ему свою тревогу!

– Это ещё почему? – спросила Даша. – Откуда вы вообще знаете, куда я иду?

Мужчина помялся точно решая, стоит ли отвечать правду. Наконец, он решился:

– Я, как бы это правильно выразиться? – следил за тобой.

Даша вздрогнула: Тревог внутри напрягся так сильно, что его шерсть снова начала колоть где-то в солнечном сплетении. Но, что странно: Тревог не давал сигналы к бегству, только недовольно бурчал.

– З-зачем? – спросила Даша.

Мужчина вздохнул. Только теперь Даша сумела разглядеть его как следует: не чета, конечно, деловитому Степану в костюме и дорогом пальто. Её нынешний спутник был одет в выдающуюся куртку, под ней – толстовка. А ещё простые джинсы и кроссовки не по погоде.

– Даша, я из НИИ Душевного равновесия.

В парке было прохладно. Даша закуталась в тёплый шарф и искоса поглядывала на своего нового знакомого. Звали его Мирославом. Даше так понравилось имя, да и сам мужчина, что она решила довериться ему и прогуляться по парку. А в это время он, молодой тревоговед, рассказывал ей о предназначении их научной организации.

«Мы изучаем тревоги и направляем их силу на благо человечества. А не делаем из них шапки», – угрюмо добавил он в конце.

«Шапки?» – уточнила Даша.

«Ну да. Как эти Охотники. Знаешь, для чего ему твой Тревог нужен? Сделает он из него меховую шапку. И продаст. Человек наденет такую, и у него – раз, и разом помутится. Пото-

му что чужие тревоги на себя примерять — дело гиблое. Тем более, если ещё и своих навалом. Кидаются разом, начинают грызть хозяина. И с каждым днём человека всё меньше и меньше становится. А потом и вовсе он пропадает. А бывшему хозяину ведь тоже несладко приходится — он ведь твой, родной, часть тебя, можно сказать. А ты его — на шапку...».

Мирослав вдруг протянул руку и погладил Тревога по мохнатой голове.

Даша вздрогнула: раньше никто никогда до Тревога не дотрагивался, поэтому сейчас, когда его гладил совершенно посторонний человек, чувства она испытала удивительные. Это были слабые нотки спокойствия, настоящего, а не того, что бурной волной нахлынуло на неё во время встречи с Охотником.

Тревог всё ещё недовольно бурчал, но хотя бы не кричал, не бесновался.

— И что же тогда делать? — спросила она. — Я ж не могу с ним вечно жить.

— И не надо, ни в коем случае! — ответил Мирослав. — Он сам с тобой жить не хочет, просто не знает, куда идти. Ему надо показать, пристроить его. Поэтому и существует наш институт. Мы тревоги изучаем, находим их сильные места и пристраиваем. Давай и твоего пристроим?

Даша пожала плечами.

— Я-то хочу, только он от меня уходить не собирается. Только порошок тот, что у Охотника был, помог ненадолго.

Мирослав снова стал мрачнее тучи.

— Злоупотребляют они Чистой Эйфорией. От неё зависимость появляется, а эти Отрывы ни к чему хорошему не приводят,— ответил он.

— Почему? — спросила удивлённая Даша.

— А потому. Это как от сознания часть отнимаешь. Ты за хорошее настроение и эту искусственную лёгкость платишь От-

рывом от реальности. Ничего не видишь, не замечаешь. Даже опасности. Ведь ты понимаешь, что мы с ними, — он кивнул на Тревога, — одно целое. Он ведь не всегда тебе проблемы доставляет, подсказывает иногда, верно?

Даша кивнула.

— А коли оторвёшь его от себя Чистой Эйфорией, пострадатель в первую очередь.

Даша вздохнула и оглядела весенний парк: сквозь проталины в снегу уже виднелись тёмные пятна мокрого асфальта. На небе таком же голубом, как глаза её нового знакомого, не было ни облачка. Воздух пах сыростью, землёй и чем-то таким, что нельзя потрогать или ощутить. Впервые за долгое время Тревог не грыз сознание. Даша ощущала его присутствие, но на сердце было... спокойно.

— Не так с ними надо, — проговорил меж тем Мирослав. — По-хорошему надо. Чаще всего, нужно догадаться, как зовут твою тревогу. Тревога, в нашем случае.

— Он не говорит мне, я спрашивала.

Мирослав остановился и задумчиво несколько мгновений разглядывал то Дашу, то её Тревога. А затем сказал:

— Хочешь, помогу?

— Как? — удивилась Даша.

— Всё просто, — объяснил Мирослав. — Сейчас я его от тебя забираю. На время. Он у нас в НИИ поживёт, пристроится. Вернуться в любой момент может, но если понравится, останется с нами насовсем. И пользу приносить будет. И шапку из него никто не сделает. Ну как, идёт?

Этот вопрос он задал не Даше, а самому Тревогу, который уже начал мирно дремать на Дашином плече.

Сейчас же он встрепенулся и обвился вокруг Дашиной груди кольцом и вцепился в плечи маленькими тощими лапками. Девушка поморщилась.

«Как думаешь?», – спросила она у своего подселенца. – «И тебе, и мне хорошо будет».

– Кормить будем и обижать не станем, – улыбнулся Мирослав. – Завтра придёшь к нам и посмотришь, в каких условиях они содержатся и как живут. И во что превращаются, – он таинственно улыбнулся.

Даша посмотрела на него и кивнула.

– Тогда иди ко мне ближе. Не бойся! Ему на меня переползти надо, поэтому...

Мирослав подошёл к Даше вплотную и крепко обнял.

– Ну, давай иди ко мне, дружок...

Даша почувствовала, как недовольно заворчал Тревог. Он заворчался и начал медленно перебираться в солнечное сплетение. Шерсть у него внезапно стала жёсткой и колючей.

«Я не хочу! Я его боюсь!», – верещал он Даше.

Но в то же время страх этот был совсем не такой, что при встрече с Охотником-Степаном, он не парализовал, не сковывал мысли, не заставлял сердце в ужасе качать кровь с двойной силой. Он, скорее, был похож на тот, что испытываешь, стоя перед выходом из самолёта в город, где ни разу не был.

– Не бойся, маленький, – спокойно сказал Мирослав. – Не обижу, честное слово.

И ещё сильнее обнял Дашу.

От него пахло теплом, недорогим шампунем и едва уловимыми нотками не то одеколона, не то пены для бритья. Даша невольно улыбнулась – примерно так же пахло от отца, когда она была совсем маленькой.

«Он хочет нам помочь», – объяснила Тревогу Даша. – «Давай попробуем?».

Тревог, сжавшийся внутри клубком, осторожно высунул свой чёрный ежиный носик и принюхался.

– Иди, не бойся...

Неслышной серой тенью он аккуратно выбрался обратно к Даше на плечо и посмотрел на учёного.

– Молодец, идём...

Маленькие лапки заскользили на крепкое мужское плечо.

– Тяжёленький, – улыбнулся Мирослав и осторожно, стараясь не делать резких движений, отстранился от Даши. – Ну, как?

Даша нервничала.

На этот раз не так, как обычно.

Впервые за много лет она почувствовала, что ей действительно хорошо и спокойно. И теперь, глядя на своего Тревога, сидящего на плече Мирослава, она чувствовала себя абсолютно потерянной. Ведь с этим неласковым подселенцем она прожила почти всю жизнь, а теперь нужно было жить без него. Это точно научиться ходить или говорить заново.

– Н-нормально, – неуверенно проговорила она.

Весна подходила к концу. На горизонте маячил июнь, щедро сдабривая маленький город горячей порцией солнечного света – точно готовил себе дорогу их плавящегося на глазах асфальта.

Даша шла на работу пешком – она обожала гулять. Без Тревога на плечах идти было намного легче, потому что он не тянул вниз и не загружал мысли нереальными вариантами событий.

«Опаздываешь!», – он появился в момент, когда Даша посмотрела на часы.

«Знаю», – улыбнулась она. – «Но это не страшно, у меня нет никаких дедлайнов. Приду на десять мину позже – не страшно, не уволят».

«Ну, смотри», – он повёл своим маленьким носиком и вдруг спросил, указав на Дашино плечо:

«Можно? А то мне пока сложно, ещё не привыкся».

«Садись уж», — улыбнулась Даша, глядя, как бывший подселенец складывает ещё неокрепшие белые крылышки. Отросли они у него за эти месяцы работы в НИИ Душевного равновесия.

Когда Тревог опустился ей на плечо, Даша заметила, каким невесомым он стал.

«Похудел, что ли?», — пошутила она. — «Много тебя Мирка работать заставляет?».

Тревог развёл лапками, мол, так получается.

«Не жалуюсь. Это интереснее даже, приятнее».

«Ну ещё бы!».

Когда Даша впервые пришла в НИИ Душевного равновесия, не смогла сдержать удивления: снаружи это был приятный, но очень современный центр с большими окнами, а вот внутри... Даше показалось, что она находится в огромном детском саду. Разрисованные стены, цветные пуфики, мягкие поролоновые кубики соседствовали с книжными шкафами и столами, за которыми терялись сами учёные. Были кабинеты, где наука ощущалась в её, что называется, первоизданном виде — всякие колбочки, компьютеры и диаграммы, были — с длинными занавесками и коврами, больше похожими на гостиные.

А потом она пришла к Мирославу, в Отдел по перепрофилированию тревог. В этом помещении всё крутилось и вертелось — множество Тревог, Тревожинок и Тревожков были заняты каждый своим делом. Одни рисовали фломастерами прямо на обоях, другие, точно маленькие электрофорные машинки, подпитывали электроприборы, третьи, зависнув где-то под потолком, просто плыли с закрытыми глазами.

«Гляди!» — Радостно тогда воскликнул её бывший подселенец. «Эх, чего умею!».

И, перевернувшись в воздухе, помахал крошечными крылышками.

«Не у всех отрастают», – улыбнулся Мирослав. – «Твой Тревог уж очень конкретный был, легко ему было в Примузки переквалифицироваться».

«Примузки?», – удивилась Даша.

Мирослав с улыбкой кивнул.

«Вот смотри, есть Музы – народ чуткий, ранимый, местами – истеричный. Их задача – творцов вдохновлять. Прокрадутся такие заразы в сознание, кинут там свои семена таланта и сбегут. А ты сидишь, как сумасшедший ночами пишешь, сочинишь, потому что иначе никак – оно ведь колосится там, растёт... А в конце всегда такой Хаос остаётся в душе! Сидишь в иступлении и не знаешь, как быть и за что хвататься. Так вот Примузки потом помогают разгрести весь этот творческий хаос, справляться с желанием стереть или порвать собственное творение, если оно кажется нам не таким идеальным, как хотелось. И из творческих тревог такие Примузки хорошо получаются, потому что они хорошо понимают, как и почему это желание работает».

Даша слушала, открыв рот, а её Тревог, нынешний Примузок, теперь наворачивал круги под потолком.

«И что, тревога... То есть, Тревог ко мне уже не вернётся?», – спросила она.

Мирослав улыбнулся.

«В прежнем виде – уже нет. Вот такой он, твой Тревог, творческий, невесомый. Сочиняет, придумывает что-то и во вселенский Эфир запускает».

Даша задумалась. А ведь правда: как исчез Тревог, так и читать постепенно захотелось, и писать лучше и больше стала.

«И как же ты его в Примузку превратил?», – спросила она у Мирослава.

«А это», – он поцеловал её в макушку, – «Наша маленькая научная тайна».

Его собственный Примузок бегал неподалёку. Большой белый, похожий на лабрадора, он катал на спине маленьких, похожих на бурые помпоны, тревожков.

Даша улыбнулась Примузку, который невесомым облачком сидел у неё на плече.

«Ты чего сейчас-то решил заглянуть?».

«Погода хорошая, небо синее, воздухом дышится и жизнь живётся! Отчего бы не заглянуть? Подкину тебе пару строчек, да обратно в НИИ. Кстати, тебе просили передать, что будут ждать в парке, в восемь».

Даша снова улыбнулась.

«Ну, ладно, бывай».

Примузок взмахнул крылышками, задев Даше по щеке, и растворился в воздухе.

Жить с Дашей Тревог всё-таки не захотел. Так и остался в НИИ, а потом и оттуда ушёл. Говорят, видели его то тут, то там. Жить без Тревога стало легче.

Но иногда он всё-таки появляется: кто-то должен ей напоминать, что на работу Даша опаздывает.

Мария Ковязина

«ДОМИК СО СКАЗКАМИ»

За окном уже зажглись звёзды, когда Ксюня, смешливое чудо четырёх лет, в обнимку с розовым кроликом нырнула рыбкой под одеяло и вынырнула головой на подушку. Мама подоткнула одеяло дочери, поцеловала её и собиралась уйти, но Ксюня подняла на неё просящие глаза:

— А сказку?

Мама села на кровать и убрала локон волос с лица дочери:

— Про Золушку?

Ксюня мотнула головой, разбрасывая волосы по подушке:

— Нет. Хочу новую.

— Хм... — мама задумалась, села поудобнее, перекинувшись через Ксюню, и стала на ходу сочинять. — Ладно, слушай. Далеко-далеко в лесу стоит домик. У него красная крыша с петушком-ветряком, расписанные цветами и бабочками стены, резные ставенки и крылечко с витыми столбиками. Летом домик утопает в цветах, а зимой у его порога появляется снеговик с ведром вместо шляпы.

— А кто в нём живёт? — Ксюня повернулась на бочок и прижала кролика к щеке. мех игрушки местами склеился от утренней каши, глаза потускнели от царапин, а нитки на швах уже не прятались в шерсти. Потому что это была любимая игрушка.

— В нём живут сказки, — мама напустила в голос таинственности.

Ксюня знала много сказок, поэтому распахнула глаза от удивления:

— А как они туда все влезают?

– Так это же волшебный домик. И сказки в нём живут в разных предметах. В хрустальной туфельке живёт сказка про Золушку, в корзинке – сказка про Красную Шапочку, а в тарелке – сказка про Машу и трёх медведей.

– Да там ногу некуда поставить! – развеселилась Ксюня.

– Поэтому туда никого и не пускают. Только если правильно попросить.

– А давай ты попросишь, а я зайду! – на лице Ксюни сверкнули лисьи глазки.

– Хитренькая какая! Ну ладно, – мама сложила кисти рук ладонями внутрь и зашептала в получившуюся пещерку, – Со сказками домик, живет в тебе гномик, принцесса и хрюшка, в болоте лягушка. Во все сказки верю, открой свои двери.

Ксюня затаила дыхание. Мама медленно раскрыла ладони как ворота и заговорила полушепотом:

– Смотри, домик тебя пускает.

Ксюня ещё сильнее прижала к себе кролика, глаза её блеснули как в театре, когда она погружалась в сказку, разыгрываемую на сцене.

А мама приложила ладони к уху:

– Домик спрашивает: какую ты хочешь сказку?

Ксюня посмотрела на наряженную новогоднюю ёлку в углу своей комнаты. Девочка полдня наряжала её вместе с мамой и папой, путаясь в гирлянде и наматывая дождик на кота, который то грыз иголки на дереве, то укатывал в тёмный угол упавший ёлочный шарик. Под ёлкой стояли Дед Мороз со Снегурочкой. Они как будто сами просились в сказку. Ксюня затараторила:

– Про Новый год! И Деда мороза! И зайчика! И снеговичка! И...

– Есть такая сказка, – остановила поток слов мама. – Она живёт вот здесь.

Мама взяла с полки стеклянный шарик. Внутри него при каждом встряхивании летали снежинки и оседали на снеговичка и странную собачку с кривым носом. Ксюня приподнялась на кровати:

— Сказка всегда жила рядом со мной? — искренне удивилась девочка.

— Сказка всегда где-то рядом, — ответила ей мама голосом доброй феи. — Будешь помогать её рассказывать?

— Да! — Ксюня с готовностью села в кровати, но мама аккуратно вернула дочку на подушку и снова подоткнула ей одеяло. И начала нараспев рассказывать:

— Далеко-далеко на северном полюсе в домике из брёвен и льда живёт Дед Мороз и его внучка Снегурочка. Новый год раз в год, а работы им хватает каждый день. Ведь надо собрать и подготовить подарки каждому ребёнку в мире. Помогают им кошечки и собачки, которые оказались на улице зимой.

— А почему собачки и кошечки оказались на улице зимой? — в глазах Ксюни блеснули слёзы.

— Потому что не все люди добрые, — мама тоже стала печальная. — Есть и злые, которые выбрасывают надоевших животных на улицу. Дед Мороз их забирает к себе, а их хозяевам кидает снег в окна. Своими пушистыми лапками зверушки шьют игрушки и складывают конфеты в коробочки. И вот однажды, когда до нового года оставалось всего два дня, неожиданно закончились конфеты. Дед Мороз почесал свою длинную бороду и решил послать своего помощника Снеговичка в горы за конфетами.

— Мама, ты перепутала! — Ксюня звонко засмеялась. — В город, а не в горы!

Мама улыбнулась:

— Нет, зайка, в городе в магазинах продаются обычные конфеты. А в горах гномики делают для Деда Мороза волшеб-

ные конфеты. Они выглядят как обычные, но гораздо вкуснее. Поэтому дети съедают конфеты из новогоднего подарка быстрее, чем те, что мамы и папы покупают в магазинах. Так вот, Дед Мороз позвал Снеговичка и строго так ему сказал: «Пойдѐшь в горы за конфетами через лес, ни с кем там не разговаривай...»

— Особенно с серым волком, — добавила Ксюня с видом знатока. — Он зубы заговаривает, а сам потом бабушку твой съест и не поморщится!

— Правильно, Ксюня. И с лисой тоже нужно быть осторожным. Дед Мороз дал своему помощнику большой мешок для конфет и карту, где было нарисовано, как дойти до гномьей горы. И пошѐл Снеговичок через лес за конфетами. Шѐл он долго, но не устал и не замѐрз, потому что из снега слеплен. И вдруг выпрыгивает перед ним на дорожку зайчик беленький и говорит: «Снеговичок, миленький, возьми меня с собой. В лесу холодно, в лесу голодно. Хочу у Деда Мороза жить, игрушки шить, конфетки по коробочкам раскладывать». Снеговичок ему отвечает: «Дед Мороз добрый, возьмѐт тебя к себе. Только я сейчас не к нему иду, а к гномикам в горы. Можешь со мной пойти. Может, пригодятся нам твои пушистые лапки». Зайчик согласился. Тогда Снеговичок взял его и спрятал от ветра и холода в своём снежном шаре на груди. И пошли они дальше вдвоѐм.

Идѐт Снеговичок с зайчиком мимо речки, а там лиса и волк у проруби сидят, хвосты в воду опустили.

— Ой, я знаю! Они рыбку ловили! — Ксюня нараспев затянула, подражая голосу волка: — «Ловись, рыбка, большая и маленькая».

— Это в другой сказке было, — мама помотала головой из стороны в сторону. — А эти волк с лисой знали, что Снеговичок к гномьей горе мимо озера идѐт. Это ведь они пробрались в домик к Деду Морозу и его конфеты украли.

– Фу какие! – Ксюня сморщилась и запыхтела от неприязни к злодеям.

– Решили волк и лиса Снеговичка похитить, а Деду Морозу записку написать, что вернут ему помощника, если он наколдует так, чтобы больше не было зимы. Потому что зимой на зайцев и мышей охотиться тяжело и холодно.

– Фуууу! Какие хитрые и ленивые, – Ксюня приподнялась в постели. – А нам что без зимы делать? На коньках как кататься? И на лыжах! А снеговика из чего лепить? А с ледяной горки как покататься?

– За горку особенно обидно, – мама вернула дочку на подушку. – Схватили волк и лиса Снеговичка и потащили его в тайную нору. И так они обрадовались, что всё у них по плану идёт, что и не заметили белого зайчика, который выпрыгнул из снежной груди помощника зимнего волшебника и поскакал в сторону домика Деда Мороза.

Молнией долетел зверёк до избышки и со всех сил замёрзших лапок забарабанил по двери. Открыла зайчику собачка с кривым носом (из-за этого носа хозяева и выбросили её на мороз), впустила его и побежала за тёплым одеялом и горячим молоком. Зверёк согрелся, отдышался и всё рассказал собачке с кривым носом: как он Снеговичка встретил, как к Деду Морозу попросился, как волк и лиса их подкараулили. Рассказал и про тайную нору, про которую каждый ёж знал. Потому что в лесу ничего тайного нет. И про подслушанный разговор злодеев рассказал. О том, что надоела им зима, хотя они вечное лето. А Дед Мороз может его наколдовать взамен на спасение своего помощника.

Собачка с кривым носом недолго подумала и решительно сказала: «У Деда Мороза сейчас дел и так много. Сами со злодеями разберёмся».

Зайчик допил молоко, облизал усы и кивнул. В его красных глазках сверкнула смелость. Собачка с кривым носом вышла

из комнаты и вернулась с сетью и ведром с замороженной рыбой. Вдвоём с зайчиком они твёрдой походкой двинулись через лес в сторону тайной норы.

— Мама, а зайчик и собачка с кривым носом победят волка и лису? — Ксюня уже зевала и тёрла глаза.

— Сейчас узнаёшь, — мама положила руку поверх одеяла на спину дочери и стала ритмично прихлопывать. Голос её стал тише. — Когда зайчик и собачка с кривым носом пришли на место, они бросили одну рыбку перед входом в нору, вторую чуть подальше — и так рыбка за рыбкой сделали ароматную дорожку до ближних кустов, где спрятали сеть. Немного посоветовавшись, они разделились: собачка с кривым носом осталась караулить в кустах, а зайчик поскакал в тайную нору, где сидел и грустил связанный верёвкой Снеговичок. А волк и лиса лежали рядом и ждали — они только что отправили ворону с запиской с требованиями к Деду Морозу.

Зайчик прыгнул в самую середину логова, крутанулся на месте и поскакал в обратную сторону. Волк и лиса мгновенно подскочили и бросились за ним. Выбежав из норы, зайчик прыгнул в сторону и скрылся за сугробом. А волк и лиса резко затормозили перед первой рыбкой. От голода злодеи плохо соображали и поэтому, поедая рыбку за рыбкой, пошли прямо к кустам, где затаилась собачка с кривым носом. В кусты прыгнул зайчик — и вдвоём герои накиннули сеть на волка с лисой и быстро её спутали. Злодеи взвыли на весь лес, но распутаться им было не по силам. Зайчик и собачка с кривым носом побежали в нору и развязали Снеговичка. Как же тот обрадовался своим спасителям! Снеговичок расцеловал зайчика и собачку с кривым носом, а потом спрятал их в снежном шаре на груди и продолжил свой путь к гномьей горе.

Оставшаяся дорога была недлинной, да и главные приключения остались позади. А гномики уже получили записку от Деда

Мороза и приготовили конфеты. Снеговичок наполнил ими мешок и двинулся в обратный путь. Зайчик и собачка с кривым носом уже спали, когда он вошёл в домик Деда Мороза.

Сидя у ледяного камина, Снеговичок рассказал зимнему волшебнику о своих приключениях и попросил его приютить зайчика. Дед Мороз почесал зайчика за ушком, от чего тот проснулся.

— Ты ведь понимаешь, что если останешься у меня, в лес уже вернуться не сможешь? — спросил зимний волшебник у пушистого героя. — Никогда тебе больше не скакать по зелёной травке, не увидеться с длинноухими друзьями. Зима ведь закончится — и снова будет тепло и весело. Подумай, я не тороплю.

Зайчик задумался. Он слишком любил играть с друзьями и скакать с ними наперегонки от лисы. Зайчик решил вернуться в лес, но ведь теперь у него появился ещё один друг.

— А можно мне хотя бы иногда приходить в гости к собачке с кривым носом? — зайчик просительно посмотрел на Деда Мороза.

Зимний волшебник засмеялся по-доброму:

— Это можно! Ты теперь наш почётный гость.

Зайчик обнял Снеговичка, пожал руку Деду Морозу, почесал спящую собачку с кривым носом за ушком и шустро прыгнул в дверь. А зимний волшебник и Снеговичок вернулись к своим делам — собирать подарки для детей.

Мама повертела в руках стеклянный шарик со снеговичком и собачкой с кривым носом. Когда-то это был сувенир от коллег, а сегодня в нём замерла сказка: два помощника Деда Мороза стояли на страже новогоднего праздника и детских грёз. Завтра Ксюня будет рассказывать её папе. Но конец скорей всего будет другой, потому что девочка уснула раньше, чем мама закончила сочинять сказку.

– Спокойной ночи, гугуська, – мама нежно поцеловала Ксюню в щеку. Потом аккуратно достала из рук спящей дочери кролика и понесла его стирать. К утру он должен был уже быть чистым и сухим, чтобы вместе с маленькой хозяйкой встречать новый день.

Мама посмотрела на ёлку, мигающую разноцветными огнями, на пускающую слюну спящую дочь, вспомнила, как в её детстве ёлку зажигали только в новогоднюю ночь и пока не видели родители – и убрала руку с выключателя гирлянды. Потому что праздник у ребёнка должен продолжаться, даже когда он спит.

Мария Ковязина

«ХОЛОДИЛЬНИК В ГНЕВЕ»

Холодильник ненавидел Ниночку. Нет, она ему ничего плохого не сделала: не била дверцей и не обливала его полки липким соком. Ниночка решила стройнеть. Она забила холодильник сельдереем, огурцами, кефиром, постным мясом и яйцами, безжалостно выкинув вчерашнюю шаурму, шоколадные конфеты и с трудом раздобытую «сгущёнку из детства». И подходила Ниночка к нему 3–4 раза в день, а не каждые 15 минут, как в старые толстые времена.

У холодильника через всё лицо было написано: «Она решила, а страдаю я».

Он стоял почти весь день одинокий: нецелованный, необласканный.

Зато бутыль с водой распирало от гордости. К нему-то припадали каждые полчаса, его наконец заметили, смахнули с него пыль и паутину.

— Чё ты радуешься? — скалился холодильник. — Она из тебя всю душу высосет, а потом выкинет. А на твоё место придёт другой.

— И пускай! — пускал слюни гордости бутыль. — Во мне главное не оболочка, а содержание!

— Да она уже завтра тебя забудет. Вон, поманит её этикеткой какая-нибудь шипучка заморская — и привет!

— Она не такая! — возмущённо булькал бутыль. — Я в неё верю!

— Да она тебя обнимает, только когда ей от тебя что-нибудь нужно, — не унимался холодильник. — Да ваши ранешние встречи на пальцах можно пересчитать: 9 марта, 1 января и 17

мая – сразу после того дня, когда во мне торт со свечками стоял. А все остальные дни она была верна мне.

– И ты не оправдал её доверие! – бутылка аж подпрыгнул от гнева. – Она думала ты ей друг, а ты ей опузатил.

– Ну да... – холодильник умел признавать свою вину. – Но со мной она хотя бы была счастлива. А с тобой у неё мимолётная связь в угоду моде. Вот погоди: вернутся в моду рубенсовские женщины – она от тебя вперёд трусов сбежит.

– У неё такое счастливое лицо со мной, – благостно зашептал бутылка. – Я вижу, как она изнутри светится.

– Конечно, светится! – фыркнул холодильник. – Она уже солнечный свет через себя пропускает. Вон как исхудала, ласточка моя.

На кухню вошла Ниночка и потянулась за кружкой. Бутылка призывно забулькал, а холодильник запричитал:

– Оооой, довели, окаянные, мою девочку до изнеможения! Оооой, что ж дальше-то будет? На семинары для худеющих поедешь? Или на тренинги «Если не мы, то кто?» для тощих голодранцев? Мы ж с тобой так дружили, так дружили. Я ж ни один твой заныканный сникерс ни одному твоему хахалю не выдал. Я ж перед новым годом вмещал в себя столько, что другой на моём месте лопнул бы. Я ж тебя по ночам целовал, когда ты котлеты из меня прям со сковородки ела. Ты ёжилась, думала, что мороз по коже идёт из-за угрызений совести, а это был я – твоя единственная настоящая любовь.

Ниночка набрала воду из бутылки, громкими глотками осушила кружку, с жалостью посмотрела на холодильник и ушла, щёлкнув выключателем.

– Нет, ты видел, как она на меня посмотрела?! – холодильник воспрял духом. – Вот увидишь, она ещё ко мне вернётся. Лопни моя лампочка, если я ошибаюсь.

Бутылка надулся от чувства собственного превосходства:

– Если только из жалости. Видал, как она ко мне сразу подошла. Ни тени сомнения в глазах. Только вперёд! Только победа!

– Я тебя ненавижу, разлучник перерабатываемый! – холодильник весь затрясся от злости. – Чтоб тебя бомжи порвали! Чтоб в тебе крыса разродилась! Чтоб у твоих детей пробка не вынималась, и её ножом выковыривали!

На следующий день место опустевшего бутыля занял другой. Полный воды и надежд.

Ниночка постройнела и очень скоро вышла замуж за милого пузанчика. И вот однажды ночью он впервые подошёл к холодильнику как к родному. К другу и единомышленнику. Пузанчик погладил холодильник по прохладному боку:

– Ну, здравствуй, родной. Давай познакомимся поближе, – и нырнул в недра техники за сосисками, майонезом и позавчерашней пиццей. Холодильник успел поцеловать его два раза, когда пузанчик, поёжившись, закрыл дверцу и на цыпочках ушёл в зал. Ниночка уже мирно спала в спальне, оттопырив тощий зад в сторону кухни. Как бы намекая: «Вот вам, а не ночной дождор».

Холодильник, издав звук, похожий на смех вологодской чайки, обратил свой взор на бутыль:

– Видал? У меня новый друг. А у тебя одни пузыри на уме и тощая кошка Ниночка.

Бутыль булькнул было, что зато они с хозяйкой счастливы в её новом теле, но промолчал. Потому что холодильник не был таким же романтиком, как бутылка и Ниночка. И таких тонких материй, как здоровый дух в здоровом теле, ему просто не понять.

Николай Баховец

«ЦЕЛАЯ ЖИЗНЬ»

Илья стоял где-то на окраине Москвы перед приземистым четырёхэтажным зданием с вывеской «Медцифра». Странное название, да и место странное — какая-то промзона. Старые неухоженные здания — цеха какого-то завода, превращённые в склады, расползались во все стороны. Лишь стоящий перед ним офис был островком порядка и чистоты в этом грязном районе.

«Что я тут делаю? — спросил сам себя Илья, — скорее всего, трачу время на пустые надежды». Впрочем, терять ему уже было нечего, поэтому он вошёл внутрь.

Охранник на входе направил Илью в нужный кабинет, и сейчас он сидел в кресле, взирая на хозяина этой конторы.

— Сколько, говорите, вам лет? — поинтересовался полноватый директор, что-то набивая на клавиатуре.

— Двадцать шесть, — ответил Илья.

— Сочувствую вам юноша, — толстяк оторвался от компьютера, взглянул на Илью и добавил: — Вам бы ещё жить да жить.

— А вы разве не сможете мне помочь? — несколько опешил Илья.

— Видите ли, Илья Викторович, у нас несколько необычный подход, мы исследуем человеческий мозг и добились уже кое-каких результатов, но гарантировать стопроцентно, особенно в вашем случае, не можем.

Вошедшая с подносом секретарша прервала разговор и поставила перед Ильёй чашку с ароматным, горячим чаем.

– Я поясню, как это работает, – продолжил директор, когда дверь за секретаршей затворилась, – мы с помощью электромагнитных импульсов стимулируем мозг и он включает заложенные природой дремлющие механизмы, излечивая даже самые сложные и запущенные болезни.

– Разве такое возможно? – удивился Илья.

– Поверьте, мы часто слышим этот вопрос, – директор добродушно улыбнулся, – никто не верит. Мы и сами, когда начинали, сомневались. Однако технология работает, результаты удивляют всех, кто наблюдает процесс выздоровления. Впрочем, не буду скрывать – рак мы пока не лечили, поэтому вы будете, можно сказать, подопытным.

Выждав тактическую паузу, толстяк сразу начал успокаивать:

– Не волнуйтесь, это совершенно безопасно, в самом худшем случае у нас просто ничего не получится, однако мы надеемся на положительный результат.

– И что же меня ждёт за процедуры? – решил уточнить Илья.

– Всё просто, вам на голову наденут специальную шапочку с электродами, затем оператор подаст на них разные импульсы и понаблюдает за тем, как на них реагирует ваш мозг. Процедура занимает от силы часа два пару раз в неделю, а первые результаты вы почувствуете уже после трёх – пяти сеансов.

Директор замолчал и, взглядом указав на кружку с чаем, произнёс:

– Вы пейте чай, пока горячий, и пока пьёте, думайте. Так как процедура, по сути, экспериментальная, то мы не возьмём с вас никакой платы. Если ничего не получится, вы ничего не потеряете, а положительный результат для нас куда важнее денег.

Несколько минут они в тишине пили чай. Илье особенно нравилось, что с него не возьмут никакой платы, так как он уже три месяца назад уволился с работы. Если скоро умрёшь,

то меньше всего хочется проводить последние дни в офисе. В общем-то, особо размышлять тут было не о чем, идти ему было уже некуда. Возможно, где-нибудь за океаном и были клиники, способные его вылечить, но такой суммы он никогда бы не нашёл.

– Хорошо, я согласен, – наконец произнёс Илья.

– Замечательно, давайте начнём прямо сейчас, снимем показания вашего мозга, это займёт всего полчаса.

Директор поднялся и протянул ему руку и произнёс:

– На удачу.

Илья встал и пожал мясистую, но совсем не мягкую руку.

– Секретарша проводит вас в лабораторию, – сообщил ему на прощанье добродушный директор.

В лаборатории его встретил парень примерно его же возраста, представившийся Данилой. Обстановка помещения напоминала комнату любителя компьютерных игр, а не лабораторию. Тут был диван, три удобных кресла и парочка компьютеров в модных корпусах со светодиодной подсветкой, переливающейся всеми цветами радуги.

Илью усадили в одно из кресел, и лаборант начал закреплять у него на голове сеточку с кучей электродов.

– Это не производственное помещение, – словно заметив его удивление, пояснил Данила, – комната для пациентов, обстановка такая, чтобы не пугать людей. Всегда мечтал иметь офис как в крупной цифровой компании, вот поэтому тут всё так и оборудовал. Но не сомневайтесь, тут всё серьёзно, компьютер хоть и похож на новогоднюю ёлку, но машина серьёзная – рабочая.

Илья в ответ лишь утвердительно хмыкнул.

– Всё готово, – сообщил лаборант минут через пять возни, – я сейчас подключу к компьютеру сканирующая програм-

му, она работает где-то полчаса. Иногда может покалывать голову электрическими разрядами, это не опасно, ток небольшой. Можете закрыть глаза, или я могу включить, на ваш выбор, клипы или какой-нибудь фильм. Главное, вам нельзя говорить во время сканирования и крутить головой – это может сдвинуть электроды, и придётся начинать заново.

Данила пристально посмотрел на него и, улыбнувшись, произнёс:

– Сейчас пока ещё можете говорить.

– Ничего не надо, спасибо, – ответил Илья, – я просто посижу.

– Хорошо, тогда приготовьтесь, запускаю программу, вот теперь говорить и крутить головой уже нельзя.

Не сказать, что эти полчаса его жизни стали самыми долгими, но казалось, что длились они точно дольше часа. В голове роились миллионы мыслей и большая часть, увы, безрадостная. Особенно те, которые касалась Светы. Он уже месяц избегал её, боясь сказать горькую, прежде всего для него самого, правду. А как всё хорошо начиналось.

Год назад они случайно столкнулись в дверях бизнес-центра. Он уворачивался от какого-то нагло прущего мужика и локтем пихнул проходящую мимо девушку. Она выронила бумажный стаканчик с кофе, и в качестве извинения Илья пригласил её в кафе. Так они познакомились и стали встречаться. Светлана оказалась не только красивой, но и умной, они могли разговаривать часами, и им не было скучно в компании друг друга. А теперь она наверняка недоумевает, почему он лепит одну отговорку за другой, отменяя встречи.

Именно поэтому ему хотелось верить, что тут ему помогут. Даже несмотря на то, что происходящее очень напоминало какой-то клоунский цирк с игровыми компьютерами и «шапочкой» на голову. Но идти было уже некуда оставалось наде-

яться на чудо. Да и радовало, что тут с него не хотели содрать денег.

– Мы закончили, – произнёс лаборант, снимая с его головы электроды, – вам сообщат результат и вызовут уже на лечебную процедуру.

Покидал офис «Медцифра» Илья с почти растаявшей надеждой. Как-то не верилось, что если ему не могли помочь серьёзные медицинские организации, то эти любители мигающих светодиодами компьютеров вообще что-то там смогут. Поэтому, когда через неделю ему позвонили, он был очень удивлён, так как почти забыл про странную инновационную компанию.

«Приезжайте, мы выработали для вас методику лечения», сообщили ему по телефону. Несмотря на скептицизм, Илья всё же поехал. «А вдруг?» – эта мысль заставляла ещё во что-то верить, ведь так не хотелось умирать, когда впереди ещё целая жизнь.

В этот раз его провели уже не в «игровую» комнату, а более похожее на серьёзную лабораторию помещение. Помимо компьютеров, тут стояло ещё другое непонятное оборудование. Встретившая его девушка представилась Татьяной и сообщила, что первый сеанс пробный, они протестируют, как его мозг отреагирует на сигналы их оборудования. Затем его усадили в причудливое кресло с фиксатором головы.

Было немного страшно, но улыбчивая Татьяна заверила, что бояться ничего. Даже если что-то пойдёт не так, то максимум, что он почувствует это лёгкое головокружение, а им придётся снова снять «карту» его мозга.

На удивление, в кресле было удобно, несмотря на то, что голова запрокинута назад. Уже минут через десять он успоко-

ился и расслабился, а потом и вовсе задремал от безделья. Разбудив его через час, Татьяна заверила, что всё прошло просто прекрасно и, сообщила, что они ждут его в это же время через пять дней.

Пока что Илья не чувствовал никаких изменений, страшные периодические боли от развивающейся болезни никуда не делись. Впрочем, ему и не обещали чуда после первого же сеанса. Результат ожидался только после трёх, ждать оставалось недолго.

Через пару дней после первого сеанса ему позвонила Света и, с возмущением заявила, что либо он объяснится, либо она будет считать, что он её бросил. В последнем случае ему не стоит попадаться ей на глаза. Видимо, пришло время сказать ей правду.

Света пришла к нему, как и договорились, вечером. Он не стал оригинальничать, просто купил из уже порядком оскудевшего бюджета торт и чай. За скромным чаепитием он всё рассказал. Илья был уверен, что она после этого просто уйдёт: ну кому нужен умирающий парень, потративший почти все свои сбережения на бесполезное лечение? Однако Света не ушла, наоборот, отчитала его, что сразу же всё не рассказал.

Когда на улице уже начало темнеть, они устроились на диване. Света, положив голову ему на плечо, почти шёпотом сообщила:

— Знаешь, я ведь сразу, как тебя увидела ещё там, в дверях, где мы столкнулись, подумала: какой классный парень. Правда-правда, так и подумала. А потом, когда узнала получше, решила, что это судьба свела нас таким вот способом.

— Да ладно, я же тогда был словно косолапый медведь, хорошо ещё, что кофе не на тебя пролилось.

– Да просто я сама задумалась и шлёпала, как клуша, – Илье показалось, что Света улыбнулась, хоть он и не видел её лица, – а потом уже я напридумывала себе всякого – например, как и где мы поженимся, сколько у нас будет детишек...

Она как-то тяжело вздохнула.

– Я, наверное, влюбилась в тебя по-настоящему, – она подняла голову и чуть отстранилась, чтобы взглянуть ему в лицо, – понимаю, ты боялся мне сказать, наверное, думал, что я бы тебя сразу бросила.

Илья кивнул и добавил:

– Это логично, кому я теперь нужен?

– Дурак! – воскликнула Светлана и неожиданно заплакала.

– Света, ну что ты, – Илья обнял её, чувствуя, как она всхлипывает у него на плече.

Неожиданно она затихла и высвободилась из его объятий:

– Ты же ещё жив, Илья, и сам сказал, что нашёл место, где тебя могут вылечить.

– Могут, – мрачно усмехнулся он, – а могут и не вылечить, я не очень-то им верю, как-то не похоже на медицину то, что они делают.

– Я же говорю – дурак, надо всегда верить в лучшее, – заявила Светлана и неожиданно для него начала расстёгивать свою блузку, обнажая грудь.

– Света, ты чего, – недоумённо спросил Илья.

– А ты как думаешь? – она соорудила презрительную гримасу. – Вечно вы, мужики, ничего не понимаете! Помогите лучше снять джинсы.

– Света?.. – всё ещё несколько ошарашенный, произнёс Илья.

– Пусть даже ты, – она несколько осеклась, подбирая верное слово, –...уйдётся, я хочу, чтобы у меня осталось хоть что-то, хотя бы воспоминания.

Он почему-то облегчённо вздохнул и, расстегнув пуговицу и молнию ширинки, стянул с неё джинсы вместе с трусами.

— Что это? — Илья замер, когда его взгляд, пробегая по её соблазнительному телу, неожиданно наткнулся на шрам, проходящий в нижней части живота.

— Не обращай внимания, просто старая детская травма, я, знаешь ли, была той ещё оторвой.

Она улыбнулась и повалила его на диван.

Следующие пару недель жизнь Ильи кардинально изменилась, Света почти переехала к нему домой, перевезя даже часть своих вещей. Жизнь, сколько бы её ни осталось, вдруг наполнилась домашним уютом и хлопотами. Он даже подумывал вновь устроиться на работу, но Светлана его отговорила: мол, если поймёшь, что лечение помогает, тогда решишь, а пока не смей тратить время на чепуху. За последние дни он словно выбрался из эмоциональной ямы, в которую рухнул, узнав о болезни, и даже поверил, что странное лечение ему поможет.

За день до четвёртого сеанса Света сказала, что у неё приболела мама, и она поедет её навестить. «Это всего на недельку, ты и соскучиться не успеешь», сказала она, собираясь. Илья так привык к их совместной жизни, словно она длилась уже несколько лет, и, понятное дело, соскучился уже на следующий день. Однако оставалось только ждать.

Во время четвёртого сеанса, он не только по обыкновению задремал, а заснул по-настоящему. Татьяна разбудила его только часа через три, сообщив, что она, в общем-то, и не против того, чтобы он выспался, но рабочий день заканчивается, и ей пора собираться домой.

Илья только на следующий день понял, что ему стало очень хорошо, пропали утренние приступы боли. Да и вообще, чувствовал он себя, словно заново родившимся.

Первым же делом он записался на приём к своему доктору. Правда, как обычно, была очередь, и дату приёма назначили лишь через две недели. Впрочем, это уже было неважно, сейчас он никуда не спешил.

До посещения врача он успел сходить ещё на три сеанса. Да и Света позвонила, сообщив, что задержится. Это было даже на руку. Вернуться одна должна через день после его похода к врачу. Значит он: либо обрадует её, либо ничего не изменится, если это ремиссия. Впрочем, за ремиссией всегда наступал рецидив, а это его пугало до чёртиков, у него уже случались рецидивы дважды и такого даже врагу не пожелаешь.

— Знаешь, голубчик, — его врач Лидия Ивановна разглядывала свежие результаты МРТ, — я многое видела, но такое... Не знаю, кто и как тебя лечит, но они настоящие волшебники.

Она оторвалась от монитора и, посмотрев на него, самым серьёзным тоном добавила:

— Я могу поклясться, что ещё пару месяцев назад ты был безнадежно болен и умирал, а сейчас находишься на финальной стадии излечения.

Она пару минут строго буравила его взглядом, но Илья лишь глупо улыбался в ответ — неразглашение места и методов лечения были частью договора.

— Молчишь, понимаю. Может, ты там с самим дьяволом сделку заключил? Судя по результатам, вполне может быть. Впрочем, не могу тебя винить, лишь констатировать чудо.

— Значит, я свободен? — спросил Илья.

– Да. Всё же запишись на приём, скажем, через месяц, мне будет любопытно взглянуть на твоё состояние.

– Конечно, – легко согласился Илья и, попрощавшись, в самом весёлом расположении духа выскочил за дверь.

На следующий вечер, создав дома романтическую обстановку, он отправился на вокзал встречать Свету. Она написала накануне, что её мама выздоровела.

Выйдя из вагона, Светлана замерла, словно внимательно разглядывая его.

– Что? – спросил Илья. – У меня что-то с лицом?

– Нет, – смутившись, ответила она. – В тебе словно что-то изменилось.

– Надеюсь, в лучшую сторону?

– Определённо, – она улыбнулась.

– Это потому, что я почти выздоровел, лечение помогло, – бодро ответил Илья и, разведя руки, добавил: – Иди ко мне.

– Да ладно! – воскликнула Света и бросилась к нему в объятия, добавляя уже уткнувшись носом ему в щеку: – Это же замечательно.

– Как же я соскучился, – Илья запустил руку в её длинные, тёмно-русые волосы.

– Я тоже.

Некоторое время они обнимались и целовались на перроне, даже не замечая спящих вокруг людей.

– Пошли домой, – наконец предложил Илья.

– Пошли, – тихо, почти шёпотом согласилась Светлана.

Именно с этого момента его жизнь изменилась в лучшую сторону, по крайней мере, Илья так считал.

После окончания лечения он встретился с директором. Илья поблагодарил компанию за своё спасение, а директор

сказал спасибо за бесценный опыт и знания, полученные в ходе его лечения.

– Ещё одно, – обратился Илья к директору, – я бы хотел у вас работать. Возможно ли это?

– Работать? – удивлённо переспросил тот.

– Да, а чему вы удивляетесь, вы спасли мне жизнь и, как я посмотрю, у вас тут много компьютеров, неплохой программист вам бы наверняка пригодился. У меня профильное айтишное образование. К тому же, мне хочется чем-то отплатить вам и помочь таким же, как я, людям.

Директор потёр переносицу и, выдохнув, произнёс:

– Видите ли, в чём дело Илья, фирма у нас небольшая, и штат давно уже укомплектован. Мне придётся кого-то уволить или потуже затянуть пояса.

– Но ведь учитывая, что вы вылечили меня, разве дела компании не пойдут в гору? Думаю, вы вполне можете расширяться.

– Не всё так просто. Мы входим в холдинг, и мало что можем без одобрения со стороны его руководства. Впрочем, я понимаю, что вы искренне хотите помочь. Учитывая обстоятельства, я дам вам адрес главы холдинга и позвоню ему. Думаю, он с радостью встретится с вами, тем более что несколько дней назад он интересовался нашим прогрессом. Поздуреваю, он сделает вам более интересное предложение.

Илья был несколько разочарован, почему-то он думал, что его предложением с радостью воспользуются, а не отфутболят куда-то там. С другой стороны, если этот Казанцев Андрей Игоревич с визитки, вручённой ему директором, действительно большая шишка, то лучше поговорить с ним.

Офис президента холдинга, находящийся в Москва-Сити, Илью не разочаровал. Просторный кабинет, расположенный

на сорок третьем этаже башни Эволюция. Сам Казанцев также произвёл на него положительное впечатление. Он оказался крепкого спортивного телосложения, немногим за сорок, простое овальное лицо с носом картошкой и большими серыми глазами венчала несколько неряшливая копна тёмных волос. Одет он был в дорогой деловой костюм.

— Очень рад вас видеть, — произнёс президент, протягивая руку.

— Взаимно, — ответил Илья, отвечая на рукопожатие.

— Нравится? — Казанцев обвёл рукой офис, видимо заметив, как Илья почти украдкой осматривается.

— Да, красиво и вид шикарный.

— И обходится недёшево, но вы — лучший пример того, что я не просто так трачу деньги, а с вполне осязаемой пользой. Садитесь, может чаю или минералки?

Илья попросил минералки и несколько минут слушал не то лекцию, не то саморекламу Казанцева. Бизнесмен расписывал успехи своего холдинга. Рассказывал, как тяжело было в начале, что он чуть не потерял все деньги, но рискнул и смог покрыть расходы, получив большую прибыль.

К тому моменту, как Мистер Большой Бизнесмен — такое прозвище придумал ему Илья — закончил, секретарша принесла два стакана и бутылку минеральной воды.

— В общем, Илья, давай к делу, мне передали твою просьбу, но я бы хотел сам от тебя услышать, почему ты хочешь работать в этой компании?

— Они же спасли мне жизнь, мне хочется как-то помочь, тоже спасти жизни. Я не врач и вряд ли стану переучиваться на медика, но как я понял, они больше айтишники. Это знакомая мне сфера, я учился на программиста и даже немного поработал по специальности, значит, смогу там работать.

– Хорошо, поэтому я тебе и рассказал сейчас про наш холдинг и то, чем я тут занимаюсь, – пояснил Мистер Большой Бизнесмен и добавил: – Медцифра – маленькая компания и вполне сформировавшаяся, там нет вакансий. Однако я планирую новый проект, создаю инновационную компанию, которая будет располагаться в Сколково и заниматься куда более глобальной задачей – бессмертием.

Казанцев замолчал, как бы давая собеседнику высказаться, но Илья молчал, пытаясь переварить то, что только что услышал.

– Поэтому, Илья, – разорвал паузу бизнесмен, – я предлагаю тебе место в этом новом предприятии, поверь, это задача будет интереснее.

– Представляю себе, – ответил он, – если вы серьёзно про бессмертие, то я, пожалуй, в деле.

– Абсолютно серьёзно, – заявил Казанцев и, протянув ему карточку, пояснил: – Через пару дней жду тебя по этому адресу, это в Сколково. Будет сбор будущих сотрудников, покажу лаборатории, объясню детали, там же и подпишешь трудовой договор, если всё устроит.

– Хорошо, – только и смог сказать ошарашенный Илья.

– Я рад, что мы увиделись. Я хотел убедиться, что ты мотивирован, увидеть огонь в твоих глазах, – мистер большой бизнесмен улыбнулся, – твою компетентность проверит уже непосредственный начальник, но я думаю, что проблем в любом случае не будет.

Они попрощались, и Илья всю дорогу домой размышлял о той задаче, которую поставил перед собой этот Казанцев. Ещё год назад он бы лишь посмеялся над предложением поработать в компании, занимающейся вечной жизнью. Однако сейчас, после того как его вылечили всего электромагнитным облучением мозга, он готов был поверить, что даже решение такой задачи

возможно. Он понимал, насколько это важно и грандиозно. Оказавшись в одном шаге от смерти, Илья сильно полюбил жизнь. И если у них получится, то жизнь будет продолжаться если и не вечно, то всяко дольше отведённых природой лет.

В Сколково они поехали вместе со Светланой. На карточке с адресом, которую вручил ему Казанцев, было написано: приглашенный на две персоны. Его подруга сама выразила желание поехать с ним.

– Вдруг мне там понравится, – сообщила ему Света, – может, станем работать вместе.

– Хорошо бы, – радостно согласился Илья.

То, что они увидели на месте, поразило обоих. Такие высокотехнологичные лаборатории Илья видел только в американских фильмах. Мистер Большой Бизнесмен сам проводил экскурсию для трёх десятков человек, в число которых входили и Илья со Светой. Планы у Казанцева были поистине наполеоновские, а всяких дорогих «игрушек» закуплено столько, что впечатлились все присутствующие.

Особенно удивляло офисное здание: тут не было модных больших залов, где в маленьких загонах рассаживали людей. Наоборот, каждому отводили просторный кабинет с панорамным окном, современной удобной мебелью и навороченным компьютером.

Но ещё большее впечатление на Илью произвели серверные. Он даже пожалел, что в своё время выбрал стезю программиста, а не сисадмина. Конечно, у него в кабинете будет крутой компьютер, но в таких серверных железках он бы с радостью покопался.

Под конец прошла пресс-конференция, где несколько докладчиков рассказали, чем новая компания будет заниматься, и ответили на вопросы.

Неудивительно, что Илья со Светой отправились домой с подписанными трудовыми договорами, Светлане, конечно, ещё предстояло уволиться с прошлой работы. На этом сюрпризы не кончались, впереди их ждал переезд. Чтобы сотрудники не тратили кучу времени на дорогу, компания предоставляла им жильё в шаговой доступности. Правда, только в том случае, если они являлись действующими сотрудниками. Апартаменты компании оказались шикарными и больше старой хрущёвки Ильи.

— Знаешь, я вот вдруг подумала, — Света хитро улыbnулась, — повезло же мне с тобой столкнуться, вон как жизнь в гору пошла!

И они оба рассмеялись.

На следующий день Илья сделал Свете предложение, которое она приняла. И последний месяц вольной жизни они вдвоём провели в районе экватора на тропическом острове. Путёвку на остров неожиданно подарил их будущий работодатель. Такая щедрость с его стороны Илью даже немного настораживала. Конечно, есть просто добрые люди, но все же такие подарки просто так не делаются. Один он наверняка бы отказался, но была ещё Светлана, и соблазн отправиться с будущей женой в романтическое путешествие пересилил осторожность.

После возвращения они поженились, и жизнь как-то вошла в размеренную колею. К тому же оба с энтузиазмом погрузились в новую работу.

После столь яркого лета, осень и зима пролетели как-то необычно быстро за ставшим почти будничным бытом. В какой-то момент Илья вдруг обнаружил, что со Светой что-то не так, она стала какой-то грустной и раздражительной. Поэтому в начале майских праздников за завтраком он спросил её прямо:

– Света, что-то случилось?

Она замерла, затем быстро прожевав кусок хлеба, удивлённо спросила:

– С чего ты взял?

– Я же не слепой, вижу, что тебя что-то гложет в последнее время.

Светлана напряглась и, отведя взгляд, ответила:

– Ничего такого, работы просто много, устаю.

– Неубедительно, – произнёс Илья, и, вздохнув, добавил: – Если не хочешь, не говори, не буду на тебя давить, но я же не слепой.

Несколько минут они просто молча сидели, он вглядывался в её голубые глаза, словно пытаясь увидеть её мысли.

– Ладно, ты прав, – наконец сдалась Светлана, – всё равно придётся рано или поздно рассказать. Мой шрам внизу живота помнишь?

– Да, что с ним? – озабоченно спросил Илья.

– С ним ничего, это я в детстве на велике в забор въехала и доской проткнула, – она даже мрачно улыбнулась, – кровящи было...

Илью такая картина ужасала, поэтому он промолчал.

– В общем, Илюш, я тут к врачам женским ходила, из-за этой травмы я не смогу иметь детей, и никакая медицина не поможет, вот так вот.

Она словно сгорбилась и, взяв вилку, принялась задумчиво ковыряться в чашке с рисом.

– Света, – он встал, подошёл к ней, – ну ты не переживай, Свет, главное – мы есть друг у друга, а дети... Да я про них даже не думал.

Она прервала его, уткнувшись лицом ему в живот, и заплакала. Он гладил её по волосам, что-то ласково приговаривая...

Спустя двадцать лет этот эпизод казался таким далёким и ничтожным. За эти годы многое случилось в их жизни. Всё вокруг изменилось, как ни странно, в лучшую сторону. Нет, мир оставался прежним – где-то шли войны, кто-то голодал, но после нескольких эпидемий и мирового кризиса всё устанилось. Конечно, экономические шпильки никто не отменял, а речи некоторых политологов из телевизора изобиловали колкостями в адрес разных «партнёров», но в целом накал международных отношений спал. Однако все вооружённые конфликты гремели где-то там, в банановых республиках, а цивилизованный мир пребывал в тишине и покое, постепенно выбираясь из экономической ямы начала века.

Впрочем, политика Илью почти не интересовала, как и остальные новости. Он погряз в работе, лишь изредка выезжая со Светланой всё на тот же остров в Индийском океане. Это было их место, куда более красивое и спокойное, чем курорты Турции или Египта.

Последние пару месяцев они как раз жили на острове. Жизнь в Москве стала невыносимой, многочисленные журналисты поджидали их там буквально на каждом шагу. Началось это сразу после того, как их компания объявила о создании вакцины бессмертия. Пресса охотилась на всех сотрудников. Так как Илья и Светлана в последнее время возглавляли разработку, то им пришлось сложнее всего. К счастью, Казанцев взял ситуацию под свой контроль, отправив почти всех в бессрочный отпуск, пока всё не уляжется.

А началось всё с первого, ещё экспериментального, образца вакцины для человека. Испытания на животных прошли успешно, но кто будет тем первым, решившимся на прививку от смерти?

– Колите мне, – без всякой иронии или насмешки в голосе заявил Казанцев.

– Она же не опробована, нельзя идти на такой риск, – возразил Илья.

– На какой – такой? – поинтересовался Мистер Большой Бизнесмен и добавил: – Думаешь, гуманней найти бомжа?

– Нет, я... – Илья замялся, поняв, что его поймали в ловушку.

– Вот именно, если вы не уверены в вакцине, то её колоть нельзя, если же уверены – то в чём проблема? – справедливо осведомился Казанцев и, выдержав паузу, продолжил: – Я понимаю, что всегда есть риск. Делать подопытным кого-то и вас, значит потерять специалиста, который в случае чего сможет всё исправить. Меня не жалко, я лишь организатор, да и почти на пенсии. Если со мной что-то случится, вы просто продолжите исследования дальше. Мне почти семьдесят, я и так в любой момент могу отдать богу душу.

В конференц-зале повисла напряжённая тишина, было видно, что учёным очень хочется возразить, но они не знают как.

– Я за, – неожиданно нарушила затянувшееся молчание Светлана, – мы не сомневаемся в безопасности вакцины, а Андрей Игоревич вполне взрослый, и я уверена, хорошо понимает всю ответственность своего решения.

– Светлана Михайловна права, я в полной мере осознаю риски. Поэтому далее дискуссию считаю бессмысленной, в конце концов, это пока ещё моя компания.

Тогда Илья немного обиделся на Свету, они даже повздорили.

– Разве ты не понимаешь, как это опасно? – Илья нервно ходил по кабинету.

– А что может пойти не так? – спросила Света, сидя в кресле и наблюдая за мечущимся супругом.

– Он может умереть.

– Глупость, – она фыркнула, и, вздохнув, добавила: – Ты же прекрасно знаешь, что это безопасно, но нам нужно, чтобы подопытный грамотно описывал всё, что с ним происходит. Казанцев, конечно, не учёный, но он погружен в разработку и понимает, что и как мы делаем – идеальный кандидат.

– Согласен, но человек не обезьяна, наш мозг сложнее, результат может отличаться от испытаний на приматах.

– Я не говорю, что совсем не волнуюсь, – Светлана вздохнула, – риск есть всегда, но взгляни правде в глаза, сейчас он – идеальный вариант.

– Я знаю, – тихо ответил Илья, перестав ходить по комнате.

Неожиданно он понял, что дело уже даже не столько в Казанцеве, сколько в ней. Света вела себя так, словно что-то знала, словно была абсолютно уверена – это его почему-то тревожило, и он сообразил:

– Я боюсь.

– Мы все боимся, – понимающе ответила Света и, подойдя к нему, заглянула в глаза: – Но мы или идём на риск, или бросаем всё. Что ты выбираешь?

Он немного поколебался и ответил:

– Идём на риск.

Светлана улыбнулась и обняла его.

Когда Казанцеву ввели вакцину, он начал молодеть буквально на глазах. За неделю он уже сбросил лет десять, а через три выглядел уже моложе, чем при первой встрече с Ильёй.

– Я точно не стану младенцем? – с некоторой иронией в голосе спросил мистер Большой Бизнесмен.

– Определённо, вакцина полностью обращает вспять старение, возвращая организм в нормальное состояние,

а нормальным считается возраст где-то между двадцатью пятью — тридцатью годами, организм к этому времени перестаёт расти, — пояснил Илья.

— Очень надеюсь. Я, конечно, чувствую себя на все сто, но не хотелось бы снова пойти в школу, — Казанцев рассмеялся.

Убедившись, что с их боссом всё нормально, вакцину ввели всем сотрудникам проекта, и лишь после этого о ней сообщили всему миру. Что тут началось! СМИ встали на уши. Казанцев, как мог, отвлекал прессу и государственных чиновников на себя, а учёных отправил в отпуска, пока всё не уляжется.

Несмотря на такие «неудобства», они даже на тропическом острове чувствовали, как изменили мир. Простота изготовления вакцины была одним из основных условий. Поэтому мировой элите не удалось наложить лапу на разработку. Казанцев задействовал кое-какие связи, и новость про препарат бессмертия озвучивали, когда уже располагали тысячами готовых доз. Документацию по производству накануне отправили всем крупным фармацевтическим компаниям. Судя по новостям, их вакцина победоносно шествовала по планете. Не без проблем, конечно, где-то её пытались запретить. Некоторые поднимали протестную волну, выводя людей под разными религиозными лозунгами на улицы. Однако в основной массе люди сами шли в центры вакцинации, большинство привлекало даже не бессмертие, а то, что в течение месяца человек омолаживался. Кто же не мечтает снова стать молодым и красивым?

За полгода их затворничества на острове страсти улеглись, и Илья со Светой вернулись в Москву. Работы предстояло ещё много: улучшить формулу, убедиться, что она не вызывает длительных побочных эффектов. Люди все разные, поэтому были летальные случаи, в основном от анафилактического шока или обострения редких заболеваний. К счастью, в подавляю-

щем большинстве случаев, вакцина работала замечательно. Старики на улицах городов по всему миру становились большой редкостью. Конечно, некоторые индивиды противились вакцинации – кто-то из страха, кто-то из религиозных или идеологических соображений, но с каждым днём их число уменьшалось. Мир, хотел он того или нет, неожиданно изменился, и теперь даже самые умудрённые эксперты не могли предсказать, что будет через год или два, не говоря уж о десяти.

Помолодевшие Илья и Светлана, вернувшись к своей привычной жизни, как-то снова погрузились в работу, несмотря на то, что теперь у каждого на счету появились шестизначные суммы. Казанцев сумел извлечь из всего происходящего огромную прибыль и буквально озолотил сотрудников.

Жизнь на планете стремительно менялась. Не всё было гладко, несколько кризисов и потрясений чуть не вылились в глобальные войны. Однако большинству людей теперь было что терять, и все конфликты удалось решить мирно. Впрочем, политическая карта сильно изменилась. Одни страны распались, другие, наоборот, объединялись в союзы. Старые правительства вынужденно уходили в отставку под давлением общественности или революций. Социализм, окончательно сменив капитализм, шествовал по планете. Для молодого и бесмертного человечества он оказался более притягательным.

На праздновании столетия Ильи Светлана намекнула, что неплохо бы уже потратить немного времени не на работу, а на праздную жизнь. Денег им бы хватило лет на сто вполне роскошного существования. Он немного подумал и согласился. Пришло время отдохнуть, посмотреть мир, слетать на туристическую космическую станцию и просто насладится спокойной жизнью.

Лет тридцать они в полной идиллии путешествовали по планете. Илья уже не мыслил свою жизнь без Светы и благодарил судьбу за то, что она так удачно свела их когда-то вместе.

Проснулся Илья от острой боли, он даже вспомнил, что такие же пробуждения у него случались давно, когда он «умирал» от рака. Открыв глаза, он увидел сидящего возле его кровати Казанцева.

— Какого чёрта?! — Илья резко сел, Светы рядом не было.

— Не волнуйся, с ней всё в порядке, а вот с тобой нет.

Только сейчас он понял, что Мистер Большой Бизнесмен выглядел не как обычно, а постаревшим — таким же как при первой их встрече.

— Что происходит? — испуганно спросил Илья.

— Твоё время истекает, мы как могли оттягивали этот момент, но увы, твоё тело умирает от рака.

— Я не понимаю.

— Помнишь когда ты пришёл в «Медцифру»? — спросил Казанцев.

— Разве такое забудешь...

— Да уж, — мистер большой бизнесмен усмехнулся, — неплохо получилось, я боялся, ты и сам до всего додумаешься, но нет. Впрочем, это и к лучшему.

— Додумаюсь до чего?

— Ну же, Илья, ты ведь так долго работал над вакциной, неужели не понял, что лечить болезни электромагнитным воздействием на мозг невозможно.

— Я... — он задумался, а ведь и правда, он же как-то... — Я думал над этим, но решил, что либо ошибаюсь, либо что-то не понимаю, а Света тогда сказала не забивать голову и сосредоточиться на перспективном направлении.

– Светка молодец, повезло тебе с ней, а вот моя бывшая оказалась стервой, – Казанцев вздохнул и, мотнув головой, словно прогоняя плохие воспоминания, продолжил: – Прости Илья, но тебя тогда не лечили, твою болезнь вылечить было уже нельзя.

– Я не понимаю, как так не лечили? Я же...

– Ты, настоящий ты, – перебил его Мистер Большой Бизнесмен, – сейчас лежишь в лаборатории Медцифры, подключённый к специальной установке, разгоняющей мозг.

– Эм... – Илья смог только промычать в ответ.

– Ты же айтишник, знаешь, как разгоняют процессор компьютера, – начал пояснять Казанцев, – увеличиваешь частоту, и за одно и то же время процессор совершает больше операций. С мозгом примерно то же самое. В реальном мире прошло чуть больше полугода, а тут в виртуальной реальности пролетело столетие.

Словно в подтверждении слов бизнесмена стены сложились как картонные, и вокруг них оказалась чёрная пустота, словно дом висел в бездне.

– Хочешь сказать, вся моя жизнь, всё, что происходило, было ненастоящим... – почти шёпотом произнёс Илья.

– Да, разве что кроме меня и Светы. Она пришла к нам спустя пару дней после того, как тебя погрузили в виртуальную реальность, почти штурмом взяла кабинет директора и потребовала объяснений. Тогда вызвали меня, и мы с ней очень долго разговаривали. Твой мозг ещё не был разогнан, поэтому её удалось подключить безболезненно. Скоро вернёшься в реальный мир, и сам убедишься, что она всё это время была с тобой.

Несколько минут Илья просто сидел и обдумывал услышанное.

– А ты? Ты тоже всё это время был подключён? – спросил он у Казанцева.

– Нет, не совсем. Я электронный дубликат, живу тут уже давно, задолго до тебя, но вы привнесли в мою жизнь много смысла. До вас тут было одиноко, а потом мне понравилось играть роль бога, создавать для вас мир и примерять разные роли: коллег, соседей, врачей и так далее. Замечательный опыт, за который я вам очень благодарен.

– Но ты же говорил, что Света ворвалась к тебе в кабинет.

– Да, говорил. Это сложно объяснить, иногда мы синхронизируемся с реальным Казанцевым, он получает мои воспоминания, а я его, вначале было сложно – тяжело приводить мысли в порядок, но ко всему привыкаешь. То, что происходило с ним, можно сказать, происходило и со мной. Думаю, в обратную сторону это тоже работает, фактически он тоже всё это время жил с вами. Впрочем, мне трудно представить, как это всё укладывалось в его голове.

На некоторое время вновь повисла тишина.

– Тебе пора. Прощай, больше уж не увидимся. Передавай привет мне реальному.

У Ильи всё поплыло перед глазами, и он зажмурился от ударившего в глаза света, словно его чем-то приложили по голове.

– Спокойно, спокойно, всё хорошо, добро пожаловать обратно в настоящий мир, – услышал он, казалось, уже забытый голос лаборантки Татьяны.

Ему стало лучше и вернулось зрение, над ним стояли Светлана, Казанцев и лаборантка.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Света.

– Не очень, – медленно ответил он, чувствуя, как першит в пересохшем горле.

Ему подали стакан воды и вновь пересказали, что именно произошло. Потом Света ушла прогревать машину, и он остался с Казанцевым один на один.

– Как там мой виртуальный двойник? – спросил бизнесмен.
– вроде хорошо, передавал привет, – ответил Илья, одевая принесённую Светой одежду.

– Ты уж не сердись на остальных, поставить этот эксперимент было исключительно моей идеей, так что, во всём виноват только я.

– Да брось... – Илья стушевался и добавил, – те.

Это с другим Казанцевым он был на ты.

– За что я должен на вас обижаться? Вылечить меня всё равно не могли, а вы подарили мне целую жизнь, даже больше, чем я бы мог прожить, – произнёс Илья и улыбнулся.

– Что ж, я рад, что мой выбор пал именно на тебя, – бизнесмен подошёл, протянул руку и добавил: – Прощай Илья, мне жаль, я больше ничего не могу для тебя сделать.

– Вы и так много сделали, а с тем, что умру, я научился жить ещё тогда лет сто назад, – произнёс Илья, пожимая руку.

– Давай, иди, тебя Светлана ждёт.

На улице стояла морозная зимняя ночь. Света молча вела машину по заснеженным улицам.

– Куда мы едем? – спросил Илья.

– К Казанцеву на дачу, там большой дом, он одолжил нам, чтобы... – она осеклась, и он увидел, как её глаза заблестели от слёз.

– Ну что ты Света, всё в порядке, я же ещё жив.

Она не ответила, лишь нажала педаль газа, и машина, заурчав двигателем, помчалась по ночному шоссе.

На следующий день ему стало совсем плохо. Они сидели на диване в зале огромного особняка, Света прижалась к Илье и беззвучно плакала, он чувствовал это.

– Знаешь, я вот подумал... а ту вакцину бессмертия, что мы создали в виртуальном мире – её можно использовать тут?

– Можно, – всхлипнула она и торопливо стала вытирать слёзы, – симуляция была очень приближена к реальности, почти вся теория, по возможности проверялась в реальности, но на создание надо время, сначала синтезировать, а потом испытать. Мы уже думали над этим, но быстрее, чем через пару лет не выйдет.

– Жаль, мне никак столько не протянуть.

– Очень жаль, – всхлипнула Света, – я не знаю, как теперь буду без тебя, как мне без тебя воспитывать нашего ребёнка.

– Света?! – он встрепенулся, – но ведь ты же говорила, что детская травма и тот шрам?

– Да он не опасный, просто сельский фельдшер плохо зашил рану. А там я особо и не врала, в виртуальности я никак не могла родить ребёнка, вернее, может и могла бы, но он бы не был настоящим.

– Не знаешь, кто родится, мальчик или девочка?

– Мальчик, – ответила она, – назову Ильёй, в честь тебя.

– Расскажешь ему, что папка умер героем? – он вымученно улыбнулся.

– Шутник, – грустно ответила Света, и они замолчали.

Илья даже не заметил, как сполз со спинки и теперь лежал, ему было очень больно, не то от болезни, не то от открывшейся правды. Неожиданно он почувствовал, как Света гладит его по голове, ему сразу стало так хорошо, словно исчезли все ощущения и он сосредоточился только на прикосновениях её ладони.

Света сидела, плакала и гладила лежащую у неё на коленях голову Ильи, он уже несколько минут как умер, а она

всё не могла остановиться. У неё в мозгах всё перемешалось. Твёрдо она знала лишь одно – человек, принёсший в этот мир вакцину бессмертия, умер до того, как ей кто-то сможет воспользоваться. А ей надо жить дальше. Потому что впереди много работы: нужно похоронить Илью, наладить производство вакцины и, самое главное, воспитать их сына.

Всё же судьба подарила ей уникальный шанс. Да, её возлюбленный умер, но она успела прожить с ним целую жизнь. Сейчас для неё начиналась новая куда более страшная и пугающая реальность, ведь она осталась одна. Впрочем, это ненадолго и Светлана, прекратив гладить Илью, положила руку себе на живот.

Ольга Строева

«КУЗЬМИЧ»

От Кузьмича ушла жена. Взяла сумку с морщинистыми ручками и ушла. Нельзя сказать, чтобы она была чем-то недовольна. У кровати подкосилась ножка, и теперь в доме не осталось ни одной целой вещи. Ей показалось нескромным жить в сломанном мире, будто она была чужой. И она ушла.

Илья Кузьмич сломался давно. Его уволили с завода, где он трудился электриком. Выпускать было нечего, цех закрыли. Бывало, обнаружив разрыв трёхжильного провода, он возвращал ему утраченное единство, руки быстро работали сами, думать не приходилось. Теперь провода в груди так перепутались, что он никак не мог понять, где болит и можно ли это починить. Раньше внутри была тишина, поэтому он не знал, где находится душа.

Боль была несильной, похожей на боль горшка с погибшим цветком. Но Кузьмичу стало казаться, что он не живёт, а выполняет бессмысленную работу. Попробовал горькую, стало хорошо, но хватило ненадолго. Попробовал ещё раз. Пить пришлось постоянно – на это уходило всё время.

Потом сломался телевизор. Илья Кузьмич купил его лет тридцать назад. Сынишка спросил: «А почему у нас нет телевизора?» Илья Кузьмич пожал плечами, но через неделю вернулся после работы поздно, с большой коробкой. Немного над ней поколдовал – и вечером Павлуша лёг спать, как и все дети, сразу после «Спокойной ночи, малыши!» Долго не мог уснуть, переживая появление нового аппарата. На телевизоре теперь всегда лежала программа, детские передачи были аккуратно обведены рукой Кузьмича.

«Ну, погоди!» и «Трое из Простоквашино» подчёркивались красным.

Сломалось радио. Такое бывало – устройства затихали. Но Кузьмич сразу приходил им на помощь, и уже на следующий день Павлуша смотрел «Приключения Электроника», а жена варила ароматный суп с потрохами под «Трубку Мегрэ» Си-менона. Теперь и сам Кузьмич молчал, молчали и аппараты.

Телефон разбила жена. Уронила трубку, когда Кузьмич с подбитым глазом ввалился в дом и упал. Трубка тоже упала и замолчала. Жена подула в неё, но это не помогло. Было тихо – тише, чем когда прикладываешь к уху морскую раковину. Павлуша любил слушать море, которого никогда не видел.

Сломалась ли кофемолка, никто не знал. Внутрь ушла кнопка, её бы слегка подковырнуть, но Кузьмич пил теперь горькую, а жена кофе не любила. Кофемолку поставили на заваленный лишними вещами подоконник, за штору. Будто и не было её на белом свете.

Согнулся карниз, потрескался линолеум, в коридоре на циновке обнаружилась дыра. Сиденья стульев стали проваливаться внутрь. Иногда из такого стула было трудно выбраться – ноги смешно болтались сверху. Шкафы стояли с облупленными боками.

Когда в институт уехал сын, поломки участились. Или время пошло быстрее. Каждый день происходил несчастный случай то с ручкой двери, то с краном, то с обеденным столом. Вещи становились инвалидами. Кузьмич ничего не замечал, он смотрел внутрь, где до сих пор не мог обнаружить разрыв провода. На это уходили все силы.

А жена ничего не могла поделать. Она радовалась, что хоть кровать цела. Ночью видела сон, как поднимается по узкой тропинке в горы. Ей трудно дышать, за ноги хватают колючие лианы – из ссадин кое-где сочится кровь. Куда идти, она

не понимает, просто карабкается вверх. Вдруг она срывается, катится вниз. Длинные корни деревьев – она хватается за них и повисает над пропастью. Корни, когда она всматривается, превращаются в провода и начинают рваться – из них вылезает рыжая медь.

Может, кровать тоже видела этот сон? Она тяжело завалилась на одну сторону – ножка не выдержала. Жене показалась, что это подстреленная на войне корова. Она поправила покрывало и ушла. Взяла сумку с морщинистыми ручками и ушла.

Кузьмич не сразу заметил её отсутствие. Но через пару дней ему показалось, что в доме как-то тихо. Времени не слышно было, часы давно молчали. Стали слышны мухи. Часами кружили у липкого заляпанного окна, обнаруживая плотную тишину. Кузьмич подошёл к окну, чтобы убить мух. Но движения были неуверенными, руки трепетали, как крылья бабочки, ранились о сухое колючее алоэ.

Рядом стояла кофемолка. Смотрела на хозяина единственной запавшей кнопкой. Кузьмич протянул к ней дрожащую руку, слегка поддел – кнопка выпрямилась. Воткнул по привычке вилку в розетку – проверить. Несколько оставшихся зёрен запрыгали и превратились в пыльцу. Кузьмич открыл крышку – повеяло знакомым запахом утра перед работой. Он понял, что почти забыл вкус кофе. Вспомнил прежнее.

Сонный Павлуша ест бутерброд с маслом, жена перед работой жарит котлеты на обед, Кузьмич пьёт крепкий кофе без сахара. Потом полчаса на троллейбусе, проходная и целый день провода. Провода и его руки. Иногда ему казалось, что провода – продолжение рук. Стоило ему прикоснуться – медь внутри оживала, по ней бежали электроны, как кровь по сосудам. Сразу просыпались лампочки, фрезерные станки, прессы, гальванические ванны.

Руки Кузьмича щёлкнули кнопкой — газ не включился. Он аккуратно прочистил каждый штырёк, до блеска отполировал поверхность плиты, сварил кофе. Дрожь постепенно уходила, к рукам возвращалась память дела.

Пить кофе он отправился в комнату. Последняя табуретка сломалась на прошлой неделе, а диван, хоть и с неработающим механизмом, ещё позволял сидеть. Ободранные лакированные подлокотники валялись в углу. Мягкие подушки приняли в себя больную спину Кузьмича. Было приятно пить кофе, запах будоражил. И тут он увидел застывший телевизор. Почему он так долго его не замечал? Руки потянулись к аппарату — помочь. Кузьмич никогда не думал, руки всё делали сами.

Они нащупали больное место. Лампа перегорела. Кузьмич заменил её — рядом в тумбе до сих пор лежали запасные. Щёлкнул кнопкой — телевизор включился. Он вернулся на диван и стал смотреть. Парень прилетел в Америку, стал всех убивать. Спрашивает у американца, в чём сила. Оказывается, в правде, а не в деньгах. Что же это за правда, думает Кузьмич, ради которой всех подряд убивают? Подошёл, нажал другую кнопку. Террористы-смертники захватили четыре самолёта. Два из них они направили в башни Всемирного торгового центра в Нью-Йорке. Третий самолёт врезался в здание Пентагона. «Неладно с этой Америкой», — подумал Кузьмич и переключил канал. Передача называлась «Очумелые ручки».

Он посмотрел на свои руки — они очумелые или нет? И хорошо ли иметь очумелые руки? Стало интересно. На экране из сковороды сделали часы. Перевернули посудину вверх дном, покрасили в красный, просверлили по центру дырку для часового механизма и стрелок. Приделали цифры-наклейки, шнур и повесили на стену. Кузьмич любовался чужой работой, потирал уставшие от покоя руки. Внутри кололи кусочки разорванных проводов, не больно — 30 вольт, не более,

определил Кузьмич. Как в детстве, в предвкушении скорого счастья. Захотелось сделать что-то большое и нужное.

Руки потянулись к люстре. Она мигала последние полгода, потом тихо погасла. Чтобы достать больное место, пришлось починить табурет. Три удара молотком — и вывих вправлен, ножка встала на место.

Наконец Кузьмич добрался до раны. Нарушен контакт. Это как у человека перерублен нерв, и тело уже не подчиняется мозгу. Кузьмич оголил концы проводов, скрутил, а сверху наложил бинт — изоленту. Лампочка загорелась, как будто улыбнулась. Кузьмич тоже заулыбался в ответ. С высоты оглядел комнату, погрустнел. Везде было страдание. Только лампочка радовалась, но виновато. Неудобно быть счастливой, когда вокруг столько горя. Счастье обнажает горе.

Руки забеспокоились, начали перебирать вещи. Покосившийся карниз, сломанный ящик комода, утюг с вываленными внутренностями, шатающийся стол, тихая магнитола, ночник с расплавленным проводом, трехногая кровать, стулья с дырками вместе сидений, болтающиеся ручки, развалившаяся полка, остановившиеся часы с мёртвой кукушкой, подтекающая батарея. Хотелось помочь, коснуться — чтобы жили. Иных пришлось похоронить в мусоропроводе: сгоревший чайник, расколотую сахарницу, сгнивший коридорный коврик, газеты с запахом селёдки, искромсанный веник, свору бутылок. Кузьмич слушал, как они падали с шестого этажа, будто прощались, кто шелестом, кто гулким ударом азбуки Морзе.

Когда, обедневший, вернулся домой, тоскливо рвануло — жена ушла. Несмотря на порядок, жизнь в дом не возвращалась. Кузьмич вдруг устал. Он не знал, что делать дальше. Остался только телефон. Надо ли его чинить, да и для чего? В этом доме уже давно никому не звонили. Казалось, и диск-то уже не повернётся.

Кузьмич для интереса набрал знакомый номер. Аппарат с готовностью крутился, но звука не было. Где-то замыкает. Кузьмич взял отвёртку и быстро, как хирург, добрался до сердцевины. Так и есть – перепутались контакты рычажного переключателя. Руки колдовали над машиной, сам Кузьмич думал о том знакомом номере.

Как давно он его не набирал. И не вспомнил бы, если б не руки – сами повернули диск. А что если звонок на том конце провода услышали? И как там теперь, на том конце? Нет, сломанный аппарат не мог передать сигнал. Хотя чего только с техникой порой не случается. Кузьмич вспомнил несколько случаев чудесного исцеления безнадёжной машины. Ему раньше приносили отказников – их не брали ни в одной ремонтной мастерской, а руки Кузьмича делали невозможное. Долгие годы потом пацан ездил на своём мопеде, грустная домохозяйка выплакивала горе стиральной машинке, а сосед гнал особую жидкость, которая заменяла ему кровь.

Окна смотрели чёрным. Кузьмич, вздохнув, лёг спать. Перед глазами появлялись то жена, то сын. Думал о том конце провода. Надо же, почти край света, а поди ж ты – связаны проводами. Всё на свете связано проводами, электричеством – считай, энергией. Сын-то уж вырос поди. Какой он теперь? Может, с бородой, как я. Кузьмич усмехнулся, представив Павлушу, тоненькую тростиночку, с развевающейся по ветру бородой. Внутри было неудобно.

Утром Кузьмич всё не мог встать – ему казалось, что надо ещё что-то починить. Вот комбайн, только вгоню в него шуруп, и жена сразу примется готовить вкусную, уютную еду. Но во сне никак не получалось найти шуруп, он всё время куда-то закатывался. «Павлуша, – кричал Кузьмич, – посмотри на полу – он же только что здесь был». Но Павлуша всё не приходил, какие-то люди в коридоре не пускали его. Кузь-

мич стонал во сне. Жена смотрела на него грустными молчаливыми глазами.

Он не сразу понял, что звонит телефон. Потом ему казалось, что звонили час, не меньше. Наконец он выбрался из бездны, сел. Телефон звонил. Долго морщил лоб, вспоминал исчезновение жены и вчерашний день. Телефон не унимался. Как будто наблюдая за собой в кино, подошёл к телефону и, как будто в этом не было ничего необычного, сказал просто: «Алло!» Взял трубку и сказал.

— Пап, ты звонил? Был какой-то звонок, а потом тишина в трубке. Я подумал, вдруг ты. Всю ночь вспоминал всякое... Помнишь, как ты мне самолётик сделал, почти как настоящий, на радиуправлении? Ни у кого такого не было. Все ребята завидовали. Или как мы с тобой скворечниками увешали лесок около мастерских? Думали ещё, понравятся скворцам наши домики или нет. С мамой ходили проверять — понравились, ни одного пустого! Да-да, и про робота помню, он ещё норovil вместо мусора мои тапочки зажевать... Слушай, мы тут подумали... Через месяц к тебе вылетаем. Ты не волнуйся, мама у нас. Илюша родился, она нам помогает. Вот месяц ему исполнится, и мы к тебе. Он у нас богатырь, весь в деда. Не хандри! Скоро увидимся!

Кузьмич какое-то время вертел в руках трубку, потом медленно положил на место. Двигаясь, как будто понарошку, достал ящик с инструментами. Откуда-то вытащил кусок фанеры. Богатырь... Богатырю конь нужен!

И наглое солнце залило лучами пол, стол, стены, руки Кузьмича, самого Кузьмича, торжествуя победу.

Павел Гершгорин

«СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА, МЭРИ КРИСТЕНС!»

— Вот и всё, — выдохнул мужчина в костюме Санта-Клауса, обведя взглядом всё вокруг и убедившись, что желающих воспользоваться его услугами не осталось. Он собрался было вставать, чтобы пойти наконец домой. Но тут до него донёлся дикий детский вопль, который он слышал последние две недели.

— Санта, Санта — разрывалась маленькая рыжая девочка, вырвавшаяся от родителей и бегущая к нему со всех ног. Да, он понимал её радость, хотя не мог её разделить. Для неё он был воплощением праздника, главным атрибутом Рождества, даже главнее ёлки. Но для себя он был последним неудачником, сидящим 2 недели в году в этом бутафорском кресле, а остальную часть года... просто неудачником.

Потрёпанный красный костюм не давал его коже дышать. С каждым днём он всё больше пропитывался потом, так как в помещении было жарко, а постирать его он не мог, так как за ночь он ни за что не высохнет. Когда-то давно, семь лет назад, в год его сантовского дебюта, жена постирала костюм, после чего его чуть не уволили. Он не смог выйти на работу, так как костюм был насквозь мокрый, хотя и провёл ночь возле радиатора. С тех пор он каждый год обещал себе купить запасной, но так и не сделал этого. Как не нашёл и достойную работу взамен подобных подработок, хотя тоже обещал.

— Хо-хо-хо! Как тебя зовут, малышка? — спросил он бесцеремонно плюхнувшуюся к нему на колени девочку. Тем

временем его напарник засовывал в мешок Санты подарок, купленный её родителями.

– Меня зовут Джоана, – весело отрапортовала та.

– Какое красивое имя: Джоана! Ты хорошо себя вела весь этот год, Джоана?

– Да, Санта!

– Вижу. Так значит ты заслужила подарок. Что бы ты хотела, Джоана?

– Папа с мамой обещали, что ты подаришь мне новую куклу.

– Так и есть. Гуилфи! – намеренно басовито прокричали губы Тома. – Где мой мешок? Я должен отдать Джоане её подарок.

– Вот он, – протянула красный мешок из-за кресла длинная рука высоченного человека в костюме эльфа.

Санта взял мешок, засунул в него руку и неспешно извлёк оттуда довольно объёмную, хотя и ничтожную по весу коробку с куклой. Она была облачена в красивое голубое платье, хотя в остальном ничем не отличалась от сотен подобных ей, ежедневно проходящих через руки Тома.

– Какая красивая! Спасибо, Санта! – девочка приняла коробку и вся светилась от счастья. «Интересно, сколько кукол ты сменишь до следующего Рождества», – подумал Том, глядя на ребёнка. Но вслух сказал:

– Пожалуйста, Джоана. Ты весь год была хорошей девочкой и заслужила свою куклу. С Рождеством тебя! Встретимся в следующем году!

Девочка соскользнула с его коленей и с гордостью припустила к родителям. Те, в свою очередь, с показным удивлением принялись изучать свой же подарок. «Неужели дети не видят, насколько нелепо выглядят их родители? Наверно слишком увлечены своими подарками. Или просто ещё не научились отличать настоящие эмоции от наигранных. А играют

их родители из рук вон плохо. Впрочем, ладно, это их проблемы», — успел провести внутренний монолог Том.

— Гил, сворачиваемся? — обратился он к великану в костюме эльфа.

— Давно пора. Все уже сидят за столами. Передавай привет Марии, Том.

— Хорошо. Ты тоже своим.

— С Рождеством, Санта, — похлопал его по плечу человек в костюме эльфа.

— С Рождеством, — нацепил на себя улыбку Том и сразу же подумал, что в своём лицемерии ничем не отличается от родителей тех детей, которым дарил подарки последние две недели. Ох уж этот этикет.

Больше, чем носить этот дурацкий костюм на себе, он не любил носить его с собой. Поэтому и на работу и с работы всегда ходил прямо в Санта-экипировке.

На улице порхали мелкие снежинки, неспешно покрывая всё вокруг белой пеленой. Лёгкий мороз позволял наслаждаться праздничной атмосферой, не отмораживая нос, и Том невольно замедлил шаг. Воздух словно сам наполнял лёгкие. Дышалось приятно и свободно, как в детстве, когда всё было таковым.

Сам того не замечая, он свернул со своего обычного маршрута и попал в переулок, в котором не бывал много лет. Этот путь был короче, но это было его единственное преимущество. Почему-то именно в этом переулке всегда было грязнее, чем в любой другой точке города. Почему-то именно здесь постоянно не работало уличное освещение, да и если работало, будто сами стены поглощали свет, освобождая пространство для тьмы.

Здесь и в обычное время было сложно встретить кого-либо, а в такой день и подавно. Кажется, за последние 24 часа в этом переулке не ступала нога человека. Собственно, отсутствие следов на свежем снегу говорило именно об этом.

Огибая последнее здание, отделяющее его от дороги, Том услышал какие-то едва уловимые звуки, доносившиеся с торца дома. Это был детский приют. Старое кирпичное здание, полностью вписывавшееся в местный угрюмо-мрачный антураж. Из-за забора доносился детский плач. Ничего удивительного, учитывая специфику заведения. В любой другой день Том прошёл бы мимо даже не задумываясь, но в этот раз ноги сами понесли его к забору.

Ограда была невысокой, и взрослому человеку не составляло особого труда бросить взгляд поверх неё. В открытом окне первого этажа плакала девочка. Точнее, силуэт девочки, подсвеченный из глубины комнаты тускло горящим ночником.

– Привет, девочка! Почему ты плачешь? – машинально среагировал Том, успев подумать, что лезет не в своё дело.

Но силуэт продолжал слезливо скулить, не обратив на его вопрос ни малейшего внимания.

– Девочка! Девочка-а-а! – не унимался он уже более настойчивым и громким голосом.

Реакция та же.

– Да к чёрту! – плюнул в сторону Том и хотел было развернуться, чтобы продолжить свой путь, но ноги не послушались его. Он стоял как вкопанный не в силах пошевелиться. Но тут ноги пошли дальше во всех смыслах. Спустя секунду, сезонный Санта оказался по ту сторону забора.

– Ладно, – вздохнул Том и осторожно направился к зданию. Подойдя ближе, он разглядел белокурые волосы, спадавшие на хрупкие плечи. Лицо было закрыто аккуратными ладонями, тонкие пальцы которых регулярно вздрагивали от всхлипываний.

– Девочка, ты меня слышишь? – в очередной раз вопрошал Том.

– Конечно, слышу, – прорвались через сжатые руки сдавленные слова девочки.

- Так почему не отвечаешь?
- Потому что не хочу.
- Что случилось? Всё хорошо? – немного растерянно продолжил мужчина.
- Конечно, хорошо. Всегда плачу, когда всё хорошо, – язвительно прошептала девочка, открывая раскрасневшееся от плача лицо.
- Ясно. Я могу тебе чем-то помочь? – сухо спросил Том, ещё раз убедившись в нелепости своей затеи.
- Санты не существует. А если бы и существовал, то Вы – точно не Санта.
- Но если всё-таки предположить, что я Санта, что бы ты хотела? – предпринял он последнюю попытку, показывая взглядом на почти пустой мешок.
- Точно не одну из кукол, которые в этом мешке.
- Хорошо. А что тогда? Я могу вернуться завтра с другим мешком, – улыбнулся Том.
- Санта приходит только раз в год.
- Я сделаю исключение для тебя.
- Даже Бог не смог исполнить то, о чём я прошу. А я делаю это каждый день уже целый год. Сомневаюсь, что это под силу Санте. Тем более ненастоящему.
- Целый год? Ого! Так что же это?
- Мои родители, – нерешительно прошептала девочка после паузы.
- Родители? А где они? – боясь услышать ответ, спросил Санта.
- Там, – показала девочка ввысь.
- Мне жаль. Как это произошло?
- На прошлое Рождество родители ехали за мной к бабушке, у которой я тогда гостила. Я так ждала их. Думала, они забыли про меня. А они попали в аварию и разбились. После

этого заболела бабушка. И тоже умерла. Теперь они там. А я здесь, — с новой силой разрыдалась девочка.

— Мне действительно очень жаль, — выдавил из себя Том, у которого ком подступил к горлу.

— Куклой тут действительно не обойтись, — подумал он.

— Кажется, я знаю, чем тебе помочь. И завтра же я это сделаю, обещаю — воодушевлённо провозгласил мужчина.

— Правда? — подняла глаза девочка.

— Конечно, — твёрдо ответил Том. Но он не знал. Не знал, чем помочь. И тем более не знал, зачем эту самую помощь обещает.

Девочка чуть заметно улыбнулась, но от этого едва уловимого движения губ, переулочек будто бы стал светлее, а здание не таким ветхим. Да и жизнь в целом показалась не такой уж безнадёжной.

— Ты вся дрожишь, иди грейся, холодно же, — с жалостью посмотрел на неё Том.

— Хорошо. Тогда до завтра?

— До завтра, — он уже дошёл до забора, но тут кое-что вспомнил. — Малышка, как тебя зовут?

— Мэри. Мэри Кристенс, — на секунду вновь приоткрыла окно девочка и наконец, окончательно закрыла.

— Мэри Кристенс, интересное имя. Чудесное. Как и сама девочка. Что же мне с тобой делать, Мэри Кристенс? — рассуждал вслух Том.

Погружённый в свои мысли, он не заметил, как оказался на пороге своей квартиры.

— А мы тебя уже заждались, милый! Энн и Гил предположили, что олени приняли тебя за настоящего Санту и уволокли на Северный полюс, — встретила Тома жена.

— Извини, Мэгги. Возникли неотложные дела, — оправдывался он.

– Ну, конечно. Ты же Санта. Наверно плохая девочка хотела заполучить подарок, а ты ей не давал его? – подмигнула жена.

– Вроде того, – проямлил Том.

– А вот и наш Санта, – раздались голоса из-за спины Мэгги.

– Привет, Питерсоны! Рад вас видеть!

Том переоделся и присоединился к застолью. Все оживлённо что-то обсуждали, много и громко смеялись. Бывший Санта старался поддерживать разговор, уделяя ему ровно столько сил и внимания, чтобы не выпасть из него. Главные же силы его мозга были брошены на решение совсем другой задачи.

– Что с тобой сегодня? Где ты витал весь вечер? – негодуяще спросила Мэгги мужа, как только гости вышли за порог их квартиры.

– Прости, просто сегодня со мной случилась история, которая не даёт мне покоя.

– Я должна это знать?

– Не уверен.

– Тогда рассказывай...

На следующее утро Том с женой стояли на пороге приюта. Полночи они обзванивали друзей и знакомых, живущих неподалёку, с просьбой о помощи. Кто-то называл их сумасшедшими, кто-то ссылался на занятость. Но большинство, на удивление, откликнулись. И теперь эта рассредоточенная горстка добровольцев пряталась за деревьями, заборами и мусорными баками. В руках у них были воздушные шарик, плакаты с надписями «Счастливого Рождества, Мэри Кристенс» и пакеты с угощениями.

– До сих пор не верю, что мы это делаем. Но я горжусь тобой. Ты – молодец, – не смогла скрыть Мэгги своего восхищения мужем в тот момент, когда тот нажал на кнопку звонка.

– Я бы хотел, чтобы мы взяли её себе, – быстро и серьёзно ответил ей Том.

У его жены округлились глаза, и она хотела было что-то ответить, но послышались приближающиеся шаги. Дверь отворилась. Перед ними стояла невысокая, чуть полноватая женщина лет сорока пяти.

— Доброе утро! Чем я могу вам помочь? — учтиво обратилась она к ним.

— Доброе утро! Меня зовут Том, а это моя жена Мэгги. Мы хотели бы увидеть одну из воспитанниц Вашего заведения. Её зовут Мэри Кристенс.

— Мэри Кристенс? А других девочек посмотреть не хотите?

— Спасибо, но нет. Мы пришли именно к ней.

— Что ж, тогда вынуждена вас разочаровать, но девочки с таким именем в нашем заведении нет.

— Этого не может быть. Вчера вечером я виделся с ней лично на заднем дворе этого дома, — возмутился Том.

— Не знаю, с кем Вы там виделись. Я работаю в этом приюте почти двадцать лет. И если не брать первые два года моего пребывания здесь, когда я была абсолютно уверена, что вскоре найду нормальную работу, и потому не интересовалась именами детей. Так вот, за последние восемнадцать лет девочки с таким именем в этом приюте не было.

— Но я был здесь вчера и разговаривал с ней так же, как сейчас с Вами.

— Мне нечего больше добавить. Что-нибудь ещё?

— Нет. Извините, — подавленно проговорил Том.

— А вдруг она представилась чужим именем? Может, стоит попробовать найти её по внешности? Ты помнишь, как она выглядела? — поспешно вмешалась Мэгги.

— Да, конечно, — очнулся её муж. — У неё очень светлые длинные волосы. Маленький нос. Глаза большие, выразительные, кажется, светло-зелёные. На ней было синее платье, по-моему, в белый горошек.

– Боюсь, мой ответ остаётся прежним. Все девочки ходят в одинаковой чёрно-белой форме. Да и блондинок у нас нет.

– Спасибо, – произнесла Мэгги, осторожно повернув голову в сторону мужа. Тот стоял понурившись, не понимая, что происходит.

– Почему вы ищете её с таким рвением? – внезапно проявила интерес Работница приюта.

– Я пообещал ей кое-что. Хотел устроить небольшой праздник, – показал Том на выглядывающих из засады друзей.

– У нас нет Мэри Кристенсен, но есть много других замечательных девочек. Да и мальчиков тоже. Вы можете устроить праздник для них. И я говорю не про ваши подарки. Они будут рады гостям. Даже если вы просто уделите им несколько минут своего времени, – предложила женщина.

Том и Мэгги переглянулись.

– Как Ваше имя? – обратился к женщине Том.

– Натали.

– Натали, спасибо за приглашение. Могу я обсудить это со своими друзьями?

– Конечно, можете и их позвать, места на всех хватит.

Том спустился со ступенек. Его сразу же взяли в кольцо и после недолгих объяснений вся компания направилась к дверям приюта.

Внутри за большим столом сидели детишки разного возраста. Их лица выглядели всё более удивлёнными с каждым вошедшим взрослым.

– Дети, у нас сегодня гости. Поздоровайтесь, – обратилась к ним Натали.

– Здравствуйте, – неровным хором ответили те.

Натали попросила старших ребят принести дополнительных стульев, но мест всё равно на всех не хватило. Кто-то из детей уже сидел на коленях у взрослых. Кто-то умещался

на одном стуле вдвоём. Да и это уже было неважно. Всем было хорошо и весело, хотя и те и другие впервые обедали подобным образом.

Неожиданно для себя, взрослые тянулись к детям не меньше, чем те к ним. Вот Робинсоны познакомились с сорванцом Саймоном. Он был вылитый Джон, их сын, которого они потеряли пару лет назад. Хотя, на самом деле, у них не было ничего общего. Но Саймон настолько гармонично смотрелся рядом с ними, что никто бы не посмел усомниться в отсутствии родства между ними.

Или малышка Люси и Хольцгеймеры. У них никогда не было ребёнка. Да что уж там, скорее всего, никогда бы и не было. Но если бы был, то точно девочка. И звали бы её точно Люси. И веснушек у неё было бы ровно столько же. И щербинка между зубами такого же размера, не меньше.

Нашли свою родственную душу и Том с Мэгги. Это была скромная и тихая девочка. Самая младшая из всех. Едва начавшая говорить. Но уже готовая называть их папой и мамой. И так и будет, ведь Рождество же. Для этого его и придумали.

А в окно за этим всем наблюдала девочка. Белокурая, с большими глазами и в платье в горошек. Убедившись, что всё идёт хорошо, она улыбнулась, отскочила от окна и кинулась за угол дома. Быть может, это была сирота из этого приюта, действовавшая по хитроумному плану воспитательницы Натали. Или ангел-хранитель, спускавшийся с небес раз в год, с целью помочь как можно большему числу людей. В конце концов, перевоплотившийся Санта-Клаус, которого за углом ждали олени. Или Мэри Кристенс и вовсе не существовало. Как знать...

Райдо Альгиз

«СТРАШНЫЙ СОН МАРЬИВАННЫ»

– Извольте просыпаться, голубушка!

Марьиванна сладко потянулась в широченной, два на два, кровати, накрахмаленная простынь тихонько хрустнула ещё не примятым участком. Солнечный свет щедро лился в панорамное окно, было сравнительно рано – часов одиннадцать. Марьиванна разлепила припухшие со сна веки и взглянула на источник разбудивших её звуков – мягкого, деликатного похрюкивания.

У кровати стоял лысый чёрт с криво обломанными рогами, в лёгком белом передничке и кружевных панталонах цвета революционного кумача. Верхние конечности его ловко удерживали накроватный столик с резными ножками, явно чем-то сервированный.

– Просыпайтесь, голубушка, вот вам кофий в постелю, эчпочмаки, пирожки с яблочками. Могу ещё нут принести, наисвежайший, горячий, оливковым маслом заправленный. Кушайте хорошо, сегодня у вас длинный день, работы много. Но вы не переживайте, кофебрык каждые два часа по 10 минут и три ночных ужина – все условия для продуктивной работы.

Марьиванна слегка прифигела и окончательно проснулась. Но из ступора ещё не вышла. А чёрт уже поставил перед ней столик с яствами, а сам хлопотал, выкладывая на стул с высокой спинкой странный набор предметов.

– Экипировочку вот принёс: верхонки новой модели, до локтя, непромокающие, снабжены когтями. Фартушек под горлышко, плотненький. Сапожки кирзовые, со шпорами – для флезиру... ах, вы поди недоумеваете, какой-такой

блин-нафиг флезир, простите великодушно, увлѣксЯ. Касочка вот оранжевенькая с забралом просрачным, чтоб в морду лица, значица, не брызгало. Всѣ предусмотрел, обо всѣм позаботился! Ежели чего не хватает для полного комфорта – только намекните, я мигом. Вы уж поставьте мне пять звѣздочек, личный рейтинг, знаете, приходится печься.

К этому моменту Марьиванна уже сильно заподозрила, что труды предстоят отнюдь не писательские, да и «экипировочка» явно намекала на что-то нехорошее. Что-то было в ней такое, не садово-огородное.

– О каких трудах идёт речь, позвольте уточнить? – неожиданно для себя Марьиванна перешла на высокий штиль.

– Так бошки отрывать, обыкновенное дело. У нас всѣ по регламенту, никакого харасмента и прочих безобразий, не извольте беспокоиться. Только и строго бошки, – чѣрт шаркнул копытцем и подобострастно вылупился, приостановив экипировочное хлопотание.

– Никакие бошки я отрывать не буду! У меня договор с Мирозданием! Хоть стреляйте, хоть в котѣл, хоть на сковородку – не буду и точка. Русские не сдаются! – Марьиванна сидела на кровати грозно всклокоченная, полная решимости и праведного гнева. Лысый визитѣр слегка присел за спинку стула, на всякий случай, мало ли, вдруг столик полетит. Но ничего не полетело, только суровое пыхтение выдавало крайнюю степень дамского возмущения. Чѣрт не стал дожидаться, пока это возмущение перейдѣт в активную фазу, и снова нарисовался в прикроватном пространстве, шустро тыкая в экран смартфона.

– Стрелять, котѣл, сковородка – это как пожелаете, всѣ в лучшем виде, но только в нерабочие часы. У нас с организацией труда и отдыха полный порядок, будьте покойны. Всѣ по условиям договора, все плюшки. У нас ведь с вами тоже договор, это вы спросонья запомятавали маненько, ну быва-

ет, бывает. Сладко спалось значит, постельное новое, комнату проветриваем, кровать не скрипит?

– Нет у меня с вами никого договора! Нет и не будет никогда! Разве только ваши бошки поотрывать...

– А пожалте, – чёрт услужливо наклонился, оборвав почти родившуюся фразу, – все так все, верхоночки подать? Вот и проснулись, голубушка, вот и припомнили. Я уж было забеспокоился. Рейтинг, знаете ли, такое дело...

Смутное сомнение шевельнулось в мозгу опытного бойца за мир. Смутное и неприятное.

– Покажите мне договор!

Чёрт сунулся под кровать и вытянул толстую амбарную книгу.

– Вот, запись от 19... года ...бря ...числа... часов ...минут. «За дело мира всем бошки поотрываю», устный договор. Подтверждён 52 раза в разное время, всё зафиксировано, каллиграфическим почерком с соблюдением правил орфографии и пунктуации. Письменных подтверждений 128, все скрины и ксерокопии в Приложении.

Марьиванна обмякла, рука машинально потянулась к пирожку, но просто опустила на столик.

– А я ведь к вам с подарком! Вот, контора поздравляет с юбилеем, за выслугу лет – именной предмет! – чёрт радостно протягивал новёхонькую сапёрную лопатку с непонятным логотипом.

– Лопатка-то мне зачем? – обречённо протянула потухшая взглядом Марьиванна.

– Как зачем? Бошки-то, они ж не у всех легко отрываются, иногда и подсобить надоть, лопатка сильно способствует. Да вы посмотрите, мастеровой инструмент, лазерная заточка, черенок из палисандра, логотип – инкрустация ценными породами дерева, между прочим!

Марьяванна присмотрелась к логотипу. Это был сильно стилизованный её портрет с надписью в духе граффити Zadella Mirha.

– Пойдите-ка, что вы там про выслугу лет? Какой юбилей, у кого?

Но в комнате уже никого не было. Лишь божественный аромат кофе разливался из большой кружки, недвусмысленно намекая, что на ковид можно не жаловаться.

Рита Мурз

«СОЛНЦЕ НАД ЗЕМЛЕЙ»

Какое же удовольствие я получаю, когда вожу по холсту вымоченной в скипидаре тряпкой. Краски смешиваются, из них рождаются фантастической красоты разводы, которые после уплывают и исчезают навсегда. Было бы больше скипидара, делал бы так чаще. Но товар дефицитный, приходится экономить.

Надо прилечь. Я падаю на кровать, а в голове пусто, как в шлеме космического костюма. Может в отпуск слетать на Марс. Нет, лучше на Центавру, там кормят вкусно. А на Пандоре красивые закаты, только опасно бывает. Есть ещё Лебедь, там отели пять звёзд и бассейн. Господи! Да, о чём я думаю. Кто же меня отпустит?!

Какое странное слово: «господи». Интересно, что оно значит?

Пойду выпью кофе. Я спускаюсь по лестнице, на кухне никого, общежитие будто вымерло. А, пустая голова! Сегодня на станции какое-то совещание. Вопрос настолько важен, что члены научного сообщества вместе с политическими лицами забаррикадировались в большом кабинете и никого туда не пускают, а самое главное, кое-кого не выпускают. Интересно, что решают? Наверное, демографический вопрос людей, а то нас скоро уже можно будет в Книгу Вымерших Видов вписывать.

Кофемашина выплюнула в мою кружку горячий напиток неопределённого цвета: то ли зелёный, то ли голубой с примесью коричневого. Но на вкус неплохо, особенно если нет альтернатив. Всё лучше, чем молоко с Кибелы. Коровы там ужасные и молоко такое же дают.

О, печенье. Вот Марьяша умница.

Не успел я откусить кусок от печенья, как на кухне появилась сама Марьяша. Ведьма, красивая, но ведьма, только на пылесосе не летает. Интересно, а это вообще возможно?

— Опять кризис? — спрашивает она меня. Вот где справедливость? Марьяша — представитель вымирающего человечества, ладная, складная, умная и проницательная. Могла бы стать спасительницей вида, детки-то у неё будут какие милые. А замуж за гуманоида вышла. И имя у него странное — Валя. Хотя, где-то я слышал, что имя это с Земли пришло, а теперь так только гуманоидов и называют.

— Кризис, — киваю я.

— Развеешься бы тебе, — Марьяша улыбается. Ой, не нравится мне твоя милая мордаха. Задумала что-то.

Рядом со мной возникает Женя. Какое же дурацкое выражение принимает моё лицо на его черепе. Угораздило же меня родиться с братом-близнецом.

— И у вас есть предложение? — спрашиваю я, Женя не просто так пришёл, он уговаривать меня будет, если у Марьяши не получится.

— Есть, — ответила Марьяша. Она выдержала паузу, сверля меня озорными глазками. Создавать интригующее напряжение она умеет. Не затягивая молчания, Марьяша выдаёт:

— Открыли Землю.

Вот тебе и новость! Радость пришла с неожиданной стороны. Но рано пробивать головой потолок, нужно выяснить детали. Поэтому я, изо всех сил сохраняя суровое выражение лица, спрашиваю:

— Откуда информация?

— Со станции, — отвечает Женя. — Валя передал. Сам выйти не может.

Ну, это и понятно, узнают в широких кругах, на Землю тут же налетят. И ладно мы, герои-спасатели, а ведь есть ещё пираты, которые Землю обчистят, и концов не найдёшь.

– Так, но куда лететь? Земля-то большая?

– Есть координаты, – Марьяша вся заблестела от радости.

Э, нет, я ещё поломаюсь, у меня сегодня выходной, и жизнью я рисковать не собирался. Но, видать, придётся.

– А где гарантия, что по этим же координатам Бука не полетит, а? Я с ним связываться не хочу.

Он самый противный пират, наверное, во всей вселенной, и хрюкает смешно, а потом дерётся больно.

– Не полетит, – отвечает Женя. И откуда в нём столько уверенности? – Про этот бункер только мы знаем.

Вот это уже интересней. Координаты бункеров хранились в секрете, и никто уже и не знает, были ли бункеры или это только байки для таких мечтателей, как мой братец.

– И даже если полетит, – подхватывает Марьяша. – Часов на пять опоздает.

– Ха, ха и ещё раз ха, – смеюсь я. Выдумщики. У Буки корабли новые, пушечки с самонаведением и информаторы покруче, чем Валя.

– Граница открылась, Бука уже знает и корабль готовит. Как Бука опоздает? – спрашиваю я.

– А вот так, – Марьяша закинула в рот печенье. – Границу откроют только в двенадцать. Валя передал мне зашифрованную записку. Пока Землю не откроют, все работники станции будут сидеть внутри. Информация не выйдет.

– Уже вышла, – говорю я. Кофе остыл и стал противным.

– От Вали вышла, – возмутилась Марьяша. – Больше он ничего не пропустит.

– Да-да, – киваю я. – Начальник службы безопасности съест любого нарушителя.

– Мы первыми будем, – Женя начал говорить тоном бывалого заговорщика. – Первые люди на Земле. Мы вернёмся домой.

– А что там, дома? – спрашиваю. Столько времени прошло, там уже ничего и не осталось. Даже если в бункерах что и было, всё сгнило давно. Нет, дело безнадежное, только горючку сожжём зря. Продавать нечего будет, да ещё под немильность человеческих лидеров попадём.

– Вот и посмотрим, – говорит Женя.

Вот просто так: возьмём и посмотрим!

– А если не откроют границу? Приличный штраф, и Валю подставим.

– Откроют, – настаивает Марьяша. – И никто нас не поймает, а если и поймают, – Марьяша разложила передо мной путевые листы. – Вот. Летели на разведку, двигатели забарахлили, мы приземлились на ближайшую планету.

– И по счастливой случайности ближайшей оказалась Земля, чья граница была открыта две минуты назад! – говорю я. Ну кто в такое поверит?

– Владимир, – Женя выпрямился и, состроив серьёзное выражение лица, сказал:

– Речь идёт о Земле. Вы это понимаете?

Ведь не отстанут же. С одной стороны, он прав – это ведь Земля! А с другой, жить так хочется, ребята. И по возможности не впроголодь. Хотя это тоже к той стороне, которая за полёт. Ну, а если поймают и лицензии лишат? Что тогда? Марьяшу-то Валя прокормит. А мне что делать?

Даже просто первые фотографии с Земли стоить будут бешеных денег, а если мы хоть что-нибудь найдём – жить будем долго и счастливо. Ай, ладно! В результате голосования, проведённого в пустой голове, выносится решение:

– Полетели!

– Ура! – Марьяша захлопала в ладоши.

Ой, не любит тебя Валя, иначе бы не отправлял в такие дали, да ещё с сомнительной компанией.

– Я надеюсь у вас уже всё готово?

– Обижает, – пожал плечами Женя.

Молодцы, корабль заправили, робота усадили, инструменты уложили.

Полетели. Три часа и мы на месте.

– Ожила красавица, – сказала Марьяша.

И правда, под электрической сетью Земля, зелёные материки, голубые океаны, белые облака. Я, честно признаюсь, её только на картинках видел. Да и то старых, где она ещё в трауре, под покрывалом серых туч. А тут красота.

– Как будто ждёт нас, – сказал Женя.

Вот страшно мне становится, когда думаем мы одинаково! Но прав он. Земля ждёт нас, ждёт своих детей, раскиданных по вселенной. От человечества остались жалкие крохи, а наша планета цветёт и ещё не знает об этом. Печально.

Бортовые часы показали четыре нуля. Границу открыли, сеть над планетой погасла.

Всё! Кончилась ядерная зима. Здравствуй, Земля!

Приземлились. На всякий случай надели на себя защитные костюмы с кислородными масками. Неудобно, конечно, зато надёжно.

– Раз-два, как слышно? – Женя проверил передатчики.

– Отлично, – ответил я. – Пошли.

– Вэря, вперёд, – скомандовала Марьяша, и робот Вэря встал, одной рукой схватил ящик с инструментами другой платформу и пошёл вперёд. Полезные штуки, эти роботы, но скучные до ужаса. Говорят только по делу, шуток не понимают, пьют исключительно машинное масло и только в заданных количествах. Безнадёжность.

На Земле тихо. Ветер колышет невысокую траву, кустики покачивает. Присмотрелся, в траве копошатся насекомые. Мелкие такие, яркие. Уже лучше, уже веселее. И солнце светит. Так ярко, так ласково. Вроде бы ничего особенного, но на Земле солнце другое, не такое, как на Марсе, даже со станции Солнце кажется совсем другим. Здесь оно родное. Нет, понять это может только человек.

– Вот интересно, – говорит Женя. – Не был я раньше здесь, даже не думал о Земле, а прилетел, как домой. Будто ждёт меня здесь кто.

И опять мысли наши сошлись. Только некому нас здесь ждать. Пустая Земля.

– Настраиваем радар! – объявил Женя, стряхнув с себя печальные мысли. – Давай руку, братец.

Не люблю я это дело, голова потом как с похмелья, только удовольствия не было, но делать нечего, дал. Смотрим. Земля, земля, земля. Много километров вокруг пустота. Никаких признаков погибшей цивилизации, только мы.

– Нашёл! – воскликнул Женя. Я устремил взор своего радара, который, кстати, не работал без брата, в другую сторону. И правда, в полсотни километров от нас да метров в десяти под землёй железо, целый пласт. Бункер. Вот стены, лестница, комната. Ух ты, ткань. И как она сохранилась? Что-то жидкое... Стоп!

Женя даже выдернул руку.

– Что там? – спросила Марьяша.

Видимо, не лица у нас были, а одинаковые испуганные физиономии, глаза у Марьяши расширились до размеров внешних колец Юпитера.

– Человек, – говорю и сам не верю.

– Живой, – выдавливают из себя Женя.

– Вы шутите, да? – спросила Марьяша. – Послушайте, в этом бункере оставались люди, но... они не могли выжить...

Мы ведь должны были прилететь ещё пятьсот лет назад... Я имею в виду, люди из космоса должны были вернуться на Землю... Я не знаю, почему тогда... может быть, испугались... может... – Марьяша волнуется, начинает заикаться.

– Успокойся, – говорю я. – Мы всё выясним, но сначала надо до места добраться и откопать вход.

– Вэря, давай платформу, – тут же приказала Марьяша, и робот послушно опустил платформу. Двигатель тихонько заурчал. Мы забрались на неё и полетели.

Женя всё порывался вновь взять меня за руку, но смелости не хватало, ни у него, ни у меня.

– Здесь, – сказал Женя, платформа остановилась. – Проверим?

– Ага, – говорю и протягиваю руку. Только проверять не надо было, координаты отпечатываются в памяти. Не проверить нам захотелось, а заглянуть за следующую дверь.

Мы снова оказываемся внутри бункера, но теперь не задерживаемся возле человека, а идём дальше. А дальше – город. Огромный, живой подземный город. Там тысячи людей, живых людей, там металл, пластик, бумага, вода. Как?! Этого быть не может.

– Невероятно, – прошептал Женя. – На Земле выжили люди.

– Это уже не смешно! – возмущается Марьяша, но, видимо, понимает, что мы не шутим.

Мы начали рыть, точнее, капает Вэря, а мы с Женей только помогаем и отдыхаем каждые полчаса. Но, в конце концов, мы добрались до двери.

– Пароль, – говорит Женя, и Марьяша вытаскивает из кармана записную книжку.

– Сработает? – усмехаюсь я. – Прошло уже очень много времени, замки, наверное, уже не работают. Да и металл повело, дверь перекошена.

Но Марьяша не слушает, она подошла к двери и набрала на панели нужные цифры.

— Сработало, — говорит Марьяша. Замок отозвался, что-то щёлкнуло, но дверь не открылась.

— Что дальше? — спросила Марьяша, а у самой руки трясутся. Как-то рано ты паниковать начала.

Я беру лопату и просовываю её в щель, дверь чуть шевельнулась. Женя принялся мне помогать.

— Может работа подключить? — спросил я. Марьяша стоит, словно вкопанная и молчит. — Марьяна Николаевна! — громко говорю я, она очнулась.

— Ах да. Вэря, открой двери.

Так-то лучше, с роботом дело пошло быстрее, но всё ещё тяжело. Нам понадобилось минут пятнадцать, но дверь открыли, правда, не полностью, а так чтобы войти можно было.

А за дверью свет, электрические лампы горят ровно, освещая лестницу.

— Откуда у них электричество? — спрашивает Марьяша, и тут же выдвигает гипотезу:

— Может, мы спим?

— Ай! — Женя меня больно ущипнул. — Нет, — говорю, — не спим.

Мы спустились по лестнице, три пролёта по десять ступенек, и оказались в художественном зале. По стенам развешены картины, некоторые стоят на мольбертах, другие аккуратно уложены в коробки. А посреди всех этих пейзажей, натюрмортов и портретов стоит человек. Он растирает часть картины тряпкой, от которой сильно пахнет скипидаром.

— Ох, — вздохнул человек. — Никак солнце не выходит.

Заметив нас, он быстро протёр об эту же тряпку руки и улыбнулся так искренне, как не улыбался ещё ни один человек во вселенной. От него веет бесконечным счастьем.

– Здравствуйте, а мы вас уже заждались, – художник протянул нам руку.

Тёплая живая рука, чуть грубоватая, принадлежит улыбчивому старичку с аккуратной бородкой и светлыми глазами.

– Нас? – не понял я. Откуда они знали, что мы прилетим?

– Ну да, вас, – улыбнулся художник. – Вы из космоса, с какой-нибудь колонии? С возвращением домой.

Точно! Всё это время они ждали, когда спасшиеся люди вернутся и откроют им двери.

– Смотри, – Женя толкнул меня в бок локтем и указал на соседнюю комнату, где стоят стеллажи с книгами. Сотни книг, авторы со всей Земли, всех эпох: Гюго, Достоевский, Гоголь, Есенин, Мозм, Уэллс, Блок, Друнина, Стругацкие, Маршак и многие другие. Все эти книги я видел только в Списке Утерянного Достояния Земли, который с каждым годом всё пополняется.

– Как? – вырывается у меня.

– Что как? – спрашивает старик.

– Как вам удалось всё это сохранить?

– Это, к сожалению, не оригиналы, – вздохнул старик. – А переписанные копии, оригиналы книг сохранить не удалось, но тексты точны, до последней запятой. Картины вот тоже многие уже на два раза переписаны, зато дожили они до дней, когда человечество вновь воссоединится.

– А откуда у вас краски, ткань, дерево? – спросила Марьяша.

– Выращиваем, синтезируем, изобретаем, производим, – ответил старик. – У нас всё есть. В этом бункере первоначально всё было для нормальной жизни людей, а со временем мы под себя настроили, что-то доработали, что-то сами придумали. Научились мусор перерабатывать, вот бумагу из него делаем, ткани для холстов, даже одежду. Из биологических отходов получают удобрения, корма для животных. Из более

твёрдых отходов — камни искусственные, скульпторы потом из них статуи ваяют; дома строим, игрушки детские мастерим. Еду сами выращиваем под лампами, это уже наследство. Вот так. А что ещё делать? — старик пожал плечами. — Живём, вас ждём.

Они нас ждали, а чтобы не терять время зря, сохраняли и преумножали человеческое наследие. Всё это время, они не выживали, они жили, чтобы гордо встретить своих братьев и сестёр, покинувших Землю. И вот встретили.

А кого они встретили?! Кучку гуманоидов, среди которых затесалась парочка людей, давно позабывших Землю. Человечество встретило скитальцев, которые словно блуждающие планеты рассеялись по космосу и тихо погибают. Нам нечего дать людям, не о чем рассказать, нечему научить. И как же мне вдруг стало противно!

Кризис! У меня кризис! Смешно! Перед моими глазами целая вселенная, а я не могу найти образ для создания картины. А старик, запертый в бункере под землёй, рисует солнце, которого никогда не видел. У него не получается, он стирает и пробует снова. И, в конце концов, его солнце засверкает над лужайкой, над морем, над лесом, над Землёй. И его потомки будут восхищаться картиной Человека, а я сгорю под лучами настоящего солнца, и меня никто даже не вспомнит. Вот оно — эти люди и их город, — истинное торжество жизни над смертью.

Софья Ремез

«КВАРТИРА»

Рассказ в двух частях

ЧАСТЬ 1

Нитки

В швейном наборе у него две катушки ниток — синяя и красная. И много иголок. Я спросила, почему синие и красные нитки, а не чёрные и белые. Он не понял вопроса.

Дым

В этой квартире можно курить. В детстве курить можно было везде. Нездоровый дым был частью здоровой жизни. Может быть, из-за этого дыма мне сразу стало у него так уютно и захотелось к нему переехать. Прямо вот так, сразу.

Чужие туфли

С них всё и началось. Но это было в другом рассказе. Который нельзя никому показывать.

И всё-таки были чужие туфли. Потом туфли исчезли, оказалось, вещи бывших девушек он складывает в мешки и отправляет на антресоли. Я ещё тогда оценила размер антресолей и подумала, что мои вещи туда вряд ли поместятся. Даже если выкинуть все остальные девучковые наборы.

Мясорубка

Это он так называет. На самом деле, это гейзерная кофеварка. Удобная вещь. Она переехала к нему первой. Сама я тогда вообще не собиралась надолго задерживаться. Но даже

ненадолго — без кофе никак не просидишь. А я сразу заподозрила, что кофе у него нормального нет. Какой-то странный порошок, на котором написано, что он — кофе. Так что первым делом, я привезла кофеварку и упаковку кофе. Маленькую.

— Ты предлагаешь с ней экспериментировать? — спросил.

— А что с ней экспериментировать, — отвечаю. — Я прекрасно знаю, как она работает.

— Как мясорубка, — говорит.

Стол

Это было в последние выходные перед карантином. Мы поехали в магазин за столом. То есть, мы поехали за взбивалкой для молока и вдобавок купили стол. Очень большой. Я сомневалась, что он поместится в мою маленькую машину, но почему-то поместился. Тютелька в тютельку. К вечеру мы добрались до квартиры, затащили туда стол, и весь остаток дня он собирал его и закручивал шурупы отвёрткой, а потом разбирал старый и выносил его на помойку. Таким воодушевлённым я не видела его ни до, ни после, ни разу. Это было похоже на какой-то ритуальный танец.

— Какой прекрасный день, — улыбался он, провожая меня до шлагбаума, — и мы даже не испортили его сексом.

Заколки и серёжки

Они завелись как-то сами. Просто снимаешь заколку, или серёжки снимаешь вечером — они теряются. У меня теряется. А он их находил и складывал в маленький ящик. Так у меня в этой квартире появился свой ящик. Через неделю он уже доверху был забит всякими полезными мелочами — серёжками, резиночками, цепочками, браслетами. Зажигалками. Очень удобно. Только подумаешь — чего-то нет, открываешь ящик, а оно там. Лежит себе.

Чашка

Как раз после того, как я убедила его, что взбивалка для молока изменит всю его жизнь. Правда ведь – добавить молоко в кофе и добавить туда молочной пены – это совершенно разные вещи. Вот тут и выяснилось, что у него нет удобной чашки для взбивания молока. И я привезла такую чашку. И она тоже прижилась.

Маски

Они тогда из всех аптек пропали, в связи с карантином. А без маски на улицу даже неловко как-то выходить. Да и вид у меня тогда был такой, не очень. В маске лучше. Так что первые три маски я сама сшила. Из многоцветных салфеток. По инструкции с ютьюба. Там такая уютная сказочная бабушка без головы рассказывала и показывала, как сшить. То есть, на экране помещались только бабушкины руки и всё, что она ими делала. Проще простого оказалось. Делаете три складки и прошиваете. И резиночки ещё, для ушей. Шито красными нитками, потому что белые тогда ещё не привезли.

Мешок с доставкой на дом

Никогда не любила ничего на дом заказывать. Потому что, чтобы это что-то получить, надо знать, когда будешь дома, чтобы встретить курьера. А разве можно заранее знать, когда будешь дома? А тут мы почти всё время в квартире были. Карантин. Выход только по специальному разрешению. А мне шапочка для душа очень нужна. В продуктовые магазины пускают, но там-то её как раз и нет! А если без шапочки мыться – каждый раз голова мокрая и смешная. А мне смешная голова не нравится. Полезла на сайт с разным, а я давно не делала покупок. Наказывала всякого полезного. Тушь для ресниц. Шампунь, кондиционер (а то у него и шампунь,

и кондиционер – как в рекламе, то есть, в одном флаконе). Блокнот (а вдруг надо будет что-то записать?). Колготки (про запас). Наушники (вдруг мои испортятся?) Маски многообразные (карантин же!). Носки (снова про запас). Белую и чёрную нитку (у него ведь только синяя и красная). Платье, майку со смешной надписью. Носки. Всё это привезли. Всё, кроме шапочки для душа. Её забыли.

Утка

– Давай купим утку!

Он это сказал как будто во сне, уж не знаю, что там ему снилось. «Может, сразу корову?», – думаю. У него же детство в деревне прошло... Свиньи, коровы – утки – всё это их, деревенских жителей, друзья. Или это из-за карантина. Нужно какое-то домашнее животное, чтобы из дома выходить под предлогом. Почему бы не утка? А потом он эту утку купил. Через пару недель. Такую, огромную. Неживую, конечно. А чтобы съесть. И яблоками набил! Как в сказке – утка с яблоками. «Это яблоки невкусные, они только для утки годятся». И она, утка, стояла, то есть лежала в духовке, а он её «проведывал». И поливал её же собственным жиром. Она там неплохо себя чувствовала, по его словам. Ну не знаю. Наверное, ей уже всё равно было. По плану она должна была «томиться» целый день. А я всё думала про вечер, когда она «дойдёт», и что тогда с ней делать. Потому что она и правда очень большая, а нас только двое, и в гости никого не позовёшь, карантин же. Но как-то она «ушла» за пару дней. Вкусная.

Коврики

– Опять как будто пьяный дед прошёлся, – это он так говорил про коврики в ванной комнате, когда я оттуда выходила.

Не знаю, как люди умудряются аккуратно мыться, не намочив всё вокруг, и вылезать из ванной, не сдвинув коврики.

Поехавшая соседка

Такая интеллигентная женщина была. До карантина. А как объявили, что эпидемия – у неё крыша поехала. Почему-то она решила, что он болен этим самым вирусом. И вызвала полицию. Кричала, требовала забрать его, потом ещё скорую помощь ему вызывала.

– Ходят тут к нему всякие женщины. Сегодня одна – завтра другая.

Это она всё про меня. Потому что я такая разная, да. Сегодня в одном, завтра в другом. И ещё постриглась коротко. А она меня в глазок дверной наблюдает – вот ей и кажется, что сразу несколько женщин. Полицейские на него с таким уважением посмотрели – мол, каждый день новая баба... Его, конечно, не забрали – ни в участок, ни в больницу. Кому он там нужен. Но мы стали очень осторожно из квартиры выходить. Чтобы лишний раз соседку не тревожить. Прятались от неё как могли. А она всё дверью нервно стучала. И жаловалась соседям на полицию и скорую помощь. И на нас, конечно.

Клоунский нос

Когда мне грустно – я наряжаюсь клоуном и сама себя веселю. А грустно мне бывает очень часто. И я этот клоунский нос к нему перевезла. На всякий случай. Даже один раз пригодился.

Укроп

Это я его научила, что если поставить укроп в стакан с водой, а не просто бросить в холодильник, он не только не завянет, но и будет радовать нас своим бодрим видом. Как цве-

ток, вроде того. И он потом всё говорил, что только укроп его и радует.

Мёд

Никогда не видела раньше, чтобы кто-то его столько съедал. «Мёд ушёл», – так он говорит. Это значит, закончился. Как утка в своё время. У нас всё быстро уходит. Когда я приезжаю, всего много. А потом начинается. Сначала уходит творог, потом молоко, помидоры, шоколадки, лапша. А мёд уходит не один, он забирает с собой орехи, груши, яблоки и всё, что можно утопить в меду.

И пчёлы

– У тебя последний шанс узнать, как устроен улей.

– Ну давай, расскажи уже.

– Люди строят пчёлам будки. Пчеловод просто сколачивает квадратные рамки и расставляет их в домике. Нет, не пчёл расставляет, а рамки. Пустые, из четырёх палок. Без пчёл. А потом уже пчёлы. Почему пчёлы оттуда не улетаются, не знаю. Зимой пчёлы спят. Едят они мёд. Не знаю, может, и во сне. У них не отнимают мёд, точнее, отнимают не весь, а так, чтобы им на зиму хватило.

Нет, мёд – это не дети пчёл, это их запасы еды на зиму. Если взять мёда слишком много, пчёлы помрут. Человек весь год работает с пчёлами, а продукт у него – только летом. Вот, например, кто-то хочет завести пчёл. С чего начать? Ты изучаешь рынок. Самое главное – это найти хороший рой. Собрать пчёл в лесу нельзя. Хотя нет, сначала надо шапку купить с сеткой.

Вот о таком примерно мы болтали.

ЧАСТЬ 2

Чашка

С неё всё и началось. Разбилась, конечно. И, конечно, решили, что на счастье. Возможно, так оно и было, но пить кофе с молоком снова стало неудобно, а покупка новой всё откладывалась, откладывалась, ну и плюнули, то есть, решили жить без чашки.

Поехавшая соседка

Уехала на дачу. Просто однажды утром дверь хлопала чаще обычного. Я сразу поняла, что что-то меняется, вот просто что-то никогда уже не будет так, как раньше. Заглянула в дверной глазок – так и есть. Таскает вещи к лифту. Он, конечно, обрадовался. Мы потом долго ещё смотрели в окно, как она вытаскивает из подъезда чемоданы, сумки, мешки, пакетики, загружает в багажник, потом просто в машину, на все сидения, до тех пор, пока в каждое окно не упёрлось что-то из дачного багажа. А потом машина уехала, и мне почему-то стало грустно. Хотя теперь можно было не прятаться от соседки и не ждать прихода полиции или приезда скорой помощи. И дверь по утрам больше не хлопала.

Коврики

Научилась залезать в ванну, ничего не сдвигая. Это оказалось совсем несложно. А он потом заменил коврики, просто чтобы что-то изменить.

Маски

Остались. Их не отменили, когда закончился карантин, хотя дышать в них в тридцать градусов июньской жары, вообще-то, невозможно. Поэтому их все носили под подбородком или вообще на руке, как браслет. На улицах появились осмелевшие

девушки без масок, он уже больше не смотрел только на меня. Он жадно смотрел на них, пытаюсь компенсировать месяцы, когда без маски он мог видеть только меня. А я стала смотреть в сторону и делать вид, что не замечаю, на что он глядит.

Пена для ванны

Когда потеплело, согреться в ванне после прогулки не было уже никакого смысла. Да и карантин закончился. Я стала принимать душ у себя дома и приезжать сразу чистая. И уезжать пораньше.

Дым

Он бросил курить. Теперь его раздражал запах дыма, как всех завязавших курильщиков. Я выходила курить на лестничную площадку. И стала курить меньше, потому что ведь лень часто выходить. Мы оба стали, конечно, более здоровыми. И даже жалели об этих долгих годах, когда травили себя дымом.

Мёд

Быстро надоел ему. Ему вообще всё очень быстро надоедает.

Всякое

Я постепенно начала исчезать, потому что стало ясно, что я надоела ему также как мёд. Также, как многое другое и многие другие. Но если собрать вещи, которых накопилось ужасно много, это же будет как записка на подушке. Как надпись губной помадой на зеркале... Поэтому я решила всё оставить. У него на антресолях ещё полно места.

Мясорубка

Она осталась у него. Я уже не приезжала, мы не говорили об этом. Точнее, мы не говорили о том, что больше я не прие-

ду. «Да, действительно, сейчас мне нужно поработать, и у тебя накопилось много дел». Мы всё переносили и переносили встречу, но кофеварка оставалась у него, и он, наверное, варит в ней кофе. Или не варит, кофе наверняка тоже ему надоел. И, может быть, кофеварка уже давно стоит на антресолях, где-то рядом с чужими туфлями и моим ящиком с серёжками. Как знать.

Мы встретились случайно спустя почти год. Он почти споткнулся о меня. Шёл, уткнувшись в телефон, а я остановилась у входа в метро и рылась в рюкзаке в поисках кошелька.

Привет-привет. «У тебя всё хорошо?» – «Нормально». – «Не хочешь зайти?» – «Хочу. Но не сегодня». – «Да ты заходи в любой момент, у тебя же ключи остались?» – «Ты наверно замок давно поменял?» – «Не менял, всё как было».

И я зашла. Выбрала время, когда он должен был быть на работе. Открыла дверь своим ключом и окликнула его. Никого. На вешалке – две мои летние куртки, внизу – три пары туфель. Я скинула ботинки и вбежала в комнату. Чисто так, ни пылинок, открыла шкаф, а там мои вещи висят. Как будто я ушла не год назад, а сегодня утром. Также висят, когда тогда висели. А на кухонном столе – две чашки. Его и моя. Всё как было – так он сказал. И я ушла. И ключ в почтовый ящик не бросила. На всякий случай. Вдруг он свой потеряет? А у меня есть.

Татьяна Абиссин

«ПУСТЬ ПЛЫВУТ КОРАБЛИКИ»

Домовой Федя весело болтал ногами, сидя на подоконнике седьмого этажа. Он с аппетитом поедал огромный ломоть белого хлеба, щедро обмазанный маслом и сверху хорошенько сдобренный красной икрой. Этим утром домовой пребывал в отличном настроении. Впервые за долгое время Федя радовался жизни, и по этой причине, даже соорудил себе причёску, как сейчас модно – тугой пучок из прядей на затылке, а остальные волосы венником топорщатся. Обычно он не беспокоился по поводу внешности. Как, впрочем, и по поводу одежды, которую шил себе из лоскутков от старых рубашек, на манер испанского «пончо». Радовало, что наряд практичный, послужит долго.

Хозяин квартиры, Петров, не подозревающий о существовании «домашней нечисти», и так должен быть ему благодарен, что Федька не забывал мыться раз в неделю. Другие домовые в воду лезут раз в месяц, а хозяева потом, не в силах найти причину вони в доме, распыляют очистители воздуха, или бегут жаловаться в ЖЭУ, что мол, в подвале очередной засор. Конечно, как им отыскать домовых, которые, если захотят, враз невидимыми обернутся?

Но Федька считал себя тихим и мирным. До недавнего времени.

– Карррр! – донеслось сверху, и Федька задрал голову, наблюдая, как знакомая ворона по кличке Маргоша, пикирует на него сверху, пытаясь выхватить лакомство из рук. Не заботясь о чистоте подоконника, домовой сунул бутерброд себе за спину и, сложив руки на груди, гневно уставился на воров-

ку. Та, похлопав крыльями пару раз, села рядом с ним на подоконник, делая вид, что выискивает в каменных трещинках стен уснувших на зиму жучков и паучков.

– Карр, – уже более мягко и деликатно Маргоша стукнула клювом по подоконнику.

Федька недоброжелательно покосился на мощный клюв: «Таким можно и голову домовёнку разбить. Правда, чревато, ещё проклянёт!»

– Карр, – в третий раз голос вороны стал совсем вежливым, – Федь, а чего ты на подоконнике сидишь? Упасть не боишься?

– К высоте привыкаю, – хрипло ответил домовой, украдкой отщипнув ещё кусок булки, тут же отправив её в рот, и быстро-быстро хлеб пережёвывая.

– А попить, наверное, не захватил? Подавишься ещё!

– Не хочу пить, – угрюмо отозвался Федя.

– Слушай, а не поделишься кусочком? Со вчерашнего дня маковой росинки в клюве не держала, – ворона грустно вздохнула и уныло поскребла клювом пёрышки.

– Мне самому нечего есть. Последний хлеб!

– Да как же так! Сказки-то не рассказывай! Это я – бездомная, а ты же, чай, домашний, свой! Можешь в любое время к холодильнику и хлебнице таскаться. Раньше подкармливал, а теперь жадничаешь, да? Или все свои хлебные припасы голубям подарил?! – возмутилась ворона, недобро поблёскивая чёрными бусинами глаз.

– Ты глянь, Маргошенька, в окно. Да посмотри внимательно, может, увидишь чего интересного. Поймёшь, почему мой бутерброд – последний.

Птица в ответ фыркнула, но, тем не менее голову подняла и уставилась за стекло. И едва не каркнула от удивления: в большой комнате, в центре которой стоял мягкий диван неж-

но-сиреневого цвета, разлилось целое море воды. Тут и там по воде плавали кораблики из газеты и клетчатых бумажных листочков.

В центре этого безобразия на диване преспокойно спал, скрючившись червяком, сам хозяин квартиры, с умилением прижимая к объёмному животу бутылку водки. Благодаря его компактной позе, длинные ноги умещались на диване, и вода, ручьями бежавшая по квартире, пока его не настигла. Петров спал сном младенца, и мощные плечи чуть заметно двигались в такт тяжёлому дыханию.

– Что творится, что творится! – взволнованно захлопала крыльями ворона, – Федь, у вас же потоп! Ты, что же, решил хозяина утопить?

Домовой на секунду перестал жевать и неприязненно посмотрел на пернатую:

– Что ты глупости бормочешь! Проснётся хозяин, как ноги промочит. Или, когда я изображу городскую сирену. Я многому научился за время пребывания в этой каменной крепости. Никто в моих хоромах не утонет!

Маргоша озадаченно смотрела в комнату. Вода довольно быстро прибывала.

– Совсем хозяина не жалеешь, Федь. А он хороший. Ты, случается, и забываешь, зато он всегда хлебушек у форточки оставляет... Или Петров сам квартиру затопил? Так чего краны не закрутишь? Аль батарею прорвало? Сейчас как соседи набегут! Жаловаться будут, штраф заплатить заставят!

– Вот-вот, того-то мне и надо, – домовый с самым хитрым видом смахнул с губ хлебные крошки. Те полетели вниз, как хлопья позднего снега. Маргоша, не любившая, когда ей перечат, не поддавалась на провокацию. Вместо этого она постучала клювом по окну:

– Петров, просыпайся! Тебя утопить хотят!

Федя закатил глаза:

– Чего-сь орёшь, дура? Я же говорю, что всё по плану. Всё, ради хозяина, ради Петрова. Ты последний месяц в этом квартале не появлялась. Где кормилась? Ничего не знаешь, так и молчи!

– На мусорных кучах далеко отсюда, – вздохнула ворона. – Родичи позвали, вместе веселей.

– Ну, вот. Не знаешь, что Петров в последнее время совсем спился. Как бросила его жена, так все выходные... да и не только выходные! Работу прогуливает. А я-то за ним из деревни приехал, в рюкзак ему забрался. Не хотел с дурачком расставаться. Думал, заживём в городе! И всё хорошо было, пока та мадам ему в душу не плюнула. А теперь сломался человек. Мочи нет смотреть – только пьёт. И вот тогда я понял – пусть плывут кораблики!

– Чего-чего? – округлила глаза Маргоша.

– Деревню Петрову напомним. Я сам по ней скучаю. Столько ручьёв по весне, капель по пригоркам, столько журчания и чистой воды! Часами мог сидеть на дереве и смотреть на круги в лужах, своё отражение ловить. И Петров также мог. Но только забыл. А я ему напомним. Маргош, я, как в город перебрался, так из дома боюсь выйти. И ручьёв не вижу. Страшно мне из-за машин на улицу выйти. Если хозяина город сломал, пусть домой катит. Я с ним поеду.

– Но соседи...и штраф... – растерялась ворона.

– Ага, целый штрафище! – радостно отозвался Федя, потирая волосатые руки в прорезях «пончо». – Чтобы его заплатить, придётся на двух работах пахать. Лично проверял – прямо под нами бизнесмен живёт, только недавно евроремонт сделали. Потолки там – блеск! То есть, были...

– Чучело ты, Федька, – ворона возмущённо покрутила лапой у своей короткой шеи. – Что же вас ждёт!

– Ничего не ждёт, – беспечно отозвался домовой, складывая пальцами подобие бинокля и сквозь него разглядывая Маргошу. – Сама подумай, о моём существовании Петров в жизнь не догадается. А что он подумает? Ага, что сам допился до белой горячки, и забыл, как воду пустил. И кораблики... Бояться будет. А штраф заплатит. У него работа хорошая. Всё-таки, главный менеджер!

Тут в квартире заверещал звонок, и Маргоша, взмахнув крыльями, поспешила покинуть место грядущих «разборок». А Федя стал невидимым и, с удовлетворением наблюдал, как Петров медленно, но верно возвращается к жизни.

Татьяна Воронина

«ИГРУШКА БАРТОЛОМЕО»

– Ты точно ничего не знаешь? – капитан смотрел на меня с надеждой отчаявшегося. Я молчал. Вздохнув, он стукнулся своей пивной кружкой о мою и глотнул. – Беда-а-а. И вот чего я не могу понять. Ладно, пропал учёный, – грустно улыбнулся. Я не сдержался, криво усмехнувшись вслед за ним. Называть Барти учёным – большая смелость нужна. Он так ничего и не создал, не открыл и даже не закрыл за всю свою жизнь. Но каждый в городке звал его учёным, и только так. – Но кому понадобилась его собака? Старая беспородная псина кому и на кой сдалась?

Я снова не ответил. А что тут скажешь? Городок маленький. Всем всё про всех известно. Когда Бартоломео вдруг исчез вместе с чёрно-белой добродушной Террой, жителей это событие здорово встряхнуло. Говорили, предполагали, гадали, утверждали. Несчастный кэп выслушал до пятнадцати различных версий, одна немыслимее другой. И похищение инопланетянами оказалось самой безобидной. А я... Я был сражён. Мне показалось, что из-под моих ног разом исчезла опора. Я точно повис в каком-то странном оцепенении, уничтоженный пропажей лучшего друга. И каким-то шестым чувством понимал, что никто – ни наш бодрый капитан, ни городские ищейки, – никто его не найдёт.

– Ну, неужели ты совершенно ничего не знаешь? Ты же был последним, кто видел его? – вместо приветствия слышал я каждый раз, когда кэп приходил ко мне домой, вызывал в участок на допрос или просто подсаживался в пивной.

Да. Да, я был последним, кто его видел. И я никогда, до самой смерти своей не забуду этого дня. Потому что это – последнее, что осталось у меня от Барти.

Я пришёл к нему около полудня. Бартоломео привычно сидел за столом, работал. Сложилось так, что мы никогда не здоровались и не прощались, и дни перетекали один в другой незаметно, мягко, а беседа, оборвавшаяся накануне, могла продолжиться совершенно неожиданным образом. Склонившись и потрепав спящую в солнечных лучах Терру, я со вздохом мостился на спине барана. Интерьерная кудлатая игрушка стала для меня маловата вот уже лет дцать как. Это было единственное моё место в небольшом кабинете Бартоломео. В детстве нравилось забираться на пахнущего пылью когда-то белого барашка и слушать бесконечные истории о путешествиях. Сейчас же колени мои торчали чуть ли не выше ушей. Едва не свалился, упёршись локтями в кудлатую голову, и поинтересовался:

– Ты когда-нибудь выделишь мне что-нибудь другое? Хотя бы табуретку, Барти!

– Следование привычкам – вот твой девиз, – даже не обернувшись, отозвался мой друг.

– У тебя-то каждый день что-то новенькое, – прищурившись, я старался рассмотреть, чем сегодня занят Барти. Разглядел крупную жемчужину, которую он привёз не то из Таиланда, не то ещё из каких стран, и неизвестного происхождения перламутровый шар.

– Я, Влад, занимаюсь изучением редкого по своей красоте явления. Это, – не отвлекаясь от записей, Бартоломео кивнул головой на матово поблескивающий предмет, – гигантская бесценная индонезийская жемчужина, единственная в своём роде.

Я за малым снова не свалился со своего барана.

– Не может быть!

– Почему не может? И почему бы ей не оказаться в моём кабинете?

– Да ты шутишь, – я таращился на глянцеви́тый невероятный шар.

– Вовсе нет. Однажды она непременно здесь будет. Пока что это макет для моего маленького соседа, помогаю мальчишке с домашней работой по биологии. Им, видишь ли, задали слепить и описать что-то грандиозное.

– То есть это не жемчуг?..

– Малыш, мне искренне жаль твою девушку. В твоём возрасте уже пора научиться отличать папье-маше от натурального минерала. Кстати, Эмма в курсе, что те топазовые серьги – обычные стекляшки?

– Что?!

– Шучу, – Бартоломео, наконец, отложил ручку и обернулся. Искренне рассмеялся, видя моё перекошенное удивлением и недоверием лицо. – Шучу. Впервые ты купил что-то действительно стоящее, и тебя не надули. Ну да ладно, ты сегодня не за розыгрышами пришёл. Рассказывай.

– Тебе звонили из музея?

Я наверняка знал, что ему уже звонили. И догадывался, что ответил Барту. Но всё же хотел услышать от него, насколько я прав. Пару дней назад из скандинавского закрытого хранилища доставили в металлическом ящике потрёпанную книгу. Что-то из тех первых источников письменности, которые хранятся под бронированными стёклами в архивах. И в нашем городке Бартоломео был единственным, кто мог бы взяться за её изучение. Глядя, как озорно блестят глаза друга, я был уверен, что знаю его ответ.

– Я отказался, Влад.

– Что?! – сегодня лучше было сидеть на полу, так велика была угроза свалиться с моего импровизированного табурета. – Но почему?

– Потому что мне требовалось присутствовать там завтра, а у меня иные планы.

Я обескураженно молчал. Бартоломео добродушно ждал, когда я начну сыпать вопросами, но я не знал, о чём спросить. Почему – он и так уже сообщил. Чем будет заниматься Барті завтра? Да чем угодно!

– Но разве сведения из этой книги не пригодятся тебе?

– Ты же знаешь, что меня всегда интересует только место на карте и точка во времени. А оттуда – с родины этой книги – я уже привёз себе вон ту прекрасную маску, – он показал на стену. Я ещё не видел нового экспоната. – По ней можно понять больше, чем по самой любопытной книге, поверь мне. И доставил я её как раз из времени, когда она только была создана. Рассказать? – он лукаво прищурился.

– Всё-таки ты для меня загадка, с каждым годом всё более неразрешимая, – я покачал головой и как бы между прочим протянул, – что я буду делать, когда ты в очередной раз уедешь в какие-нибудь танзанские джунгли эпохи первых поселенцев или в северные моря на ледоколах? Или ещё куда дальше...

– Придумаю, как сделать так, чтобы мы виделись с тобой часто, и я тебе до смерти надоел, – рассмеялся друг. – А когда ты возненавидишь меня, тогда и только тогда я оставлю тебя в покое, отправляясь в самое захватывающее путешествие в моей жизни.

– Фу, как сложно, – теперь уже рассмеялся я. – Нет, Барті. Ненавидеть тебя? Нет.

– Пора освобождаться от некоторых привязанностей. И возвращаясь к книге. Я отказался заниматься ею. Но сказал, что ты заглянешь к ним завтра утром.

– Что?!

– Придумай другой вопрос, – он заразительно засмеялся. – Перестань так смотреть, Влад. Ты давно уже знаешь ни-

чуть не меньше меня, но почему-то берёшься за любую работу только в компании. А мне, признаться, надоело водить тебе за ручку. Человеку думающему нужна свобода.

— Может быть, потому что я ещё молод и глуп? — я попытался усмехнуться, но понял, что Бартоломео прав. И покачал головой. — Нет, Барти, я не возьмусь. Ну что я там без тебя буду делать, в этих архивах? Мне нужна помощь.

— Нет, Влад, она давно тебе не нужна. Больше того, ты уже и сам обязан помогать другим. Поэтому загляни сначала в архив, а потом ко мне, расскажешь, насколько там было интересно...

Я помнил весь разговор, до последнего слова, взгляда, жеста, улыбки. Я помнил всё так, точно только что глядел в лукавые глаза Барти. Я чувствовал, что что-то невероятно важное было сказано им, но не понимал, решительно не понимал что. Видимо, моя неуверенность ощущалась слишком хорошо, потому что и капитан никак не желал оставить меня в покое. Вот и сейчас он глядел на меня проницательно, ожидающе-жадно.

— Можно мне завтра зайти в его дом? — спросил я негромко.

— Зачем? Хочешь поискать какие-то следы его исчезновения? Бесполезно, оперативники все осмотрели. Правда, по моей просьбе, они ничего не тронули в расстановке предметов. Я убедил их в том, что это важно. Да и показалось, что они сами побаиваются ворошить его вещи. На самом деле надеялся, что, может быть, ты прольёшь свет...

— Не нужно так высокопарно, — я глотнул пива.

— Иди, конечно. Вдруг для тебя старый Барти оставил зацепку.

Стоит ли говорить, что я ничего не нашёл. Всё утро следующего дня бродил по комнате, поборов детское желание перебирать всё, что хранилось в рабочем кабинете Бартоломео. Весь дом его был прост, аскетичен, как монастырская келья.

Но кабинет... Иногда мне казалось, что под привезёнными из разных стран редкостями треснут и обвалятся однажды массивные полки шкафов, закрытые стеклянными дверцами. Искренне недоумевал, как Барти находил место для очередной картины или древней маски. Пальцами, едва касаясь, прошёл по каминной полке, норовя зацепить как можно больше книжных корешков, крупных или изящных статуэток, свёрнутых в трубки карт... Как же пусто стало здесь! Всё, что хранил Бартоломео, без него оказалось сухими листьями, запорошившими комнату. Без смысла, без цели, без повода.

Пыльный барашек стоял на том же месте, что и в нашу последнюю с Бартоломео встречу. Вздохнув, я оседлал его, неуклюже повозился, устраиваясь на жёсткой спине. Задумчиво глядел на стену, поглаживая баранье ухо в непослушных кудельках. И неожиданно что-то жёсткое попало мне под пальцы. Вздрогнув, я склонился и с изумлением вытащил из уха интерьерной фигуры свёрнутый листочек бумаги.

«Малыш!!»

Я не смог читать дальше. Комната сломалась, как картинка калейдоскопа; я зажмурился, и слёзы безудержно потекли по щекам. Малыш... Я вырос во взрослого, никчёмного, инфантильного мужика, цепляющегося за Бартоломео, как неразумный ребёнок — за руки мудрого отца. Как ещё ему было меня называть? Никто не знал, но только этим доброжелательно-насмешливым «малыш» Барти и звал меня, с самого моего детства, с тех самых восьми лет, когда я впервые оказался в его кабинете. А ещё его трогательная любовь к восклицательным знакам. Он считал, что испанцы невероятно правы в своей пунктуации и, раз уж у нас не принято так, то два восклицательных в конце фразы — неременное правило. Растирая ладонью слезы, я вернулся к записке.

«Малыш!! Конечно, мне бы стоило внимательнее отнестись к нашему доблестному капитану и оставить ему записочку тоже. Но я решил не лишать его занятого расследования. Загадку моего исчезновения ему никогда не разгадать, так к чему давать надежду. А вот ты — только ты! — можешь попытаться. Мы с Террой поспорили, и она выразила сомнение в твоих способностях. А я — я уверен в тебе, Малыш!!

Ты помнишь, как долго и терпеливо я исследовал наш изумительный мир. Ты знаешь, что я искал только одного — Чуда. И я его нашёл. Чудо не в изобретениях и не в природных заповедниках, не в глубине океанов и не за пределами планеты. Чудо — это время, само по себе. Оно уникально, оно волшебное. Я понимаю, сколько своего времени ты оставил рядом со мной, и за это тебе благодарен. Но я хочу, чтобы ты, именно ты, поломал голову над задачей.

Из пункта А в пункт Б вышел путник. И вернулся в пункт А. Сколько времени он затратил на путь и затратил ли? А мог бы он, находясь в пункте Б, быть в пункте А? Пункт А и пункт Б — один и тот же? Или друг под другом? Или А только по пути к Б? Сколько вопросов, а, Малыш? Как так вышло, что А и Б ты просидел в этой самой комнате, не отходя от моего рабочего стола? И верное ли это решение задачи? Кому-то необходимо вписать ответ. И для тебя осталась подсказка — в самом конце задачника!!

Удачи!! Терра скепична. А я, как всегда, надеюсь. И жду тебя в пункте... кстати, чуть не забыл. Прихвати с собой индонезийскую жемчужину, уверен, папье-маше не сильно отяготит твой путь!!»

Я сам не заметил, когда перестал реветь. На мгновение показалось, что исчезнувший друг и учитель снова оказался в этой комнате и, читая, я невольно слышал его голос, производивший каждое слово. Терра скепична... Она всегда была

ко мне слишком строга. Улыбнулся, вспомнив, как внимательно смотрела на меня чёрно-белая собака, когда я появлялся в доме Барти после долгого отсутствия.

Сжимая записку в руке, я глядел перед собой. Самое главное его увлечение — книги из прошлого. Самая главная его мечта — книга из будущего. Бартоломео все считали учёным, но чуточку сумасшедшим, потому что он стремился понять, что такое Время. Сколько его, откуда оно берётся и где заканчивается. Или не заканчивается вовсе. Собирая древности, он мог легко и весело заспорить со мной о том, что в этих вот доспехах он сам, лично, шёл с крестоносцами через жаркие земли. А вон те часы привёз, когда посещал мастера в Италии веке так в XVI. Слоновьи бивни раздобыл где-то в Индии, когда началась колонизация, а розоватые лилии для него лично писал Клод Моне.

Я был мальчишкой и обожал сказки, которые Бартоломео рассказывал так достоверно, словно и правда всё это происходило с ним. Он насыщал свои истории невероятными подробностями и поворотами сюжета. Он придавал вымышленным персонажам и историческим личностям уникальные черты, которых я никогда после не встречал ни в одном учёном трактате и ни в одном учебнике. Он фантазировал так легко, что сейчас, глядя на его записку, я всерьёз засомневался. Фантазиями ли были все его истории? Или?..

Глядя на стену, я нахмурился. Никогда прежде не смотрел на неё так — как на цельное, объёмное полотно, желающее что-то рассказать о себе и о хозяине этого кабинета. Всегда изучал всё по отдельности, но сейчас неожиданно каждый элемент стал частью одной задумки пытливого ума Барти. На глаза мне почему-то первым делом попалась бляха. Круглая металлическая бляха на рыцарских доспехах, тех самых, с крестового похода, якобы совершенного Бартоломео. Далее. Три круглых

пингвиних глаза на крошечных металлических овальных ми-сочках. Такие тёмные бусинки в обрамлении белых, привлекающих внимание перьев. Круглые глаза маски с чёрными поло-сами, маски, которая с самого детства пугала меня, напоминая своими очертаниями птичий череп. Я перевёл взгляд на полу-кругом развешанные над камином слоновьи бивни. Пытаясь охватить всю картину целиком, поднялся с барашка и, отступив к стене, принялся искать дополнительные подсказки. На глаза попались четыре бутылки, развёрнутые горлышками в разных направлениях. Прислонённое к столу Бартоломео рулевое ко-лесо, бочка... Да весь кабинет Барти, похоже, состоял из одних только кругов. И завершали эту композицию две жемчужины – большая, так и лежавшая возле оставленной открытой тетради и малая, вычерченная на страницах.

Вытащив из нагрудного кармана ручку, я перевернул запи-ску, найденную в бараньем ухе, и принялся на ней зарисовы-вать всё расположение. Догадался. В детстве одной из моих любимых игр было «соедини точки», и Бартоломео знал об этом, как никто другой. Именно он часто рисовал для меня занятные схемы, а иногда даже умышленно пропускал цифры, чтобы я дольше гадал, кто же выйдет на этот раз: верблюжо-нок, дельфин или скорпион. Или вовсе выдуманный нарочно для меня зверь. Сейчас я быстро рисовал все круги, сверяясь и понимая, что на этот раз загадка интересна тем, что изобра-жение Бартоломео создал в объёме.

Мне понадобилось около трёх часов, чтобы окончательно удостовериться: это была цапля. Большая цапля, которая кон-чиком своего клюва указывала на аккуратные антикварные часы, висевшие на деревянном оконном откосе. Я обшарил весь корпус, надеясь найти скрытый рычаг, открывающий тай-ник. Но нет – ни намёка, ни лишнего выступа. Даже попытался оторвать часики от стены, но они были приколочены хозяи-

ном намертво. Со вздохом я, размышляя, колупал ногтем металлическую декоративную задвижку, когда она неожиданно откинулась в сторону, а следом легко поддалась передняя стенка часов, открываясь на скрытых петлях. Я настолько обалдел от этой простоты, что даже не сразу сообразил вытащить желтоватый клочок бумаги, преспокойно дожидавшийся меня внутри.

«Малыш!! Я же ясно сказал – обрати своё внимание на мою великую индонезийскую жемчужину. Но ты, как всегда, всё усложнил. Теперь-то слушаешься меня? Неужели ты думаешь, что я зря потратил столько времени на её создание? И обрати внимание, как славно вышел перламутр, совсем как настоящий!!»

Опершись о стол, я рассматривал гляцевитый шар. Сделан он был действительно на совесть и своим матовым блеском напоминал минерал. Почему Бартоломео акцентировал на этом внимание? Ему никогда не требовалось чужой оценки или признания его успехов и талантов. Настоящий жемчуг. Что такого содержит в себе жемчуг? Или...

– Жемчужница? – я пробормотал мысль вслух.

И что теперь? Расколотить шар, потому что очередная подсказка спрятана внутри? А если я его сейчас разобью, но потом окажется, что настоящей-то подсказкой был как раз целый макет? Опустившись в кресло Бартоломео, обеими руками взял шар, стараясь на всякий случай точно запоминать место, на котором он лежал, и потряс его. Внутри что-то сухо стукнуло. Я потряс снова. Да! Великая индонезийская жемчужина, определённо, скрывала какую-то начинку. Выдвинув ящик стола, достал оттуда макетный нож и медленно, аккуратно принялся вскрывать очередной тайник.

– Крошка Альберт! – я удивлённо рассматривал маленького плюшевого медвежонка.

Игрушка была единственным украшением спальни Бартоломео. И то только потому, что Барти не мог уснуть без своего тряпичного друга – всегда перед сном засовывал Альберта под подушку. Сколько я не допытывался, став взрослым, о значении этого ритуала, так вразумительного ответа и не получил. Единственная информация, которую мне выдали, так это то, что полное имя медведя – Альберт Первый, а я могу звать его крошкой, если мне так нравится. Как бы то ни было, Бартоломео никогда бы глаз не сомкнул, если бы медвежонок вдруг исчез. Значит... там, где он сейчас находился, Барти не собирался, не хотел или не мог спать. Или же роль игрушки в его жизни была умышленно преувеличена.

Думать над этим я не стал. Просто положил половинки макета на стол, взял в руку медведя и пошёл на второй этаж, в небольшую спаленку Бартоломео.

Остановившись на пороге, я взглянул на круглое окно на противоположной стене. Сейчас в него лилось жаркое летнее солнце. А ночью окно без крестовины напоминало мне телескоп – так чудесно было смотреть на звёзды сквозь чисто вымытое стекло. Я никогда не спрашивал Бартоломео, случайно или нет он выбрал такую форму, но, повзрослев, точно понял – не случайно. Однако сейчас окно интересовало меня мало, и я подошёл к кровати. Альберт был прямым указанием на очередное послание, я поднял подушку.

На простыне лежали чёрные резные карманные часы на длинной, потемневшей от времени серебряной цепочке. На мгновение мне показалось, что я уже видел их однажды. Дежавю. Секундное и отчего-то отозвавшееся во мне смутной тревогой. Я посадил медвежонка на кровать, а сам осторожно подцепил пальцами цепочку. Открыв крышечку, едва успел поймать выпавший клочок бумаги, скатанный в трубочку. Развернул.

«Малыш!! Признавайся, сколько времени ты потратил на поиски? Ну, что ж, неплохо, неплохо. Мы с Террой гордимся тобой!!

Итак, что же ты держишь в руках? Это волшебная вещица, мой друг, и не вздумай кому-нибудь когда-нибудь говорить о ней. Это — мой самый главный секрет. Это — моя лучшая игрушка, смастерённая нарочно для тебя. Это тот самый ответ задачки про пункты, потому что это и есть пункт. Пункт А-Б. Тебе стоит только решить, как завести эти часы: вперёд или назад. И тогда ты снова сможешь увидеть меня, если соскучишься. Но только перед тем, как сделать что-то, хорошенько подумай о своём настоящем желании. Удачи тебе, Малыш!!»

Я опустил записку, глядя на циферблат. Не размышлял и не сомневался. С помощью этой штуки можно увидеть Барти снова — вот единственное, что я понял из всего прочитанного. Взглянул на комнату, на крошку Альберта. Неизвестно, правду ли написал Бартоломео, получится ли у меня или я навсегда сгину в потоке времени, рассыплюсь на миллионы частиц без собственной памяти. Поворачивая стрелку обратно, я вдруг на мгновение осознал, что рассказы Барти, если он пользовался этими часами, вполне могли оказаться правдивы. Он не лгал мне, никогда не придумывал и не фантазировал! И...

Пальцы мои все ещё сжимали заводную головку, когда я вспомнил обо всём, что узнал сегодня из записок Бартоломео. Пункт А и Б? Есть ли они или нет? Одна ли это точка или... и если я сейчас нахожусь в ней, то... Я вдруг понял, что я бы увидел Барти в любом случае, куда бы ни повернул механизм! Потому что не было его со мной только сейчас, только здесь. И если верить всему, что он узнал о времени, выходило, что я мог бы оказаться с ним в каком-то новом путешествии, куда более захватывающем, чем все сказки, которые были мне рассказаны раньше. Но оказалось слишком поздно.

Я отпустил механизм, и стрелка покорно поползла обратно, отсчитывая время назад. Погружаясь в темноту, я с отчаянием понял, что и дежавю было неслучайным. Бартоломео, как всегда, оставил мне право выбирать. И я выбрал. Малодушно, испугавшись, выбрал известное и безопасное вчера, а не безграничное, неизведанное завтра. В который раз, чёрт возьми, я его выбирал! Отчаяние, впрочем, было мгновенным и исчезло так же быстро, как и окутавший меня мрак.

Бартоломео привычно сидел за столом, работал. Сложилось так, что мы никогда не здоровались и не прощались, и дни перетекали один в другой незаметно, мягко, а беседа, оборвавшаяся накануне, могла продолжиться совершенно неожиданным образом. Склонившись и потрепав спящую в солнечных лучах Терру, я со вздохом мостился на спине барана. Интерьерная кудлатая игрушка стала для меня маловата вот уже лет дцать как. Это было единственное моё место в небольшом кабинете Бартоломео. В детстве нравилось забираться на пахнущего пылью когда-то белого барашка и слушать бесконечные истории о путешествиях. Сейчас же колени мои торчали чуть ли не выше ушей. Едва не свалился, упёршись локтями в кудлатую голову, и поинтересовался:

— Ты когда-нибудь выделишь мне что-нибудь другое? Хотя бы табуретку, Барти!

— Следование привычкам — вот твой девиз, — даже не обернувшись, отозвался мой друг.

— У тебя-то каждый день что-то новенькое, — прищурившись, я старался рассмотреть, чем сегодня занят Барти...

Татьяна Столярова

«И ЭТО СНОВА Я»

– А вы знаете толк, Яков Данилович, знаете...

Человек в форме капитана госбезопасности насмешливо смотрит на пожилого эксперта.

Яков Данилович старательно изображает смущение. На столе перед ним находится весьма приметная вещь – микроскоп, не далее как вчера конфискованный из лаборатории некоего института и до этого дня принадлежавший товарищу, который вовсе нам теперь не товарищ...

– А как же, Глеб Иванович? Экспертизы-то делать надо по высшему разряду, так ведь? Аппаратура нужна лучшая. А где ж её взять, когда враги народа по запасникам да лабораториям растащили?

– Ну-ну. Надеюсь, что экспертизы вы будете делать соответствующие.

– Не сомневайтесь, Глеб Иванович, наука, она превыше всего...

– Будьте вы любезны...

Глеб Иванович удаляется.

Лицо Якова Даниловича меняет выражение на глазах. Взгляд из добродушного делается острым, брезгливо поджимаются губы.

Вот привязался. Ладненько.

Он сосредотачивается...

«А хитёр Яков Данилович, ох, хитёр! Мародёрствует по-тихому... А почему – мародёрствует? Так ведь и надо... Что при-

надлежало врагам – то наше... Молодец Яков Данилович, правильно политику понимает...»

Яков Данилович, правильно понимающий политику, идёт домой привычной неспешной походкой, с которой не сбивается уже лет двести. В руках он несёт выдавший виды саквояжик. Внутри аккуратненько размещён давешний микроскоп.

Нет, не надо считать Якова Даниловича и впрямь мародёром или вором. Он изымает и переправляет домой далеко не все конфискованные инструменты. Только некоторые, особо важные. К тому же он на это имеет некоторое право – многие из них были сделаны когда-то его собственными руками. Правда, таких встречается всё меньше и меньше. Вещи, конечно, живут подольше людей, но и им выходит срок...

– Дедушка, дедушка пришёл!

– Пришёл, Яшенька, пришёл...

Яшенька на самом деле не внучок. У Якова Даниловича были две дочери, да умерли рано. И дар отцовский им не достался, а мог бы. А Яшенька – отпрыск очень боковой ветви их когда-то широко известной фамилии, по несчастной случайности осиротевший. Единственный родственник и полный тёзка. Но есть в них общая кровь, есть... Как и то, что не так давно стали называть «генами». Что очень, очень много значит.

Яков Данилович накрывает на стол, Яшенька помогает. Сахарницу тащит, вазочку с печеньем. Хорошо, что есть возможность сытно кормить мальчика. Если в детстве организм здоров, потом крепче будет, что бы ни случилось. А времени мало осталось.

Выпили чаю. Яшенька что-то о своих игрушках рассказывает. А Яков Данилович чувствует, что пора уже, срочно – а всё никак.

«Боюсь я, что ли?»

Да, он боится. В этот раз помочь не сможет. А просто так любоваться...

Много чего повидал Яков Данилович, а даже за триста лет привыкнуть трудно.

Когда знаешь, что сработает, не так тяжко. А если нет...

Наконец он встаёт кряхтя. Подходит к стене.

Стена как стена, обои в завитушках.

Мужчина поворачивает медное кольцо на пальце левой руки. Становится видно, что это не просто кольцо, а перстень. Металл на глазах светлеет. Мрачно сверкает чёрный камень.

Яков Данилович задумчиво глядит на камень, затем трёт его пальцем и прикладывает к глазку на обоях.

Обои сползают кольцами, как змеиная шкура. Становится видна дубовая дверь. Без замка. Но от толчка она легко открывается, и Яков Данилович входит в помещение. Поворачивает выключатель.

Здесь очень чисто. Ни пылинки, ни соринки. Стены в стеклянных полках, заставленных приборами. Некоторые — в отдельных витринах. Хозяин приходит сюда почти каждый вечер. Часто — не с пустыми руками. Новую вещь после тщательного осмотра определяет на полку. Разглядывает, красиво ли она смотрится. Затем протирает все уголки, полирует стеклянные витрины.

Когда-то здесь был магазин медицинских инструментов. Все предметы в своё время принадлежали известным врачам и учёным. Многие из них у хозяина и куплены. Но у врачей сейчас... скажем так, сложные времена. Кто-то из них вернётся за своими вещами. Кто-то — уже точно нет. Но хозяин правдами и неправдами всё это добывает. Теперь это — Хранилище. Надёжно укрытое, доступное лишь двоим. Двум Яковам.

— Дедушка, ты к приборчикам? — радуется Яшенька и вбегает вслед за дедом.

Умничка мальчик. «Приборчики» обожает, радуется больше, чем игрушкам. Ни разу ничего не разбил и не испортил. Достойная смена будет.

Яков Данилович достаёт из саквояжа микроскоп, бережно водружает его на стол. Гладит пальцами вензель «ВНИ»

– Ещё один! У нас уже много таких!

Конечно, много. Микроскоп – основной инструмент учёного, тем более, врача или биолога. И его чаще всего удаётся присвоить, как бы для лаборатории. Никто не замечает, что они быстро исчезают. Почти никто. А вот сегодня...

Яков Данилович с досадой протирает пенсне.

Иногда он приносит вещи обратно. Только те, которые уже ничем помочь не могут.

«Надо ещё что-нибудь вернуть. Чтоб видел упырь этот. Собака, близко подобрался. И к внушению весьма средне восприимчив...»

Но это потом. А сейчас...

Дальше тянуть нельзя. Яков Данилович садится за стол, берётся обеими руками за винты и склоняется к окуляру. Но смотрит вовсе не в него. Взгляд становится рассеянным.

– Дедушка, а что ты видишь?

– Сейчас, солнышко, погоди...

Глаза слепит яркий свет. Лампа направлена в лицо человека, привязанного к стулу. Почти пустая комната с бетонными стенами. Человек пытается руками в наручниках вытереть кровь с лица.

– Будешь писать, путешественник?

Кто говорит, не видно. Но сомневаться не приходится.

Человек молчит.

Удар – и он падает вместе со стулом. Лежит, не двигаясь.

– Заберите, – приказывает голос.

Взгляд Якова Даниловича наливается мукой. Ноет шрам на правой руке, ох, как ноет. Два с половиной века прошло, а тело всё помнит.

Человек лежит на полу в камере.

– Ну давай, Николенька, вставай, – шепчет Яков Данилович. – Милый, не сдавайся!

Человек начинает шевелиться. Со стоном приподнимается и прислоняется к стене.

«Ох, батюшки. Не помогу ведь я Николеньке. Не в моей власти. Чуть только облегчить...»

Как ожог-то старый болят!

– Дедушка... – слышит он всхлипывания.

Плачет Яшенька.

– Ты что, родной? Что, маленький?

– А за что дядю бьют? Пусть перестанут!

– Ты видишь?

Яков Данилович от изумления роняет пенсне. Хлопает рукой по столу, морщится от боли. Потом прижимает к себе мальчугана.

– Тише, тише, Яшенька. Перестанут, уже перестали...

Успокоив и уложив внука, Яков Данилович идёт обратно в Хранилище.

Вот, значит, как.

«Есть гены, есть. Существуют. Прав Николенька. Вот только не спасу я тебя. Прости».

Что же завтра забрать-то?

Он щурится и внимательно смотрит на свои экспонаты.

Вокруг некоторых заметно слабое свечение. Это значит, что владелец ещё жив. И Яков Данилович может чем-то помочь. Если не убережёт от гибели, то хотя бы уменьшить страдания.

А иногда и спасти удаётся. Вот, например, Лев Александрович. Как радовался, когда узнал, что его оборудование в целости! Шёл, чуть не приплясывал, только чашки Петри звенели. Только вот намаётся он ещё. И чашки его снова воровать придётся. Хорошо, не навсегда. Везучий он.

Яков Данилович тихо посмеивается.

«Парадоксы. Вот бросил Лев Александрович жену, на молодой женился. Предал, фактически. И – тем самым от ареста спас. Потому как больше не жена врага народа. И наши солдатики с пенициллином будут. А так неизвестно, куда бы повернуло».

А вот хирургический набор. Одет в футляр красной кожи с серебряной застёжкой. Лучшая нержавейка. На боку – вензель «БВМ». Очень много он крови видел. Бывший владелец спас, наверное, население небольшого городка.

Давно уже набор не светится. Но Яков Данилович не в силах с ним расстаться. Слишком хорошо знал он хозяина. Слишком больно вспоминать...

Шлёпают по полу маленькие ножки.

– Дедушка, – сонный голос. – Вот это не уноси. Там девочка...

– Какая девочка?!

Но мальчик уже снова спит, присев у дверного косяка.

Яков Данилович относит внука в кровать и возвращается.

«Какая ещё девочка?!»

Ай да Яшенька! А набор-то снова светится! Слабо, еле заметно. Сам бы не заметил, стар стал.

«Посмотрим...»

И правда, девочка. Девушка скорее, лет шестнадцать. Сидит за столом, толстенную книгу читает. Платьишко бедненькое, косички. А красавица. Приодеть бы, эх...

– Наташа, ты на часы смотришь?

Девочка нехотя сползает со стула.

– Покажи книгу.

– «Физиология нервной системы», – бросает она коротко.

– Не рано ли?

– В самый раз, – девочка забирает книгу и уходит.

«Наташенька! Хотя бы у тебя всё было хорошо...»

– Дедушка, а дядя умер, – жалобным шёпотом говорит Яшенька.

– Умер, солнышко, умер...

Яков Данилович осунулся, лицо посерело. Недавно молодцом глядел, а теперь постарел лет на двадцать.

Значит, и вправду – пора. Может быть, уже сегодня.

Звонок в дверь. Яшенька вздрагивает.

– Солнышко, я тебя прошу. Молчи и во всём меня слушайся.

Яшенька кивает. Стоит, сжавшись в углу.

Заходит Глеб Иванович. С ним – трое. Наганы в полурасстёгнутых кобурах.

– Понял я тебя, наконец, старый дьявол. Ишь ты, что умеешь, оказывается. А я-то удивляюсь – что это, как о тебе задумаюсь, начинают в голову всякие оправдания лезть да мысли хорошие.

И тут же, резко сменив тон:

– Будешь рассказывать?!

Копает, копает Глеб Иванович, угомониться не может. Куда только не совался.

«Дурак, не про тебя эта сила. Да и недолго тебе осталось изгаляться».

– Не здесь. С внуком-то проститься позволишь?

– Валяй. И собирайся.

– Иди сюда, Яшенька.

Мальчик робко подходит. Вытирает слёзы.

– Не бойся, солнышко.

Яков Данилович крепко обнимает внука. Незаметно снимает перстень и надевает мальчику на большой палец.

– Не плачь. А теперь подвинься-ка чуток!

– Что смеёшься, хрыч?

Кажется Глебу Ивановичу, или над ним смеётся новоиспечённый арестант?

– Эй... Эй, ты что?!

Странный звук-выдох:

– А-ан-нсо-оз-з-з...

Тело Якова Ивановича сотрясает конвульсия. Трясёт и мальчика, но дед обнимает его так крепко, что трудно разобрать, кто на самом деле бьётся в судорогах.

– Ах ты...

Старик обмякает, голова его запрокидывается. Руки разжимаются, отпуская Яшеньку.

Мальчик отскакивает. Поднимает глаза на Глеба Ивановича.

Он больше не плачет.

Он больше никогда не будет плакать.

Глеб Иванович бросается к телу, трясёт его.

Трое с наганами переглядываются, переминаются с ноги на ногу.

– Сука! Сдох!

Мальчик отступает, не сводя глаз с ночных гостей.

– Змеёныш, где дед приборы хранил?!

– А я почём знаю? – неожиданно грубо отзывается Яшенька.

«Тихо, тихо. Вежливее со старшими. Привыкай, тебе десять лет».

– Топор! Дайте топор!

Крушит мебель.

– Несите лом, вскрывайте полы!

«Ну и что? Ломай, ломай. Хоть грызи».

Бьёт с размаху в стену. Сыплются кирпичи.

За стеной – сортир. Ватерклозет.

Яшенька зажимает себе рот, но тихий смешок всё равно вырывается.

– Гадёныша в детдом! – орёт Глеб Иванович.

Детприёмник.

– Имя, фамилия? – спрашивает хмурая женщина.

– Яков Данилович Борисов!

Словно выплюнул.

«Что ты? Не надо так. Она не злая, просто очень устала».

Яша поворачивает голову. В коридоре за дверью стоит девушка с косичками и внимательно на него смотрит.

– Марина Васильевна, можно, я отведу мальчика в комнату?

– Забирай, уже оформила, – женщина прячет документы в папку.

– Пойдём, я тебе всё покажу. Не волнуйся, – девушка берёт Яшу за руку и уводит по коридору.

«Хм. Когда ж в последний раз я девушку за руку держал?»

– Тебе общагу от училища давали, зачем ты этот участок погорелый выпросил?

– Мой дед тут жил. Вот, во флигеле жить можно, почти не пострадал. Отстрою постепенно.

– Смотри, как бы опять не запретили...

– Наташа! Привет!

– Ой, Яшенька! Как ты?

– В медучилище поступил. Потом – в институт, если получится. Наташа, я хочу тебе передать кое-что. Помнишь, я тебе рассказывал, что мой дед твоего знал?

– Да, а что?

– Пойдём, покажу...

Флигель почти отстроен. Дом, конечно, ещё нет. Главное, не делать ничего слишком быстро. Во избежание.

– Вот, гляди...

– Ой... Это же дедушкин!

– Мой дед сохранил...

Девушка бережно прикасается пальцами к сафьяновому футляру. Вензель блестит, как прежде.

– Яшенька...

Он отворачивается.

До сих пор не привык, что на нём нет пенсне, и нечего протирать в такие минуты.

«Очки себе заведу. Завтра же»

Grold

«ЛАРИЧЕВЫХ ДОЛЖНО БЫТЬ МНОГО»

Велосипед нёсся через залы, по ушам хлестали живые звуки: шелест шин, хриплое дыхание, звон цепи при переключении скоростей. В груди набух комом восторг и скопился вопль – я вновь почувствовал себя подростком. Йо-х-х-о-о-о!..

Удовольствие, увы, продлилось недолго. В коленке хрустнуло, и поясницу пронзила боль.

О-о-ох!

Виляя рулём, стирая каблуки, я кое-как погасил скорость и соскочил с велосипеда за секунду до столкновения со стеной. Жалеть нечего. Таких агрегатов у меня полторы тысячи. Плюс-минус. Не в первый раз устраиваю гонки.

Я возлагал на заезд большие надежды и был доволен: поднялся тонус, размялись суставы, забурлила кровь, и крепко надеялся, что прочистились мозги. В последнее время память стала шалить. Но тут, словно в насмешку, пришло новое испытание.

– Где-то здесь должна быть трость. Сам же растыкал их повсюду. Телескопическая, под дуб, с удобной рукоятью и звонким наконечником, – озираясь, пробормотал я.

Но меня окружали лишь тюки бессрочной пищевой соды, и я не смог вспомнить сразу их количество. Снова тщательно оглядевшись, зацепился взглядом за пожарный щит. На месте багра висела трость.

– А сам-то он где? – растерянно пробормотал.

Цокая наконечником по бетонному полу, я быстро покинул зал.

– Мне новые неприятные открытия ни к чему. Ать-два!

У всех есть враги. Даже у ревизора подземных складов государственного резерва.

Хандру я поборол бессмысленной деятельностью, а депрессию утопил в коньяке. Осталось два.

Тишина – рыхлая баба в зипуне с бледным раздутым лицом и заплывшими безумными глазами. Она постоянно лезет с объятиями. Хочет, сука, превратить в глухонемого. Но я прихорювился: шумлю днём, а вечером напиваюсь до бульканья в ушах.

Второй враг коварнее. Бобёр-невидимка. Он подло и беспорядочно грызёт мою память. И непонятно чей посланец – Альцгеймера или преклонного возраста?

Любой бункер государственного резерва готовился и к чрезвычайной ситуации. Часть помещений была оборудована для жизни двух сотен человек, но служит лишь мне одному.

Подземная река бесперебойно даёт электричество, а ячеистые холодильники, как в банке, хранят замороженные до каменной твёрдости готовые блюда и отдельные продукты.

Когда после ночной ревизии бункер не открылся, я всё понял.

...Общественная организация по запрещению ядерного оружия под незамысловатым названием «Безъядерный мир» была очень популярной. Терзаясь самыми благородными порывами, адепты собрали небольшие «грязные» бомбы и взорвали их на всех пяти континентах. Запустили ролики в интернет и, не скрывая лиц, объясняли цель акции.

А потом, скорее всего, кто-то с особым чемоданчиком не внял предупреждению, и ядерные грибы выросли по всему миру. Это дело пары часов...

Выведенный за ворота дозиметр щёлкает до сих пор.

Никто так и не позарился на подземную сокровищницу. Значит, людям некогда или... некому.

Перебесившись, я, чтобы не свихнуться со скуки, решил установить жёсткий казарменный режим. За удовольствие существования в подземельях расплачиваюсь инвентаризациями, а дурное настроение гашу порчей имущества.

— Сто-оять, раз-два! — громко скомандовал, шугнув подобравшуюся слишком близко суку-тишину.

Все бункеры строились по лекалу и имели единственный вход. Точнее, широкий въезд.

Я стоял на развязке. Наверх, под хорошим градусом, шла дорога к главным воротам. Там висело два дозиметра: один дублировал уровень радиации снаружи, а второй показывал то же самое, но внутри.

Мне нужно было убедиться, что зрение в прошлый раз не обмануло и заодно поквитаться с бобром-невидимкой. Примерно на полпути к воротам стояла тренога с морским биноклем. Телескопическая опора пришлось как нельзя кстати. Эх, старость!

Тяжело склонившись, я глянул в окуляры. Чёрт, действительно бетонная дверь в бункер дала трещину. Теперь показывали крупные цифры и тревожно щёлкали оба дозиметра. И без скидок на общее состояние и память. Уж на слух жадный бобёр не покушался.

Доковыляв до своих покоев, я повалился в кресло, вытер пот со лба и глубоко задышал.

– Ать, мать его так, два.

Те, кто занимался обустройством убежища, конечно, постарались. Были в нём душевые, баня, кухня, прачечная, игровые комнаты, уютные спальни с шикарной мебелью, коврами, мягкими матрацами, невесомыми подушками, тёплыми удобными вещами, но среди ветшающего барахла не оказалось книг. Я нашёл только каталог «Всё для сада и огорода».

У всех медикаментов давно истёк срок годности, поэтому поддерживаю здоровье лишь умеренным питанием, физическими нагрузками и пищевой содой. У меня её... навалом, в общем.

– Чёртов бобёр! Чем тебе не угодила сода?! – Я скопил глаза на стену, увешанную листами бумаги с рисунками и надписями.

Вот моё настоящее поле битвы с непредсказуемым грызуном! Пошаговый распорядок дня, начиная с подъёма и заканчивая чисткой зубов перед сном, собственный корявый портрет с именем и фамилией. И последний штрих – висящие, чётко тикающие, прогоняющие суку-тишину часы. В санузле, душевой и кухне висели свои галереи рисунков.

Впрочем, настоящие испытания начинались, когда я покидал покои. В залах наглядные пособия были бесполезны. Отсюда и участвовавшие велосипедные заезды. При полном отказе визуализации могла сработать память тела.

Я прислушался к ощущениям: поясница угомонилась, колени тоже утихло, да и жадный бобёр, в кои-то веки не покушался на память.

– Тело в норме, а как обстоят дела с душой? – Я подвинул ближе столик с бутылкой коньяка, налил рюмку и медленно, со вкусом выцедил.

За какие заслуги ростовский сирота, переживший озабоченных лишь выплатами на ребёнка приёмных родителей, стал избранным? Откровенно говоря, я считал себя весьма заурядным, впечатлительным и романтичным человеком. И именно из-за последних двух качеств я торчу в бункере.

Здесь нет маленьких помещений. Моя берлога размером со стадион и завелось в ней всякое. Где-то в тених тихо хихикает сумасшествие, скользят призраки, прячутся кошмары и вспыхивают фантомы. Их я усмиряю громкими армейскими командами и декламацией вслух скучных воспоминаний.

Был, правда, один пласт, который я не озвучивал – слишком постыдные, болезненные страницы. Но жизнь понеслась к финишу галопом, поэтому пришла пора выпить горькую чашу воспоминаний до дна и заодно оценить ущерб от бобра.

...Первый случай произошёл в институте. Уже бушевали летние каникулы, а четвёрка несчастных вместе со мной никак не могла сдать один зловредный зачёт. Впрочем, нам повезло – декан факультета предложил альтернативу.

Институтская библиотека переехала в другое помещение, а прежнее планировалось под склады, но в запасниках осталось много списанной литературы. Декан велел нам всё сжечь за корпусами на пустыре.

Мы проработали весь день. Потом сокурсники побежали докладывать в деканат, а я остался ждать кастеляна и дожигать последнюю пачку журналов «Юность» пятилетней давности. Один выскользнул из стопки и раскрылся посередине, чем и привлёк моё внимание. Рядки стихов оставили равнодушным, а вот рисунок!..

Он был выполнен в виде карандашного наброска, изображавшего девичий силуэт: развевающийся от быстрого шага плащ, кудри, острый носик, придавившая мокнувший в луже

кленовый лист тувелька. Фоном служили контуры многоэтажных домов и тронутые ветром деревья. Рисунок дышал движением, пах осенним дождём, тревожил душу. Казалось, звала, заманивала сама девушка. Внезапно у меня потемнело в глазах, забулькало в голове и потащило.

– Как долго я тебя ждала! – звонко рассмеялась девушка, и мы, давя разбухшие кленовые листья, побежали вместе.

Даша занимала чердак-мастерскую в раздробленном на отдельные квартиры обветшалом особняке. В помещении гуляли сквозняки, оконные стёкла дребезжали от ветра, повсюду царил беспорядок, холодильник был забит варёной колбасой и плавлеными сырками, а на электрической плитке постоянно выкипала бурда из желудей и цикория, которую она называла кофе и глушила литрами. По дому девушка ходила в растянутых безразмерных свитерах и длинной, собирающей мусор юбке.

Даша оказалась эксцентричной особой с перепадами настроения, склонностью к экзальтации, беспомощностью в быту и полной отдачей работе – она писала аляповатые выпуклые пафосные жанровые картины, напоминавшие мне бравурные марши.

Чуть пообвыкнув, я завалил её вопросами.

– Мечтала, звала, и ты появился. Вот просто выскочил из переулка и пошёл рядом. Мой муз! – восторженно объявила она.

– Муз?

– А как ещё назвать музу мужского рода? – поинтересовалась Даша.

Свободная художница, если она не искала по всему городу краски и кисти, то корпела над холстами. Военно-морской музей заказал ей триптих на тему Чесменского сражения, выдал аванс, но работа застопорилась – не удавалось состояние

триумфа и образ главного героя, — а сроки уже поджимали. Я пришёл к стати. Помимо незаслуженной роли муза, она всю пользовалась мной как натурщиком. Позируя с бутафорской саблей во славу русского оружия и доблести, я почему-то чувствовал себя побеждённым пашой Хасан-беем.

Через пару дней питания всухомятку я устроился грузчиком на станцию. Там платили сдельно и документов не требовали.

Спустя неделю я знал в лицо всех обитателей особняка. Одна половина считала Дашу блаженной и утверждала, что рано или поздно она устроит пожар; вторая — чокнутой и что чердак-мастерскую скоро оккупирует сборище неформалов. Соседи меня — я представился её родственником из деревни, — дружно и сочувственно приодели по сезону.

Каждый вечер я задавался вопросами: как, почему, что дальше? Мрачнел, худел и раздражался. Позвонил в деканат института и, изменив голос, спросил, учится ли второкурсник Александр Лиричев. Ответили, что да, на занятиях. Чёрт возьми, в Ростове был один «я», а в Москве второй — кто главный, если реальность одна? Значит, получается, можно отпочковать двойника без ущерба для сознания, личности и тела?

Я лютовал от страха и неопределённости.

— Дай закончить работу! — наконец взмолилась Даша, и у меня посветлело на душе.

— Договорились.

Музы приходят, когда их иступлённо призывают творческие личности. Но они не могут служить вечно!

Пытка позированием продолжалась ещё две недели, и Даша старалась подсластить мне пилюлю. В помещении появилось подобие порядка. А однажды она даже решилась сварить кашу, и убедила меня, что опасения соседей насчёт грядущего пожара небезосновательны.

Наконец художница закончила работу над триптихом.

– Не посмотришь?

– Давай. – Историю следовало довести до финала.

Рассеянно скользя взглядом по разбитым на фрагменты этапам великого морского сражения, я размышлял на другие темы.

Если оставить за скобками прибабахи и веру в муза, кем же Даша меня считает? Досужим бездельником, искателем приключений или по жизни, как котят бездомных, подбирает вдохновителей?

– Отпускай! – содрогнувшись от омерзения и отпрянув, закричал я.

Девушка вскинула руки, словно защищаясь, и тут же меня что-то подхватило под мышки и грубо утащило...

Очнулся я в компании с хмурым кастеляном и догорающим костром. Чужой свитер жал горло, а в кармане обнаружили вышедшие из употребления деньги. Журнал оживил огонь ещё на несколько минут.

В новом учебном году я почти забыл о случившемся, только иногда ночью снилась кошмары. Соседи по комнате говорили, что кричал. И ещё в моём лексиконе появился термин «втаска».

...Следующий случай произошёл на выпускном вечере в кафе.

Замучившись расшифровывать всё менее внятные заказы, диджей ушёл покурить и врубил магнитофон. Волной однокурсников меня вытащило на танцпол. Перед глазами плыло, лица размывались, текли, тело существовало само по себе. Сквозь хлюпанье в голове песня «Московская осень» слышалась через слово, но образ незнакомки обрисовался настолько чётко, что я протрезвел.

...Мокрые от дождя и запятнанные неверными отблесками фонарей дорожки парка Горького... Гулкий стук тяжёлых ка-

пель по зонту... Тонкие ментоловые сигареты Salem... Чёткий цокот каблучков и шорох листвы...

Я вдохнул сырой запах городской осени с привкусом автомобильных выхлопов, и через мгновение меня рывком втащило к девушке из песни.

— Становись под зонт, — хрипло сказала она.

Жила Инна рядом с парком. Убранство квартиры говорило о хроническом одиночестве хозяйки: минимализм, острые углы, густые холодные синие тона, пыльные букеты засушенных цветов и консервативные эстампы. Пользовалась девушка тяжёлыми духами с запахом увядших лилий и жгла палочки сандалового дерева. Посреди комнаты стояла чертёжная доска с эскизами архитектурных излишеств.

— Выскочил из ниоткуда, как и загадала, — призналась она.

Нечто подобное я уже слышал и сразу взял быка за рога.

— Вдохновитель нужен, муз. Творческий кризис, да?

Инна кивнула и деловито разложила прямо на полу карту района.

— Здесь, — ткнула циркулем, — проложат новую трассу. А в этой точке планируется развязка. Круг газона, но посередине стоит квадратная кирпичная водокачка. Мы с коллегами решили из неё сделать достопримечательность, оформив каждую сторону в стилях рококо, барокко, классицизм и ампир.

— Водители будут смотреть на дорогу, — хмуро возразил я.

— Глупости, — отмахнулась она.

— Ладно. Как понимаю, у тебя ампир. В чём загвоздка?

— Карнизы не стыкуются, — вздохнула девушка.

— А должны? — изумился я. — Проще сыграть на контрасте и нарочито разделить стили широкими железными скобами на стыках.

— Вот и пригодился! — радостно блеснув глазами, выпалила Инна.

Она оказалась глупой, жадной, злопамятной и вздорной. Ей все были должны. Даже подарившие жильё и обеспечивающие материально родители.

В муза девушка поверила сразу и безоговорочно. Какая разница кого винить в случае неудачи?

Возня с карнизами затянулась: она не доверяла мне, себе, коллегам. Архитектура — это застывшая музыка, но в эскизах Инны проступали смазанные оттиски штампов.

Чтобы выветрить из ноздрей назойливые запахи и избавиться от навязанного общества, спустя три дня я снова устроился на знакомую станцию разгружать вагоны. Втащило меня всего на восемь месяцев назад, и там многое поменялось, но не равнодушие к документам.

Роль муза низкого пошиба тяготила меня. Шикарная, чёрт возьми, задача для парня, блуждающего по любому искусству, как ёжик в тумане!

Не в натуре Инны было упускать удачу, и по окончании работы начался торг, но она просчиталась. Меня не сковывали обязательства, поэтому встречно обещал всё, чего её душа пожелает. От отчаяния я выложил всё, заработанные на разгрузке вагонов.

— За проживание.

Инну подвела жадность. Она протянула руку к деньгам, и через мгновение меня какая-то сила заботливо вытащила из душной квартиры и бережно вернула на танцплощадку. Моё исчезновение на время, пока звучала песня, в таком бедламе прошло незамеченным.

— Это расплата за впечатлительность и романтизм, — убеждённо сказал я, мысленно поклявшись меньше слушать музыку и сосредоточиться на цифрах. Они не подведут.

Спустя полгода я работал стажёром в банке, ходил, не поднимая глаз, избегал любого общения и шараялся от молоденьких сотрудниц.

Внутренний конфликт оказался серьёзнее, чем я полагал. Самооценка грозила ухнуть в бездну. Как строить планы на будущее и заводить отношения, если в любой момент могут выдернуть, чтобы обслужить очередную скромно одарённую особь? Я боролся, и к прежним табу добавил отказ от кино, а в кармане всегда носил вышедшие из употребления деньги.

Как оказалось, не зря.

...Меня отправили с договором в выставочный центр.

Привычно глядя под ноги, я шагал по пустым залам в поисках бухгалтерии и на повороте неожиданно столкнулся с уборщицей. Отпрянув, поднял глаза и, вместо извинений, восхищённо застыл. На стене, за её спиной, висели увеличенные цветные снимки. Неизвестный фотохудожник, используя свет, ретушь и меткие названия, талантливо запечатлел моменты обычной жизни.

...Длинная хмурая очередь перед напоминающим врата ада входом в магазин...

...Нищая старушка с магнитофоном Sony...

...Крупным планом чуть асимметричное одухотворённое девичье лицо. А дальше, фоном, обшарпанная остановка с выбитыми стёклами и размытые контуры мчащихся автомобилей...

Вот тут я был совершенно не согласен с сопроводительной надписью под снимком. Девушка задавала философский вопрос «Почему?» не стране, а обращалась к себе. И глаза такие выразительные! Серые, дымчатые и словно подёрнутые ледком. Интересно посмотреть, какими они станут, когда оттают?

Не успел я додумать мысль, как понял, что попался. На этот раз обошлось без рывков или бережного переноса – невидимый кулак врезал прямо в сердце.

Я оказался на той самой улице с фото. В нос ударил смрад автомобильных выхлопов, мимо непрерывно шёл поток автомобилей. С тумбы на меня тарашился гастрольный плакат. Пропустив содержание, остановился на шапке. Подмосковье, девяносто третий год, май.

И тут за спиной заревело. Я обернулся и увидел одинокую оцепеневшую девушку возле остановки – на неё нёсся, потеряв управление, огромный грузовик. Костяшки водителя побелели на руле, рот кривился в беззвучном крике, а в выпученных глазах бесновалась пустая обречённость.

Не раздумывая, я сорвался с места, схватил девушку, дёрнул на себя и упал за бордюр. Грузовик пролетел в считанных сантиметрах, снёс остановку, своротил тумбу и мягко уткнулся в газетный киоск.

Я спиной чувствовал твёрдость асфальта, в шею давил уголок бордюра. Рывок встряхнул девушку как термометр и холодок в глазах пошёл на убыль. Тет-а-тет – наши лица скрыла волна русых волос. Так бы и любовался ровной линией носа с тонкими ноздрями, нежным пушком на щеках, чётко вылепленной верхней и пухлой нижней губой, резким рисунком скул, ресницами-махаонами, чуть рыжеватыми бровями вразлёт. Вблизи её асимметрия перетекла в неброскую тёплую красоту.

– Спасибо! Ой, кажется, каблук сломался, – решительно высвобождаясь из моих объятий, сказала она.

О-о, какое тело! Упругий мячик – прыг-скок.

Таня, Танечка, Танюша... Как тёплым летним дождиком омыло. Меня нестерпимо тянуло прикоснуться к ней.

– Лиричев Александр, – с глупым официозом представился, и она не убрала руку.

Мне очень импонировала её сдержанность и прямой взгляд.

Сапожник колотил молотком по каблуку, она покачивала ногой, я витал в мечтах. Костями лягу, но помогу! А потом, в реальном времени, вернусь и женюсь.

Таня снимала жильё в частном секторе. Пока шли, я искоса на неё поглядывал и делал открытия одно за другим: на подвижном от природы лице маска; семенит, чтобы не покачивать бёдрами; одета скромно; глаза в землю. Словно хочет стать незаметнее. От каких же невзгод прячешься?

Уже возле калитки я придумал план.

Хозяйка содрала с меня деньги за месяц вперёд и поселила в кособоком флигельке на два хозяина, где через хлипкую стенку жила Таня с трёхлетней дочерью Соней. Девочка одеждой и серьёзностью напоминала гномика.

С ухающим в пятки сердцем я подслушивал их нехитрую, но такую притягательную жизнь.

Следующий день потратил на слежку за Таней. Утром она отвела дочку к соседке и бежала в отдел кадров овощной базы. После обеда шла в городской архив. Везде на полставки — грошовая гонка. Потом по магазинам и домой.

Вечером решил, накупил сладостей, дождался, когда она уложит дочь спать, и явился в гости. Пора было выяснить, зачем ей муз и спасти во второй раз.

Я втягивал в себя сложный букет возбуждающих запахов и разглядывал фотографию в рамке: родители Тани, братья и сестры. Крепкое дерево с ветвистой кроной.

— На Алтае живут, — выдавила из себя она и полезла в карман за платочком.

Тут не нужно было расшифровок. Здесь — полный тупик, а в родном доме суровый и властный отец. Он не простит.

Она не кокетничала, не напускала туману, не врала. Всё было открыто и честно. Но ответы из неё приходилось вытягивать клещами.

Наконец, передо мной предстала вся картина: первый курс медицинского училища, чужой город, появился соблазнитель и вскружил ей голову, поиграл, бросил несовершеннолетнюю беременную, она сбежала на чужбину от стыда, и теперь, не понимая, что делать дальше, леденеет душой.

— То есть о соблазнителе родные не знают? — уточнил я.

Таня кивнула.

Ночная лампа наводила тени, делая лицо девушки ещё прекраснее. Вцепившись в её руку, я рассказывал интересные и смешные, но чужие — своих-то было только две, и обе мерзкие, — истории. Таня горько улыбалась. Моё красноречие лишь слегка отвлекало её от собственных забот.

Мечту Тани я разгадал быстро. Чтобы упорядочить судьбу, ей остро требовалось найти надёжную точку опоры.

В следующий вечер я пришёл с букетом цветов, и поразил-ся реакции: она не нашла во что их поставить, не знала куда себя деть от смущения и как при этом отреагировать на меня. Таня хоть и была старше почти на год — ах, какие пустяки! — но осталась неизбалованным ребёнком.

Прошло три дня. Я витал в облаках. Мечты заканчивались постелью и оттаявшими глазами Тани. А дальше, по моему святому убеждению, всё должно было разрешиться само собой. Как в сказке. Плюс невыносимое желание постоянно прикасаться к ней — разве это не любовь?

На пальце девушки появилось первое украшение — скромное колечко с фианитом. Я починил, уж не знаю как, утюг. Постоянно вытаскивал её на свидания: мы ели курицу-гриль, танцевали на дискотеке, ходили в кино, слушали заезжую

рок-группу, спасались бегством от поддатой шпаны, смотрели в чужие окна, фантазировали и целовались до звёзд в глазах.

Постепенно раскрывался характер и таланты девушки. Я глазами и нутром понимал, что Таня – это сокровище. Не будет более надёжной подруги, верной жены и отличной хозяйки. Просто жизненные обстоятельства пришибли и забросили её в пыль.

Близость ошеломила. Словно корабль из долгого путешествия пришёл в родную, уютную тесную гавань. Таня, Танечка, Танюша...

- Ты свежая, как роса, – восхитился я.
- Порода такая, – нежно прошептала она.
- Чувствуешь поле? Оно нас притягивает.
- Это душевное тепло, Саша.

Но одна тучка, омрачавшая идиллию, всё-таки имелась. Дочь Соня. У меня не хватало духу сойтись с ней. Девочка толком и не видела, вечернего визитёра, меня.

Таня деликатно молчала, но я знал, что эту проблему, ради нашего общего будущего, придётся решать.

Я тянул неделю. Наконец решился и пошёл в магазин игрушек. Два гигантских медведя – один коричневый, другой белый – выделялись из общей пёстрой массы. Млея от фантазий, счастья и предвкушения, я ткнул пальцем.

– Правильно, – одобрила продавщица, – он практичный и немаркий.

Окрылённый, я вернулся. Таня, что-то напевая, готовила завтрак. Соня сосредоточенно совала левую ногу в правый сандалик.

- Это тебе.

Девочка изумлённо посмотрела на игрушку, перевела взгляд на меня и неуверенно спросила:

- Ты мамин муз?

И тут все краски поблекли. Пробормотав что-то бессвязное, я уронил медведя, выбежал прочь и заперся в своей комнате.

Разумеется, не выговаривая некоторых букв, Соня имела в виду «муж», но её слова вернули меня с небес на землю.

Моё место и время не здесь, что я могу им дать? Ребёнок – тяжёлая ноша, обуза, а у меня ни специальности, ни работы нет. Таня старше на целый год! Тащить, надрываясь на разгрузке вагонов? Нет, я не точка опоры – мальчик по вызову в зыбучих песках. А вдруг новые втаски? Как возвращаться с изломанной психикой и видеть леденеющие глаза любимой?

От отвращения к себе мутило. Я лежал, изводя душу и потеряв счёт времени. Очнулся, услышав хлопок соседней двери, на автомате собрал все деньги, закатал в газету и забросил в её комнату через форточку. Как плату за разбитые сердца.

– Не могу, – с надрывом выкрикнул я и зажмурился.

Возвращение напоминало блуждание по мрачным подвалам...

Уборщица посторонилась и проворчала:

– Откуда ты снова выскочил? Бухгалтерия прямо и налево.

Даже не посмотрев на фотографию Тани, я бросился прочь.

Уволившись из банка, пошёл работать в городской отдел статистики и вскоре меня назначили ревизором госрезерва.

К сорока годам я превратился в зануду, сухаря и неумолимого крючкотвора. Больше втасок не случилось, но на личной жизни я поставил крест. Слизняки не должны размножаться.

Однажды решил и съездил в Москву. Серия картин с моим лицом, расположенная в самом глухом углу Военно-морского музея оставила равнодушным, а на водокачку в четырёх стилиях, разделённых железными скобами, водители совершенно

не обращали внимания. Мне было без разницы, чем занимаются сейчас Даша и Инна.

Наведаться же в Подмоскowie и, тем более, на Алтай не хватило духу. А спустя пару лет интернет пестрел роликами от террористов, устроивших взрывы «грязных» бомб. Они совершенно не скрывали лиц. Совершенно...

Мать, обжѐгшись во второй раз и окончательно заледенев душой, больше не смогла полюбить, и выбрала страшную дорогу, а Соня пошла по её стопам.

Слишком поздно я понял, что совершил непростительную глупость, упустив единственную, предназначенную судьбой. Трусость же и малодушие привели к тому, что мой мир опустел, а земной шар превратился в радиоактивную пустыню.

Проводя долгие часы в раздумьях, я догадался, кто автор «втасок». Ангел-хранитель человечества — больше некому.

Слабое утешение.

Воспоминания разбередили душу. От отчаяния даже проклюнулась храбрость. Я полез в тайник.

Кейс со всем необходимым был заготовлен ещё до бункера — таскал с собой как талисман, билет в потерянный рай, тщательно продуманный план и последний лучик надежды. Не хватало силы воли решиться повернуть время вспять.

— Почему эта мысль не пришла раньше в голову? — зло прошипел я. — Сам виноват — оступел, утонул в цифрах и затушил фантазию. А-а, чёрт, ну зачем вру? Я трус! Бобѐр, радиация и близкая смерть — вот причина.

Чтобы унять разбушевавшуюся совесть и успокоить нервы, я дважды дѐрнул коньяка. И тут меня озарило. Втаски, втаски... А что если так?

Липкие, но бессильные мечты-посылы крепко цеплялись к сильным картинкам, мелодиям, фото и застывали в ожидании жертвы-эmissара с подходящей душевной организацией, способной и подкормить, и подвезти. Как правило, их расклеивали проводники – творческие личности и несчастные в любви. А ангел-хранитель, не имея возможности попасть и самому повлиять на прошлое, лишь подталкивал таких, как я. И единственный раз, когда судьба девушки и её дочери могли изменить будущее, был мною испоганен. Реальность-то всего одна. В этом всё дело.

– Пора действовать. – Слова прозвучали храбро, но голос дрожал, и внутри меня было сплошное желе.

Щёлкнув зажимами кейса, я осмотрел своё приданное – купленные за бесценок на блошиных рынках пачки вышедших из употребления денег. Полистал выправленный паcпорт – мне удалось Лиричева превратить в Ларичева и стать на год старше. Пусть второй «я» живёт – не тужит, а родители Тани считают нас одногодками.

Напоследок выдрал страницу из каталога «Всё для сада и огорода» с описанием приспособления, до которого в конце прошлого века ещё не додумались. Миникультиватор – прекрасная замена тривиальной лопаты.

Я завёлся – обстоятельства, алкоголь, пара крепких ругательств и волна энтузиазма придушили слизняка внутри. Время поджимало, поддержки ждать было неоткуда, поэтому по-хамски обратился к нематериальной инстанции.

– А ты ведь, ангел-хранитель человечества, тоже проиграл. На всю катушку использовал меня, но не справился с заданием. Знаю, что скрываешься где-то здесь. Сидишь, боишься ответить за прокол и ждёшь, когда я созрею. Не зря же даровал

бункер и жизнь. Оба трусы – мы так похожи!.. Но ты немой и способен лишь устраивать подлые втаски. Скван ограничениями – как же, как же. Только сейчас всё будет иначе, понятно? Сможешь – подтолкни. Нет – тогда не мешай.

Возвращение в прошлое – та же втаска, только теперь иницирую её сам. Пока хватает духу.

– Нужно сосредоточиться и воссоздать май девяносто третьего года, – встав на ватные ноги и прижав к груди кейс, произнёс я. – Ать-два, начинаю!

Мне было страшно, полезли сомнения. Вдруг не потяну из-за старости, и образы получатся серые, унылые, неживые?

Я напрягся, вжал голову в плечи и зажмурился. Ну, ну!..

Перед глазами медленно, как на фотографии – и это хорошо, правильно, – начали проявляться самые вкусные, гурманские воспоминания, вереница, табун...

Яркие, сладкие, складные...

В голове помутилось...

– Ой, извините, не заметила, как вы вошли!

Я пожал плечами и не услышал привычного болезненного хруста, зато рубашка на молодом теле вздёрнулась почти до пупа. Удалось!

– Дайте мне вот этого медведя.

– Зачем вам белый, ведь вы позавчера уже купили коричневого?! – воскликнула девушка и, смутившись, добавила: – Или это брат ваш был, младший? Дёрганый, перевозбуждённый, не в себе...

– Ха-ха-ха. И что?

– Дорого, марко, непрактично. – Откровенно кокетничая со мной, продавщица попирала главный закон торговли.

– То была взятка, а это подарок.

Лишь на выходе из магазина я спохватился. Позавчера? Чёрт возьми, уж подтолкнул, так подтолкнул! Или это я сам, что ли, маху дал?..

У флигеля самообладание покинуло меня: затряслись ноги, кейс потянул к земле, подарок норовил выскользнуть из вспотевшей ладони.

– Что, Сашок, обратно в бункер? – процедил я, шумно сглотнул, толкнул плечом дверь и сделал шаг.

В комнате зарёванная Соня возила пальцем по блюдецку с вареньем, а Таня как сомнамбула укладывала вещи в сумку.

– Здравствуй... те.

Первой среагировала девочка. Она обернулась, пискнула и восторженно уставилась на белого медведя.

– Соня, я твой папа, и мамин... муз.

Таня застыла, побледнела, выронила кофточку, без сил опустилась на кровать и расплакалась. Меня, будто после щедрого глотка газировки, ударило пузырьками, только не в нос, а по глазам. Хорошо-то как!

– Папа? – пробуя слово на вкус, неуверенно произнесла девочка.

– Да, – подтвердил я, и на душе стало просторно.

Спустя час, наведя порядок, мы пили чай. Соня, немного дичась, пряталась за мишками и с любопытством поглядывала на меня. Таня зябко куталась в вязаную кофту.

Между нами лежала пачка денег, которые ей оставил в прошлой жизни и позавчера. Вперемешку старые и те, что появятся в результате денежной реформы только через месяц. А отдельно красовались две купюры, датированные аж девяносто пятым годом.

– Ты хочешь об этом поговорить?

– Нет, – подумав, решительно ответила Таня.

Любит, любит!

В её глазах осталось несколько льдинок. Я знал, что придётся балансировать на лезвии ножа, но не так же скоро!

– Хочуспасти во второй раз...и остаться с вами, – прошептал.

– Если...

– Никаких «если», – я мягко приложил палец к её губам.

– Если не навсегда, то лучше уходи, – упрямо закончила

Таня.

Без соплей и сюсюканий. У меня в груди набух ком.

– Завтра зарегистрирую наш брак задним числом и запишу себя отцом Сони, – твёрдо посмотрев ей в глаза, отпечатал я.

– Мы же знакомы всего месяц? – вздрогнула девушка.

Меня насторожила вопросительная интонация Тани. Неужели?

– Клином на тебе сошёлс свет, – признался ей.

Никогда не умел говорить комплименты, но после этих слов всё пошло как по маслу.

Вечером девочка в обнимку с белым медведем влезла на нашу кровать и принялась уточнять, что в её понимании означает «папа» и, довольная моими ответами, сладко уснула. Мы с Таней держались за руки, а между нами лежал трогательный комочек.

Семья.

– Мы вернёмся на Алтай вместе, – тихонько пообещал я. – Ведь ты об этом мечтаешь?

Таня легко вздохнула.

В подземелье я выдумал сто счастливых жизней с любимой, и уж реальную одну, костями лягу, но проживу!

До броска на Алтай у меня было много дел.

Соня должна была привыкнуть ко мне и считать, что папа существовал всегда. Также требовалось пообтереться в обще-

стве, чтобы повзрослеть, выправить лексикон и набрать хорошую физическую форму. Слишком молодо, хило и угрюмо выглядел. Всплесков старческой мудрости не боялся. Нечему там. А вот приобрести привычку держать язык за зубами стоило.

Я начал ходить в тренажёрный зал. Сою за взятку устроил в детский садик. Таким же манером получил брачное свидетельство и соответствующие штампы в паспортах.

– Ларичевы, значит?

– И их должно быть много, – произнёс я сокровенное, и Таня неуверенно кивнула.

После домашнего празднования выдал жене на этот раз правильные деньги.

– Хозяйка – ты. Занимайся, чем хочешь.

– Я всё умею, – ответила Таня и прикусила язык.

Меня передёрнуло. Чёрт, чёрт, чёрт! А как же с Соней? Это сейчас она ничего не понимает, а дальше?

На переучивание, чтобы получить новую профессию, у меня не было времени, и я устроился работать в единственное предприятие, держащиеся на плаву лишь благодаря выпуску резинового изделия номер два. Мужики, нутром чуя перемены к худшему, хмуро шутили о продукции, постоянно играли в карты на деньги, дружно били должников и крепко пили горькую. Меня взяли разнорабочим, но в обязанности входила лишь регулярная доставка водки. Через неделю я стал своим в доску, возненавидел алкоголь и занялся личными делами. Надо было немножко подмять реальность под нужды семьи Ларичевых.

– Карты – это сердито и скучно. Давайте устроим тотализатор? – предложил.

Идею восприняли с энтузиазмом, и теперь единственным пострадавшим был свежий выпуск газеты «Советский спорт» с результатами футбольных матчей. Я стал букмекером и, вне

зависимости от исхода, неизменно получал прибыль. Всё честно. В футболе я был ни бум-бум, зато с цифрами на «ты».

Слесаря сделали мне образец миникультиватора, а бюро в райцентре выдало патент. Пробные партии разлетелись как горячие пирожки.

Только вот Таня до сих пор ещё не пришла в себя от шока и моей бурной деятельности, перевернувшей жизнь кувырком. Я ощущал небольшой холодок, дистанцию и часто ловил на себе её испытующий взгляд. Как ни странно, но мне это нравилось. Просто порода у неё такая.

А вот Соня быстро привязалась к мужчине, который исполняет все прихоти, внимательно слушает и даёт обстоятельные ответы. Дети очень чуткие, и вскоре «папа» стало её вторым обращением после «мама».

Каждый вечер мы вместе ужинали, пили чай и разговаривали. Я с удовольствием открывал всё новые и новые таланты любимой. Она оказалась хозяйшкой, чистюлей, разумно распорядилась бюджетом и иногда, забываясь, изрекала суждения, которые по возрасту не могли быть ей доступны.

— Ты медикаменты когда-нибудь принимал? — однажды спросила Таня.

— Только соду, — брякнул я и осёкся. Чёрт, чёрт, чёрт!

— Лекарственные травы изучать хочу, — призналась любимая.

— Отлично.

Ночью мы отдохали от подозрений и недосказанности. Она предпочитала темноту.

— Так все ощущения ярче.

Я был полностью с ней согласен. Моя, моя!..

— А-ах, — на пике наслаждения грудным голосом стонала она, и мне этот короткий звук был дороже всех экстатических воплей на свете.

– Ненасытный! На следующий раз ничего не останется, – смеясь, ускользала из моих объятий.

– Ошибаешься, – рычал в ответ.

Таня предохранялась. Я не торопил её. Время, надёжная работа и любовь устранят эту маленькую проблему.

Меня часто подмывало желание открыться любимой, но сдерживало то, что она, как прямой и честный человек ответит своими болезненными признаниями. Лезвие, на котором балансирует Таня ещё тоньше, чем моё. Ведь они с Соней, в отличие от меня, один раз уже умерли.

Я пёр как танк и спустя полтора года сколотил приличную сумму денег, купил иномарку, подкачал мускулатуру, выправил осанку и привык носить хорошую одежду. Таня, обретая точку опоры, превратилась в полную спокойного достоинства королеву. Свои чувства ко мне она не доверяла словам, а показывала глазами.

Соня же вила из папы верёвки.

Весь путь до Алтая я копил в себе решимость и силу. Мне предстояло взять на себя лавры соблазителя несовершеннолетней и выстоять перед отцом Татьяны. Почти всю дорогу она держала руку на моём колене и молчала.

– Всё будет хорошо, – твёрдо пообещал ей.

Экзамен я, не дав и слову плохому тронуть Таню, выдержал. Пышное застолье, с трудом. Через день купил приличный участок земли у леса и начал, учтя хрустящее колено в будущем и непременно пополнение семейства, стройку большого, но одноэтажного дома.

Вся родня Татьяны помогала, и это доводило меня до слёз. Я, расплевавшись с прошлым, стал частью настоящей семьи, чёрт побери!

Заложили баньку, засыпали гравием дорогу к посёлку, в пустующем сарае заработала кузня, и появился пресс. Вскоре миникультиваторы широко пошли по стране.

Спустя год мы въехали в дом. Жена всерьёз занялась травами: сушила, замачивала, делала вытяжки, настойки, сборы и чай. Таня-травница гремела на весь край.

Каждая комната нашего гнёздышка теперь пахла по-особенному. Мы лечились природой и научились понимать друг друга с одного взгляда. Таня прекратила принимать противозачаточные таблетки.

– А-ах, – любимая сладостно, густо и эмоционально выдыхала в баньке самый прекрасный аккорд на свете.

Наверное, из-за того, что парились берёзовыми и дубовыми вениками, у нас родился крепкий как дубок, сынишка и две гибкие, тоненькие берёзоньки-дочурки. Ларичевых должно быть много!

Счастье – вечное солнце в зените. Мы не расставались с любимой. Полдня – максимум, и бежали убедиться... Подолгу стояли обнявшись...

Соня стала жаловаться на плохие сны и видения где-то к совершеннолетию, и Таня ей всё объяснила. Дочка крепко подумала и через год вышла замуж.

Я облегчённо выдохнул, но серьёзный разговор с женой был ещё впереди.

На мой день рождения собрался весь честной народ. Столы ломились, взлетали и опадали голоса, сыпались здравницы. Ради такого случая приковывал даже отец Тани.

– Не разберу, чьи вы, ребятки? – шутливо обратился он к близнецам Сони.

Те, хохоча, принялись объяснять.

– А это кто?

– Папа! Муз насэй мамы! Деда, цего ты? У нас есё сестлицька есть, только она маленькая.

Муз! Я улыбнулся, чуть прихрамывая вышел во двор, широко развёл руки и счастливо зажмурился – жизнь удалась!

Дверь хлопнула, и я спиной почувствовал присутствие Тани с Сони.

– Мы решили сделать тебе подарок, – торжественно объявили они.

– Трость. Телескопическая, под дуб, с удобной рукоятью и звонким наконечником, – промышчал я и покачал головой. День, наверное, сегодня такой?!

– Спасибо, милые! – Чмокнул обеих в щёки. – Скажи, дочка, ты счастлива? Ничего не хочешь поменять?

– Хочу! Подгузник твоей внучке. – Соня расхохоталась и убежала в дом.

– А ты, Танюша?

– Конечно, любимый.

– Знаешь, я ведь тебе должен.

– Брось. Ты вернулся, снова спас своих девочек и подарил им второй шанс.

У меня на глазах выступили слёзы.

– И себя... Хочешь, расскажу?

Хватит ходить по лезвию ножа. Пусть знает, каким я был трусом и слизняком.

– Мы рассчитались за прошлое. Мир остался прежним... и целым. Мне кажется, что даже время для нас сейчас движется медленнее, – осторожно произнесла Таня.

– Да уж.

– А я ведь поняла, почему Ларичевых должно быть много, – призналась она и смущённо добавила: – Получается, равновесие в мире зависит от нашей любви.

– Значит, всем можно расслабиться, – убеждённо произнёс я.

– Это точно, – улыбнулась Таня, поцеловала меня и пошла к гостям.

Я посмотрел на её с возрастом почти не изменившуюся фигуру, мягкие покачивания бёдер, свободную походку, гордую посадку головы и легко выдохнул. До чего же хороша и желанна! Вот оно достоинство и порода!

Словно почувствовав мои мысли, она обернулась и игриво сказала:

– Банька имениннику с дубовыми венниками уже готова. Потрудимся над последышем Ларичевых?

– С удовольствием. – Мой голос дрогнул.

Когда тает лёд, получается вода. Тепло греет её изнутри, а любовь наполняет светом и прорывается сквозь природную дымку лучистыми искрами. Так теперь сияли глаза Тани. Она расправилась со своими кошмарами окончательно.

Я остался один.

– Что, ангел-хранитель человечества, доволен? Жизнь продолжается, ядерной войны не будет, лети с докладом, давно уже пора, – тихонько проворчал. – Ты, конечно, воспитатель хренов, поступил по-скотски, дав прожить и совершить большую ошибку моей жене и дочери, но ладно. Слышал, что сказала Таня про время? Уж напрягись, сделай подарок, пусть ей это не кажется. И по поводу баньки, чур, без подглядываний.

В бок дружески, но ощутимо ударил невидимый кулак.

Кирьякова Велта

«КЛОН И СОРОК КОШЕК. ЖЕНСКИЙ РОМАН БУДУЩЕГО»

Марина Евгеньевна проснулась от настойчивого звонка в дверь.

– Отстаньте, я в отпуске, – сонно протянула она, но звонки не прекращались. Медленно встав и накинув уютный халат, она прошла по длинному коридору. Мельком глянув в висящее зеркало, она вдруг остановилась, вспомнив что-то. Не слушая назойливый звонок, женщина пригляделась к своему отражению.

– Такие дела, подруга, – хриплым голосом пробормотала она. Похоже, это твои сорок кошек звонят. С днём рождения, что ли...

– Да уймитесь уже! – звонко крикнула она двери.

Добредя до двери, она широким, раздражённым жестом её открыла, даже не посмотрев на экран.

На пороге стоял молодой, привлекательный мужчина. Невозмутимый взгляд, излишне аккуратно уложенные волосы и недорогой, но тщательно отглаженный костюм заставили Марину чуть попятиться и бухнуться пятой точкой на диванчик в прихожей. Она всё правильно поняла.

– Здравствуйте. Я ваш персональный друг. Мой номер NG567-498. Ваши коллеги поздравляют вас с днём рождения и желают счастья, дальнейших успехов в карьере и финансового благополучия. Могу я пройти? Голос заводского изделия был приятный, но слегка монотонный.

Марина взглянула на него ещё раз.

– Ничего, промелькнула мысль,– вполне приятный. Лицо какое-то знакомое. Вот жлобы на работе. Эконом-модель взяли, пожмотились на уника. Могли бы и уважение проявить к главному бухгалтеру предприятия.

Но вслух сказала:

– Конечно, проходите.

Затем, не зная почему, добавила:

– Я вообще-то думала, что только через две недели будет подарок, когда из отпуска вернусь. Да и насчёт вас, честно говоря, на уровне шутки было. Я даже не знаю, как за вами ухаживать.

Молодой человек спокойно прошёл в квартиру.

– Не волнуйтесь, это не сложно, вот инструкция,– протянул он ей электронное устройство.

– Да-да, я почитаю. А кратенько можете сказать, где вы спите, какой корм вам нужен? Я не была готова к вашему появлению.

– Да, конечно. Сплю на любой горизонтальной поверхности. Корм рекомендован Люфтбионик, но можно и Сейлорс, и Джаник подойдёт. Могу принимать человеческую пищу, если это необходимо. Выполняю все работы по дому, включая готовку, уборку, ремонтные работы. Доступно исполнение личных просьб – массаж, интим, стрип. Вне дома – самостоятельные покупки продуктов, сопровождение по магазинам, развлекательным местам. Водительского допуска нет. Можно будет докупить опцию по истечении испытательного срока. И можно дать мне имя, обычно все так делают, чтобы не привлекать внимания клонхейтеров.

– Что же, – во время перечисления функций клона Марина обрела почву под ногами, включив рациональное мышление,– Добро пожаловать. Звать буду, скажем, Олег. Возражений нет?

– Возражений нет, – не оценил юмора молодой человек, – Чем могу сейчас быть полезен?

– Ну-у-у, – иронично протянула Марина, – что-нибудь придумаем.

Через две недели расцветшая Марина Евгеньевна собирала близких друзей на вечеринку в самом известном ресторане города. Олега, разумеется, она тоже решила взять с собой, похвастаться подарком фирмы. Собственно, за эти две недели она с ним и не расставалась. Посетила все фильмы, которые хотела посмотреть, но было не с кем. Устроила бешеный шопинг, накупила платьев себе, и несколько выходных костюмов для клона, а затем усердно принялась «выгуливать» приобретенные наряды. Прошлась по выставкам города, сходила в оперу и несколько раз в ресторан. Клону, понятно, ресторанная еда была не нужна, но Марине было приятно появляться с ним на публике, смотреть, как он ест, и замечать завистливые взгляды окружающих дамочек.

Ресторан, где планировалось празднование, был рядом с домом, поэтому такси вызывать на стали. Зайдя в малолюдный переулок, Марина оперлась о руку своего спутника. И уже на половине дороги подумала, что всё же надо было брать машину. За ними явно увязалась парочка малоприятных типов. Они подошли совсем близко, и Марина услышала короткое слово «давай». Оглянувшись, она увидела небритого мужика с битой в руках.

Схватив своего клона за руку, она дала команду «Поле», как было рекомендовано инструкцией. Но вместо генерации силового поля, клон, оглянувшись и увидев нападавших, вдруг попятился и, присев от страха, заорал:

– Мужики, вы чего, я нормальный, я свой!

Бита замерла на полпути. Мужики переглянулись.

– Извини, братан. Ошиблись. Думали клон. Дамочка-то явно тебя старше. Они сейчас совсем оборзели. Замуж не выходят, делают карьеры-марьеры, и своих сорока кошек не бояться. Чуть что, клона куплю, говорят. Вот и приходится учить уму-разуму. Но вольному воля, раз тебе такие мамы нравятся, смущать не будем.

Мужики с усмешкой похлопали «клона» по плечу и удалились восвояси.

Гнев, который охватил Марину, трудно было выплеснуть в окружающее пространство, не устроив ядерного апокалипсиса. Медленно, как будто вспоминая литературные слова, женщина процедила:

– Кто ты, чёрт бы тебя побрал?

– Марина Евгеньевна, успокойтесь, пожалуйста, – пробормотал паренёк, неловко пятясь назад от взгляда разъярённой женщины.

– Ещё раз повторяю вопрос, для слабослышащих и плохосоображающих. Кто ты? И что тебе от меня надо, говнюк мелкий? И где я тебя могла видеть?

– Я – Виталик. Ну, Виталик со склада, помните?

– Я не помню всех Виталиков со склада. Что это было вообще? Ты хотел меня ограбить? Узнать коды к картам? Что за цирк ты устроил?

– Нет, ну что вы, Марина Евгеньевна, какие кражи, и в мыслях не было. Просто...

– Что – просто?!

– Ну, я приехал сюда поступать, но не прошёл, и пришлось идти работать. А я ничего не умею. Денег не хватало на всё – и квартиру снимать, и на продукты, и ещё одеться же надо. И с девушками у меня не клеилось. Без денег никто со

мною встречаться не хотел. А я ведь симпатичный. Правда же, я симпатичный? И хозяйственный. Но никому это не нужно, все помешались на этих клонах! Раньше только пожилые себе заказывали, а сейчас всё подряд! А что делать таким, как я? Я услышал, как вы обсуждали клонов в курилке, и шутили, что хотите получить его на день рождения. Ну, вот я и подумал, чем я хуже клона? И решил. Я не хотел вам навредить никак, только хотел жить по-человечески. Чтобы и поесть, и поспать было где. И женщина рядом. Пожалуйста, не сдавайте меня в полицию. Я ведь выполнял всё, что вы хотели.

Марине вдруг стало смешно, она бы рассмеялась, но не хотела терять контроль над ситуацией. Сохраняя грозный вид, она мотнула головой в сторону:

– Ладно. Проваливай!

– А куда? То есть мне надо вещи забрать у вас.

– Какие это вещи?

– Личные: телефон, одежду.

– Телефон я тебе не отдам, пока не проверю, что ты там наснимал. А одежду оставь себе эту, ту я всё равно выбросила.

– А мы ещё увидимся?

– Слушай, не беси меня. Проваливай быстро, пока я не передумала.

Молодой человек, понурив голову, пошёл в обратном направлении.

Марина Евгеньевна прикинула, сколько денег потратила она на этого проходимца. Получалось немного, даже если посчитать, сколько он успел съесть, пока готовил. А настоящий клон будет есть ещё меньше. Костюмы для него всё равно уже куплены. К тому же вдвоём проводить время намного веселее, чем ждать, пока подружки оторвут свой зад от дивана и со благоволят собраться культурно провести досуг. И во многих

других аспектах наличие клона имело преимущества... Тут Марина даже слегка зажмурилась.

Пожалуй, она была благодарна этому мальчику. Если бы не он, она, возможно, и не решилась бы на эту покупку. Лёгким шагом она двинулась к ресторану, по пути рассчитывая ещё расходы на покупку игрушки. По её расчётам, она могла себе приобрести уника. Она позволила себе помечтать о глазах Рихарда ван Бойля из нашумевшего фантастического сериала. А нос... нос можно и от этого мальчика приделать. Его фото наверняка есть в его личном деле.

Осталось сочинить для друзей забавную историю о смешном мальчишке, из любви к ней прикинувшемся клоном и испугавшемся нападения бандитов. Да, пожалуй, она скажет, что его трусость окончательно разочаровала её в мужчинах и придала ей решимости купить себе клона.

Скинув лёгкое пальто в заботливые руки швейцара, Марина Евгеньевна ступила в банкетный зал.

За накрытым столом сидели все её друзья, а во главе стола... Во главе стола сидел молодой, привлекательный мужчина. Невозмутимый взгляд, излишне аккуратно уложенные волосы. На нём отлично сидел очень дорогой, тщательно отглаженный костюм, перевязанный огромным ярким бантом. И эти зелёные глаза Рихарда Ван Бойля!

Марина поняла всё правильно.

— Спасибо! Прошептала она себе под нос еле слышно, — спасибо, ребята. Теперь мне не страшны эти сорок кошек.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	3
Александр Никишин «Вечно восемь»	6
Александр Никишин «Огни самбуки»	18
Алесь Мищенко «Чужие и свои»	42
Алиса Горислав «С чем не удалось справиться»	50
Алла Грин «Лёс»	53
Алёна Васильева «Анька»	76
Геннадий Авласенко «Ловись рыбка на... башмак»	83
Геннадий Авласенко «Шахматистка»	92
Денис Гербер «Будитлянин»	101
Денис Гербер «Последний в ряду – вне ряда»	112
Дженнет Оразмухаммедова «За туманом дом»	122
Дмитрий Тюлин «Приключения Марьям и Весты»	130
Евгения Ерофеевко «Волшебные краски»	139
Евгения Ерофеевко «Ещё не бабочка»	143
Екатерина Мельник «Языковой барьер»	147
Илья Криштул «Про Юрку и Леонида»	196
Ирина Никитина «По маршруту воспоминаний»	201
Кот Учёный «Рождение пост-белки»	206
Кузьмина Ольга «Колыбельная с Той стороны»	217
Марат Валеев «Нога»	221
Марина Шубина «Посланник Мироздания»	239
Мария Воскресенская «Тревог»	245
Мария Ковязина «Домик со сказками»	262
Мария Ковязина «Холодильник в гневе»	270
Николай Баховец «Целая жизнь»	273
Ольга Строева «Кузьмич»	300
Павел Гершгорин «Счастливого Рождества, Мэри Кристенс!»	307

Райдо Альгиз «Страшный сон МарьИванны».....	317
Рита Мурз «Солнце над Землей»	321
Софья Ремез «Квартира».....	331
Татьяна Абиссин «Пусть плывут кораблики».....	340
Татьяна Воронина «Игрушка Бартоломео».....	345
Татьяна Столярова «И это снова я».....	358
Grold «Ларичевых должно быть много»	368
Кириякова Велта «Клон и сорок кошек. Женский роман будущего».....	395

Литературно-художественное издание

СБОРНИК КИФ-5
«Благотворительный»
ТОМ 3
«ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ»

Составитель Наталья Сажина
Ответственный за выпуск Мария Соседко
Верстальщик Мария Киселёва
Художник Наталья Морева
Выпущено в авторской редакции

Формат А5. Бумага офсетная.
Тираж неограниченный. Гарнитура «PT Sans».
Издательство «Союз писателей»
654063, г. Новокузнецк, ул. Вокзальная, 10.
Тел. 8–913–429–2503

E-mail: mail@izdat-kniga.ru. Сайт: www.izdat-kniga.ru

Отпечатано в типографии издательства «Союз писателей».